

Министерство образования и науки Российской Федерации
Бурятский государственный университет
Монгольский государственный университет науки и технологии

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

*Материалы международной научно-практической конференции,
посвященной 85-летию со дня образования кафедры русского языка
и общего языкознания, кафедры русской и зарубежной литературы
Бурятского государственного университета*

г. Улан-Удэ, 13–14 октября 2017 г.

Ответственный редактор
О. А. Колмакова, д-р филол. наук, доцент

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2017

УДК 37.012:811.161.1:82
ББК 74.026:81.411.2:83
Р 894

Редакционная коллегия
О. А. Колмакова (отв. ред.)
Н. А. Дарбанова
Д. Ш. Харанутова

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Текст печатается в авторской редакции

Р 894 **Русский язык и литература в образовательном пространстве Азиатского региона:** материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня образования кафедры русского языка и общего языкознания, кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ, 13–14 октября 2017 г.) / ред. О. А. Колмакова. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2017. — 238 с. ISBN 978-5-9793-1149-4

В издание вошли материалы и доклады, прозвучавшие на международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня образования кафедры русского языка и общего языкознания, кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета. В них рассматриваются проблемы истории и современного состояния русского языка, теоретические и исторические аспекты изучения русской литературы и литератур народов Российской Федерации. Содержание сборника составили также статьи, посвященные актуальным вопросам методики преподавания русского языка и литературы в вузе и школе.

Russian Language and Literature in the Educational Space of the Asian Region: proceedings of the international scientific and practical conference devoted to the 85th anniversary of foundation of the Russian Language and General Linguistics Department and the Russian and Foreign Literature Department in Buryat State University (Ulan-Ude, October 13–14, 2017) / ed. O. A. Kolmakova. – Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2017. – 238 p.

The edition includes materials and reports of the international scientific and practical conference devoted to the 85th anniversary of foundation of the Russian Language and General Linguistics Department and the Russian and Foreign Literature Department in Buryat State University. Problems of history and current state of the Russian Language, theoretical and historical aspects of study of the Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation are discussed. There are also articles on the topical questions of teaching the Russian language and literature at university and school levels.

УДК 37.012:811.161.1:82
ББК 74.026:81.411.2:83

ISBN 978-5-9793-1149-4

© Бурятский госуниверситет, 2017

РУССКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

УДК 811.161.1 + 81'36 (091)

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

© Андреева Светлана Васильевна

кандидат филологических наук, доцент
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: Sweta.andreewa1959@yandex.ru

Статья освещает историю формирования словообразовательной системы русского языка в дореволюционный период, на протяжении которого в отечественном языкознании были исследованы различные вопросы теории словообразования, сделаны ценные и важные выводы, касающиеся природы словопроизводства, но в целом проблема словообразования не была решена. Словообразование в русском языкознании начинает формироваться с создания первой научной грамматики М. В. Ломоносовым, «Пространной русской грамматики» Н. И. Гречем. Особое внимание к разработке системы словообразования уделяется в трудах А. Х. Востокова. В дальнейшем взгляды на словообразование углубил В. Г. Белинский в работе «Основания русской грамматики для первоначального обучения». Более подробно вопросы словообразования, в частности аффиксального, разработаны протоиреем Г. Н. Павским в труде «Филологические наблюдения над составом русского языка». Н. П. Некрасов в работе «О значении форм русского глагола» впервые употребил слово «суффикс». И. А. Бодуэн де Куртенэ (Ян Игнацы Нечислав), Н. В. Крушевский (Хабденк), В. А. Богородицкий – представители Казанской лингвистической школы – внесли значительный вклад в науку о словообразовании. В трудах М. М. Покровского описаны семантико-словообразовательные группы слов, для которых характерны регулярные изменения значений.

Ключевые слова: морфемный анализ, непроизводная основа, производная основа, производящая основа, мотивированность, словообразование, словообразовательная система, способы и средства образования слов, словообразовательный анализ.

Проблемы словообразования в русистике частично начинают разрабатываться с создания первой научной грамматики русского языка. М. В. Ломоносов первым в русском языкознании дал подробную характеристику средств словообразования, тем самым оказав большое влияние на его развитие. Так, например, указывая, что глаголы делятся на первообразные и производные, автор отмечает, что первые ни от каких частей речи не происходят: *даю, иду*. Обогащение словарного состава русского языка в XVIII веке, по наблюдениям ученого, происходит от корневых слов двумя способами: «произвождением» и «сложением». Процесс «произвождения» состоит в «наращении складок». Например, от имени существительного этим способом образовались такие глаголы, как *золочу* (от *золото*), *ручаюсь* (от *руки*) и, напротив, *терпение* от *терплю*, *клятва* от *клянусь*. Процесс «сложение» осуществляется соединением двух слов: *рукомойник* от *рука* и *мыть* [6, с. 17]. Хотя М. В. Ломоносов не дал системы русского словообразования, тем не менее мысли его об образовании новых слов важны в истории русской науки о языке. Он первый понял, что новые слова создаются по следующим типологическим образцам: 1) корень слова + суффикс (*москвитин*); 2) префикс + корень слова (*поручка*); 3) префикс + корень слова + суффикс (*прославляю*), а также, что производные глаголы «рождаются» от разных частей речи: имен существительных (*странствуй*), имен прилагательных (*синеть*), наречий (*опоздаю*), междометий (*охаю*) [6, с. 21].

Следующий ученый, которого интересовали вопросы словообразования, был Н. И. Греч. В своей «Пространной русской грамматике» он отводит значительное место словообразовательной системе глагола: «первообразный глагол составлен непосредственно из глагольного корня, присовокуплением

к одному корню придаточного, отличающего эту часть речи в неокончательном наклонении, например, *люб-ить*, *суд-ить*, *ход-ить*. Производным глаголом называется глагол, «произведенный от какой-нибудь другой части речи: умничать, горевать, существовать» [4, с. 269]. Н. И. Греч делает попытку описать типы словообразования, называя в одном случае суффиксы «наращениями», а в другом – вместе с приставками и окончаниями – «придаточными корня». Далее автор разграничивает их, называя приставки «предыдущими корня» [4, с. 97, 151].

Особое внимание к разработке системы словообразования уделяется в трудах А. Х. Востокова, в которых он пишет, что «слова каждого разряда бывают первообразные и производные», что любое слово имеет корень и окончание. «Перемену окончаний, служащую к выражению разных значений, можно назвать смысловыми переменами; перемены же, служащие к удобству произношения, – звукообличительными переменами. Словообразовательные перемены суть постоянные и временные. Первые употребляются при составлении производных слов. Вторые – при склонении и спряжении» [3, с. 3-4]. Таким образом, А. Х. Востоков, выделяя в составе окончаний «перемены постоянные» и «перемены временные», объединяет в одно понятие современные суффиксы и флексии.

В дальнейшем взгляды на словообразование углубил В.Г. Белинский в работе «Основания русской грамматики для первоначального обучения», первым отметив, что «в каждом слове должно отличать корень, приставку и окончательную форму». Обращая внимание на вид, залог и времена глагола, он делает попытку дифференцировать суффиксы [1, с. 154].

Более подробно вопросы словообразования, в частности аффиксального, разработаны протоиреем Г.Н. Павским в труде «Филологические наблюдения над составом русского языка» [8]. Им рассмотрена система аффиксального образования почти всех частей речи, включая междометия и частицы. Г.Н. Павский, применив сравнительный метод исследования, выделяет старые (мертвые) и новые суффиксы, дает этимологический анализ некоторых корней. Так, например, в старинном русском слове *говядо* им выделяется суффикс *-ядо* и корень *-гов-* (санскритское «гава» – корова) [8, с. 12, 95]. В «Рассуждении третьем», посвященном анализу глаголов, автор делит их на два разряда: 1) первообразные или неотличенные, 2) производные или отличенные. При этом Г. Н. Павский справедливо указывает, что производные глаголы отличаются от непроизводных тем, что «между корнем и окончанием имеется какая-нибудь отличительная буква из пяти примет» [8, с. 78]. Эти приметы положили начало разделению глаголов на словообразовательные классы, которыми мы пользуемся в современной классификации глаголов.

Н. П. Некрасов в работе «О значении форм русского глагола» впервые употребил слово «суффикс». При этом автор обращал внимание на роль суффиксов при образовании видов глагола, например, *сес-ть*, *си-деть*, *сиж-и-ва-ть*, называя это явление способностью глагола «сжимать» и «растягивать» свою форму [7, с. 148]. Он же различает в глаголах «суффиксы времени и наклонения».

И. А. Бодуэн де Куртенэ (Ян Игнацы Нечислав), Н. В. Крушевский (Хабденк), В. А. Богородицкий – представители Казанской лингвистической школы – внесли значительный вклад в науку о словообразовании.

И. А. Бодуэн де Куртенэ рассматривал словообразование как учение о словообразовательных аффиксах и основах, относя его к морфологии. Согласно его учению необходимо строго различать словообразовательные связи, имеющиеся в современном языке, и реальный путь образования слова в прошлом: «Поскольку в языке данного периода сосуществует наслаение разных эпох, необходимо рассматривать языковые явления в исторической перспективе, а не в одной временной плоскости» [2, с. 7]. Изучению морфемного состава слова и его исторических изменений посвящены «Заметки об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончания», написанные И.А. Бодуэн де Куртенэ в 1902 году. Им введены понятие морфемы как наименьшей, далее неделимой значащей единицы, являющейся составной частью слова и охватывающей корень и аффиксы. Ученый отводил особое место изучению природы и внутреннего механизма словопроизводства в связи с познанием общих закономерностей устройства, функционирования и развития языка. Исследователь обращал внимание в своих работах на то, что в языке функционируют определенные разряды слов, родственных в том или ином отношении. Эти разряды лексических единиц представляют собой как системы форм, так и системы самостоятельных слов. Какие эти системы, И.А. Бодуэн де Куртенэ не указывает, но он уже тогда обратил внимание на определенные родственные группы производных слов.

Требование различать синхронный и диахронный подходы к словообразованию четко сформулировано Ф. Ф. Фортунатовым [10].

Н. В. Крушевский впервые в русской науке поставил вопрос о системности словообразования: «Все то, что известно в грамматике под общим именем словообразование, представляет массу систем, не настолько выделяющуюся в необходимой массе слов, составляющих язык, чтобы быть заме-

ченной при поверхностном наблюдении» [5, с. 248]. Взгляду на словообразование как на систему способствовало стремление изучать как материальные и смысловые связи слов, содержащих общие морфемы, так и связи морфем внутри слова: установление этих связей способствует «обособлению морфемных элементов слова». Н. В. Крушевский проводит различие между значением словообразовательно мотивированным и значением индивидуализированным. Данный подход впоследствии стал основополагающим при рассмотрении проблемы идиоматичности семантики производного слова. В этой же работе ученый дифференцирует на примере лексемы *светляк* словообразовательное (генетическое) и индивидуальное значение слова: «Во внутренней стороне данного слова надо отличать два значения: значение генетическое и индивидуальное значение; например, *светляк* генетическое значение: нечто светящееся, индивидуальное значение: известное насекомое» [5, с. 250]. Н. В. Крушевский интуитивно вышел на все те проблемы, которые явились основными в XX веке, когда язык во многом благодаря положениям, выдвинутым Ф. де Соссюром, стал рассматриваться в синхронии как структурно-системное явление. Далее ученый дал своеобразную дефиницию суффикса: «Суффиксом называется всякий звук или всякий звуковой комплекс, который присоединяется к концу корня и сообщает его значению какой-нибудь оттенок» [5, с. 253]. В своей работе он предлагает не дифференцировать суффикс и окончание, так как «окончание, «находясь на самом конце слова, служит признаком той категории, к которой принадлежит данное слово», во всех других отношениях окончание ничем не отличается от суффикса, потому, кажется, мы не сделаем ошибки, если для простоты будем рассматривать все, что находится за корнем, как суффикс» [Там же]. Характеризуя отдельные морфологические элементы, ученый отмечает, что «корень отличается наиболее богатой вариацией (фонетической), <...> суффикс и префикс значительно отличаются от корня и почти противоположны друг другу: суффиксы отличаются гораздо большей способностью сочетаться друг с другом, чем префиксы; суффиксу свойственна преимущественно вариация морфологическая, префиксу – фонетическая; значение суффикса разнообразно и неопределенно, тогда как префиксу свойственно одно ясно определенное значение; суффиксы присоединяются к словам известной категории, тогда как громадное большинство префиксов агглютинируется к словам разных категорий» [Там же]. Таким образом, Н.В. Крушевский различает семантику префикса и суффикса, выявляет особенности их функционирования в процессе словопроизводства. Существенной заслугой ученого является выделение им такого раздела дериватологии, как морфонология. Он отмечает, что вариант суффикса имеет значение, отличное от значения основного суффикса: «суффикс *-ник* будет свойственен существительным мужского рода, обозначающим место, где что-нибудь находится (*цветник, каретник*); его разновидность *-атник* свойственна существительным мужского рода, обозначающим преимущественно строение для известных животных, например, *гусятник, курятник*» [5, с. 254]. Филолог на много лет вперед сделал наблюдения в морфонологии, согласующиеся с наблюдениями в работах В. фон Гумбольдта о том, что новая форма стремится к выражению нового содержания. В данном случае им было увидено то, что незначительные изменения в форме суффикса приводят к функциональному расхождению, закреплению особых семантических сфер производных с основным суффиксом и его вариантами. В свою очередь, это тот формальный сигнал, который позволяет в долговременной памяти человека рассредоточить формально-семантические модели.

В трудах М. М. Покровского описаны семантико-словообразовательные группы слов, для которых характерны регулярные изменения значений [9]. Они важны для изучения различных видов словообразовательных значений.

Таким образом, в дореволюционном отечественном языкознании были исследованы различные вопросы теории словообразования, сделаны ценные и важные выводы, касающиеся природы словопроизводства, но в целом проблема словообразования не была решена.

Литература

1. Белинский В. Г. Основания русской грамматики для первоначального обучения. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1953. 126 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 391 с.
3. Востоков А. Х. Русская грамматика. Изд.12-е. М.: Книга по Требованию, 2011. 246 с.
4. Греч Н. И. Пространная русская грамматика. М.: Книга по требованию, 2011. 432 с.
5. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. М.: Книга по требованию, 2011. 173 с.
6. Ломоносов М. В. Российская грамматика. М.: Книга по требованию, 2011. 213 с.
7. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. М.: Книга по требованию, 2011. 333 с.

8. Павский Г. Н. Филологические наблюдения над составом русского языка. М.: Книга по требованию, 2011. 171 с.
9. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М.: Наука, 1959. 380 с.
10. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1957. 487 с.

THE HISTORY OF FORMATION OF THE WORD-FORMATION SYSTEM OF RUSSIAN LANGUAGE IN PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Svetlana V. Andreeva

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor

Buryat State University

24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article highlights the history of the formation of the word-formation system of the Russian language in the pre-revolutionary period, during which various questions of the theory of word formation were studied in domestic linguistics, valuable and important conclusions were drawn concerning the nature of word-production, but in general the word-formation problem was not solved. Word formation in Russian linguistics begins to form with the creation of the first scientific grammar of M.V. Lomonosov, "Extensive Russian grammar" by NI Grech. Particular attention to the development of the system of word formation is given in the works of A.Kh. East. In the future, views on word formation deepened VG. Belinsky in his work "The Foundations of Russian Grammar for Initial Learning". More detailed questions of word formation, in particular, affix, were developed by the protoiree G.N. Pavsky in his work Philological Observations on the Composition of the Russian Language. N.P. Nekrasov in his work "On the Meaning of the Forms of the Russian Verb" first used the word "suffix". I.A. Baudouin de Courtenay (Jan Ignacy Nechislav), N.V. Krushevsky (Habdenk), VA Bogoroditsky - representatives of the Kazan Linguistic School - made a significant contribution to the science of word formation. In the works of MM. Pokrovsky describes semantic-word-forming groups of words, for which regular changes in meanings are characteristic.

Key words: morphemic analysis, non-productive basis, derivative basis, a making basis, motivation, word-formation, word-formation system, ways and means of word-formation, the word-formation analysis.

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРА ЯКУТИИ НА ПРИМЕРЕ ЧТЕНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ТЕКСТА

© **Афанасьева Ольга Васильевна**

старший преподаватель кафедры английской филологии

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Россия, 678000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

E-mail: ov_afanasyeva@mail.ru

Работа направлена на исследование особенностей русской речи потомков ямщиков, проживающих на определенной территории, в частности Республике Саха (Якутия). Текстовым материалом послужил фонетически представительный текст, в котором частотное распределение фонетических единиц соответствует общеязыковому распределению, получаемому из статистического анализа опорного текстового корпуса. Информаторами выступили 7 человек (2 мужчины, 5 женщин), в речи которых наблюдается якутский акцент. Возраст, образование, профессиональная сфера у записанных дикторов различны, но объединяющим звеном для всех является владение якутским языком. Для 3 информаторов якутский язык является преобладающим языком общения, для 4 – вторым языком. Проведенный небольшой анализ помог выявить, что степень проявления акцента на фонетическом уровне у них различна – от слабо проявляющегося до ярко выраженного.

Ключевые слова: ямщики, фонетически представительный текст, информаторы, запись, акцент, анализ.

Целью исследования, результаты которого приводятся в статье, было выявление особенностей русской речи 7 дикторов, являющихся потомками ямщиков. Работа направлена на исследование языка потомков ямщиков, проживающих на определенной территории, в частности Республике Саха (Якутия).

Материалом для анализа послужил фонетически представительный текст, разработанный с применением новейших достижений в области лингвистических технологий. Полнота покрытия текстом фонетических единиц русской речи позволяет использовать его при формировании речевых корпусов для разработки и оценки экспертных и автоматических речевых систем различного назначения. Под фонетически представительным (репрезентативным) понимается такой текстовый материал, в котором частотное распределение фонетических единиц (фонем, аллофонов, слогов) соответствует общеязыковому распределению, получаемому из статистического анализа опорного текстового корпуса. В задачах, предполагающих исследование региональной вариативности речевых характеристик, в качестве дополнительного критерия фонетической представительности текста должно рассматриваться наличие фонетических позиций и контекстов, способствующих проявлению региональной речевой специфики говорящего.

Фонетическая представительность, подобно фонетической сбалансированности, естественным образом предполагает присутствие в тексте всех фонем целевого языка в их основной дистрибуции. Фонетически сбалансированные и фонетически представительные тексты традиционно используются в качестве материала для изучения фонетических характеристик звучащей речи. Преимущество использования фонетически представительных текстов состоит, прежде всего, в их компактности наряду с информационной насыщенностью. С одной стороны, такие тексты обычно невелики по объему, а с другой — отражают фонетическое многообразие языковой системы не хуже произвольно взятых текстовых массивов значительного объема. Это достигается путем кропотливой работы по конструированию текста — наполнением его словами, содержащими требуемые фонетические единицы, а также сокращением его объема путем удаления элементов с низкой информативностью. В результате получается удобный для прочтения материал (обычно не более 600 слов), позволяющий исследовать характер реализации и варьирования в речи носителей определенного языка значимых фонетических характеристик и сформировать полноценный речевой портрет говорящего.

Запись производилась в условиях изолированной комнаты у всех дикторов. Запись велась на диктофон сотового телефона модели iPhone 6+, затем анализировалась с помощью программы ELAN версии 5.0.0- alpha.

Для анализа были отобраны 7 дикторов, являющихся потомками ямщиков и проживающих на территории Республики Саха (Якутия).

В середине XVII века Якутия была присоединена к Российскому государству и объявлена "государевой землей". Это имело огромное прогрессивное и историческое значение. В состав России вошла громадная территория с большими природными богатствами: полезными ископаемыми, пушной, рыбой, лесами и т. п. Якуты, тунгусы, юкагиры и другие народности вступили на путь экономического, политического и культурного сближения с русским народом.

Однако Якутия в то время была самой отдаленной и экономически отсталой глубинкой. Для нее были характерны бездорожье, холодная и продолжительная зима, короткое, но очень жаркое лето, бескрайняя тайга, пересеченность рельефа с множеством рек – больших и малых, гор и болот.

Этим краем, уже как частью Российского государства, необходимо было управлять, так как здесь появилась местная администрация, различные государственные службы, которые должны были руководствоваться циркулярами «сверху». Многочисленные казачьи отряды первопроходцев также должны были иметь связь с центром или теми регионами, откуда они начали продвижение на северо-восток Азии, и периодические донесения были важны. Собираемый ясак также требовал периодической отправки в центр. Постоянный рост числа русского населения, появление городов, затем и открывавшиеся друг за другом золотые прииски также требовали сообщения с центром. В силу своего северного местоположения Якутский тракт сразу приобрел значение опорного пути, от которого впоследствии разошлись региональные почтовые тракты (Аянский, Верхоянский, Вилуйский).

Иркутско-Якутский тракт протяженностью 2895 км. действовал круглый год, причем 2400 км. тянулись вдоль берега Лены, а зимой путь прокладывался по льду. Зимняя дорога продолжалась с октября до середины, а иногда и до конца апреля. С мая открывался летний путь. Этот тракт связывал Якутию с большим миром - с центром - с Россией и являлся важной государственной дорогой, по которой ежегодно ездили тысячи людей. Одни - по государственным делам, другие - по делам торговли и промыслов. По нему ехали землепроходцы, торговцы, казачьи отряды, воеводы, а также уголовники, сектанты разного рода (скопцы, духоборы, старообрядцы), ссыльные разных категорий, экспедиции, три поколения русских революционеров и, конечно, возили почту.

Когда в 1772 г. царское правительство конкретно приступило к организации почтово-пассажирского движения на Лене, между Витимом и Якутском было основано уже 35 почтовых станций. Для заселения части этих станций, для ямской службы из центральных губерний России было прислано 33 крестьянские семьи. Отцы этих семей - родоначальники почтовых ямщиков по Лене представляли собой отборный элемент недовольных, сосланных за непокорность воле своих господ - помещиков. Они были сосланы в счет тогдашней 25-летней рекрутчины. Это был основной костяк ямщиков Средней Лены. Все они были прикреплены к конкретным станциям и, как сосланные "за неповиновение", не имели права на свободное передвижение и перемену места жительства даже в пределах соседних станций тракта.

Известно, что все они «осели» на местах, и мало кто вернулся на свою «малую Родину». Вот почему подавляющее большинство русского населения на Средней Лене являются потомками ссыльных ямщиков и пашенных крестьян. Это русское население старожилов сыграло огромную роль в истории Якутского края, в развитии его экономики и культуры.

В большинстве случаев, усвоив язык якутов, переняв их образ жизни, а также многие обычаи, установив с ними кровное родство и добрососедские отношения, они не только сами занялись земледелием, но и распространили его среди местного населения. Они внедрили много русских нововведений в ловле рыбы и зверей (переметы, кулемы, плашки, черканы), что значительно повышало производительность рыболовного и охотничьего промысла [3, с. 65].

В результате браков с якутками значительная часть русских ямщиков теряла типичный русский облик, утратила некоторые элементы языка и культуры. Естественно, произошел и обратный процесс – часть местного населения обрусела [4]. Потомки государевых ямщиков, за 270 лет совместного проживания в сельской местности с народом саха и эвенками в суровых северных условиях выработали свой неповторимый менталитет, они не похожи на представителей русского народа, приехавших несколько десятков лет назад, усвоили язык народа саха (он стал для большинства родным), местные обычаи и традиции, но сохранили, живя в меньшинстве вдали от родных мест, старинные русские обычаи, обряды и традиции, старинный русский фольклор. «Мы, может быть, по языку больше якуты, но душой – русские».

Ныне живущие потомки ямщиков – это люди, родившиеся в 7–12 поколениях в Якутии, за этот большой период были и смешанные браки, среди прабабушек и прапрабабушек были и якутские, и эвенкийские женщины, и они признают своей родиной только республику Саха (Якутия) и связывают свою судьбу только с ней. Они называют себя «малочисленными представителями русской нации в

Якутии». Новое поколение потомков ямщиков ратует за дружбу и единение представителей всех наций и народов, которые связаны вековой дружбой с местными жителями.

Из дикторов 2 – мужчины, 5 – женщины, в речи которых наблюдается якутский акцент. Возраст испытуемых различен, от 30 до 85 лет; образование – от среднего до высшего, профессиональная сфера также разнообразна. Все респонденты владеют якутским и русским языками, для 3 из них якутский является преобладающим языком общения, для 5 – русский. В связи с этим степень проявления акцента на фонетическом уровне у них различна – от слабо проявляющегося до ярко выраженного.

В таблице 1 представлена общая информация о дикторах.

Таблица 1. Данные об информаторах

№	Диктор	Место рождения	Возраст
1	Диктор 1	с. Синск	30
2	Диктор 2	с. Синск	33
3	Диктор 3	с. Еланка	78
4	Диктор 4	с. Еланка	84
5	Диктор 5	с. Еланка	77
6	Диктор 6	с. Синск	79
7	Диктор 7	с. Синск	76

Респондентам были даны следующие задания:

- 1) прочитать фонетически представительный текст в нормальном, естественном темпе речи;
- 2) пересказать прочитанный текст.

В результате произведенной записи были получены следующие данные (см. Таб. 2)

Таблица 2. Длительность чтения и пересказа текста

№ Диктора	Длительность чтения текста (в сек)	Длительность пересказа (в сек)	Длительность пересказа без пауз (в сек)	Продолжительность пауз при пересказе (в сек)	Средняя продолжительность пауз (в сек)
Диктор 1	220	259	221,67	37,33	0,88
Диктор 2	268	272	145	123	1,39
Диктор 3	300	153	339,8	39,8	1,28
Диктор 4	338	325	156	182	3,4
Диктор 5	290	244	250	40	0,61
Диктор 6	282	230	223	59	0,81
Диктор 7	316	123	230	86	1,45

Как видно из приведенной выше таблицы, наибольшую длительность чтения показал диктор 4, наименьшую длительность – диктор 1. Таким образом, средняя длительность чтения составляет 287,7 секунд.

Наибольшую длительность пересказа текста продемонстрировал диктор 4, наименьшую длительность – диктор 7. Средняя продолжительность пересказа составляет 229,4 секунд. Средняя продолжительность пересказа без пауз – 223,6.

Исходя из проведенного небольшого анализа, можно сделать вывод о том, что у всех дикторов при чтении и пересказе текста есть проявление акцента. Это связано с историческим прошлым, а также преобладание якутского языка как основного у дикторов 1, 2 и 5, и владение якутским и использование его в повседневной речи у дикторов 3,4,6,7.

Таким образом, фонетически представительный текст является хорошим материалом для изучения фонетических характеристик звучащей речи, благодаря фонетической сбалансированности, естественным образом предполагающей присутствие в тексте всех фонем целевого языка в их основной дистрибуции.

Литература

1. Вигилев А. Н. История отечественной почты. М.: Связь, 1979.
2. Соколов А. Д. По следам государевых ямщиков. Якутск: Наука и техника в Якутии. 2011. № 2 (21).
3. Майнов И. И. Помесь русских с якутами. М., 1900.
4. Яныгин Е. Д. К вопросу о двухсторонней ассимиляции якутов и русских крестьян. Архив ЯНЦ РАН Ф. N 5. оп. 1. д. 118.

PECULIARITIES OF THE RUSSIAN SPEECH OF THE RESIDENTS OF THE NORTH OF YAKUTIA ON THE EXAMPLE OF READING THE PHONETIC REPRESENTATIVE TEXT

Olga V. Afanasyeva

Senior Lecturer, Department of English Philology

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov

58 Belinskogo St., Yakutsk, 678000, Russia

E-mail: ov_afanasyeva@mail.ru

The work is aimed at studying the features of Russian speech descendants of coachmen living in a certain territory, in particular the Republic of Sakha (Yakutia). The textual material was a phonetically representative text, in which the frequency distribution of phonetic units corresponds to the common language distribution obtained from the statistical analysis of the reference text body. Informers were 7 people (2 - men, 5 women), in whose speech there is a Yakut accent. Ages, education, professional sphere of the recorded speakers are different, but the unifying link for all is the possession of the Yakut language. For 3 informants, the Yakut language is the predominant language of communication, for 4-the second language. A small analysis helped to reveal that the degree of manifestation of the emphasis on the phonetic level is different for them - from weak to pstrong.

Key words: coachmen, phonetically representative text, informers, recording, accent, analysis.

ВЫРАЖЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ (на примере количественных прилагательных)

© Байгаль Маншлай

докторант кафедры европеистики

Монгольский государственный университет науки и технологии

Монголия, 8-р хороо, Бага тойруу, район Сухбаатар

E-mail: luckybaigal123@gmail.com

В настоящей статье подвергаются анализу количественные прилагательные монгольского языка, служащие отражением национального колорита. Основной функцией количественных числительных является выражение внешнего, формального взаимодействия предметов, их частей, свойств, связей, то есть выражение числа, величины, объема, множества. В работе рассмотрены случаи функционирования количественных прилагательных, когда понятие количества переходит в выражение степени проявления того или иного свойства и качества. Итак, количественные прилагательные привлекаются не только для выражения количества, но и для выражения качества и оценки. Таким образом, доказано, что имя прилагательное именно та часть речи, которая характеризуется свойством выражать одновременно количество и атрибут в прямом и переносном смысле. Такое соединение позволяет отнести их к средствам языка, отражающим национально-культурную специфику.

Ключевые слова: внешняя сторона языка, атрибут, количество, количественные прилагательные, национальный колорит.

Национально-культурная специфика строится на изучении представлений человека о мире. Каждый язык имеет свой способ концептуализации. И в этом проявляется специфическое человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

В нашей небольшой статье рассмотрим количественные прилагательные монгольского языка, служащие отражением национального колорита. Ведь количество всегда выражает внешние, формальные взаимодействия предметов, их частей, свойств, связей: число, величину, объем, множество. Но при функционировании понятие количества может перейти и в выражение степени проявления того или иного свойства и качества. Итак, количественные прилагательные привлекаются не только для выражения количества, но и для выражения качества и оценки.

Например, в семантике количественных прилагательных интегрирующими являются семы *их*, *том* 'большой' и соответственно *бага* 'маленький'. Так, атрибутив *их* 'большой' довольно часто используется в монгольском языке: *Их Монгол* 'Великая Монголия', *Их Хурал* 'Великий хурал', *их гэр* 'главная юрта', *их хаан* 'великий хан', *их цэрэг* 'великая армия' и т.д. В приведенных примерах *их* играет не только атрибутивную функцию, но и отражает национально-культурную специфику.

Выбор данного прилагательного в качестве атрибута выражает представление народа о своей стране, о своей Родине, и значение количества и размера трансформируется в понятие «великий, основной, главный»: *Их Монгол* – это Великая Монголия, *Их Хурал* – это самый большой, основной законодательный орган государства, *их гэр* – это самый большой, основной дом, самая главная юрта, *их хаан* – это самый великий, большой, верховный правитель, *их цэрэг* – безусловно, великая армия. Кроме количественного значения данное прилагательное в сочетании с определенными словами носит национально-культурный оттенок. Представленность таких словосочетаний и подобных выражений в монгольском языке огромная.

Как известно, основной род занятий у монголов – это скотоводство, поэтому во время национального праздника – нового года по лунному календарю, в Бурятии он имеет название Белый месяц, стол каждой семьи обязательно украшает блюдо *тарган хонины гуя* 'мясо жирного барана'. В самом названии указывается, что это мясо именно большого барана. Во-первых, в праздничные дни всегда надевают лучшее, на столе самое лучшее, Поэтому жирный, большой баран символизирует будущую сытную жизнь, тучные стада. Жирный баран – это национально-культурный атрибут монголов, сочетающий в себе и значение количества – сему «большой».

Цагаан сарын шинийн нэгэнд Бадарч тарган хонины гуя чанаж очоод том том огтлон өгөхөд Төмөр шир шир зажлан идэх зуур “чи үс, сахлы минь салгаж өгөхгүй юу” гэжээ.

Вполне естественно, монголы издавна обладают навыками и опытом изготовления молочных продуктов. В предложении *зузаан өрөм* 'толстые пенки', *зөөлхөн хурууд* 'мягкое сушеное молоко'

непосредственно выражают основной род деятельности монголов, в особенности женщин. В данном случае, опять же *зузаан өрөм* `толстые пенки` означает не просто толстые пенки, а пенки, изготовленные из жирного молока, а значит, очень вкусные, жирные, воздушные. Пенки такого размера получаются только из жирного молока, ведь пенки снимаются только по мере их образования.

Энэ бол шар тос, мэхээртэй тос, сарлагийн зузаан өрөм, тос дааварласан зөөлхөн хурууд мэтийн цагаан идээ, эсгий, арьс тээвэрлэсэн Итгэлтийн жин ажээ.

Итак, количественные прилагательные при функционировании могут выражать значение качества, оценки. А такие значения всегда связаны с языковой картиной мира, с этнокультурной спецификой.

Таким образом, имя прилагательное именно та часть речи, которая характеризуется свойством выражать одновременно количество и атрибут в прямом и переносном смысле. Такое соединение позволяет отнести их к средствам языка, отражающим национально-культурную специфику.

Литература

1. Ахунзянов Э. М. Общее языкознание. Казань, 1981
2. Баянсан Ж. Соёл, хэл, үндэстний сэтгэлгээ. Улаан-Батор, 2002
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985
4. Лодойдамба Ч. Тунгалаг Тамир. УБ., 1971

EXPRESSION OF QUANTITY AS A CULTURAL COMPONENT (ON THE EXAMPLE OF QUANTITATIVE ADJECTIVES)

Baigali Manshlai

Doctoral student of the Mongolian State University of Science and Technology
Sukhbaatar, 34 Baga toyruu St., Ulaanbaatar, 14191 Mongolia

In this article we have settled on the outside of the language, which characterizes language as a social phenomenon. So, the measure on the basis is the philosophical category reflecting unity of quality and quantity of object behind which the quantity of subject entails a change in the quality of the object. Equating quality with the concept of attribute, we have stopped on the indicators of the properties of persons or an object that can be distinguished from a number of others. As is known, attributive relations, along with temporal and spatial, represent one of the universal logical-semantic categories present in all the languages of the world.

In the course of the study, we tried to consider the combination of quantity with attribute and through the object of research established by us to show the cultural background of the Mongols. The adjective is the part of speech that is characterized by the ability to express simultaneously the quantity and attribute in a literal and figurative sense and to have a cultural connotation.

Key words: external side of the language, attribute, quantity, quantitative adjectives, national color.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА ГОРОДА ЗАКАМЕНСКА КАК ЧАСТЬ РЕГИОЛЕКТА

© Балданова Аюна Будажаповна

учитель русского языка и литературы

МАОУ «Закаменская СОШ № 1»

Россия, 671950, г. Закаменск, ул. Ленина, 6

E-mail: ayunabaldanova2017@gmail.com

© Дарбанова Надежда Александровна

кандидат филологических наук, доцент

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: ndarbanova@mail.ru

В статье поднимается вопрос о важности изучения региолекта как подсистемы языка, языкового образования, представляющего собой объединение единиц диалекта, социолекта, просторечия и литературного языка, являющегося особой формой существования языка на разных территориях. Такое языковое образование призвано обслуживать речевые потребности носителей языка в определённом регионе. Внимание уделяется исследованию неофициальной топонимики города Закаменска Республики Бурятия, сделана попытка ее описания. Неофициальная топонимика Закаменска основывается на визуальном восприятии особенностей местности, а также на ситуативных впечатлениях, которые в большей мере связаны с историей развития города. Также показано, как через неофициальные топонимы выражается языковая картина мира закаменцев, их мироощущение, быт, обычаи, повседневное их окружение, психологическое состояние и общение.

Ключевые слова: региолект, регионализм, неофициальная топонимика, визуальные неофициальные и ситуативные неофициальные урбанонимы, языковая картина мира.

В языкознании сравнительно недавно исследуется региональное варьирование языка. С одной стороны, у нас есть единый литературный язык, диктующий свои нормы, на котором все говорят и который все понимают, но, с другой стороны, он варьируется на разных географических территориях нашей многоликой и необъятной страны. И это живой разговорный язык, который не может быть единым для всех жителей России. В этой связи языковедами введено в оборот такое понятие как «региолект». Оно возникло как термин романской школы диалектологов во французском языкознании еще в середине XX в., а впервые в обиход российской науки было введено В. И. Трубинским в 1991 году [11, с.157]. Продолжили исследование региолекта Е. А. Оглезнева, Л. Грузберг, Н. В. Хорошева и другие ученые [5]. К примеру, Е. А. Оглезнева предлагает термин «регионально окрашенная лексика», подразумевая под понятием «слова, которые используются на той или иной территории, независимо от того, городская она или сельская. Данная лексика не фиксируется в словарях, так как не принадлежит к общерусской» [7, с. 84]. А в 2001 г. А. С. Герд писал о региолекте как «особой форме устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности» [2, с. 47]. Теперь же региолект трактуется как «термин, <...> обозначающий речь жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия» [1]. Формы возникновения региолекта различны. Он может возникнуть как на основе литературного языка, как на основе диалекта, так и на основе жаргона, просторечной лексики и заимствований. Таким образом, региональные слова функционируют как совокупность стилистически разнообразных, взаимосвязанных друг с другом в условных границах выделенного региона языковых единиц [Там же].

Исследователь А. П. Майоров приходит к выводу, что региолекты почти не зависят ни от статуса говорящего, ни от того, городской он житель или сельский. По его мнению, региолект является таким языковым образованием, которое призвано обслуживать повседневное общение носителей языка в том или ином регионе полиэтнического языкового сообщества независимо от социального положения, возраста, пола и т.п.» [6]. Исследователь подчеркивает социально-коммуникативную функцию региолекта в связи с литературным языком, отмечая взаимодействие их друг с другом в процессе коммуникации. А. П. Майоровым выделены шесть основных категорий регионализмов, которые характеризуют региолект как социальную форму национального языка: 1) «заимствованные этногра-

физмы» (*позы – буузы, сагалить – праздновать Сагалган*); 2) ономастическая лексика – различные рода топонимы (*Батарейка, Шишовка, Саяны – названия районов Улан-Удэ*); 3) апеллятивы (*воровайка – небольшой грузовик корейского производства*); 4) по эмоционально-экспрессивной характеристике (*ништяк – всё в порядке*); 5) по отношению к литературному языку: а) фонетические регионализмы (*лАма – ламА – буддийский служитель*), б) лексические регионализмы (*салки – голя, мочалка – вехотка*), в) лексико-семантические (*небольшой полиэтиленовый пакет – маечка*); 6) по коммуникативной организации устного спонтанного текста (*тоси-боси, тудым-судым*) [6].

Топонимика долгое время считалась географической наукой, вспомогательной исторической дисциплиной, и лингвистических изысканий в этом направлении почти не проводились, поэтому основные исследования носили историко-географический характер [8, с. 97-100]. Но впоследствии топонимика начала считаться сугубо лингвистической наукой. Вклад языковедов А. М. Селищева, А. В. Суперанской, Н. А. Баскакова, В. А. Никонова, В. Д. Бондалетова, Е. Н. Земской, Г. А. Рылюк очень важен в осознании топонимики как универсальной науки, связанной с языкознанием [5]. В этой связи интересно мнение Г. А. Рылюк, которая считает, что топонимы – это «выражение мироощущения людей, культуры, быта, обычаев, повседневного их окружения психологического состояния и общения» [9, с. 80-100]. И особую роль в этой связи играет неофициальная топонимика, именно она и будет выражать характер, мироощущение общества, иначе говоря, его языковую картину мира. Топонимы являются продуктами социального познания, а неофициальная топонимика обретает эмоциональную окрашенность. Она не закреплена в словарях. Многими исследователями она называется как узуальные топонимы, регионимы, неофициальные топонимы и речевые топонимы, микротопонимы [5].

В настоящее время региолект уже начал изучаться с точки зрения лексикографической интерпретации, лингвистами создаются словари региональной лексики, словари языка города, которые в большей степени ориентированы на психолингвистику и дают возможность выявить ассоциативные модели, по которым были созданы наименования и описать языковое сознание носителей региональной разновидности языка [4, с. 24]. Так, изучается региональная лексика Новосибирска, Томска, Магадана, районов Крайнего Северо-Востока Перми и т. д. Особый интерес у нас вызвало исследование И. В. Ливинской «Лексические единицы региолекта и их лексикографическая интерпретация», в котором делается попытка разработать принципы антропоцентрического лексикографирования при создании «Словаря региональной лексики и неофициальной топонимики г. Новосибирска» и предлагается словник, в который и включены 643 народных топонима и даётся их описание.

Мы поставили перед собою задачу исследовать особенности региолекта г. Закаменск Республики Бурятия. И решили начать работу с анализа ономастической лексики. Языковая ситуация этого города особая, она напрямую зависит от культурно-исторического и национального портрета города, который неоднороден, представляет собой достаточно разнородное соединение различных слоев недавно возникшего городского населения, 73 года тому назад. Закаменск вырос из рабочего поселка Городок, образовавшегося наравне со строительством Джидастроя. История города тесно связана с историей открытия и разработки месторождений вольфрама и молибдена в Джидинском рудном узле и производством вольфрамового и молибденового концентрата на Джидинском горно-обогательном комбинате. В 1932 году геологоразведочная партия под руководством М. В. Бесовой вскрыла первую кварцевую жилу с крупными кристаллами вольфрамита в пади Гуджирка, открыв Джидинское вольфрамовое месторождение. И в 1933 г. был образован поселок Городок, впоследствии он был переименован в Джидастрой. В 1944 г. было принято окончательное переименование в г. Закаменск. Первые строители Городка – это рабочие, приехавшие со своими семьями из разных частей нашей страны и коренные жители. Свой вклад внесли и заключенные Джидлага, попавшие в Закаменск в период культа личности Сталина, немцы, депортированные в Городок в годы войны. Судьба по-разному распорядилась первыми строителями города, но многие из них остались в Закаменске, он стал для них второй родиной.

В 2015 г. г. Закаменску было присвоено звание «Город Трудовой доблести и славы» за вклад деятельности Джидаккомбината в развитие оборонной промышленности страны в годы Великой Отечественной войны. В настоящее время г. Закаменск включен в перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в категорию муниципальных образований со стабильной социально-экономической ситуацией. Расположен вблизи пограничной зоны — для его посещения необходимо предъявить паспорт гражданина Российской Федерации или разрешение пограничной службы. Население составляет 11 249 человек (2017). В городе развито производство, работает обогатительная фабрика, специализированная на добыче вольфрама с попутным золотом и песком через обработку лежалых песков – отходов Джидаккомбината, развита социальная инфраструктура, представленная учебными заведениями, детсадами, двумя спорткомплексами, культурно-

досуговыми центрами и т. д. Городское население разнообразно по своим возрастным, социальным и профессиональным признакам, а также по коммуникативно-культурным характеристикам.

Неофициальная топонимика Закаменска характеризует закаменцев как людей равнодушных, с активной жизненной позицией, неофициальные названия улиц, районов города, домов часто эмоционально окрашены, в них есть и доля юмора и выражена оценка. В Закаменске есть дом с названием «Титаник», это одноподъездный пятиэтажный дом, напоминает огромный корабль, но этот признак взят не как главный, в этом доме живет преимущественно неработающее население, ведущее асоциальный образ жизни. К этому ряду региолектных слов можно отнести и дом «Остаться в живых», расположенный в Красном дворе. Это центр города. Такой же дом, как «Титаник», в день выдачи зарплаты или пенсии сельские жители, повстречавшись в центре с закаменцами, могли не довести денежные средства до семей, зайдя на несколько дней в гости к земляку из дома «Остаться в живых». На улице Крупской есть «Красный двор», окруженный домами из красного кирпича. Как видим, здесь номинация мотивирована внешними характеристиками, в данном случае цветом домов. Также в Закаменске есть «Пьяный двор», он расположен за Аптекой ИП Хилтунова. Такое название дано, скорее всего, по внешней характеристике людей, часто встречающихся в нетрезвом виде в этом районе. «Зелёный двор» – улица Юбилейная, 12 а: здесь построена футбольная площадка с искусственным зелёным полем. Следующие объекты из этого ряда – дома 16 и 16а на улице Юбилейной – эти благоустроенные дома называют «Мама» и «Папа», так как сверху эти дома напоминают гармоничную геометрическую проекцию: напоминают букву «П» и перевёрнутую букву «Т», находящуюся внутри первой. Дом 16 на ул. Юбилейной принято неофициально называть ещё «Пентагоном» (многоугольное здание), так как он напоминает букву «П». Исследователь М.Ю. Стрельцова такие неофициальные топонимы называет «визуальными неофициальными урбанонимами» [10, с. 28]. Ярким примером такого топонима может стать «Конюшня» – крытый городской рынок, построенный в 2010 г. в центре города. Это два удлинённых одноэтажных помещения, расположенных на одной охраняемой территории, окна расположены наверху, и с виду эти помещения, действительно, напоминают конюшню. Если речь зашла о рынках, тогда «Нищий рынок», расположенный на городской площади, тоже будет дополнять визуальные неофициальные урбанонимы города Закаменска: там торгуют изготовленной своими руками продукцией преимущественно фермеры, дачники, садоводы-любители, собиратели дикоросов. «КорОбки» – это дома, построенные на улицах Г. Титова, Комсомольской в 2015-2016 г. по Государственной программе переселения из ветхого и аварийного жилья. Внешне они напоминают коробки, жители через это название выразили негативное отношение к качеству проведённых работ: многое после сдачи объектов было сделано самими хозяевами квартир. «Кишлак» – район, расположенный за зданием районной гимназии, бывшей школы № 2, представленный в советские годы 5 двухэтажными деревянными бараками, где жили в основном семьи разнорабочих Джидак-комбината, во дворах этих домов всегда было много детей. Отсюда и такое название района.

М.Ю. Стрельцова также выделяет ситуативные неофициальные урбанонимы, они отражают какие-либо события, связанные с объектом, либо его функции (назначение) [10, с. 27]. К примеру, есть такие благоустроенные дома, которым жители дали своё название: «Аквариум» - дом 56 на улице Ленина, – первыми его жителями были в основном рабочие СХТ (Закаменского районного отделения «Сельхозтехника») во главе с бригадиром П. Щукиным. По версии старожилов, в этом доме проживали в основном буряты, которых местные жители называли «налимами», такова причина возникновения названия дома на основе метафоризации. «Нарынский дом», в него были переселены в 1970-е годы жители пригородного посёлка Нарына в результате сильного наводнения реки Модонкуль. «Германка» – улица Совхоз, на которой жили в основном немцы, переселённые семьями в Городок в годы войны, они трудились в тепличном и фермерском хозяйствах совхоза «Закаменский», а также на строительстве домов, дорог. Многие жители района вспоминают, как в 1980-е – 1990-е годы, зайдя в магазин посёлка Совхоз, ощущали себя чужими и чувствовали себя неловко в очередях, где было много немцев, говорящих между собой на родном языке, и в то же время испытывали к ним неподдельное уважение, так как они не потеряли свою культуру и язык. «Китайские бараки» - двухэтажные дома, построенные в 30-е годы XX в. китайцами, приехавшими в Закаменск для обмена опытом, большинство из этих зданий снесено как ветхое жильё.

Главные здания г. Закаменска неофициально называются так: «белый дом» – районная администрация и «комбинат» – городская мэрия (усеченное от «Джидаккомбинат», раньше здесь располагалось управление Джидинского вольфрамо-молибденового комбината). «Майка» – это название местности г. Закаменска, сначала так называли рудник Первомайский, где добывали горные минералы. «Фазанка» – так неофициально называют закаменцы Агротехнический колледж, ранее он назывался заведением фабрично-заводского обучения (ФЗО), таким образом, взятая аббревиатура и послужила

основой для неофициального регионима-топонима. «В фазанке я выучился на слесаря-сварщика и пошел работать на фабрику, нигде больше не учился...» (респондент А. Викулин, 68 лет). «Лесорама» – район, расположенный в районе городской котельной, раньше здесь функционировал Цех стройматериалов. «Цакирский посёлок» и «Совхоз» – так называются пригороды Закаменска, расположенные при въезде в город. Люди, живущие в этих районах, расположенных рядом, всегда старались чётко разграничивать себя: «поселкОвский» или «совхозский». Такая градация была ярко выражена до 2000-ых годов. «Баня» – ул. Федотова, здесь в советские годы была построена городская баня для горняков.

«Спортивка» – дома, расположенные на улице Спортивная, рядом также расположен стадион «Металлург». «Подкирпичка» – район, находящийся рядом с посёлком Новостройка, здесь в советские годы действовал кирпичный завод, изготавливающий кирпичи для строительства домов и нужд населения. «Холтон» – регионим образован от названия улицы Холтонской, возник в результате усечения основы.

Как известно, топонимическая лексика региона является одним из средств, опосредованно отражающих языковую картину мира, она характеризуется смысловым наполнением и ментальностью, выражает индивидуализм мышления жителей региона [3].

Из приведенных примеров неофициальных топонимов мы видим, как формируется языковая картина мира жителей Закаменска. Закаменцы через созданные ими регионимы выражают свой менталитет, своё отношение к проживаемым реалиям действительности, свой характер. Ничто не остаётся без внимания, любая деталь становится характеристикой тому или иному объекту города. Многие топонимы сохраняют лик прошлого г. Закаменска, это характеризует закаменцев как людей, уважающих свою историю, ценящих значимость города в контексте истории страны. Некоторые топонимы – это своеобразная оценка к качеству проведённых строительных работ.

Таким образом, неофициальная топонимика г. Закаменска основывается на визуальном восприятии особенностей местности, а также имеют ситуативную мотивацию, которая в большей мере связана с историей развития города. А также через неофициальные топонимы выражается языковая картина мира закаменцев, их мироощущение, быт, обычаи, повседневное их окружение, психологическое состояние и общение.

Литература

1. Бохиева М. В., Степанова И. Ж. Региональное варьирование русского языка в Забайкалье: вопросы стратификации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Том 11. Вып. 9. Новосибирск, 2012. С.137-143.
2. Герд А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1. М.: Наука, 2001. С. 45–52.
3. Ильин Д. Ю. Языковая картина мира и ее выражение в топонимике региона // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 5-6 (44-45).
4. Кадола Т. А. Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 22–28.
5. Ливинская И. В. Лексические единицы региолекта и их лексикографическая интерпретация : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017.
6. Майоров А. П. Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2016, том 75, № 1. С. 51-55.
7. Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского национального языка: к вопросу о его формировании и специфике // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2013. С. 81–83.
8. Поспелов Е. М. Из истории отечественной топонимии: Развитие топонимических идей в России в XVIII–XIX вв. // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1977. № 3. С. 93–104.
9. Рылюк Г. Я. Истоки географических названий Беларуси с основами общей топонимии: учеб. книга–пособие для преп. и студ. геогр. спец. Минск: Веды, 1999. 247 с.
10. Стрельцова М. Ю. Неофициальные названия внутригородских объектов в аспекте соотношения языка и культуры. Вестник ЦМО МГУ. 2011. № 3. Лингвистика. С. 26–30.
11. Трубинский В. И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков: Псковск. гос. пед. ин-т, 1991. С. 156–157.
12. Шарипова О. А. Региональные особенности языка города: на материале русской речи жителей города Стерлитамак Республики Башкортостан: дис. ... канд. филол. наук. Стерлитамак, 2012. 218 с.

ON-OFFICIAL EXPLORATION OF TOPONYMS
IN TOWN ZAKAMENSK AS PART OF REGIONAL DIALECT

Ayuna B. Baldanova

Teacher of the Russian language and literature
School №1 (Zakamensk)
6 Lenina St., Zakamensk, 671950 Russia

Nadezhda A. Darbanova

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor
Buryat State University
24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article explores the importance of regional dialect as a languages undesystem of tongue education, representing the union of dialect, social dialect, simple speech and literary language being a special form of languages, existing on different territories. Such linguistics education is recognized to serve speech requirements of native speakers in certain district. The attention is given for non-official exploration of toponymy in town Zakamensk, Republic Buryatia, the attempt was made describing its meaning. Non-official toponymy of Zakamensk is founded on visual reculiarities of locality and situated impressions which more are connected with the history of towns development. And it is shown how through non-official toponyms is expressed a world view tongues of inhabitants of Zakamensk, their perception, mode of life, custom, daily surrounding, psychological condition and communication.

Key words: regional dialect, regionalism, non-official toponymy, visial and non-official and situative non-official urbanonyms, linguistic world image.

ПОЛНОЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ И НЕПОЛНОЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ КАУЗАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Дадуева Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики

Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 64

E-mail: edadueva@yandex.ru.

Данная статья посвящена актуальной в лингвистике теме – каузативным глаголам, которые выражают воздействие на объекты с тем, чтобы изменить его состояние или побудить к совершению ответного действия. В разряде каузативных глаголов находятся полнозначительные и неполнозначительные глаголы русского языка. В работе показано, что каузативное значение могут выражать как акциональные, так и неакциональные полнозначительные глаголы. В связи с этим автором предлагаются такие термины, как акционально-каузативные и неакционально-каузативные глаголы. Неполнозначительные глаголы в русском языке составляют немногочисленный пласт глагольной лексики. В статье выделено три группы глаголов-модификаторов, способных выступать в функции неполнозначительных глаголов, выражающих значение каузативности: глаголы эмоционального воздействия, глаголы волевого воздействия и глаголы каузации качества.

Ключевые слова: каузативный глагол, полнозначительный глагол, неполнозначительный глагол.

Еще с 60-х годов прошлого века в языкознании появляется значительное количество работ, посвященных проблеме каузативности, и интерес к данной проблеме не утихает. Изучение функционально-семантической категории каузативности и сегодня остается актуальной проблемой. Этот факт не случаен. Исследование таких понятийных категорий способствует не только становлению общей универсальной основы всех языков, но и позволяет описать функциональную грамматику любого языка.

В языке существует целая система средств, выражающих каузативное значение. Центральное место среди них занимают каузативные глаголы. Целью данной работы является попытка определить круг полнозначительных и неполнозначительных глаголов функционально-семантического разряда каузативных глаголов.

Как известно, язык отражает и фиксирует все главные отношения и свойства действительности, находящие выражение в человеческом сознании. Категория каузативности отражает именно такие отношения, отношения между реалиями действительности, которые находятся в причинно-следственных отношениях. Ср.: *Мы разбили стекло – Стекло разбилось*. Лингвисты считают, что каузативные глаголы выражают действия в их взаимосвязи: с одной стороны, воздействие со стороны каузатора и, с другой стороны, действие каузируемого объекта, «тем или иным способом обусловленное этим воздействием», поэтому их часто называют глаголами «двудействия» [7, с. 90]. Данное положение приводит нас к мысли о том, что в каузативной ситуации каузируемый объект одновременно является субъектом некаузативного глагола. Ср.: *Сын разбудил мать – Мать проснулась*.

По нашему мнению, сильной стороной в интерпретации каузативного глагола является значения воздействия на объекты. Так, Г. А. Золотова называет каузативным «воздействие лиц, предметов, их признаков, событий, вызывающее изменение в предметах в мире, реакцию и действия лиц» [5, с. 73]. И. Б. Долинина также считает, что каузативность отражает факт возникновения первичной ситуации под влиянием со стороны, а некаузативность же указывает, что ситуация «существует сама по себе, без постороннего влияния» [4, с. 74]. Таким образом, каузативные глаголы обозначают действия, производимые субъектом-каузатором и направленные на объект с целью преобразующего воздействия.

Мы предлагаем следующее определение каузативного глагола: каузативным глаголом называется глагол, обозначающий воздействие на объект с тем, чтобы изменить его состояние или побудить к совершению действия, и имеющий соотносительный некаузативный коррелят, выражающий то действие, состояние или качество, которое возникло в результате воздействия [3].

Каузативное значение может выражаться как полнозначительными, так и неполнозначительными глаголами.

Полнозначительными глаголами в лингвистике называют глаголы, которые способны выступать в роли самостоятельного предиката предложения [5]. Например: *Григорий осторожно опустил сынишку на землю, тылом ладони вытер глаза и молча тронул коня* [Шолохов, Тихий Дон]. Каузативные глаголы *опустить, вытереть, тронуть* являются полнозначительными. В число полнозначительных входят акциональные и неакциональные глаголы.

В разряде каузативных глаголов оказываются, в первую очередь, акциональные глаголы, которые содержат такие признаки, как активность, целенаправленность действия, совершаемого активным действующим субъектом. Хотя семантика неакциональных глаголов не обуславливает наличие категории каузативности, но, как считает Т. А. Кильдибекова, «сема каузативности является настолько сильной, что, приобретая ее, в сферу глаголов действия втягиваются глаголы эмоционального состояния и психического воздействия типа *взволновать, испугать, расстроить* и т.д.» [6, с. 58]. Л. М. Васильев также писал, что в класс предикатов состояния входят и каузативы [1, с. 124]. Субъектом при каузативном глаголе может являться как активно действующее лицо, которое может быть человеком, живым существом, так и предмет или явление, актуализированное в ситуации как активно действующий субъект. Каузатор обычно представлен лицом, агенсом, производящим действия произвольно, целенаправленно. Однако если место каузатора занимает отвлеченное понятие, каузативная конструкция выступает в своей разновидности – «непроизвольной каузации» [5, с. 284].

Для обозначения глаголов, способных выражать как акциональные, так и неакциональные значения каузативных ситуаций, нами были предложены такие термины как акционально-каузативные и неакционально-каузативные глаголы. Акционально-каузативные глаголы – глаголы, выражающие активные воздействия субъекта-каузатора, направленные на объект и тем самым вызывающие другое действие со стороны объекта или появление нового состояния или качества объекта. Например: *Мы приоткрыли дверь в комнату; Мама заварила чай; Они закрыли окно* и т. д. Неакционально-каузативные глаголы могут выражать то или иное состояние, вызванное воздействием неодушевленного каузатора. При помощи каузативной конструкции с каузативным глаголом и пропозициональным каузатором акцентируется наше внимание на том, какие причины вызвали то или иное состояние. Можно сказать, что человеческому сознанию свойственно наделять предметы, явления, события такой силой, которая может оказывать воздействие на человека. Состояния субъектов могут быть вызваны разными причинами, которые оформляются как субъекты-каузаторы. Например: *Невежливость молодых обижает старшее поколение – Старшее поколение обижается на молодых; Преобразования обрадовали людей – Люди обрадовались* и т. д. Акционально-каузативные глаголы находятся именно в ядре поля глаголов действия. Неакционально-каузативные глаголы входят в класс глаголов состояния, обозначающие нецеленаправленные, неактивные, неконтролируемые процессы [2].

Таким образом, в числе каузативных глаголов оказываются как акциональные, так и неакциональные глаголы.

Неполнозначительные глаголы в современной лингвистике понимаются как глаголы, не способные самостоятельно служить предикатами. Так, выделяются глаголы-модификаторы и глаголы-компенсаторы.

В лингвистике данный разряд глаголов изучен достаточно полно, но неполнозначительные каузативные глаголы остаются все еще малоизученным явлением. Мы отметили, что данная проблема поднимается лишь в работе Г. А. Золотовой, М. Ю. Сидоровой, Н. К. Ониненко «Коммуникативная грамматика русского языка» [5]. Надо сказать, что ее авторы ограничиваются только перечислением примеров данного типа неполнозначительных глаголов. Они не дают их семантико-синтаксических характеристик, не говорят об их принадлежности ни к глаголам-компенсаторам, ни к глаголам-модификаторам. В нашем понимании неполнозначительные глаголы в русском языке составляют достаточно важный, хотя и немногочисленный, пласт глагольной лексики. Нами выделено три группы глаголов-модификаторов, способных выступать в функции неполнозначительных глаголов, выражающих значение каузативности: глаголы эмоционального воздействия, глаголы волевого воздействия и глаголы каузации качества.

Глаголы эмоционального воздействия в русском языке выступают в сочетании с отвлеченными именами. Ср.: *Сомневаться – вызывать сомнения в читателе; Верить – рождать веру в чьей-то душе; Интересоваться – возбуждать интерес в собеседнике*. Глаголы волевого воздействия выступают в сочетании с инфинитивом. Например: *заставить смотреть, позволить сидеть, дать уйти* и т.д. Глаголы каузации качества в русском языке выступают в сочетании с существительными и прилагательными. Например: *Жизнь сделала его мудрее; Спорт сделал ее сильнее* и т. д.

Необходимо заметить, что неполнозначительные каузативные глаголы не относятся к глаголам-компенсаторам, хотя они сочетаются с отвлеченными именами. Неполнозначительные каузативные

глаголы отнесены нами к глаголам-модификаторам. Это связано с тем, что не только на имени лежит семантическая нагрузка, но и неполнозначительный глагол несет в себе конкретную семантику – сему каузации, а не выражает только грамматическое значение и значение процесса. Глаголы-компенсаторы не выражают семантического значения, обозначая только грамматические признаки.

Таким образом, в составе каузативных глаголов оказываются полнозначительные акционально-каузативные и неакционально-каузативные глаголы, а также немногочисленные неполнозначительные глаголы каузации качества, эмоционального и волевого воздействия. Изучение каузативных отношений в лингвистике является проблемой, имеющей большие перспективы, остается огромное число нерешенных проблем, в том числе и в сопоставительном аспекте.

Литература

1. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990.
2. Дадужева Е. А. О функционально-семантических разрядах каузативных глаголов в бурятском языке // Вестник Бурятского госуниверситета. Серия «Филология». Улан-Удэ, 2014. Вып. 10. С. 3-7.
3. Дадужева Е. А. Функционально-семантическая категория каузативности в русском и бурятском языках. Улан-Удэ, 2011.
4. Долинина И. Б. Маркировка субъектных отношений у валентностных категорий английского глагола // Категория субъекта и объекта в языках различных типов. Л., 1982.
5. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
6. Кильдибекова Т. А. Глаголы действия в современном русском языке. Саратов, 1985.
7. Филиппов А. В. К вопросу о каузативных и некаузативных глаголах // Русский язык в школе. 1978. № 1. С. 90-93.

FULL MEANING AND NON-FULL MEANING CAUSATIVE VERBS IN RUSSIAN AND BURYAT LANGUAGES

Elena A. Dadueva

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor

Buryat Institute of Infocommunications (branch) of the Siberian State University of Telecommunications and Informatics in Ulan-Ude

64 Klyuchevskaya st., Ulan-Ude, 670013 Russia

This article is devoted to the actual topic in linguistics – causative verbs that express the influence on objects in order to change its state or induce to make a response. In the category of causative verbs there are full-meaning and non-full meaning verbs of the Russian language. The paper shows that the causative value can express both actional and non-actional verbs. In this connection, the author proposes such terms as actional-causative and non-actional -causative verbs. Non-full meaning verbs in Russian make up a small number of verbal lexicons. The article highlights three groups of verbs-modifiers that can act in the function of non-full meaning verbs expressing the value of causality: verbs of emotional influence, verbs of volitional action and verbs of quality causation.

Key words: causative verb, full meaning verb, non-full meaning verb.

БУКВА Ё В СОВРЕМЕННОЙ ТОПОНИМИИ РОССИИ

© Дамбуев Игорь Александрович

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: igor_dambuev@mail.ru

В статье исследуется употребление буквы ё в современной официальной топонимии России. Употребление данной буквы с момента ее введения в русский алфавит было желательным, но необязательным. Согласно действующим правилам русской орфографии буква ё имеет узкую сферу обязательного употребления, в большинстве же текстов она употребляется выборочно. Анализ российской топонимии на материале Государственного каталога географических названий показал, что употребление буквы ё в топонимах является одной из причин их орфографического варьирования. При нормализации варьирования употребления буквы ё в топонимах в разных субъектах отмечаются противоположные тенденции. Если в одних субъектах она последовательно не употребляется, то в других субъектах отмечается ее последовательное употребление не только в заимствованных топонимах, но и в русских по происхождению названиях.

Ключевые слова: топонимия, буква ё, варьирование, орфография, нормализация, Государственный каталог географических названий.

Как замечает Н. А. Еськова, известный специалист по русской орфографии, «непростая судьба выпала на долю буквы Ё» [5]. Действительно, будучи введенной в русский алфавит в 1784 г. решением Императорской Российской Академии по инициативе Екатерины Романовны Дашковой, она стала употребляться в печати только спустя 11 лет [13, с. 73]. Активному распространению буквы в XVIII-XIX вв. мешало отрицательное отношение к развивающемуся в русском языке ёканию как простонародному явлению на фоне традиционной церковнославянской книжности [2, с. 18]. Реформа русской орфографии 1917 г. признала употребление буквы ё желательным, но необязательным [3]. Такое решение, по мнению известного русского писателя и ёфикатора В.Т. Чумакова, было вызвано в большей мере экономическими причинами: «система литературного типографского набора потребовала бы изготовления-отливки огромного количества литер Ёё разных кеглей и гарнитур. В условиях Первой мировой войны и разрухи в народном хозяйстве это было бы разорительным» [13, с. 73-74]. 7 декабря 1942 г. буква ё внезапно стала употребляться в Правде и других газетах, что было вызвано одной историей, связанной с И.В. Сталиным. 24 декабря 1942 г. приказом наркома просвещения РСФСР было введено «обязательное применение буквы «ё» в русском правописании во всех классах начальных, неполных средних и средних школ» [11]. Однако в издательской практике еще в 1950-х годах буква ё стала употребляться выборочно. Согласно правилам русской орфографии 1956 г., действующим с некоторыми уточнениями и ныне, последовательное употребление буквы ё обязательно в текстах с последовательно поставленными знаками ударения, в книгах для детей младшего возраста, в учебных текстах для школьников младших классов и иностранцев, изучающих русский язык [10, с. 20]. В остальных текстах буква ё употребляется выборочно. Однако рекомендуется ее употребление в следующих случаях: для предупреждения неправильного опознания слова, в том числе для указания на место ударения в слове; для указания правильно произношения слова – либо редкого, недостаточно хорошо известного, либо имеющего распространенное неправильное произношение; а также в собственных именах – фамилиях и географических названиях [10, с. 20-21].

Непростая судьба буквы объясняется ее специфичностью. Действительно, эта буква не обозначает какой-то особой фонемы в русском языке. Она графически обозначает мягкость согласного с последующей фонемой [o], а также слог с сочетанием фонем [j] и [o]. Вопрос о том, считать ли букву ё отдельной буквой алфавита, также не решен. Например, А.А. Реформатский писал, что буквы ё нет в русском алфавите, «существует лишь диакритический значок «умлаут» или «трема» (две точки над буквой), который употребляется для избежания возможных недоразумений, например, для различения *все* и *всё*...; для указания точного произношения малоизвестных слов (преимущественно имен собственных); в транскрипции иноязычных названий» [12]. Как отмечает Н.А. Еськова, «существуют две разновидности русского алфавита – из 33 букв и из 32 букв. Первая включает букву ё. Эта разновидность алфавита используется в определенных видах письма ... В обычном русском письме ис-

пользуется алфавит из 32 букв, без буквы ё, которая употребляется выборочно в необходимых случаях» [4]. В то же время, в последние десятилетия наблюдается волна агитации за последовательное употребление буквы ё во всех типах текстов. Ряд федеральных СМИ, а также некоторые писатели последовательно употребляют букву ё в своих произведениях. Существуют как сторонники, так и противники обязательного употребления буквы ё. У каждой стороны свои доводы, которые мы обсуждать не будем.

Цель нашего исследования – выяснить ситуацию с употреблением буквы ё в современной официальной топонимии России. Материалом исследования выступает Государственный каталог географических названий (ГКГН). Этот каталог включен в Перечень регистров, реестров, классификаторов и номенклатур, отнесенных к учетным системам федеральных органов государственной власти. Он содержит нормализованные названия, обязательные к использованию органами государственной власти, СМИ и т.д. Как прописано в Федеральном законе № 152 «О наименованиях географических объектов», «произвольная замена одних наименований другими, употребление искаженных наименований географических объектов не допускается» [7]. В целях обеспечения единообразного и устойчивого употребления географических названий Росреестром проводится работа по согласованию с органами государственной власти субъектов РФ реестров наименований географических объектов на территории субъектов РФ, подготовленных на основе базы данных ГКГН. Помимо ГКГН нами используются законы субъектов РФ об административно-территориальном делении, о статусе и границах территорий муниципальных образований, а также уставы муниципальных образований. Основным методом исследования является сопоставление разновременных реестров (2011-2017 гг.) и выявление динамики изменений согласованных и несогласованных топонимов.

Основные результаты. Отчетливо прослеживается особое внимание к нормализации написания ойконимов. Другие виды топонимов чаще всего остаются вне современных нормализационных процессов: поселок *Кёк Уси* / *Кёк-Уси* → *Кек Уси* и озеро *Кёк-Уси* (Респ. Калмыкия), поселок *Усть-Антосе* и река *Антасё* (Респ. Бурятия), поселок *Олекма* и река *Олёкма* (Амурская обл.), деревня *Сычовка* / *Сычевка* → *Сычовка* и река *Сычевка* (Брянская обл.) и т.д. Это можно объяснить тем, что названия населенных пунктов имеют большее социально-экономическое значение для общества. В то же время, подобный дисбаланс рано или поздно приведет к необходимости нормализации и других видов топонимов, количество которых многократно превышает количество ойконимов.

Употребление буквы ё в официальной топонимии России можно рассмотреть на примере топонимии Бурятии, которая в целом отражает общую ситуацию. Как правило, в топонимах русского происхождения буква ё не употребляется. Например, нами выявлено 34 топонима с написанием основы *Березов-* и 3 топонима *Берёзов-*, 31 топоним с написанием прилагательного *Черемухов-* и 3 топонима *Черёмухов-*, 19 топонимов с написанием основы прилагательного *Черн-* и 1 топоним *Чёрн-*. Небольшой процент русских топонимов с буквой ё встречается практически во всех субъектах и обозначает преимущественно природные объекты. В нерусских топонимах буква ё обычно употребляется для передачи соответствующих букв: *Борьёто* (< бур. *борьёо*), *Оёр* (< бур. *оёор*), *Анё* (< эвенк. *онё*), *Оёлго-Кюель* (< эвенк. *оёлго*) и т.д. Однако здесь могут быть различные фонетические искажения: *Дёктанда* (< эвенк. *диктэудэ*), *Икэндёк* (< эвенк. *вк;нджк*) и т.д.

При сопоставлении разновременных реестров топонимов обнаруживаем тенденцию не употреблять букву ё в русских топонимах: поселок *Озёрный* → *Озерный*, поселок *Заозёрный* → *Заозерный*. И употреблять в нерусских названиях: село *Оер* / *Оёр* → *Оёр*.

Похожая ситуация встречается во многих других субъектах. Но есть интересные моменты. В ряде субъектов нормализация варьирования употребления буквы ё в названиях населенных пунктов идет по пути ее замены на е (*ё* → *е*): село *Солёное* → *Соленое*, поселок *Молодёжный* → *Молодежный* (Респ. Калмыкия), село *Рублёвка* → *Рублевка* (Амурская обл.), село *Зелёная Поляна* → *Зеленая Поляна* (Белгородская обл.), раб. поселок *Линёво* → *Линево* (Волгоградская обл.) и т.д. В некоторых субъектах, таких как Брянская обл., все ойконимы с буквой ё последовательно стали писаться через е: поселок *Весёлый* → *Веселый*, деревня *Фёдоровка* → *Федоровка*, деревня *Берёзовка* → *Березовка* и т.д. Даже в тех случаях, когда буква ё служит для обозначения места ударения в слове: село *Токарёво* → *Токарево*, деревня *Писарёвка* → *Писаревка*, село *Зёрново* → *Зерново* и т.д. И в тех случаях, когда буква ё указывает правильное произношение недостаточно хорошо известного слова: деревня *Чёт* → *Чет*, село *Рёвны* → *Ревны* и т.д.

В других субъектах, таких как Владимирская обл., все ойконимы с буквой ё в настоящее время имеют статус несогласованных и нуждающихся в дальнейшей нормализации (*е* / *ё* → *?*): деревня *Аксениха* / *Аксёниха*, деревня *Вежки* / *Вёжки*, деревня *Горожоново* / *Горожёново*, село *Драчево* / *Драчёво*, деревня *Кибирёво* / *Кибирёво*, поселок *Мстера* / *Мстёра*, деревня *Чеково* / *Чёково* и т.д. В неко-

торых субъектах несогласованными остаются топонимы с варьированием букв после шипящих звуков: деревня *Чернышево* / *Чернышово*, деревня *Княжево* / *Княжово* (Вологодская обл.); деревня *Старое Шепотово* / *Старое Шопотово* (Калужская обл.) и т.д.

Противоположная ситуация (е → ё) складывается в таких субъектах, как Республика Карелия, где буква ё стала употребляться не только у нерусских топонимов, но и в топонимах русского происхождения: поселок *Березовка* → *Берёзовка*, деревня *Черная Река* → *Чёрная Река*, деревня *Семеново* → *Семёново* и т.д. При этом можно отметить непоследовательность в передаче карельского географического термина *joki* 'река' на русский язык: поселок *Суоёки* и урочище *Суойоки*, поселок *Куркиёки* и залив *Куркийокский* и т.д. Согласно Инструкции по передаче географических названий Финляндии, финские и саамские термины *joki*, *jokki*, родственные карельскому *joki* рекомендуется передавать словом *йоки* [6, с. 17], как в следующих топонимах Карелии: *Айройоки*, *Алайоки*, *Иййоки*, *Карийоки* и т.д. Непоследовательность в передаче географических терминов в заимствованных топонимах наблюдается и в других субъектах: *Актёбе* и *Актюбе*, *Уллу-Кель* и *Каракель* (Карачаево-Черкесская Респ.) и т.д. Данное явление, порождающее ненужное варьирование, можно избежать осуществлением предварительной нормализации названий на национальных языках перед их последующей передачей на русский язык в строгом соответствии с нормативными инструкциями по передаче национальных топонимов на русский язык.

Анализ реестров показывает, что употребление буквы ё в русских названиях чаще происходит в тех субъектах, где встречаются национальные топонимы с буквой ё. Так, в Республике Коми несогласованные названия с буквой ё стали согласованными: *Ёль* / *Ель* → *Ёль*, *Ираёль* / *Ира-Ель* → *Ираёль*, *Ягъёль* / *Яг-Ель* → *Ягъёль* и т.д., *Приозёрный* / *Приозерный* → *Приозёрный*, *Берёзовка* / *Березовка* → *Берёзовка*, *Чёрный Яр* / *Черный Яр* → *Чёрный Яр* и т.д.

Интересное явление происходит в Московской области, где во всех несогласованных названиях стала последовательно употребляться буква ё: *Аксенки* / *Аксёнки* → *Аксёнки* / *Аксенки*, *Алехново* / *Алэхново* → *Алэхново* / *Алехново*, *Березки* / *Берёзки* → *Берёзки* / *Березки*, *Букарево* / *Букарёво* → *Букарёво* / *Букарево*, *Булычево* / *Булычёво* → *Булычёво* / *Булычево* и т.д.

Таким образом, употребление буквы ё в современной официальной топонимии России имеет противоположные тенденции. Неупотребление буквы ё в русских топонимах в целом преобладает и, вероятно, является результатом действия правил написания русских топонимов на картах, согласно которым «буква ё в русских названиях, как правило, не употребляется <...> Применение этой буквы допускается в отдельных названиях, в которых чтение через ё не предполагается» [8, с. 6]. В то же время, намечается и тенденция последовательного употребления буквы ё в названиях, что может быть вызвано, во-первых, рекомендацией употреблять ее в собственных именах в новой редакции правил русской орфографии и пунктуации [10, с. 21], во-вторых, обязательным требованием применять букву ё в именах собственных, сформулированном в Письме Министерства образования и науки от 3 мая 2007 г. №АФ-159/03 «О решениях межведомственной комиссии по русскому языку». В данном документе говорится, что «применение буквы Ё в именах собственных должно быть бесспорным и обязательным <...> игнорирование или отказ печатать букву Ё будет означать нарушение Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» [9]. Однако «письмо согласно действующей системе источников права в России не является нормативным актом, обязательным к исполнению» [1, с. 148]. В такой ситуации не приходится говорить о скорой нормализации топонимов с варьированием употребления букв е/ё. Необходим дальнейший мониторинг нормализационных процессов в российской топонимии для выработки рациональных кодификационных решений, учитывающих специфику топонимов как слов специальной лексики, а также сложившиеся региональные нормы употребления.

Литература

1. Богацкая С. Г. Юридические аспекты употребления букв «Е» и «Ё» или история присвоения университету печати почетного имени Ивана Федорова // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2011. №4. С. 140-152.
2. Будейко В. Э. О некоторых проблемах буквы «ё» в современной русской письменности и письменном сознании // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2014. Т. 9. №2. С. 16-23.
3. Декретъ отъ 23 декабря 1917 г. О введеніи новаго правописанія // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_126.htm (дата обращения: 19.10.2017).

4. Еськова Н. А. Про букву Ё // Наука и жизнь. 2000. № 4. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/6983> (дата обращения: 19.10.2017).
5. Еськова Н. А. И ещё раз о букве Ё // Наука и жизнь. 2008. № 7. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/14333> (дата обращения: 19.10.2017).
6. Инструкция по русской передаче географических названий Финляндии. М.: Наука, 1982. 41 с.
7. О наименованиях географических объектов: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 1997 г. № 152-ФЗ. – URL: http://www.docs.pravo.ru/document/view/2933/?search_query=о%20наименованиях%20вгеографических%20объектах&from_search=1 (дата обращения: 19.10.2017).
8. Общая инструкция по передаче географических названий на картах. М.: Геодезиздат, 1955. 32 с.
9. Письмо Министерства образования и науки РФ от 3 мая 2007 г. №АФ-159/03 «О решениях межведомственной комиссии по русскому языку». URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/902230280> (дата обращения: 19.10.2017).
10. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
11. Приказ от 24 декабря 1942 г. №1825 О применении буквы «Ё» в русском правописании // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4384.htm (дата обращения: 19.10.2017).
12. Реформатский А. А. Унификация в орфографии: «за» и «против» (Из цикла «Упорядочение русского правописания») // Русский язык в школе. 1937. №1. С. 63-70. URL: <http://www.rus.lseptember.ru/article.php?ID=200302616#6> (дата обращения: 19.10.2017).
13. Чумаков В. Т. Буква Ё в современном русском языке // Народное образование. 2010. №6. С. 72-76.

LETTER Ё IN MODERN TOPONYMY OF RUSSIA

Igor A. Dambuev

Candidate of Sciences in Philology, senior fellow at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
6, Sakhianova St., Ulan-Ude, 670047 Russia

The article deals with using of letter ё in modern official toponymy of Russia. The use of this letter since its introduction in Russian alphabet had been desirable but not obligatory. According to current Russian orthographic rules the letter ё has a limited sphere of mandatory use, in most of texts it is used selectively. The analysis of Russian toponymy as exemplified in the State catalogue of geographical names showed that use of the letter ё in toponyms can cause orthographic variation. When standardizing the use of the letter ё in toponyms we reveal diverse tendencies in different regions. If in some regions the letter ё is not used, in other regions it is used consistently both in borrowed and in Russian toponyms.

Key words: toponymy, letter ё, variation, orthography, standardization, State catalogue of geographical names.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «НОВЫЙ ГОД» 春节 В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

© **Зырянова Елена Васильевна**

кандидат филологических наук, доцент
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: lenkor75@mail.ru

© **Люй Вэньвэнь**

магистрант Института филологии и массовых коммуникаций
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: 18591408152@163.com

Статья посвящена анализу результатов ассоциативного эксперимента, проведенного среди китайских студентов г. Сиань, КНР, цель которого выявить и исследовать ассоциативное поле концепта «Новый год» 春节. Для проведения эксперимента была составлена анкета и проведен опрос среди целевой группы; представлены количественные и качественные данные о респондентах (возраст, пол и образование); произведен частотный и логико-индуктивный анализ; выделены основные смысловые группы реакций; осуществлена интерпретация и систематизация полученных данных; составлено ассоциативное поле концепта «Новый год» на основе выделения понятийных, образных и ценностных ассоциаций. При изучении ассоциативного материала можно проследить, как реакции к концепту «Новый год» выстраиваются по принципу от общезначимых в национальном, культурном отношении до проявления эмоциональных, индивидуальных переживаний.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, концепт «Новый год», понятийные, образные и ценностные ассоциации.

Современная лингвистика характеризуется возникновением новых исследовательских парадигм, что приводит к поиску эффективных методов исследования. Одним из методов, применяемых в современной русистике, является проведение ассоциативного эксперимента, который способствует, согласно Н. В. Уфимцевой, «выявлению языковых стереотипов, специфических черт менталитета, т. е. является эффективным способом доступа к языковому сознанию человека» [4, с. 65].

Целью настоящей работы является построение ассоциативного поля концепта «Новый год», а также описание реакций-ассоциаций, реализующих структурно-семантическое содержание данного концепта. Для достижения названной цели используются результаты ассоциативного эксперимента как способа семантизации репрезентаций концепта, под которой Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым понимается процедура описания, направленная на выявление смысла, значения некоторой языковой единицы [1, с. 103].

В эксперименте использована методика цепного ассоциативного эксперимента (ЦАЭ), в котором участвовали 20 человек в возрасте 19-25 лет. Все они являются студентами Сианьского нефтегазового университета г. Сиань, КНР. Испытуемые отвечали на одно слово-стимул «Новый год» 春节. Время ответа было ограничено 3 минутами. Процедура обработки материала эксперимента включала в себя следующие этапы: во-первых, названные реакции были ранжированы по частотности и выделены в смысловые группы, пригодные для дальнейшей статистической обработки; во-вторых, слова-ассоциации были объединены в более крупные блоки на основании семантической близости. Для описания и классификации ассоциативных реакций мы воспользовались методологической моделью, предложенной Е. Л. Калининой [3] и дополненной в диссертации Е. С. Жигачевой [2]. В данной модели выделяются три типа ассоциаций в соответствии с основными составляющими структуры концепта:

- 1) понятийные ассоциации;
- 2) образные ассоциации;
- 3) ценностные ассоциации.

Понятийные ассоциации включают в себя отличительные когнитивные признаки, выделяющие данное слово-стимул, «понятийные ассоциации – это обобщенно репрезентируемые в сознании носи-

телей языка организованные совокупности существенных энциклопедических признаков объекта» [2, с. 206].

Образные ассоциации соотносятся с образной составляющей концепта, они описывают физические, пространственные и социально-культурные образы, связанные со словом-стимулом.

Ценностные ассоциации, проявляющиеся в значительном количестве описательно-оценочных суждений, соотносятся с ценностной составляющей концепта, включают когнитивные признаки, которые интерпретируют или оценивают основное информационное содержание концепта [2, с. 10; 3, с. 206-207].

Рассмотрим результаты, полученные в результате опроса китайских респондентов. На концепт «Новый год» было получено 238 реакций: дракон 龙 (16), пельмени 饺子 (16), деньги 钱 (15), хлопушки 爆竹 (9), собрание 聚会 (团圆) (9), собираются 团聚 (8), пожелание удачи 祝成功 (8), красный 红色的 (8), скидка 打折 (促销) (7), посещать родственников 走亲戚 (7), готовить 准备 (7), новогодние товары 年货 (6), народные гуляния на улице 繁华 (6), новая одежда 新衣服 (6), 12 часов 12点守夜(6), новогодние блюда 年夜饭(5), вареники 汤圆 (5), массовый 大型的 (5), покупки 购买(5), мясо 肉 (4), пышные шествия 庆祝游行 (4), яркий свет 亮光 (4), конфеты 糖果 (4), фонарь 灯笼 (4), фейерверки 烟花 (4), пиротехнические изделия 日用品 (年货) (4), канун 前夜 (4), наступает 迎接 (4), календарь 日历 (3), петь 喝 (3), громкий шум 洪亮的响声 (3), радость 高兴 (3), стол 桌子 (3), начинается 开始 (3), счастье 幸福的 (3), счастливые 幸福的 (3), сладости 甜品 (3), громкий 洪亮的 (3), вино 酒 (2), приклеивать 贴 (对联) (2), разгадывать загадки 猜灯谜 (2), новогодняя ночь 晚上 (特指大年三十晚上) (2), заканчивается 结束 (2), красивый 漂亮的 (2), разнообразный 各种各样的 (2), яркий 明亮的 (2), прекрасный 美好的 (1), тост 祝词 (1).

Полученные реакции были классифицированы в соответствии с основными составляющими структуры концепта: понятийными, образными, ценностными. По результатам проведенного эксперимента можно констатировать, что понятийные ассоциации являются самыми многочисленными. Это объясняется стремлением реципиента ответить на вопрос: «Что это?». Понятийные ассоциации включают 206 реакций, что составляет 86,6 % от общего количества реакций, полученных на слово-стимул. В данном блоке понятийных ассоциаций представляется возможным выделение следующих лексико-тематические групп (ЛТГ):

- традиции празднования (47 реакций): собрание 聚会 (团圆) (9), собираются 团聚 (8), посещать родственников 走亲戚 (7), готовить 准备 (7), народные гуляния на улице 繁华 (6), фейерверки 烟花 (4), петь 喝 (3), разгадывать загадки 猜灯谜 (2), тост 祝词 (1);

- праздник / атрибуты праздника (42 реакций): дракон 龙 (16), хлопушки 爆竹 (9), пышные шествия 庆祝游行 (4), яркий свет 亮光 (4), фонарь 灯笼 (4), громкий шум 洪亮的响声 (3), приклеивать 贴 (对联) (2);

- подарки / покупки-подарки / покупки (44 реакций): деньги 钱 (15); конфеты 糖果 (4), пиротехнические изделия 日用品 (年货) (4), сладости 甜品(3); скидка 打折促销 (7), новогодние товары 年货 (6), покупки 购买 (5);

- новогодний стол / еда / напитки (35 реакций): пельмени 饺子 (16), новогодние блюда 年夜饭 (5), вареники 汤圆 (5), мясо 肉 (4), стол 桌子 (3), вино 酒 (2);

- время / время суток (24 реакции): 12 часов 12点守夜 (6), канун 前夜 (4), наступает 迎接 (4), календарь 日历 (3), начинается 开始 (3), новогодняя ночь 晚上 (大年三十晚上) (2), заканчивается 结束 (2);

- поздравления (8 реакций): пожелание удачи 祝成功 (8);

- одежда (6 реакций): новая одежда 新衣服(6).

Отметим, что китайский Новый год, который в дословном переводе называется «Праздник весны» (кит. упр. 春节, пиньинь chūnjié, палл.: чуныцзе), с давних времен является главным, самым длинным и самым важным праздником в китайской культуре. В современной форме празднования в нём отражается уважение к мифам, верованиям и традициям, сохранившимся в китайском обществе. Дифференцированность понятийных ассоциатов свидетельствует о значимости этого праздника для молодых китайцев. Большая часть понятийных ассоциаций связана с традициями празднования, неизменными атрибутами праздника, новогодним столом и т.п. Так, к традициям празднования относится то, что на Новый год *собирается* вся семья, запускают *фейерверки*, дарят друг другу *денежные подарки*, а также *сладости*, *навещают родственников*, традиционным новогодним блюдом в Китае являются *пельмени*.

Блок образных ассоциаций «связан с диалектическим единством чувственного и рационального в человеческом сознании. Образные ассоциации возникают под влиянием денотативного и коннотативного компонентов значения слова, а также индивидуальных представлений носителей языка» [3, с. 206-207]. Слово-стимул «Новый год» вызвал 14 образных ассоциаций, что составляет 5,9% от общего количества реакций. Нами выделены две ЛТГ в блоке образных ассоциаций:

- настроение / эмоции (6 реакций): радость 高兴 (3), счастье 幸福的 (3);
- цвет (8 реакций): красный 红色的 (8).

Самой частотной реакцией в данном блоке оказывается цветовая: красный цвет назван восемью респондентами из двадцати, принимавших участие в опросе. Названия других цветов среди ассоциатов отсутствуют. Это связано с тем, что красный цвет в Китае символичен, и в период празднования Нового года он особенно значим. Согласно легендам китайцев мифическое чудовище Нянь 年, которое появлялось в ночь перед праздником и вредило людям и скоту, боится красного цвета, огня и громких звуков. Поэтому одной из новогодних традиций стало украшать все в красном цвете. Красными являются фонари, парные надписи, которые вывешиваются на дверях дома, деньги для подарка кладут в красный конверт, многие надевают новую красную одежду.

Ценностные ассоциации проявляются в значительном количестве описательно-оценочных суждений. Отметим, что среди реакций на слово-стимул не зафиксировано асоциальных реакций или реакций негативного характера. Данный блок представлен 18 реакциями, что составляет 7,5 % от общего количества ассоциатов на стимул «Новый год». Ниже представлены ЛТГ, выделенные в блоке ценностных ассоциаций:

- описание праздника (15 реакций): массовый 大型的 (5), громкий 洪亮的 (3), красивый 漂亮的 (2), разнообразный 各种各样的 (2), яркий 明亮的 (2), прекрасный 美好的 (1);
- эмоционально-психологическое отношение к празднику (3 реакции): счастливые 幸福的 (3).

Как видно из представленных реакций, праздник в первую очередь признается массовым (20% опрошенных дали такую реакцию), что объясняется национально-культурными особенностями празднования китайского Нового года. Так, вечером, в канун Нового года, происходят массовые танцы дракона, в которых принимают участие все люди. Также массовыми являются пышные шествия и яркие мероприятия, которые проводятся ночью.

Анализ ассоциатов на стимул «Новый год» 春节 у китайских респондентов по данным цепного ассоциативного эксперимента представлен на рис. 1.

Рис. 1. Концепт «Новый год» по данным ЦАЭ

На основе результатов цепного ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей китайского языка, смоделирован концепт «Новый год» 春节, представленный в полевой модели на рис. 2.

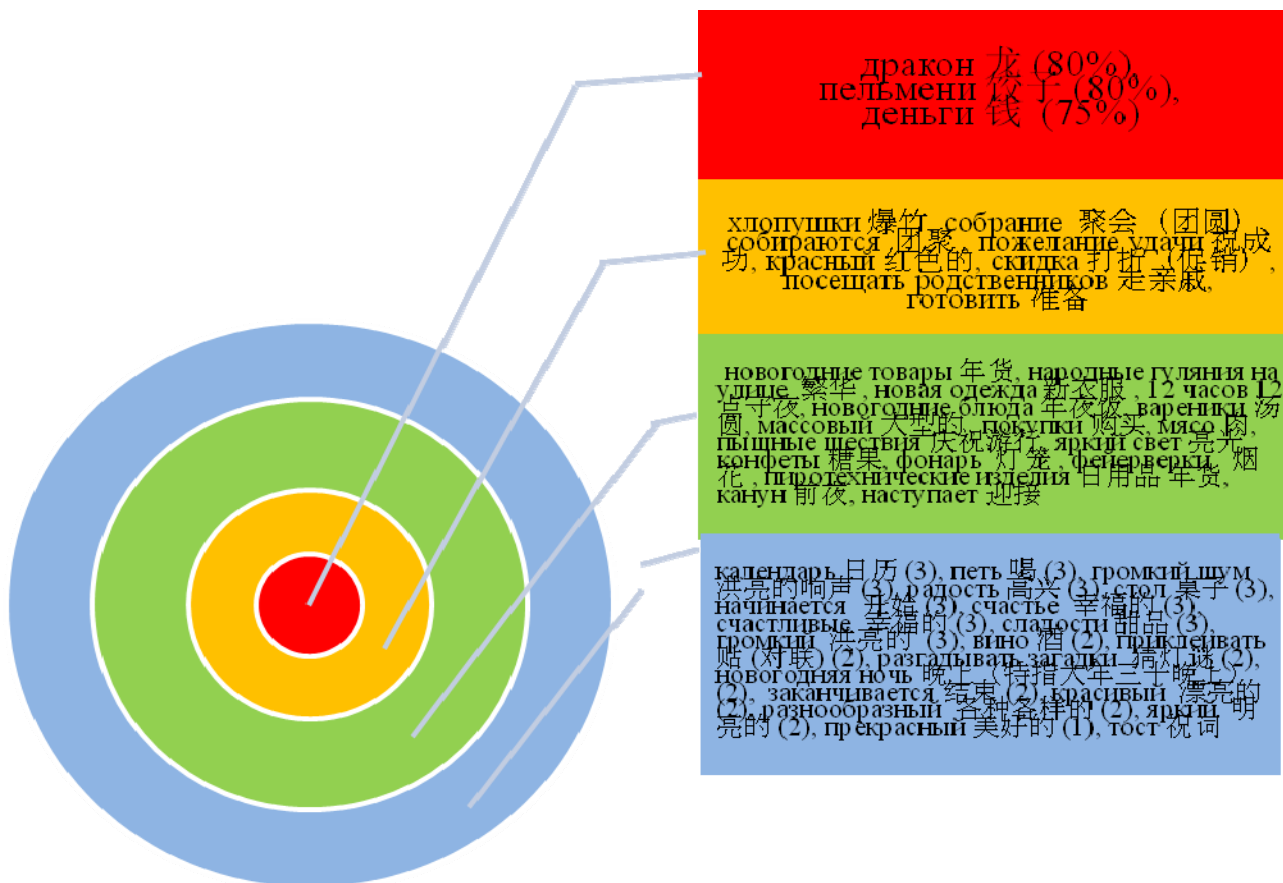

Рис. 2. Полевая модель концепта «Новый год» 春节 по данным ЦАЭ

Ядро концепта «Новый год» составляют ассоциаты с наибольшим количеством реакций. Это дракон 龙, пельмени 饺子, деньги 钱. Такие ассоциации возникли более чем у 70% опрошенных. Дракон является неперенным древнейшим символом праздника. После новогодней ночи в Поднебесной начинаются двухнедельные гулянья, обязательным элементом которых является зрелищный танец дракона. Пельмени и деньги также являются неотъемлемыми атрибутами китайского Нового года. Пельмени обязательно должны быть на новогоднем столе китайцев. Китайцы говорят, что они символизируют собой богатство, поскольку напоминают своей формой традиционные слитки из золота и серебра, которые в древности были в ходу в Китае. А деньги считаются самым лучшим подарком на Новый год.

Базовый слой концепта включает реакции, возникшие у 35-70% опрошенных. Сюда относятся следующие реакции: хлопушки 爆竹, собрание 聚会 (团圆, собираются 聚在一起, пожелание 祝成功, красный 红色的, скидка 打折促销, посещать 拜访, готовить 准备. Данные реакции также являются значимыми для национального сознания, поскольку таким же неотъемлемым знаком китайской традиционной культуры является собраться всей семьей для встречи Нового года, всей семьей вечером накануне праздника готовить (лепить) пельмени, на двери дома приклеить парные красные надписи с благопожеланиями, в течение всего длинного периода празднования постараться посетить всех родственников, живущих далеко.

Ближнюю периферию составляют реакции новогодние товары 年货, процветание 繁荣, новая красная одежда 新的红色的衣服, 12 часов 12点 (守夜), массовые 大型的, новогодние блюда 菜 (年夜饭), вареник 汤圆, массовый 大型的, купить 买, мякоть 肉, пышные шествия 豪华的庆祝游行, яркий свет 亮光, конфеты 糖果, фонарь 灯笼, пиротехнические изделия 日用品 (年货烟火), канун 前夜, наступает 迎接. Среди этих реакций немало гиперонимов, например, товары, одежда, блюда, изделия, которые содержат множество семантических признаков, присущих данному понятию.

Зону дальней периферии составили реакции календарь 日历, петь 唱, громкий шум 洪亮的响声,

радость 高兴, стол 桌子, начинается 开始, счастье 幸福的, громкий 洪亮的, счастливые 幸福的, сладкая 甜的, вино 酒, лепить 贴, разгадывать загадки 猜测 猜灯, вечер 晚上 (大年三十晚上), заканчивается 结束, красивый 漂亮的, разнообразный 各种各样的, яркий 明亮的, прекрасный 美好的, тост 祝词. В основном это эмоционально-оценочные реакции, отражающие индивидуальное восприятие слова-стимула.

Таким образом, в данной работе рассмотрены три группы ассоциаций: понятийные, образные и ценностные. Наибольшее количество реакций получили понятийные ассоциации. Объясняется это тем, что респонденты стремились дать в первую очередь фактические энциклопедические знания о празднике и только потом свою оценку, выразить свое эмоциональное отношение. В целом, можно констатировать, что ассоциации к концепту «Новый год» выстраиваются по принципу от общезначимых в национальном, культурном отношении до проявления эмоциональных, индивидуальных переживаний, связанных с празднованием китайского Нового года.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
2. Жигачева Е. С. Концепт Байкал в региональной лингвокультуре: Дис. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2015. 274 с.
3. Калинина Е. Л. Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 18 с.
4. Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 65-71.

CONCEPT «NEW YEAR» 春节 ASSOCIATIVE FIELD IN LINGUAL CONSCIOUSNESS OF CHINESE

Elena V. Zyryanova

candidate of Sciences in Philology, associate professor of the Department of Russian language and General linguistics of Institute of Philology and Mass Communications of Buryat State University
24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Lui Wenwen

undergraduate of Institute of Philology and Mass Communications of Buryat State University
24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article reviews the analysis of the associative experiment results, conducted among the students of Sian for the concept “New year” associative field research. To conduct the experiment we composed the profile and held the survey; gave quantitative and qualitative data about the respondents (age, gender, education), had quantitative and logical analysis – determined basic groups of reactions; interpreted and systematized the data; made the associative field of the concept “New year” (notional, figurative and evaluative associations). When studying the associative material, you can see how the reactions to the concept of "New Year" are built on the principle of universally significant nationally, culturally, before the manifestation of emotional, individual experiences.

Key words: associative experiment, concept “New year”, notional, figurative and evaluative associations.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА В РУССКИЙ ЯЗЫК ВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

© Косицына Ирина Константиновна

аспирант кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского госуниверситета
Россия, 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21

E-mail: saga-82@mail.ru

Русский язык в восточном зарубежье в первой половине XX в. имеет особый путь развития. Статья посвящена лексическим заимствованиям в русский язык восточной эмиграции из восточных языков на примере заимствований из японского языка. Источником языкового материала послужили выпускаемый в восточном зарубежье русский журнал «Рубеж», мемуары представителей русской восточной эмиграции, а также поэзия и проза русского восточного зарубежья. Цель статьи – проанализировать заимствования из японского языка в русском языке восточного зарубежья и представить опыт их лексикографического описания. Процессы обновления и пополнения словарного состава, в частности через лексические заимствования, характеризуют живые языковые системы, к каковой следует отнести русский язык в восточном зарубежье на протяжении почти всего XX в.

Ключевые слова: русский язык восточного зарубежья, заимствование, восточные языки, японский язык, непосредственное заимствование, опосредованное заимствование, лексикография.

Язык русской эмиграции в западном направлении начали изучать в 80-х гг. XX в., его изучению были посвящены научные труды Ю. Н. Караулова [13], Л. М. Грановской [6], Е. А. Земской [12], Н. И. Голубевой-Монаткиной [5] и др.

Язык русской восточной эмиграции стал объектом лингвистического исследования несколько позже. Русская топонимика китайского г. Харбина изучалась Л. М. Шипановской и О. Г. Краснощека [33], русскому языку в восточном зарубежье на материале русской речи в Харбине посвящена монография Е. А. Оглезневой [19]. Об особенностях языка русских реэмигрантов из Китая в Австралию писали Н. В. Райан [21], А. Н. Анцыпова [1].

Находясь в специфичном языковом окружении и обладая особым статусом, фактически изолированный от метрополии, русский язык в восточном зарубежье продолжал полноценно функционировать на протяжении всего XX в. [19]. Есть факты, свидетельствующие не только о высокой сохранности русского языка, но и о его развитии: появлялись новые слова, созданные по моделям русского языка и с использованием средств словообразовательной системы русского языка, развивалась полисемия [19, с. 143-149; 9, с. 94-100]. Новые слова в русском языке восточной эмиграции появлялись и путем заимствования [19, с. 133-143].

Источником материала для исследования послужили журнал «Рубеж» (Харбин, 1926-1945), мемуары И. Дьякова [10], Е. Таскиной [30], Л. Дземешкевич [7], В. Слободчикова [27] и др., а также поэзия и проза русского восточного зарубежья. Таким образом, в научный оборот введен новый языковой материал, демонстрирующий способ бытования русского языка вне метрополии в XX в.

Под заимствованием мы понимаем «элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов» [9, с. 158]. Как отмечал Л. П. Крысин, «к внешним, неязыковым причинам заимствования слов одного языка другим следует отнести наличие более или менее тесных политических, экономическо-промышленных и других связей между народами – носителями языков» [16, с. 26]. Среди языковых причин заимствования укажем «тенденцию к соответствию нерасчлененности обозначаемого с нерасчлененностью обозначающего», по причине чего «иноязычное слово предпочитается исконному описательному обороту» [16, с. 30].

Все заимствования в русском языке восточного зарубежья можно разделить на заимствования из восточных языков и заимствования из западно-европейских языков. Наличие заимствований из восточных языков в русском языке восточного зарубежья связано с существованием русской диаспоры в среде восточной культуры и восточных языков, неизбежными контактами с носителями этих языков в связи с развитием исторических событий в XX в.: строительство Китайско-восточной железной дороги, вынужденная эмиграция из России в Китай, японская оккупация Маньчжурии, многонациональный состав Харбина.

Рассмотрим более подробно заимствования из японского языка в русском языке восточного зарубежья, представленные в лексикографической интерпретации.

Опосредованные восточные заимствования в русский язык восточного зарубежья, под которыми понимаются заимствования, бытовавшие и бытующие в русском языке метрополии, но не используемые там активно, существующие в статусе экзотизмов для обозначения реалий других стран и их культур [9, с. 159]. В русском языке восточного зарубежья эти единицы оказались востребованы, поскольку называемые ими реалии перестали быть экзотикой. Статус этих единиц в новых условиях можно определить как актуализированные экзотизмы. Эти заимствования отражены в словарях иностранных слов и толковых словарях русского языка второй половины XIX – первой половины XX в., они могли быть известны русскоязычному населению Маньчжурии еще до эмиграции.

Для содержательного наполнения дефиниции заимствований при их лексикографической интерпретации использовались «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» под ред. А. Н. Чудинова (1910) [28], «Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» М. Попова (1911) [20], «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935-1940) [31]. Рассмотрим данную группу заимствований на примере заимствований из японского языка.

БАНЗАЙ, межд. Яп. 万歳 (букв. десять тысяч лет). “Форма приветствия, клич, подобный русскому «ура!» или «да здравствует!»”. *И «благодарное» население с зубовным скрежетом, с покрасневшими от мороза и гнева лицами, со следами «радости», вызванной ненавистью к «хозяевам», кричало «банзай!»* [10, с. 18]. Слово зафиксировано в словаре А.Н. Чудинова [28]. **ГЕЙША**, -и, ж. Яп. 芸者. “Девушка-японка, обученная музыке, танцам, умению вести беседу, приглашаемая для приема и развлечения гостей”. *Девушки-гейши, являющиеся законченным образцом ниппонской моды, никогда не придерживаются новых фасонов* [24, с. 5]. Слово зафиксировано в словарях М. Попова [20, с. 89], Д. Н. Ушакова [31, стб. 547]. В энциклопедии «Япония от А до Я» содержится следующая информация: «Слово “гейша” в русском языке появилось в результате неправильной транскрипции английского написания слова «гейся». Гейся можно перевести как “человек искусства” или человек, обладающий мастерством» [36, с. 88]. **КИМОНО**, нескл, ср. Яп. 着物. “Национальная японская одежда; халат”. *А маленькая женщина в ярком кимоно, похожая на бабочку с надломленными крыльями, стоит на коленях перед окном и поет невыразимо печальную, полную тоски и покорности, песню* [29, с. 402]. *Очарование кимоно – олицетворение души ниппонской женщины, известно всем, особенно нам, живущим на Дальнем Востоке и часто сталкивающимся в своей повседневной жизни с ниппонцами* [24, с. 5]. Слово зафиксировано в словарях А. Н. Чудинова [28], Д. Н. Ушакова [31, стб. 1354]. В энциклопедии «Япония от А до Я» *кимоно* - «в широком смысле слова означает “одежда”, точнее, национальная одежда, в отличие от европейской <...>, все они представляют собой прямоскроенный халат с широкими рукавами» [36, с. 217].

Непосредственные восточные заимствования в русский язык восточного зарубежья попадали из восточных языков через разговорный узус, а также из газет и журналов русского восточного зарубежья. В толковых словарях XIX и н. XX вв. эти слова отсутствуют. Некоторые из них позже вошли и в русский язык метрополии, что отразилось в словарях конца XX – начала XXI в., например, в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина (2006) [17], «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой (2005) [11], в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (2000) [2]. Рассмотрим данную группу заимствований на примере заимствований из японского языка.

БЕНТО, нескл. Яп. 弁当. “Упакованная в специальную коробочку порция еды”. *Продавцы «бен-то» гортанно выкрикивали название своего товара* [29, с. 409]. **ГЕТТО/ГЕТА**, нескл. Яп. 下駄. “Деревянные сандалии”. *В Харбине они (японки – прим. И.К.) чувствовали себя хорошо, по улицам ходили уверенно и одевались в нарядные кимоно и дорогие гетто с белыми носками из плотной ткани, с выделенным большим пальцем* [7, с. 69]. *Я — коза! У меня два копыта — «гета».* *И душистая мягкая «лежка»* [35]. Слово зафиксировано в словаре моды в варианте *гета* [18, с. 56]. В энциклопедии «Япония от А до Я» *гета* - «Вид национальной обуви. Деревянные сандалии в форме скамеечки» [36, с. 111]. Встретилось и собственно русское образование с использованием заимствованного элемента **гетто-колодки**: *«Всюду слышалась их речь, и стучали гетто-колодки по чужим тротуарам»* [7, с. 41]. **ГОХАН**, нескл. Яп. 御飯 (букв. отварной рис). “Еда”. *Очаровательная служанка, склоняясь до полу, с самым почтительным видом примет от вас распоряжения и принесет вам ниппонский «гохан», - самый разнообразный и вкусный обед и горячий, зеленый чай* [22, с. 9]. Отварной рис мог быть основным блюдом или одним из его ингредиентов, видимо, на этом основании *гохан* стал синонимом еды вообще. **ДЖИРИКИСЯ**, нескл. Яп. 人力車. “Легкая коляска особого типа для перевозки людей и грузов, то же, что рикша”. *Вообще-то это – изобретение японское: еще в шестидесятые*

годы XIX столетия забегали эти «коляски в человеческую силу» (*джинрикия*), но развитие свое получили именно в Китае [7, с. 44]. **КЕМПЕЙТАЙ**, мн. кемпейтай. Яп. 憲兵隊. “Военная полиция императорской армии Японии с 1881 г. по 1945 г.”. *Совсем другим был этот путь в отличие от того, что 13 лет назад, когда, одержимые великой идеей «До Урала», явились сюда насаждать свои кемпейтаи (жандармерии) и бактериологические отряды, где тифом, чумой и холерой заражали пленных американцев, австралийцев, и тех, кто без всякого плена всегда под руками: китайцев и русских* [7, с. 69]. **КОТО**, нескл. Яп. 箏. “Традиционный японский щипковый музыкальный инструмент”. *Гитары японской кото в отдаленье Щемящий и с детства знакомый надрыв* [25, с. 602]. В «Большом энциклопедическом словаре» (1998) *кото* объясняется как «общее название японских музыкальных инструментов типа цитры» [3, с. 582]. **МОМПЭ**, нескл. Яп. もんぺ. “Японские женские крестьянские рабочие штаны-шаровары”. *Нас заставляют надевать защитную форму: у мужчин – японская киокайка с наматыльником, обмотки, на женщинах – уродливые шутовские штаны - момпэ* [10, с. 16]. В толковании слова использованы сведения из статьи О.А. Хованчук, посвященной традиционному японскому костюму [32, с. 77]. **НАРЭ**, нескл. Яп. 慣れ (букв. использовать). “Патина, легкая засаленность, свидетельствующая о частом использовании вещи; то же, что шоуцзе”. *Китайским словом «шоуцзе» и японским «нарэ» назывался этот глянец, который образуется от человеческих рук...* [7, с. 247]. Культурологическую интерпретацию этим словам дает Танидзаки Дзюньитиро: «Европейцы стремятся уничтожить всякий след засаленности, подвергая предметы жестокой чистке. Мы же, наоборот, стремимся бережно сохранить ее, возвести в некий эстетический принцип» [8]. **САКУРА**, -ы, ж. Яп. 桜 или 櫻. “Японская вишня; один из символов Японии”. *Нет там, в углу, как розовый туман, Сакуры куст. Он часовой на страже!* [25, с. 544]. Слово зафиксировано в современных словарях иностранных слов, например, в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина (2006) [17, с. 689] и в современных толковых словарях русского языка, например, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (2000) [2, с. 1141], а также в современных энциклопедических словарях, например, в «Большом энциклопедическом словаре» (1998) [3, с. 1051]. **ТАТАМИ**, нескл. Яп. 畳. “Циновка”. *В квартире – только татами, устилавшие пол* [27, с. 140]. Слово в этом значении зафиксировано в современных словарях иностранных слов, например, в «Современном словаре иностранных слов» А.Н. Булыко (2005) [4, с. 680], а также в толковых словарях русского языка, например, в «Современном толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой (2000) *татами* - «соломенные маты, циновки стандартного размера, которыми покрывают пол в традиционных японских домах» [11]. В современных энциклопедических словарях, например, в энциклопедии «Япония от А до Я» (2000) [36, с. 493]. **ТОНАРИГУМИ/ ТОНАРИ-ГУМИ**, нескл. Яп. 隣組 (букв. десятидворки). “Часть города из 10–15 дворов в Японии и на оккупированной ею территории, а также приказ, команда городских властей, предназначенная для жителей, проживающих в этих частях города”. *В административном отношении он (г. Харбин в 40-е гг. – прим. И.К.) был разделен на маленькие «клеточки» - десятидворки («тонаригуми»)* [30, с. 118]. *Сигнал «тонари-гуми» мгновенно поднял их всех от хибаки <...>* [7, с. 69]. **ТО-ФУ**, нескл. Яп. и кит. 豆腐. “Соевый творог”. *На треугольных хромая ножках, Мадамка с то-фу несет кульки* [34, с. 260]. Слово зафиксировано в энциклопедии «Япония от А до Я» (2000) [36] в варианте *тофу* – без дефиса. **ХИБАЧИ**, нескл. Яп. 火鉢. “Японская печь для приготовления еды, жаровня”. *Когда же горючее стало редкостью, пришлось переходить на японские «хибачи» - один из видов, кстати, очень удобной маленькой печурки, в которой использовалось сухое топливо – либо древесный уголь, либо брикеты из смеси угольной пыли и глины* [30, с. 128]. **ЧИКАТАБИ**, нескл. Яп. 地下足袋 (дзика таби, букв. таби, соприкасающиеся с землей). “Японская рабочая обувь”. *От японского разгрома остались разоренные пакгаузы, к которым сбегали наиболее расторопные русские, чтобы добыть себе крепкие солдатские ботинки или резиновые чикатаби* [7, с. 37]. Известно, что *таби* называют традиционные японские носки с отделением для большого пальца, которые носят с *гэца* (см. **ГЕТТО/ГЕТА**) [18, с. 192].

Среди собственных имен существительных, заимствованных из японского языка в русский язык восточного зарубежья, можно назвать имя богини, **Аматэрасу/Аметараса** «Во-вторых, - продолжал я, - благоговейное почитание богини *Аматэрасу* противоречит основным принципам христианства» [10, с. 35]; «Японские власти также требовали поклонения японской богине *Аметараса*» [34, с. 41], а также название храма, ей посвященного – **Кенкоку-симбио** «Делаем глубокие поклоны в сторону резиденции императоров этих стран, а в особые дни – и в сторону храма *Кенкоку-симбио*, посвященного богине *Аматэрасу*...» [10, с. 15]; названия организаций, например, **Киокакай** «После обеда я имел такую же беседу с начальником трехреченского штаба *Киокакай*» [10, с. 53]; названия памятников, например, **Чурейто** «Водили стадо мимо Гольфова поля, Яшкина сада, русского форта 1904

г., мимо валов правее **Чурейто** – памятника японским солдатам, павшим в Русско-Японскую» [7, с. 35], «В дни памяти убиенных японских воинов все гимназисты харбинских гимназий были обязаны ездить на окраину города для поклонения памятнику **Чурейто**» [26, с. 41]; названия государств **Маньчжоу-Го/ Маньчжоуди-Го/ Маньчжуго/ Маньчжу-Ди-Го** «Я уехал и позднее узнал, что на мое имя пришла повестка с вызовом на сбор в отряд обороны **Маньчжоу-Го**» [26, с. 82], «В столице **Маньчжоуди-Го** Чаньчуне в 30-х гг. проводились соревнования» [26, с. 220], «Впервые пришлось сегодня получить письмо из Харбина с почтовыми марками **Маньчжуго**. Марки эти здесь не признаются, поэтому я доплатил за письмо» [14, с. 220], «Северная, Синяя армия защищала столицу **Маньчжу-Ди-Го**, Синьцзин, от наступавшей с юга Красной армии» [23]; **Ниппон** «Все должны были быть лояльны **Ниппон** и везде были введены поклоны в сторону резиденции императора» [34, с. 48] и др.

Итак, в статье представлено лексикографическое описание 17 заимствованных из японского языка в русский язык восточного зарубежья слов. В тематическом плане все они связаны с национальными традициями Японии в области культуры, быта и пр. Это наименования традиционной одежды и обуви: *гетто/гета, кимоно, момпэ, чикатаби*; наименования блюд и ингредиентов: *бенито, гохан, тофу*; наименования предметов внутреннего убранства японского жилища: *татами, хибачи* и пр.

Заимствования из восточных языков в русском восточном зарубежье проходили естественную адаптацию к языковой системе русского языка: получали оформление средствами графики русского языка, включались в грамматическую систему, приобретая частеречную принадлежность и словоизменительные признаки, осваивались семантически.

Судьба заимствованных из восточных языков слов различна: одни заимствования бесследно ушли вместе с языком русского восточного зарубежья; другие, параллельно или чуть позже входившие в русский язык метрополии, остались в русском языке.

Литература

1. Анцыпова А. Н. Язык русского зарубежья Австралии. Лексико-грамматический аспект (на материале письменных текстов): Автореф. дис. канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 19 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.
3. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1999. 1456 с.
4. Булыко А. Н. Современный словарь иностранных слов. М., 2005. 848 с.
5. Голубева-Монаткина Н. И. Эмигрантская русская речь // Русский язык зарубежья / Отв. ред. Е. В. Красильникова. М.: УРСС, 2010. С. 8-68.
6. Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.: ИРЯЗ, 1995. 176 с.
7. Дземешкевич Л. К. Дон Кихот Харбинский. Омск, 2001. 347 с.
8. Дзюньитиро Т. Похвала тени. М., 2006. 384 с. URL: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1097&page=4> (дата обращения: 02.03.2017).
9. Добродомов И. Г. Заимствование // ЛЭС / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 158-159.
10. Дьяков И. О пережитом в Маньчжурии за веру и Отечество. Записки православного. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000. 104 с.
11. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. М.: АСТ, 2005 // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 23.08.2017).
12. Земская Е. А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: Коллективная монография / Отв. ред. Е. А. Земская. М.; Вена, 2001. С. 19-340.
13. Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5-18.
14. Китай и русская эмиграция в дневниках И. И. и А. Н. Серебренниковых. Т.1: «Пока мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919-1934). М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
15. Косицына И. К. Новые слова в русском языке восточной эмиграции: словообразовательный аспект // Вестник ТГПУ. 2017. № 3. С. 94-100.
16. Крысин Л. П. Русское слово свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
17. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
18. Ньюман А. Мода от А до Я. Иллюстрированный словарь. М., 2010. 256 с.
19. Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 352 с.

20. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1911. 458 с. PDF.
21. Райан Н.В. Россия – Харбин – Австралия: сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М., 2005. 208 с.
22. Рубеж. Харбин, 1934. № 37.
23. Рубеж. Харбин, 1934. № 44.
24. Рубеж. Харбин, 1937. № 29.
25. Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В. П. Крейд. М.: Время, 2001. 720 с.
26. Русский Харбин / Сост. Е. П. Таскина. М.: Наука, 2005. 352 с.
27. Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005. 451 с.
28. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1910 // Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения: 23.08.2017).
29. Соната над Хинганом / Сост. Ли Цяньвэй // Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 Т. Пекин: Кит. молодежь, 2005. Т. 3. 605 с.
30. Таскина Е. Неизвестный Харбин. М., 1994. 192 с.
31. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под. ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. А-Кюрины. 1562 стб.
32. Хованчук О. А. Японский национальный костюм к. XIX – 60-е годы XX в. // Вестник ДВО РАН. 2005. № 4. С. 70-79.
33. Шипановская Л. М. Названия улиц старого русского Харбина: особенности номинации / Л. М. Шипановская, О. Г. Краснощека // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е. А. Оглезнева. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. С. 41-50.
34. Ширинская Е. Харбин. Маньчжурия. Сидней, 1998. 50 с.
35. Янковская В. По странам рассеяния. Нью-Йорк, 1978 / Библиотека электронной литературы. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%AF/yankovskaya-viktoriya-yurjevna/po-stranam-rasseyaniya> (дата 24.02.2017).
36. Япония от А до Я – популярная иллюстрированная энциклопедия / Гл. ред. и сост. В. О. Перфильев. М., 2000. 640 с.

BORROWING FROM THE JAPANESE LANGUAGE INTO THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE EASTERN EMIGRATION

Irina K. Kositsyna

Postgraduate Student of the department of Russian Language, Communication and Journalism
Amur State University
21 Ignatievskoe highway, Blagoveshchensk, 675027 Russia.

The Russian language in the East Abroad in the first half of the 20th century has a special way of development. The article is devoted to lexical borrowings in the Russian language of the eastern emigration from the Eastern languages using the example of borrowings from the Japanese language. The source of the material for the study was the magazine “Rubezh”, published in Harbin, memoirs and diary entries of representatives of the Russian East Abroad, as well as poetry and prose of Russian Eastern emigration. The purpose of the article is to analyze the identified borrowings from the eastern languages surrounded by Russian in the eastern emigration and to present a method for their lexicographical interpretation, taking into account encyclopedic data and data from source languages. The processes of updating and replenishing the vocabulary, in particular through lexical borrowings, characterize living language systems, to which should be attributed the Russian language in the East Abroad during almost the entire twentieth century.

Key words: the Russian language of the eastern abroad, borrowing, eastern languages, Japanese, direct borrowing, indirect borrowing, lexicography.

ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ МЕДИАТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИИ (на примере курса «Журналистское мастерство»)

© **Ленхобоева Татьяна Робертовна**

кандидат филологических наук

Восточно-сибирский государственный университет технологий и управления

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 42 в

E-mail: ltr_1@mail.ru

В статье рассматриваются основные особенности журналистских текстов в интернет-пространстве. Актуализирован феномен подобного медиатекста, который включает в себя вербальный, близкий к традиционному формату, и невербальный, включающий в себя иллюстрации, инфографику, аудио-видеоматериалы, пласты. Проанализирован сайт студенческой газеты «ВСГУТУ-online», его структура, внешний вид и медиатексты, которые опубликованы в данной студенческой газете. Показана технология работы над материалом на примере интервью с руководителем движения КВН по республике Бурятия «Чингис Болотов: злость должна быть спортивной». Детально описаны основные этапы работы. Также проанализированы лингвистические особенности текстов данной интернет-газеты. Рассмотрены такие характеристики медиатекста как его композиционное построение, лексический, морфологический и синтаксический строй, наличие мультимедийных, интерактивных и гипертекстуальных инструментов.

Ключевые слова: интернет-текст, «ВСГУТУ-online», лингвистические особенности

С апреля 2016 г. во ВСГУТУ выходит студенческая интернет-газета «ВСГУТУ-онлайн», корреспондентами которой являются студенты направления «Журналистика».

Интернет-газета «ВСГУТУ-online» имеет ряд постоянных рубрик: «События», «Университет», «Мнения», «Наши люди», «Стиль жизни». Такой детализированный рубрикатор позволяет широко осветить все векторы деятельности организации, полноценно рассказывать о научном, техническом и творческом потенциале университета. Также тематика выходит за рамки университетских тем (Например, встреча с известным театральным режиссером Олегом Юмовым «Олег Юмов: все творческие люди должны быть психами»; аналитические материалы «Парю, где хочу», «Пошумим? Мысли о современном рэпе»).

Что касается внешнего вида, то издание имеет современный, удобочитаемый дизайн, структурированное и последовательное использование элементов, акцентирующих внимание читателя, яркое, цветное и в то же время лаконичное оформление. В неделю выходит 2-5 материалов ввиду информационной насыщенности недели [1].

На сайте газеты «ВСГУТУ-online» читателям предоставлена возможность сохранить материал на своем аккаунте в социальных сетях «Facebook», «Вконтакте», «Twitter», «Одноклассники» или подписаться на газету, чтобы получать оповещения о новых материалах и комментариях на адрес своей электронной почты. Также на сайте доступна функция комментирования.

При работе над материалами газеты студенты под руководством преподавателя отслеживают информационные поводы, планируют свою деятельность по работе над материалом. Также учащиеся занимаются поиском и отбором информации, обрабатывают и проверяют полученную информацию и формируют материал в соответствии с законами жанра.

Покажем технологию работы над материалом на примере интервью с руководителем движения КВН по республике Бурятия Чингисом Болотовым.

Статья вышла в преддверии поездки команды КВН «Хара Морин» на музыкальный фестиваль «Голосящий КиВиН» в г. Пятигорск. Собственно это и послужило информационным поводом. Далее студенты при подготовке к интервью собрали всю доступную информацию о Чингисе, составили вопросник. При работе над вопросником студентам нужно не просто перечислить вопросы, а продумать стратегию и тактику ведения интервью. Далее следует этап утверждения вопросника совместно с преподавателем, дополнительная проверка актуальных вопросов. Затем следует организация встречи с Чингисом Болотовым, проведение интервью.

Далее этап обработки материала, прежде всего обеспечение правильности приводимых цитат, цифр и т.д. Очень важно соблюдать сроки выполнения работы и предоставление ее преподавателю. В качестве заключительного этапа работы следует проверка материала совместно с преподавателем,

нахождение слабых мест интервью (неясность сказанного, места с двойным смыслом, нахождение фактических, логических, грамматических и стилистических ошибок). Если требуется, то студенты работают над материалом дополнительно, улучшая его качество.

Что касается фотографий, то в данном материале были использованы фото с самого интервью и архивные фотографии Чингиса.

Последний этап работы – продвижение материала в социальных сетях. Ссылки на интервью были размещены в официальной группе ВСГУТУ и на личной странице Чингиса Болотова в социальной сети «ВКонтакте», а также в группах КВН-движения Бурятии [2, с. 44].

Далее рассмотрим лингвистические характеристики интернет-текста в области лексики, морфологии и синтаксиса.

К лексическому пласту медиатекстов отнесем следующие особенности: отсутствие сложной терминологии, даже в статьях о научном потенциале вуза, авторы стремятся избегать сложных терминов, объяснять сложный научный материал доступно для широкой аудитории (статья «Создай своего робота», или «Наш технолаб»). Также наблюдается широкое использование оценочной лексики. Для студенческой газеты характерно использование молодежного сленга, заимствований, в основном из английского языка, (*бэкстейдж, диджей, олдскульная традиция, селфи* и т.д.).

Характерной особенностью морфологии интернет-текста является активное употребление собственных имен существительных, множественного числа имен существительных; используются глаголы совершенного и несовершенного вида в прошедшем времени. Глаголы в повелительном наклонении вместо 2-го лица множественного числа употребляются в переносном значении в форме 1-го лица множественного числа (так называемое инклюзивное значение). Также предпочтение отдается глаголам активного залога [4, с. 224].

В количественном отношении больше употребляются имена существительные и глаголы. Поскольку существительные и глаголы показывают действия, события, факты. Прилагательные и причастия привносят в текст оценочность, насыщают его и замедляют течение повествования.

Например, «Мы пропагандировали ЗОЖ, ездили в дома престарелых, навещали ветеранов, устраивали театральные представления для детей» (из материала «Люди с добрым сердцем»).

На уровне синтаксиса язык интернета испытывает сильное влияние разговорной речи. Для интернет-текстов характерна простота и прозрачность конструкций предложений. Также преобладают простые предложения, сложные предложения чередуются с простыми, возможны неполные предложения [4, с. 224].

Сплошной текст необходимо разбивать на абзацы, состоящие из нескольких предложений. Один абзац отделяется от другого пустой строкой. Очень важно, чтобы в каждом абзаце содержалась одна законченная мысль, это упрощает понимание текста.

Особенность медиатекстов в интернет-среде заключается в том, что они представляют собой сочетаний вербального и невербального пластов. Если вербальный пласт традиционно восходит к печатным СМИ, и на этом уровне, как правило, происходит анализ непосредственно самого текста, то невербальный уровень в интернет-пространстве включает в себя иллюстрации, флеш-эффекты, анимацию, инфографику, видео-, аудиоматериалы, встроенные в тело статьи в качестве дополнения к содержанию или точного его воспроизведения в другом формате (аудиоверсия текста), а также различные виджеты (прогноз погоды, точное время и т. д.) [3].

В целом, хочется отметить возрастающую мотивацию студентов к изучению русского языка, усиленной работе над языковыми нормами, поскольку студенты, работающие над материалами интернет-газеты, испытывают ответственность перед редактором и перед аудиторией.

Литература:

1. Варфоломеева Ю. Н., Ленхобоева Т. Р. Специфика медиатекстов (на примере журналистских текстов студенческой интернет-газеты ВСГУТУ-online). URL: http://e-notabene.ru/fil/article_20827.html (дата обращения: 15.09. 2017).
2. Ленхобоева Т. Р. Роль преподавателя в процессе организации практикоориентированной деятельности студентов (на примере дисциплины «Журналистское мастерство») // Сб. ст. междунаrod. научно-метод. конф. Вып. 24. Т.3. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 39-45.
3. Миронова Д. А. Газетный медиатекст онлайн-формата как особый коммуникационный феномен. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gazetnyy-mEDIATEKST-onlayn-formata-kak-osobyuy-kommunikatsionnyy-fenomen> (дата обращения: 01.10. 2017).
4. Универсальный журналист. Основы творческой деятельности: учебник: в 2 ч. / под ред. Л. П. Шестеркиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. Ч. 1 275 с.

TECHNOLOGY OF CREATION OF MEDIA TEXTS IN THE INTERNET EDITION
(on an example of a course «Journalistic skill»)

Tatyana R. Lenkhoboeva

Candidate of Sciences in Philology

East-Siberian State University of Technology and Management

Russia, 670000, Ulan-Ude, ul. Klyuchevskaya, 42v

The article examines the main features of journalistic texts in the Internet space. The phenomenon of such media text is actualized, which includes verbal, close to the traditional format, and non-verbal, including illustrations, infographics, audio-video materials, layers. The site of the student newspaper "VGGUTU-online", its structure, appearance and media texts, which are published in this student's newspaper, is analyzed. The technology of working on the material is shown on the example of an interview with the head of the KVN movement in the Republic of Buryatia "Chingis Bolotov: anger must be athletic". The main stages of the work are described in detail. Linguistic features of the texts of this Internet newspaper are also analyzed. Such characteristics of media text as its compositional construction, lexical, morphological and syntactic structure, presence of multimedia, interactive and hypertextual instruments are considered.

Key words: Internet text, "VGGUTU-online", linguistic features.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА В БУРЯТИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

© **Майоров Александр Петрович**

доктор филологических наук, профессор
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: map1955@mail.ru

В статье рассматриваются предпосылки зарождения региональной лингвистики как научного направления и причины ее актуальности в отечественном языкознании на современном этапе. Суть рассматриваемого научного направления определяется предметом его исследования, в роли которого выступает региолект. Разные толкования этого термина в региональной лингвистике потребовало дать в статье свое определение. Особое внимание уделяется истории становления региональной лингвистики в Бурятии: выделяются основные этапы ее развития – с периода исследования русских говоров, сложившихся на ее территории, до формирования современных лингворегионоведческих направлений. Среди последних выделяется историко-лингвистический подход к исследованию забайкальского региолекта, устанавливающий специфические пути его становления и развития с XVIII в. Кратко обрисовываются перспективы дальнейших теоретических исследований забайкальского региолекта.

Ключевые слова: региональная лингвистика, региолект, разговорная речь.

Региональная лингвистика как научное направление в нашей стране приобрела особую актуальность, обусловленную рядом факторов. Прежде всего следует отметить возросшую в речевой коммуникации роль разговорной речи и, в частности, региолекта как ее территориально-ограниченной устно-разговорной разновидности, выступающей основным объектом исследования в региональной лингвистике.

Возрастание роли разговорной речи в речевой коммуникации проявляется в коллоквиализации публичных сфер общения – языка средств массовой информации, политического дискурса, рекламных текстов, языка художественной литературы; в расширении сферы ее функционирования – употреблении средств разговорной речи в интернет-общении и пр. Явление коллоквиализации и изменение формата речевой коммуникации (появление интернет-связи), предопределившее привлечение средств разговорной речи, во многом связано с фактором демократизации национального языка, последовавшей в результате кардинальных социально-политических изменений в России.

Все это, безусловно, требует специального исследования в разных направлениях современного языкознания, в том числе и в региональной лингвистике.

Другая причина востребованности региональной лингвистики кроется в том, что в результате действия процессов глобализации идет перманентный процесс нивелирования диалектных различий, ведущий к образованию новых социальных форм общенародного языка – полудиалектов, региолектов, социолектов.

Следует назвать еще один фактор актуальности региональной лингвистики, стоящей в ряду с теми научными дисциплинами, которые изучают язык в действии, в его реальном функционировании. В региональной лингвистике актуально исследование языка аутентичных текстов разговорной речи, и оно требует применения помимо традиционного структурно-системного подхода методов корпусной лингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии и лингвопрагматики с учетом регионального колорита объекта исследования.

Поскольку суть рассматриваемого научного направления определяется предметом его исследования, в роли которого выступает региолект, необходимо, раскрывая содержание термина, строго установить черты исследуемого объекта. В современной языковой ситуации России традиционное противопоставление литературного языка другим социальным формам общенародного языка сегодня обрело иное социолингвистическое наполнение. Даже в известной оппозиции «литературный язык – диалекты» для второго члена акцент сегодня делается не столько на территориальной локализованности как его характерной черте, сколько на социальной и ситуативной неоднородности данного языкового образования. В ходе идентификации региолекта и его языковых средств следует исходить не столько из структурно-системных и историко-генетических характеристик, а из функционального предназначения данной социальной формы языка. Как известно, понятие «региолект» в трудах отечественных

лингвистов трактуется обычно со ссылкой на введших данный термин в научный оборот русистики А. С. Герда и В. И. Трубинского, и толкование этого термина в них с небольшими вариациями одинаково [2; 7; 8; 9, 10]. Прежде всего практически все исследователи характеризуют региолект как промежуточную стадию (идиом, вариант региональной речи) между народными говорами и просторечием или литературным языком. Нередко среди отличительных черт региолекта называют признаки, выделяющие его по уровню образования носителей языка (высокий, невысокий), по месту распространения (деревня, город), по выходу за пределы своего ареала распространения (редко, часто) [8]. В то же время необходимо подчеркнуть различие в толковании данного термина в лингвистических традициях романского языкознания и русистики [1]. В нашем понимании региолект – это устно-разговорная разновидность национального языка, которая, обладая специфическими признаками на уровне фонетики, лексики и частично морфологии, обслуживает повседневное общение носителей языка в том или ином регионе одного языкового сообщества.

Безусловно, как и у любой новой научной дисциплины, в региональной лингвистике еще много вопросов теоретико-методологического характера, не получивших должного разрешения. Сам факт варьирования в наименовании направления – лингвокраеведение, лингворегионоведение, лингвистическое регионоведение, региональная лингвистика – свидетельство достаточно «юного» возраста данного научного направления. Следует заметить, что в последнее время за ним все больше закрепляется термин «региональная лингвистики», который, впрочем, удачным назвать нельзя. Термин многозначен, так как определением «региональный» указывается и на объект исследования – язык региона, и на территориальную маркированность проведения лингвистических исследований – языкознание в данном регионе.

История изучения территориального варьирования общенародного языка в виде диалектов, говоров зарождается еще в XIX в., в научных взглядах младограмматиков. Однако на возможность варьирования такой наддиалектной формы, как литературный язык, обратили внимание ученые двадцатого столетия. Тогда сложились две точки зрения: признание единых норм литературного языка, не подвергающихся варьированию (Е. Ф. Будде, Ф. П. Филин, В. В. Виноградов и др.) и признание территориального варьирования литературного языка (М. В. Панов, Р. Р. Гельгард, А. С. Герд и др.).

Вероятно, утверждению региональной лингвистики как отдельной научной дисциплины в большей степени способствовали факты существования региональных вариантов национального языка, которые в статусе литературных идиомов отмечены в Италии, Германии, Югославии. Активно вопросами регионального варьирования национального языка занимались во Франции [1], откуда, собственно и пришел термин «региолект».

Сегодня региональная лингвистика в России развивается довольно интенсивно. Она представлена лингвистическими школами и специальными исследованиями в Белгороде, Волгограде, Воронеже, Курске, Тамбове, Вологде и др. Особенно плодотворно проблемами региональной лингвистики занимаются на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке: это, прежде всего, Пермская школа социолингвистики под руководством Т. И. Ерофеевой и Е. В. Ерофеевой [3; 4; 5], в которой ключевым является понятие социальной диалектологии и в течение многих лет разрабатывается теория локальной вариативности литературного языка. Известны своей деятельностью в этой области языкознания Региональный лингвистический центр Приенисейской Сибири (КГПУ им. В. Астафьева, г. Красноярск), лаборатории региональной лингвистики в Читинском и Амурском государственных университетах, активно проводятся лингворегионоведческие исследования в Томске, Магадане, Хабаровске.

Истоки региональной лингвистики в Бурятии восходят к исследованиям русских говоров, сложившихся на ее территории, – старожильческих и старообрядческих. Говоры русского старожильческого населения Бурятии исследовали К. А. Молодых, Ю. Д. Кашевская, Э. А. Колобова, Э. Д. Эрдынеева, К. Н. Матвеева, А. П. Майоров. Однако больше внимания в русистике Бурятии было уделено говорам переселившихся в Бурятию в восемнадцатом столетии старообрядцев (семейских). В свое время начало их изучению положил А. М. Селищев, и с 60-х гг. XX в. описание этих говоров в основном на уровне лексики сделали Е. И. Тынтуева, Н. А. Дарбанова, И. Ж. Степанова, М. Б. Матанцева, а полное структурно-системное фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса осуществили Т. Б. Юмсунова и О. М. Козина.

С 2001 г. на кафедре русского языка, а затем на кафедре общего и исторического языкознания под руководством А. П. Майорова разворачиваются историко-лингвистические исследования забайкальского региолекта, устанавливающие специфические пути его становления и развития с XVIII в. Главным источником служили памятники деловой письменности данного региона, хранящиеся в РГАДА, НАРБ, ГАЧО, ГАИО, и к ним применялся лингвоисточниковедческий подход, давший замечательные результаты (например, установление динамики произносительной нормы изучаемого узуса в течение

столетия в виде смены оканья аканьем, подтверждение черт северновеликорусского происхождения в словарном составе региолекта, регионализация европейских новозаимствованных слов как следствие их устно-разговорной адаптации и др.).

Обращение к исследованию современной русской устно-разговорной речи Бурятии произошло относительно недавно. Официально тема «Региональные варианты национального языка. Русский язык в Забайкалье: история и современное состояние» была заявлена в рамках НИОКР в 2013 г. Однако научные и практические результаты, на мой взгляд, достаточно весомы. Среди них особо хотелось бы отметить следующие:

а) разработка понятия «региолект» в его отношении к современным социальным формам существования национального языка с целью установления принципов отбора материала русской разговорной речи Бурятии;

б) разработка понятия «регионализм»;

в) аудиозапись аутентичных текстов устно-разговорной речи представителей разных социальных групп (18 ч.);

г) дешифровка и создание электронной базы данных текстов региональной русской разговорной речи, 12 п.л.;

д) научно-исследовательский грант БГУ «Регионализмы русской разговорной речи Бурятии: синхронное и диахронное освещение», участники проекта: М. В. Бохиева, Л. Н. Омельченко, М. Б. Матанцева, И. Ж. Степанова, Д. Ш. Харанутова, руководитель: А. П. Майоров (2017 г.);

е) организация и проведение Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Региональные варианты национального языка» с публикацией материалов конференции (октябрь 2013 г.);

ж) публикация ряда статей в журналах, входящих в перечень ВАК (Русский язык в научном освещении, Русская речь в 2015-2016) и индексируемых в базе данных Web of Science (Известия РАН. Серия литературы и языка, 2016).

з) издание хрестоматии «Русская разговорная речь Бурятии. Тексты в орфографической записи». Составители: А.П.Майоров, И.Ж.Степанова (20 п.л., 2016 г.).

Перспективы исследования забайкальского региолекта видятся следующие:

а) Актуально применение современных подходов к исследованию забайкальского региолекта: социолингвистического, лингвопрагматического, лингвокультурологического, корпусного анализа собранного материала.

б) Всегда выигранным остается ономастический аспект исследования регионального варианта: топонимика, эргонимика, антропонимика. Это, кстати, одно из приоритетных направлений многих российских школ региональной лингвистики.

в) Закономерно вырастает необходимость разрабатывать лексикографический аспект описания забайкальского региолекта.

г) На базе собранного аудиоматериала русской устно-разговорной речи Бурятии перспективным представляется разработка регионального подкорпуса, который мог бы войти в состав Национального корпуса русского языка, составляемого в Институте русского языка РАН им. В. В. Виноградова.

д) Следует продолжать историко-лингвистические исследования забайкальского региолекта. В планах стоят подготовка и издание монографии, посвященной описанию фонетического и грамматического строя забайкальского региолекта XVIII в.

е) Конечной целью исследовательской работы в этом направлении остается составление словаря региональной разговорной речи.

Литература

1. Бородина М. А. Диалекты или региональный язык? // Вопросы языкознания. 1982. №5.
2. Грузберг Л. Региолект // Филолог. 2010. Вып. 11. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208 (дата обращения: 26.01.2015).
3. Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь, Изд-во Пермского ун-та, 2005.
4. Ерофеева Е. В. Взаимоотношения идиомов в социуме и идиолекте // Русский язык сегодня. Вып.4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: 2006. С.197-206.
5. Ерофеева Т. И. Нормы устной городской литературной речи в социолингвистической интерпретации // Там же. С.206-214.
6. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

7. Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 119-136.
8. Пиперски Александр. Остаточные региолектные явления в языке трех поколений одной семьи URL: https://www.academia.edu/5517881/Александр_Пиперски._Остаточные_региолектные_явления_в_языке_трех_поколений_одной_семьи (дата обращения: 26.01.2015).
9. Степанова И. Ж., Бохиева М. В. Региональное варьирование русского языка: вопросы стратификации // Вестник Новосибирского университета. Серия: История, филология. 2012. Т.11. Вып.: Филология. С.137-143.
10. Хорошева Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета. 2011. Вып.3 (15). С.32-36.

REGIONAL LINGUISTICS IN BURYATIA: HISTORY, MODERN CONDITION, PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Alexander P. Mayorov

Doctor of Sciences in Philology, Professor

Buryat State University

24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article discusses the prerequisites of a regional linguistics as a scientific direction and the reasons for its relevance in national linguistics at the present stage. The essence of the scientific direction in question is determined by the subject of his research, in which the regiolect plays the role. Different interpretations of the term in regional linguistics was asked to give the article its definition. Special attention is paid to the history of the formation of regional linguistics in the Buryatia Republic: highlights the main stages of its development from the period of the study of Russian dialects prevailing in its territory, before the formation of modern directions of regional linguistics. Among the latter stands a historical-linguistic approach to the study of the TRANS-Baikal regiolect, establishing specific ways of its formation and development from the eighteenth century. Outlined the prospects for further theoretical studies of the TRANS-Baikal regiolect.

Key words: regional linguistics, regiolect, speaking.

ЭРГОНИМЫ В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (на примере названий магазинов г. Улан-Удэ)

© Мархеева Туяна Владимировна

преподаватель Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а

E-mail: japstudy@mail.ru

Эргонимы – лингвокультурный феномен, который является результатом взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов. Функциональное многообразие эргонимов определяется интенциями номинатора. Наряду с необходимостью информировать о предприятии в целом, услуге или товаре существует целый ряд требований к современному эргониму: он должен привлекать внимание и легко запоминаться, вызывать положительные ассоциации и быть понятным широким слоям городского населения. Данная статья посвящена изучению эргонимов в контексте языкового пространства города. Объектом исследования послужили названия магазинов. Нами сделана попытка анализа эргонимов г. Улан-Удэ в лингвомаркетинговом аспекте, что позволило выявить основные языковые средства, используемые в номинации магазина для формирования полноценного образа, следующие критериям: 1) понятности и доступности для восприятия целевой аудитории, 2) позиционированию бренда и его имиджу, 3) индивидуальности 4) созданию соответствующих, связанных с ним, маркетинговых ассоциаций в сознании потребителя, 5) запоминаемости и адресности.

Ключевые слова: ономастика, эргонимы, семантика, номинация.

В настоящее время большой интерес у лингвистов вызывает изучение состояния и функционирования языка, отражающего социально-экономические, культурные преобразования общества, особенно в отношении такого явления в языке, как язык города. Городская речь является объектом изучения с точки зрения ее взаимодействия с литературным языком, специфики речи горожан и т. д.

Для нас же представляется интересным изучение внутригородских названий, т.е. изучение ономастического пространства города, где представлен обширный пласт наименований различных объектов. Имена собственные – наиболее репрезентативные объекты комплексного изучения взаимодействия языка и культуры.

Ономастическое пространство включает в себя различные термины, в том числе и эргонимы, которые определяется как разряд онима: «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [1, с. 166].

Анализ эргонимов впервые был проведен А. В. Суперанской в книге «Общая теория имени собственного». Автор представила две разновидности онимов: реальный, отражающий местоположение компании и характер ее деятельности, и символический, «дающий лишь некоторый намек на характер ее деятельности» [2, с. 197].

В нашей работе мы использовали два традиционных подхода в изучении эргонимов: ономастический – связанный с выяснением того, как объект получает имя и семасиологический, обращенный к изучению имен и их возможностей. Это позволило выявить принципы наименования указанного вида городских объектов, которые в той или иной мере могут реализовываться недостаточно последовательно или недостаточно явно.

Исследование проведено на материале эргонимов - названий магазинов из собранной нами картошки онимов (некоторая часть онимов получена методом сплошной выборки в информационном портале г. Улан-Удэ).

Общее свойство магазинных онимов, обеспечивающее им существование – это ономастические коннотации – ключевое понятие в процессе создания онима. Коннотация – сопутствующее значение языковой единицы, включающее дополнительные элементы, имеющие устойчивую связь с основным значением в сознании человека. Коннотации выражают эмоциональные или оценочные оттенки слова, направленные не на конкретный объект номинации, а на городскую среду в целом.

В наименовании магазинов участвуют слова, семантика которых либо связана с деятельностью магазина, либо не связана. Именно последние, такие как «Весна», «Ургы», «Ромашка», «Титан», «Абсолют» и множество других, воспринимаются как «магазинные онимы», в отличие от магазинных апеллятивов: мини-маркет, универмаг, продукты, хозтовары и т.д. В магазинных апеллятивах четко

указывается направление деятельности. Попытаемся ответить на вопрос, какие свойства именуемого объекта «дают жизнь» избранной номинации.

Свойство мотивированности / немотивированности с позиции адресата оборачивается свойством информативности / неинформативности. В связи с этим, магазинные онимы можем разделить на две условные группы: информативные и неинформативные. Неинформативные, не имеется ввиду – не несущие никакой информации, ни в коем случае. К неинформативным относим названия магазинов, не несущих никакой маркетинговой информации. Информативность эргонимов-апеллятивов можно интерпретировать как возможность воспринимать имя как высказывание, например: «Продукты» можно понять как «здесь продаются/ можно купить продукты»; «Хозяйственные товары» можно понять как «здесь продаются/ можно купить хозяйственные товары». Имя при этом является ремой высказывания, тогда как остальная ее часть – тематическая, или пресуппозитивная – воспринимается как обычное явление в городской среде.

Что касается магазинных онимов, то часть имен магазинов не дает возможности такого прочтения, например, «Incity» (Инсити): только в магазине понимаешь, что это магазин, специализирующийся на молодежной недорогой одежде, привлекательное название «Русский лен» не символизирует о том, что здесь продается женская одежда. Возникает даже некоторая путаница, например, магазин «Salamander» (Саламандер) – это магазин элитной бижутерии, хотя саламандер всегда ассоциируется с элитной обувью. В нашем городе функционируют бутики мужской одежды «Канцлер» и магазины «Канцлер», где продаются канцелярские товары и учебные принадлежности и т. п.

В собранной картотеке магазинных онимов нашего города объем таких имен незначителен, их можно отнести к группе неинформативных магазинных онимов.

Проведенный нами анализ неинформативных магазинных онимов позволил выделить некоторые основные номинативные сферы, «поставляющие» имена:

- а) топонимы – «Верхнеудинск», «Николаевский», «Окинский» и др.;
- б) названия природных объектов – «Селенга», «Родничок», «Байкал» и др.;
- в) названия-антропонимы – «Сэсэг», «Алтана», «Любава» и др.

Так все же почему магазинам дают названия, которые не дают маркетинговой информации? На наш взгляд, одна из основных задач, которую выполняют неинформативные онимы – это быть знаками социальной памяти. В первую очередь к ним относятся онимы группы а и б – названия, образованные от топонимов, которые придают названиям символическое значение.

Большую часть имен магазинов составляют информативные имена, позволяющие воспринимать их как высказывания, существенные для человека. Уже это обстоятельство приводит к мысли рассматривать их не с позиций «имя-объект», а с позиций «ситуация-объект», отмечая при этом, какие ситуации мотивируют наименование магазина.

Недостаточно рассматривать магазинные эргонимы с точки зрения ситуации купли-продажи. В процесс номинации оказываются вовлечены еще две ситуации: предшествующая ей ситуация изготовления/добычи/доставки товара и следующая за ней ситуация использования товара.

Так, можно выделить следующие номинации ситуативной цепи:

1. Названия магазинов, представляющие собой имена производителей. Такие названия появились в связи с деятельностью «индивидуалов», а также тенденцией открывать фирменные магазины предприятий/изготовителей. В этом случае магазину присваивается наименование предприятия, здесь используется метод трансонимизации. Например, магазин «Наран» (производственное объединение, занимающееся изготовлением трикотажных, войлочно-вяленых изделий), «Ажур-Текс» (трикотажная фабрика). К этому же типу можно отнести названия «Бурятмясопром», «Бурятхлебпром», «Молоко Бурятии». Подобным названиям «дает жизнь» такой экстралингвистический фактор, как персонафикация экономической жизни, возможность информировать покупателя о ситуациях, предшествующих появлению товара на прилавках. В связи с этим оценка их может быть скорее всего позитивной. Обозначая на вывесках имена реальных участников экономической жизни города или региона, номинаторы населяют городскую среду реальными персонажами, делая ее информативной.

2. Номинации по товару, который продает магазин. Этот тип номинации довольно редок и не всегда может быть удачным. Такие названия включают в себя экспликатор «изделия» и лексемы квалификативной семантики: кондитерские, швейные, пекарни, например, «Куйтунская пекарня», «Пекарня», «Кондитерские изделия» и т.д. Информированными в таких случаях оказываются сведения о способе изготовления, при этом слово изделия оказывается часто служебным, строевым элементом конструкции, а вся конструкция производит впечатление номенклатурного канцеляризма, с чем и связана ее негативная оценка.

3. Номинация по географическому расположению обращает внимание на место изготовления или добычи товара. Это так называемая прямая номинация, например, «Белорусские продукты», «Томская обувь», «Дары Алтая».

В перечисленных выше типах номинации ономастическая интерпретация не может обойтись без указания на кореферентность ситуативной цепи. Номинации, опирающиеся на ситуацию, предшествующую продаже, разнообразны. Их появление отражает новые социальные явления.

Анализ и приведенные примеры показывают, что ситуация купли/продажи всеми своими компонентами привлекается в мотивации наименований магазинов. Их дифференциацию «проводит» время со своими эстетическими и социальными предпочтениями. Из современных тенденций можно отметить две: активизацию адресатно-мотивированных номинаций и детализацию объективно-мотивированных наименований.

Литература

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.
2. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: ЛКИ, 2007.

ERGONYMS IN THE LINGUISTIC SPACE OF THE CITY (on the material of the names of shops in Ulan-Ude)

Tuyana V. Markheeva

Lecturer of Buryat State University

Buryat State University

24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Ergonym is a linguocultural phenomenon, the result of interaction of linguistic and extralinguistic factors. The functional variety of ergonym is determined by the intentions of the nominator. Along with the need to inform about the company as a whole, service or product, there are a number of requirements to the modern ergonyms: it should attract attention and be easily remembered, evoke positive associations and be understood by a wide section of the urban population. This article is devoted to the study of ergonym in the context of the linguistic space of the city. The object of the study was the names of the stores. We made an attempt to analyze the ergonomics of Ulan-Ude in the linguomarketing aspect, which allowed us to identify the main language tools used in the nomination of the store for the formation of a full-fledged image, the following criteria: 1) intelligibility and accessibility for the perception of the target audience, 2) brand positioning and image, 3) individuality 4) the creation of appropriate, associated with it, marketing associations in the mind of the consumer, 5) memorability and targeting.

Key words: onomastics, ergonym, semantics, nomination.

РУСИЗМЫ-ВКРАПЛЕНИЯ В УСТНОЙ БУРЯТСКОЙ РЕЧИ

© Намдакова Сэржема Сергеевна

преподаватель Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова
Россия, 670024, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8
E-mail: ser.namdackova@yandex.ru

Статья посвящена исследованию русизмов-вкраплений, широко используемых современными билингвами в устной бурятской речи. В данной работе вкраплениями являются включаемые в устные высказывания на бурятском языке неадаптированные слова и словосочетания русского языка в исходном грамматическом облике и полуадаптированные единицы с частичным грамматическим освоением. Автором рассматриваются грамматические особенности русских вкраплений и способы их интегрирования во фразы на бурятском языке. Выявлены и проанализированы в составе устных высказываний на бурятском языке неадаптированные группы слов и словосочетаний, сохраняющие все формальные грамматические признаки русского языка и полуадаптированные единицы, употребляющиеся с различными аффиксами и вспомогательными элементами бурятского языка. Русские вкрапления представляют собой все возможные лексико-грамматические разряды слов. Интеграция иносистемных элементов во фразу происходит по синтаксическим правилам бурятского языка с замещением совпадающих по смыслу и морфологическим характеристикам эквивалентных единиц языка-акцептора. Активное функционирование русизмов-вкраплений в составе фраз на бурятском языке способствует созданию смешанных бурятско-русских высказываний.

Ключевые слова: бурятский язык, русский язык, устная речь, двуязычие, иноязычное вкрапление, русизмы.

В настоящее время в условиях двуязычия спонтанная устная бурятская речь характеризуется активным использованием в ней различных неадаптированных и частично адаптированных единиц из русского языка, которые возможно рассматривать как вкрапления, или включения.

Существуют различные трактовки понятия иноязычных вкраплений. А. А. Леонтьев относит к вкраплениям «вставленные иноязычные «сегменты», слова, выступающие в иноязычном звуковом и/или графическом, грамматическом оформлении», слова с нетипичной для принимающего языка семантикой, а также случаи передачи «иностранный акцент» [4, с. 61]. Л. П. Крысин иноязычными вкраплениями считает «незамкнутые группы слов» чужого языка, употребление которых обусловлено «степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими и жанровыми особенностями речи» [3, с. 46]. Исследователь отмечает, что иноязычные вкрапления в отличие от лексических заимствований «не принадлежат системе использовавшего их языка, но функционируют в качестве более или менее связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц» [3, с. 49]. Ю. Т. Листрова термином иноязычное вкрапление обозначает иноязычные явления разного «объема» (от звука до куска связного текста в несколько страниц), включенные как инородные тела в речь билингвов» [6, с. 3-18], при этом «функциональное в речи билингва» указывается как основополагающий признак иноязычных вкраплений [5, с. 59].

При определении иноязычных вкраплений часто лингвистами ставится на первое место их адапционный параметр – неосвоенность (графическая неосвоенность, грамматическая неассимилированность) [2, с. 267; 1, с. 18]. Вместе с тем Ю. Т. Листрова выделяет группы иноязычных «полных вкраплений», которые могут вводиться в текст без каких-либо изменений, к ним она относит «самостоятельные предложения или их сочетание, междометие, обращение, часть сложного предложения, вставные или вводные конструкции», а также группы «частичных иноязычных вкраплений - слово, словосочетание, предложение или даже отрывок иностранного текста, которые частично (фонетически или морфологически) ассимилированы в принимающем языке или включены в синтаксические отношения с членами предложения заимствующего языка» [7, с. 24-26].

В нашем исследовании понимаем под вкраплениями, или включениями, слова и словосочетания русского языка, употребляющиеся в устных высказываниях на бурятском языке как без грамматической адаптации (с сохранением всех формальных грамматических признаков русского языка), так и с частичным грамматическим освоением.

В статье представлены результаты исследования неадаптированных и полуадаптированных единиц русского языка, используемых двуязычными бурятами в устной речи: рассматриваются некоторые грамматические особенности иносистемных элементов, способы их интегрирования во фразы на бурятском языке. Примеры представлены из транскриптов диктофонной записи устной спонтанной речи современных бурят-билингвов в ситуациях неофициального общения. Сбор эмпирического материала осуществлялся методом включенного и невключенного наблюдения.

Русские вкрапления при интегрировании во фразы сохраняют порядок слов бурятского языка и выполняют те же синтаксические функции, замещая конгруэнтные по смыслу и морфологическим характеристикам эквивалентные единицы принимающего (бурятского) языка. Неадаптированные словоформы, сохраняющие все формальные признаки русского языка, и полуадаптированные единицы со словоизменительными формантами бурятского языка относятся к различным частям речи.

Неадаптированные имена существительные выступают в форме числа и падежа русского языка, не утрачивая при этом родовые различия, например: ... *Хаража шадахагуйб, на заработки ябахамни гэжэ хэлэнэ аабзаб. / Смотреть (за ним) не могу, на заработки еду, скажу так; "Хэдыб даа нара болоод, проверка юмэн болодог лэ даа" - гэнэ. / "После того, как проходит несколько месяцев, бывает проверка," - говорит.*

Неосвоенные имена прилагательные, в основном качественные, также сохраняют все грамматические признаки русского языка в составе фраз, например: *Ахаймнай тиигэжэ ябахагуйл, олигой добро-совестный тэрэши ... ажалдаа. / Наш брат не будет так поступать, очень добросовестный он ... к работе; Ошобобди ... гэрниинь просторный, томо, мүнөөнэй коттеджнууд биш гу дээ? Тиимэ ... адли. / Приехали - дом их просторный, большой, нынешние коттеджи бывают же? Такой ... похожий.*

Следует отметить, что неосвоенные одиночные имена прилагательные употребляются билингвами редко. Выявлено гораздо больше примеров сочетаний имен прилагательных с именами существительными, например: *Харин сложный вопрос, сложный ... иигээд харахада ... / Однако сложный вопрос, сложный ...если так смотреть ...; Порядочный человек гэжэ ханаалби ... / Порядочный человек я думал; Тэрээгүүр ябаад ерэхэдэмнай, тэндэшини заболоченное место байгаа. / Мы ходили по тем местам, там заболоченное место оказалось; "Пионер" ошоходомнай ганса вечерний сеанс байжа байгаа, тиигээд хөөргөө бусажа ерэнэ ха юмди. / Когда поехали в "Пионер", только вечерний сеанс был, поэтому обратно пришлось возвращаться.*

Вкрапления-имена числительные в неадаптированном виде представлены в речи билингвов количественными разрядами, например: *Хуу сорок процентов түлэгдэхэ ёһотой. / Все сорок процентов должно оплатиться; Олон хүн байгаа, двести с лишним, буряадуудта тиимэ гү дээ. / Много человек было, двести с лишним, у бурят ведь так бывает.*

Порядковые имена числительные, включаются во фразы с частичным морфологическим освоением, присоединяя падежные окончания бурятского языка: *Девяносто пятада һуугаад тишиээ ошодог. / Обычно ездят туда на девяносто пятом. Порядковое числительное "пятый" принимает аффикс бурятского дательного падежа –да. Также используются порядковые числительные, функционирующие в усеченной форме в связи с потерей русских окончаний: Тэрэ трети общежитидэ байдаг. / Он живет в третьем общежитии; Тэрээнтэй первэ курсдэ һурахадаа, танилсаа хэмби./ Познакомился с ним, когда учился на первом курсе.*

Глаголы-включения функционируют в устных высказываниях в полуадаптированном виде, принимая те или иные аффиксы бурятского языка: *выигрэ-л-ээ, принима-л-даг, проводи-л-аа, сдава-л-ха* и др. Примеры: *А ши юмэ выигрэлээ хэн гүш? / А ты что-нибудь выиграла?; "Ямар үдэртэ принималдаг гэшиэд?" - гэжэ байжа даа һураа хамби (ха юм би) / "В какой день принимаете?" - справишвала я; Тэндэ хэдыдэхибта гэртэ принималдаг гэнэ. / "Там в каком-то доме принимает", - говорит; А хэн тэрэниие проводилаа юм? / А кто это проводил; Экзамен сдавалха хадаа, мүнөө ябажа эхилэхэ хэрэгтэй. / Раз будете сдавать экзамен, нужно сейчас начать ходить.*

Зафиксированы случаи употребления неадаптированного инфинитива-вкрапления в сочетании со вспомогательным глаголом бурятского языка *болохо* 'сделаться, становиться', которые образуют смешанное составное глагольное сказуемое: *заниматься болохо, договариваться болохо, защищаться болохо*. Например: *Номоол һайн үзэхэ, заниматься болохо хэрэгтэй гэжэ ходол хэлэжэ байхаш. / Хорошо учиться, заниматься надо - говоришь всегда; Хэзээ защищаться болохо бэ шэ? / Когда будешь защищаться?*

В устных высказываниях на бурятском языке могут использоваться формы, употребляющиеся в следующей комбинации: существительные русского языка + инфинитив-глагол бурятского языка хэхэ 'делать': *свадьбаяа хэхэ, мероприятия хэхэ (проводить свадьбу, мероприятие), регистраци хэхэ (оформлять регистрацию)*. Пример: *Дабаажабтан свадьбаяа хэхэ гэжэ, ехэ сүлөөгүй байна мүнөө. / Сейчас семья Дабаажаб готовится к свадьбе и очень занята.*

Достаточно регулярно употребление билингвами глаголов русского языка с аффиксами бурятских соединительных деепричастий, например: *пережива-л-жа, копи-л-жо, работа-л-жа, строи-л-жо, отдыха-л-жа* и др. Примеры: *Ехэ переживалжа унтаагуйб. / Не спала, очень сильно переживала; Энэ мунгөө мүнөө копилжо эхилээрээгты, арбан долоон жэл соо яһала процент болоно ааб даа. / Начните сейчас копить эти деньги, через семнадцать лет довольно много процентов прибавится.*

Не менее активно используются глаголы-включения, присоединяющие к своей основе аффиксы разделительных деепричастий бурятского языка: *распределя-л-аад, участвова-л-аад, репетировэ-л-ээд, готови-л-оод, звони-л-оод* и др. Примеры: *Эдэ обязанностияа түрүүн распределялаад,*

hүүлдэн эхилүүжэбди. / Сначала распределим эти обязанности, а потом начнем; Басаганинь дангийн конкурста участвоvalаад, первэ местэ абаа гээжэ дуулаа hэн гүт? / Вы слышали, их дочь участвовала в конкурсе "Дангина" и получила первое место?

Во фразах на бурятском языке часто используются неадаптированные наречия: *Тэдэшини **давным-давно** городто байдаг болонхой.* / Они **давным-давно** в городе живут; **Недовольно** байхадань гараад ябашоо hэм. / Так как он был недоволен, я вышел и ушел; *Хөөрэлдэ, бү хөөрэлдэ - **бессмысленно** гээжэ ханаад лэ өөрынхөөроо хэжэрхинэ хим биб* / Разговаривай, не разговаривай - бессмысленно - подумал я и сделал по-своему.

Легко и беспрепятственно включаются в бурятские предложения вводные слова и словосочетания: ***С одной стороны**, абгайтаяа байхадань, **hайн юм гү даа**, харуул доро байха.* / С одной стороны, с сестрой жить хорошо ведь, под присмотром будет; *Тэрэ документ тухай, **кажется**, хэлээгүй хаи таа.* / Об этом документе, кажется, не говорили; ***Конечно**, үглөөдэр ажалдаа гарахаб!* / Конечно, завтра выйду на работу!

Во фразы на бурятском языке вкрапляются и союзы (*а, но, тоже, также, потому что ..., поэтому, или ... или*): ... ***Или** үглөөдэр гү, **или** нүгөөдэр тишиээ ошожо мэдэхэб ...* / Или завтра, или послезавтра пойду туда и узнаю; *Үгы ... тэрээн тухай тишгээжэ дуулаагүйб, **поэтому** бү мэдэе ушөө.* / Нет ... об этом я так не слышал, поэтому еще ничего неизвестно.

Таким образом, в устной бурятской речи широко используются неадаптированные и частично адаптированные единицы русского языка, представляющие собой все возможные лексико-грамматические разряды слов: вкрапления-имена существительные, прилагательные, числительные, глаголы, наречия, вводные слова и словосочетания, союзы. Примечательно то, что русизмы-вкрапления употребляются вместо бурятских лексем с таким же значением, не нарушая порядок слов бурятского предложения и вступая в синтаксическую и грамматическую связь с единицами бурятского языка. Русские вкрапления включаются в устные высказывания на бурятском языке с разной степенью адаптации или употребляются в исходном грамматическом облике, создавая смешанные бурятско-русские высказывания.

Литература

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М., 2001. 439 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Международные отношения. М., 1980.
3. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
4. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. 1966. №7. С.60-68.
5. Листрова Ю. Т. К вопросу о разграничении иноязычных заимствований и иноязычных вкраплений (на лексическом уровне) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронежского университета. 1977.
6. Листрова Ю. Т. Иносистемные языковые вкрапления в русской художественной литературе XIX века. Воронеж, 1979. 155 с.
7. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1986. 142 с.

RUSSISM-INCLUSIONS IN ORAL BURYAT LANGUAGE

Serzhema S. Namdakova

lecturer of Buryat State Academy of Agriculture named after V. R. Philippov
8 Pushkina St., Ulan-Ude, 670024 Russia

The article is devoted to the research of russism-inclusions, that are widely used by modern bilinguals in oral buryat language. In this article inclusions are not adapted words in the buryat language and words combination of the Russian language in current grammar form and half adapted units with partly grammar development included in oral utterance. Grammar features of Russian inclusions and its ways of integration in phrases in the buryat language are considered by the author. Identified and analyzed in the oral statements in the Buryat language, unadapted groups of words and phrases that preserve all the formal grammatical features of the Russian language and semi-adapted units that are used with different affixes and auxiliary elements of the Buryat language. Russian inclusions are all possible lexico-grammatical classes of words Integration of inostratic elements into the phrase occurs according to the syntactic rules of the Buryat language with the substitution of equivalents of the accepting language that coincide in meaning and morphological characteristics of equivalent units of acceptor language. The active functioning of Russicisms-inclusions as part of phrases in the Buryat language promotes the creation of mixed Buryat-Russian utterances.

Key words: The Buryat language, The Russian Language, oral speech, bilingualism, foreign inclusions, russisms.

КОММУНИКАТИВЫ: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ БУРЯТИИ

© Омельченко Лилия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: pokrovskaya41@mail.ru

Статья посвящена проблеме изучения языковых особенностей русской разговорной речи, функционирующей на территории Республики Бурятия, в частности ее лексического своеобразия. В качестве предмета исследования выбраны коммуникативы, которые активно используются говорящими в устной диалогической речи. Данные языковые единицы представляют собой нечленимые стереотипные высказывания, входящие в состав ответных реплик диалога. В статье описываются коммуникативы для выражения прагматики согласия в праздноречевых жанрах устной разговорной речи. Определяются коммуникативно-синтаксические типы начальных реплик диалога, влияющие на возникновение ответных коммуникативов с семантикой согласия. Выявляются коммуникативы, имеющие региональную специфику. В качестве материала исследования используется фонд Лаборатории эколингвистики Бурятского госуниверситета, представленный в виде аудиозаписей и опубликованный в хрестоматии «Русская разговорная речь Бурятии».

Ключевые слова: русская разговорная речь, коммуникативы, диалог, ответные реплики, прагматика, семантика согласия, региолект.

Разговорная речь (далее – РР), как известно, реализуется в условиях непринужденного общения людей, которые находятся в неофициальной обстановке, их речь носит спонтанный, неподготовленный характер. В сфере использования РР «внеязыковая ситуация становится составной частью акта коммуникации», а основной формой реализации РР становится устная форма [4, с. 6].

Статья посвящена исследованию стихии устной (звучащей) разговорной речи на территории Республики Бурятия, в частности проблеме ее лексических особенностей. Работа выполнена в рамках гранта «Регионализмы русской разговорной речи Бурятии: синхронное и диахронное освещение», поддержанного Бурятским госуниверситетом в 2017 г. В качестве материала исследования используется фонд Лаборатории эколингвистики Бурятского госуниверситета, представленный в виде аудиозаписей и частично опубликованный в хрестоматии «Русская разговорная речь Бурятии. Тексты в орфографической записи» [8]. Хрестоматия включает 110 расшифрованных текстов, оформленных в орфографической записи и сопровождаемых экстралингвистической информацией. Эти дискурсы – начало создания корпуса устной разговорной речи Бурятии. Все дискурсы в анализируемой хрестоматии представляют собой диалоги или полилоги, которые происходят в канонической речевой ситуации, то есть время создания речи и время ее восприятия совпадают.

Предметом исследования в настоящей статье выбраны так называемые коммуникативы, выражающие прагматику согласия. В устной диалогической речи активно используются определенные языковые единицы, которые сейчас принято называть коммуникативами, например: *Да ну вас; Что за дела; Еще чего!* и т. д. Они представляют собой нечленимые стереотипные высказывания, входящие в состав ответных реплик диалога. По некоторым оценкам, в русском языке около 1000 коммуникативов, более 100 из них представляют собой частицы и идиомы. В русском дискурсе частотность коммуникативов может составлять более 30 % [1, с. 56]. Носители русского языка ежедневно используют коммуникативы, правила их употребления известны им на уровне речевого автоматизма. Для неносителей языка, инофонов, слабо знакомых с речевым русским узусом, изучение, а главное уместное использование в речи этих единиц представляется задачей крайне сложной.

Коммуникативы пока еще мало описаны в лингвистических работах и в словарях. Такого класса слов мы не находим в академической «Русской грамматике-80» [7], хотя в разделе «Частицы» отмечены не только формообразующие функции, но и функции разнообразных коммуникативных характеристик сообщения. По мнению И.А. Шаронова, «относительная свобода использования таких единиц связаны с семантической опустошенностью коммуникативов: эти единицы состоят из междометий, частиц, местоимений и из знаменательной лексики со стертой семантикой» [10, с. 59]. Автор

определяет признаки коммуникативов: идиоматичность, устойчивость интонационного контура, наличие прагматических и дискурсивных правил употребления.

На наш взгляд, прагматические и дискурсивные правила употребления русских коммуникативов представляют наибольший практический интерес в полиэтническом регионе и иноязычном окружении, каким является Республика Бурятия. Цель работы – определить, как используются коммуникативы для выражения прагматики согласия в праздноречевых жанрах русской разговорной речи Бурятии.

В соответствии с целью работы выбрана группа дискурсов, в которых, по классификации Н. Д. Арутюновой, «праздноречевая деятельность приобретает интеллектуальные формы – это разговоры о текущих делах и о политике, прогнозы на будущее и оценка прошлого и т. п. Такой разговор... бесцелен, но дидактичен. Он учит ориентироваться в жизни, правильно оценивать те или иные положения дел» [2, с. 653]. В таких дискурсах РР, по-видимому, крайне важна прагматика согласия. Речевые акты согласия представляют собой положительную реакцию одного из субъектов, участвующих в диалоге или полилоге, – адресата – на предшествующие реплики говорящего (адресанта).

Материал устной РР дает возможность уточнить некоторые положения, связанные с прагматикой согласия. Эта тема уже изучалась в лингвистических работах, в частности Т. М. Свиридова пишет: «Реакция согласия возникает в ответ на высказывание адресанта, который использует различные языковые средства с целью речевого воздействия на адресата» [9, с. 8]. Автором выделяются три основных коммуникативно-синтаксических типа начальных реплик, способствующих появлению согласия: 1) сообщение, в котором говорящий высказывает свое мнение; 2) реплика, содержащая в себе требование, просьбу и т. п.; 3) вопрос с оттенками значений предположения, уточнения. В зависимости от типа начальной реплики реплика-реакция может представлять собой три варианта: согласие с мнением; ответ на побуждение собеседника к действию; ответ на заданный вопрос. Особо отметим, что приведенные выводы сделаны автором на основе письменных источников.

По нашим наблюдениям, в текстах хрестоматии «Русская разговорная речь Бурятии» встречаются не только указанные три вида реплик-реакций, но и четвертый вид: реплики-реакции, выражающие также прагматику согласия, но в ответ на реплику-утверждение какого-либо факта. Эта функция появляется только в устной живой речи. Рассмотрим следующий дискурс, происходящий в бытовой обстановке во время приготовления ужина; участники полилога – члены семьи: А – женщина 49 лет, Б – дедушка 80 лет, В – женщина 52 года, Г – девушка 21 год:

«А – Что-что?..

Б – Картошку жарите.. потом обжариваете..

В – Варим.. потом лук обжариваем.. потом туда картошку\..

Г – А-а... ну мы делали недавно так\..

В – Да..

Г – Вкусно было..

А – Сделай пап.. туда кусочек положи <неразборчиво>..

А – И будет вкусно...

В – На Кирзаводе мы так и ужинали..

А – Но.. я тоже помню что мы так ужинали.. картошка\..

В – Картошку.. масло топили.. растапливали... у нас не было так.. что все время мясо...» [8, с. 52-53].

В приведенном дискурсе реакция согласия возникает в ответ на высказывание предыдущего субъекта речи, утверждающего определенный факт, а не мнение по этому поводу. Такую реакцию можно трактовать как реализацию принципа кооперации в общении людей, выведенного Г. П. Грайсом. Реплика, выражающая согласие, выступает в функции речеподдерживающего элемента.

Проследим, какие коммуникативы помогают адресату выразить согласие с адресантом. Прежде всего, как и в других речевых жанрах, это слово *да*, определяемое как частица. В «Русской грамматике»-80 частица *да* отнесена к разряду модальных частиц, выражающих «утверждение» (в противоположность отрицанию). Такое же значение указано и в толковых словарях: «частица. Употребляется при ответе для выражения утверждения, согласия».

Из словарной статьи толкового словаря можно извлечь следующую информацию об этом слове, важную в коммуникативно-дискурсивном аспекте: 1) толкование (выражает утверждение, согласие); 2) указывается позиция в диалоге (ответная реплика); 3) указывается вариант *Ну да!* - для выражения подчеркнутого подтверждения, согласия (с пометой *разг.*); 4) приводится пример употребления: *Все здесь? – Да.*

Кроме того, в приведенном выше контексте зафиксирован в функции согласия коммуникатив *Но*, представляющий собой частицу. Ни в толковых словарях, ни в «Русской грамматике-80» такая части-

ца не указана (с соответствующими стилистическими пометами). Мы обратились к Национальному корпусу русского языка, к устному подкорпусу [6]. Поиск выдал следующие данные: найдено 3194 документа, 63828 вхождений. Это тексты разных жанров, в том числе диалоги. В функции согласия **Но** в этих текстах не употребляется.

Можно утверждать, что **Но** в функции коммуникатива с семантикой согласия представляет собой лексический регионализм, входящий в состав региолекта на территории Бурятии. Предлагаются различные классификации регионализмов [3, с. 141]. А. П. Майоров предлагает классификацию регионализмов по шести основным категориям: по происхождению и исторической динамике; по сфере функционирования; по денотативной соотнесенности; по эмоционально-экспрессивной характеристике; по отношению к литературному языку; по коммуникативной организации устного спонтанного текста [5, с. 52]. Считаем, что коммуникативы можно отнести к шестой группе регионализмов, выделяемых автором.

Особый интерес для реализации поставленной цели работы представляет 4 раздел анализируемой хрестоматии «Русская речь бурят-билингвов», в котором зафиксированы различные варианты регионального коммуникатива **Но**. Нами разработано следующее лексикографическое описание этого коммуникатива.

1. **Но** – утвердительный ответ на вопрос собеседника. Говорящий может кивать. Например:

«А – А ты чё с водоканала тоже уходишь, солидарен с Айдаевым?»

Б – **Но**, если так сказать/...Я ушел и всё...» [8, с. 213].

2. **Но-о**; **но-о-о** – экспрессивные варианты, отличающиеся интонационно, семантика почти одинаковая. Особая интонация отражена в орфографическом оформлении.

«А – Козы-то есть?»

Б – **Но-о..** козы есть...» [8, с. 224].

3. **Но** – реакция согласия адресата с мнением предыдущего субъекта речи. Например:

«А – Там добавки есть.. там если лишние деньги остаются.. то студентам-м-м.. постоянно кидают..»

Б – Родителям-то хорошо наверно..

А – **Но-о-о..**» [8, с. 202].

4. **Но** – реакция согласия возникает в ответ на высказывание предыдущего субъекта речи, утверждающего определенный факт, а не собственное мнение по этому поводу.

«А – Так раньше-то\ когда до Селендума.. вообще капец.. там же залезть проблема была \ с боем бились за место..»

Б – **Но-о..**» [8, с. 227].

В анализируемых дискурсах почти не отмечены коммуникативы согласия как ответ на побуждение собеседника к действию, что связано, по-видимому, с отбором определенных жанров. Кроме указанных коммуникативов с семантикой согласия, отмечены другие: *Ага*; *Угу*; *Мх*; *Ну*; *А-а*.

Таким образом, мы рассмотрели лишь один фрагмент лексического своеобразия звучащей разговорной речи Бурятии – коммуникативы, используемые в ответных репликах праздноречевых диалогов. Разговорные дискурсы, представленные в хрестоматии «Русская разговорная речь Бурятии», фиксируют региональные варианты русских коммуникативов с семантикой согласия.

Литература

1. Андреева С. В. Речевые единицы устной русской речи: Система, зоны употребления, функции. М.: КомКнига, 2006. 192 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 643-660.
3. Бохиева М. В. Региональное варьирование русского языка: вопросы стратификации // Вестник Новосибирского госун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып.: Филология. С. 137-143.
4. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 275 с.
5. Майоров А. П. Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 1. С. 51-55.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.10.2017).
7. Русская грамматика / Академия наук СССР; Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н. Ю. Шведова. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5315&0a0=1765> (дата обращения: 10.10.2017).

8. Русская разговорная речь Бурятии. Тексты в орфографической записи: хрестоматия / сост. А. П. Майоров, И. Ж. Степанова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2016. 384 с.
9. Свиридова Т. М. Выражение согласия-несогласия лексико-синтаксическими средствами: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.
10. Шаронов И. А. Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы междунар. конф. «Диалог 2016». М., 2016. С. 56-66.

THE COMMUNICATIVES: PECULIARITIES OF USING IN THE RUSSIAN CONVERSATIONAL SPEECH OF BURYATIA

Liliya N. Omelchenko

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor
Buryat State University
24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to the problem of studying the lexical peculiarities of the Russian conversational speech, which functions on the territory of the Republic of Buryatia. The subject of the study are the communicatives, which is actively used by speakers in oral dialogical speech. These language units are non-representative stereotyped statements that are part of the response particles of dialogue. The article describes the communicatives used for the expression of pragmatics of consent in the oral conversation speech. The communicatives with regional specificities are identified. The author uses materials of the fund of the Laboratory of Ecolinguistics of the Buryat State University, which presented in the form of audio recordings and published in the chrestomathy "Russian conversational speech of Buryatia".

Key words: Russian conversational speech, communicatives, dialogue, response particles, pragmatics, semantics of consent, regiolect.

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКА В СВОБОДНОМ КОСВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на материале современной прозы)

© Рабданова Лхама Раднабазаровна

и. о. ректора Агинского института повышения квалификации
работников социальной сферы Забайкальского края
687000, Забайкальский край, п. Агинское, ул. Комсомольская, д. 13
E-mail: Lkhama@list.ru

В статье рассматриваются понятия «текст», «дискурс», «свободный косвенный дискурс», их взаимодействие. Для выявления функций и разновидностей эгоцентрических элементов языка изучены материалы исследователей (Е. В. Падучева, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. Е. Чернявская, Л. Н. Омельченко и др.). При анализе работ ученых отмечено разнообразие применения эгоцентрических элементов языка (вводные слова, номинация объекта местоимения, оценка говорящего), которыми маркируется художественный текст. С целью определения графического оформления эгоцентрических элементов языка рассмотрены художественные тексты А. Слаповского «Качество жизни» и Д. Гуцко «Русскоговорящий». Наблюдения показали, что использование эгоцентрических элементов в тексте предполагает говорящего в разных ипостасях – в качестве субъекта речи, сознания и восприятия. При этом данные элементы маркируются авторами с помощью разнообразных графических приемов как разные шрифты (курсив, мелкий шрифт), графические отступы слева, выразительные средства пунктуации. Таким образом, свободный косвенный дискурс представлен в прозе современных авторов через систему взаимоотношений субъектов речи.

Ключевые слова: дискурс, нарратив, свободный косвенный дискурс, эгоцентрические элементы языка, субъект дейксиса, субъект речи, субъект сознания, субъект восприятия, графическая маркированность художественного текста.

В теории текста достаточно подробно описано соотношение текста и дискурса; в настоящее время оформилась необходимость описания следующего этапа – графического оформления эгоцентрических элементов свободного косвенного дискурса в современной прозе.

Исследователи отмечают, что в коммуникации текст и дискурс сосуществуют в неразрывном единстве, вместе с тем дискурс как сложное коммуникативное явление опирается на разнообразные экстралингвистические факторы, например, знания о мире, интенции говорящего, цели адресата (Е. В. Падучева, Ю. Е. Прохоров, Ю. С. Степанов и др.). В отечественной лингвистике Н. Д. Арутюнова предлагает следующее определение: «Дискурс (от фр.: *discours* – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания...» [1, с. 136-137]. По мнению ученых, интерпретация языковых элементов в нарративе-повествовании и дискурсе связана с особым коммуникативным режимом функционирования языка, поэтому при переходе от дискурса к художественному тексту в условиях изменившейся коммуникативной ситуации прежде всего затрагиваются эгоцентрические элементы языка – слова и выражения, которые ориентированы на «его», на «я» говорящего.

Таким образом, при изучении взаимодействия нарратива с дискурсом решается вопрос, каким образом в нарративе обнаруживается говорящий или его представитель. В коммуникативной ситуации нарратива аналогом говорящего является не сам автор, а образ автора или повествователь. В свободном косвенном дискурсе «повествователь уступает персонажу свое право на речевой акт», в связи с которым центр смыслового средоточия смещается из основного авторского повествования в сферу «чужой речи» [4, с. 207].

Эгоцентрические элементы языка описывает Е. В. Падучева: «это слова и конструкции, содержащие отсылку к говорящему» [4, с. 199]. Выделяются следующие языковые элементы: вводные слова, выражающие мнение или эмоциональное состояние говорящего; номинация объекта, который может подразумевать говорящего; оценка говорящего, причем слова с оценочным значением предполагает персонаж.

Проанализируем использование эгоцентрических элементов языка, семантика которых предполагает говорящего в разных речевых ситуациях, на материале текстов А. Слаповского и Д. Гуцко. Цель статьи – проследить, как графически оформляются в тексте данные элементы языка.

А. Слаповский, известный прозаик, драматург и сценарист, в романе-антиутопии «Качество жизни», имеющем еще второе название «Адаптатор» (2004), рассказывает о жизни «героя нашего времени», историю о нравственном выборе поколения.

Основная композиционная особенность романа – это повествование от 1-го лица, от лица персонафицированного рассказчика, что приводит к большей объективности в изображении жизни, усиливает впечатление достоверности, подлинности происходящего. Здесь мы наблюдаем внутреннюю речь, поскольку на протяжении всего повествования рассказчик словно участвует в диалоге с самой собой.

Это происходит прежде всего в тех случаях, когда автору важно выделить какой-то особенный момент в жизни персонажа, его представления о себе и о происходящих вокруг событиях с присущей в этом случае оценкой комплекса чувств, называемой психологическим самоанализом. Этот поток мыслей может заключаться в скобки:

«Я трудился литературным поденщиком (сказать бы негром, как все говорят, да политкорректность мешает!)» [5, с. 13].

«Наше издательство, кроме прочего, выпустило медицинскую энциклопедию, вот к ней-то я и стремился (хорошо, что когда-то я имел привычку оставлять у себя книги издательства, потом бросил: никаких полок не хватит)» [5, с. 36].

«Впрочем, возможно, история все же началась с того, как я стал адаптатором. Этой специальности нет в самом полном перечне профессий и даже в толковых словарях*. (Не путать с адаптером: термин технический)». [6, с.10]. В этом фрагменте автор ориентирует своеобразное обращение к адресату, из примечания определяем, что адресатом является читатель: «А.Н. Анисимов ошибается, он не в тех словарях смотрел, а перечни профессий устарели. Адаптаторами давно уже называют коллег Анисимова, обработчиков различных текстов, а также тех, кто приспособливает к местным условиям компьютерные игры и устройства...» [5, с. 10].

«Наверное, во мне и тут проснулся адаптатор, <...> (понимаю, что слишком назойливо твержу об одном и том же, но, господа, вы все-таки помните, что у человека с головой было не все в порядке – да и сейчас не прошло, так что имейте снисхождение)...» [5, с. 94].

В тексте использовано модальное слово *наверное*, которое выполняет функцию вводного слова и служит средством выражения субъективной модальности [3, с.83]. Оно имеет семантику сомнения, позволяющую выразить интенцию (намерение) повествователя перейти к психологическому самоанализу.

В представленных фрагментах произведения А. Слаповского мы показали некоторые приемы употребления автором эгоцентрических элементов языка, в частности, выполнение говорящим роли субъекта дейксиса, субъекта восприятия.

Употребление других языковых элементов наблюдаем в произведении современного писателя Д. Гуцко «Русскоговорящий» (2005). В романе поднимается проблема государственного устройства девяностых годов, когда русский человек в своей стране оказался чужим. Повествование ведется от первого лица – с точки зрения Мити. Он и является русскоговорящим, потому что родился в Грузии, говорит по-русски с грузинским акцентом и является чужим и для России, и для Грузии. Автор пишет про своего героя так: «Митя русский. Ни четвертинки, ни осмюшки инородной крови. Но он грузинский русский, родился и вырос в Тбилиси» [2, с. 10].

Выполняя роль субъекта восприятия, персонаж переживает ситуацию своего проживания на территории Грузии, которая выражается маркированным курсивом формой глагола прошедшего времени: «– А как ты там оказался? <...>

– Мой дед там *оказался*... Семью его рассказали, ну а его комиссар один с собой в Тбилиси забрал.

– Черт! Такой акцент у тебя!» [2, с. 8].

Курсивом выделяется противопоставление эгоцентрических элементов оценки говорящего с помощью временных рамок: «Ей около сорока, наверное. Их возраст трудно определить. У здешних женщин два возраста: *до* того, как вышла замуж, и – *после*. *До* – возможны накрашенные глаза и ткани живых тонов. *После* – черные платья и косынки. Униформа. У них, как у солдат, – служба» [2, с. 158]. Здесь ясна позиция именно восприятия со стороны, грузин так не скажет, для него это естественное положение дел, а Митя не стал своим, негативная оценка, выраженная в сравнении *как у солдат*, выдает эту позицию.

Далее в тексте наблюдается использование приема невыделенной прямой речи, который реализуется в случае введения в повествование чужой речи. Е. В. Падучева пишет о феномене невыделенной прямой речи, состоящем в том, что повествователь передает право на речевой акт персонажу, причем неразличение невыделенной прямой речи и цитирования отмечается автором как следствие недооценки роли речевого акта в структуре текста [4, с. 337].

Рассмотрим пример: «1...я много раз предлагал Нине свою помощь, перечисляя варианты вплоть до подработки ночным сторожем или курьером, но она, умница, говорила: человек должен стремиться делать то, что ему нравится. 2. Мне нравится моя работа, тебе твоя, а если тебе платят меньше, ты ни при чем. 3.Твое дело, говорила она, гораздо важнее и сложнее моего, я ведь это понимаю» [2, с.16].

Кроме этого в тексте используется внутренняя речь, не всегда рассматриваемая отдельно от собственно-прямой речи. Для организации внутренней речи автором используются восклицательные и вопросительные конструкции, придающие тексту экспрессивность, эмоциональность, вследствие чего пунктуация характеризуется выразительностью (тире, восклицательные и вопросительные знаки). Приведем пример, в котором внутренняя речь вводится дееспричастием со значением мысли:

«Пока шел к книжным полкам, начал размышлять. И застыл у полок, размышляя дальше. А ведь не настолько хорошо я знаю эту девочку, которая умеет казаться донельзя простодушной! С одной стороны, ее приход с нелепой просьбой – чистая авантюра без надежды на успех. С другой, успех-то почти налицо: ведь я за деньгами пошел! Нет, тут точный расчет! <...> Но, может, и это расчет? Вот, мол, ничего не таю, говорю неприятную правду, если мелкий человек – обидишься (и подтвердишь свою отстойность!), если великодушный – долгом сочтешь ответить добром на зло [5, с. 208].

Таким образом, свободный косвенный дискурс представлен в прозе современных авторов через систему взаимоотношений субъектов речи. Использование таких эгоцентрических элементов языка, как вводные слова и конструкции, местоимения в дейктической функции, в рассмотренных произведениях А. Слаповского и Д. Гуцко предполагает говорящего в разных ипостасях – в качестве субъекта речи, сознания и восприятия. Указанные эгоцентрические элементы маркируются авторами с помощью разнообразных графических приемов: разных шрифтов (курсив, мелкий шрифт), графических отступов слева, выразительных средств пунктуации. Кроме того, проанализированы языковые средства, представляющие внутреннюю речь, невыделенную речь в свободном косвенном дискурсе, благодаря которым в тексте отражается не только сознание повествователя, но и сознание персонажа.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 136–137.
2. Гуцко Д. Русскоговорящий. М.: Вагриус, 2005. 352 с.
3. Омельченко Л. Н. Семантико-функциональные особенности лексем *видно* (на материале Национального корпуса русского языка) // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. Улан-Удэ, 2016. Вып. 10. С. 78-85.
4. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
5. Слаповский А. И. Качество жизни. М.: Вагриус, 2004. 350 с.
6. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 208 с.

EGOCENTRIC ELEMENTS OF LANGUAGE IN FREE INDIRECT DISCOURSE (on the basis of modern prose)

Lkhama R. Rabdanova

Acting rector of Aginsk Regional In-Service Institute of Advanced Training
of Social Sphere Workers of Zabaikalsky Territory
13 Komsomolskaya St., Aginskoye, 687000 Russia

The article deals with the concepts of "text", "discourse", "free indirect discourse", and their interaction. To identify the functions and varieties of egocentric elements of the language, researchers' materials by E. V. Paducheva, Yu. E. Prokhorov, Yu. S. Stepanov N. D. Arutyunova, V. E. Chernyavskaya, L. N. Omelchenko, etc. are studied. When analyzing the work of scientists, a variety of applications of egocentric elements of the language (introductory words, nomination of the pronoun object, evaluation of the speaker) are marked with which the artistic text is marked. In order to determine the graphic design of egocentric elements of the language, A. Slapovsky's artistic texts "Quality of Life" and D. Gutsko "Russian-Speaking" are considered. Observations have shown that the use of egocentric elements presupposes a speaker in different hypostases - as a subject of speech, consciousness and perception. At the same time, these elements are marked by authors using various graphic techniques like different fonts (italics, fine print), graphic indents on the left, expressive means of punctuation. Thus, a free indirect discourse is presented in the prose of modern authors through a system of relationships between the subjects of speech.

Key words: discourse, narrative, free indirect discourse, egocentric elements of language, subject of deixis, subject of speech, subject of consciousness, subject of perception, graphic marking of artistic text.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АКСИОЛОГИИ (на материале лирики К. Н. Батюшкова)

© Разумкова Надежда Васильевна

кандидат филологических наук, доцент
Тюменский государственный университета
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
E-mail: 18nadezhda3@mail.ru

В статье обсуждается вопрос применения аксиологического критерия при работе с художественным текстом. Постигание авторского замысла с целью выявления ценностной доминанты в его творчестве как никогда актуально в практике преподавания языка и литературы в современной школе, что обусловлено совокупностью социальных и дидактических факторов. Объектом исследования послужили лирические произведения выдающегося русского поэта начала XIX века К. Н. Батюшкова. Предметом рассмотрения является лексико-семантическое пространство содержательно взаимодействующих текстовых концептов «свет», «совесть», «счастье», каждый из которых выступает носителем глубокого символического смысла, а также средством создания образа, обладающего определенным этико-эстетическим воздействием на читателя. Когнитивный подход к исследованию текста позволяет интерпретировать данные концепты как аксиологическую триаду, определяющую индивидуально-авторское своеобразие поэтической картины мира. В статье приведены дефиниции используемых терминов; представлен краткий обзор научной литературы по заявленной теме.

Ключевые слова: Батюшков, аксиологический критерий, когнитивный подход, поэтическая картина мира, текстовый концепт.

Прежде чем перейти к изложению заявленной темы, считаем необходимым сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, отправным пунктом самой постановки проблемы является констатация того факта, что художественный текст может быть описан как совокупность связанных между собой морально-этических доминант и их функциональных областей. Во-вторых, выбор художественных текстов для анализа мы осуществляли исходя из того, что они должны быть классическими (образцовыми), позволяющими наиболее полно раскрыть суть проблемы. Обращение к лирическим произведениям выдающегося поэта начала XIX К. Н. Батюшкова не требует специального обоснования в силу того, что в смысловом поле русской культуры его стихи аксиологически ясны. Главенствующие темы его лирики – *Святая к родине любовь И праздной роскоши презренье* («Переход через Рейн»). Кроме того, в рамках *in memoriam* стоит отметить, что в мае этого года отмечалось 230-летие со дня рождения поэта (1787-1855 гг.).

Взгляд на художественный текст сквозь призму аксиологии далеко не нов. В этой связи принято говорить, прежде всего, об оценочном аспекте восприятия текста читателями. Многообразие качеств и свойств действительности закономерно находит свое отражение в сфере оценки. Философское понятие «оценка» представляет собой «отношение к социальным явлениям, установление их значимости, соответствия определенным нормам и принципам морали» [3, с. 864]. Природа оценки отвечает природе человека: оценивается то, что необходимо обществу. На ранней стадии развития аксиологии Аристотель использовал концепт «добро» в трех ипостасях: внешние блага; блага, относящиеся к душе; блага, имеющие отношение к телу [1, с. 66].

Н. Д. Арутюнова предложила классификацию оценок на основе взаимодействия субъекта оценки с ее объектом. По мнению учёного, оценка создает особую, отличную от природной, таксономию объектов и событий [2, с. 7]. Выделяются три группы оценок. Первая группа оценок – сенсорные (гедонистические) и психологические (эмоциональные и интеллектуальные) оценки. Вторая группа включает эстетические оценки, основанные на сенсорно-психологических оценках, и этические оценки, подразумевающие нормы. К третьей группе относятся рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью человека: утилитарные, нормативные, темологические. Эмоциональные, чувственные и утилитарные аспекты человеческого опыта являются непосредственной реакцией на окружающий мир. В этических и эстетических представлениях реализуется духовный опыт человека в результате осмысления событий и явлений действительности – реальной или художественной.

Очевиден и другой план использования категории ценностей применительно к литературе. А priori ценным считается то, что вошло в орбиту внимания автора. В этой связи А. А. Житенев выделяет три возможных направления изучения художественного содержания с позиций аксиологии. В фокусе внимания находятся ценностные доминанты мировидения автора; ценностные структуры и принципы их обоснования; условия признания реалии в качестве ценной [4, с. 4]. Идеино-художественные цен-

ности, которые проповедует автор, его уникальное отношение к жизни, интерпретация и поиск разрешения проблем – все это заслуживает самого пристального внимания.

Поэтическое наследие Батюшкова несчетное число раз становилось объектом научных изысканий, тем не менее, оно продолжает таить в себе пласты неисчерпаемого знания. Цель нашей работы – освещение аксиологической триады концептов «Свет», «Совесть», «Счастье», каждый из которых выступает носителем глубокого символического смысла, а также средством создания образа, обладающего определенным этико-эстетическим воздействием на читателя. Новизна нашего подхода характеризуется углом зрения: погрузив известные произведения Батюшкова в контекст нового знания о языке, мы анализировали их в соответствии с концепцией когнитивно-дискурсивной лингвопоэтики. Согласно утверждению И. И. Чумак-Жунь, «сущность поэтического элемента художественной речи определяется функционально-смысловыми свойствами поэтического дискурса как целостного (вместе с тем открытого, динамического) образования, в недрах которого зарождается, вызревает и выплавляется поэтическое слово, подвергается своего рода художественно-эстетической огранке» [10, с. 4]. С учетом положений когнитивной лингвистики, концепт представляет собой единицу индивидуального сознания автора, вербализованного в едином тексте творчества [5]. В процессе читательского восприятия текстовый концепт преобразуется в дискурсивный концепт, признаки которого формируются в ходе интерпретации содержания текста. Слова-концепты, соотносимые в текстовой реализации со сквозными образами и мотивами, служат сигналами вхождения в языковой мир произведения.

У каждого поэта в каждую эпоху существуют любимые темы, образы и мотивы. Как показал анализ, одним из ярких и устойчивых в лирике Батюшкова является образ света, значимость которого для визуализации художественных реалий естественна и закономерна. В тексте световые явления характеризуются специфической коннотативной семантикой, тем самым они служат для выражения особого модуса художественности. Вербально отражаясь в сознании и памяти автора, концепт «Свет» выступает единицей поэтической картины мира. Частотность светоносных образов в батюшковской лирике свидетельствует о ценностных приоритетах поэта. Обилие таких образов, как *солнце, звезды, рассвет, пламя, свеча, лампада*, репрезентирует наиболее важные для поэта идеи [6]. Несомненно, ценностный центр батюшковской картины мира располагается на световом поле – там совершается сложная и многогранная жизнь лирических персонажей: *Уж светлый месяц над рекой* («Видение на берегах Леты»); *Улыбаясь, наливает Чашу светлого вина* («Веселый час»); *Он может опочить на лоне светлой славы* («К Тассу»); *О память светлая! тобою озарены Протекии времена и подвиги* («Отрывок из первой песни «Освобожденного Иерусалима»). *Светлая слава и светлая память* вызывают однозначные ассоциации с выражением *светлая личность*, имплицитно характеризующим лирического героя как человека положительного, доброго, душевно щедрого. Нередко мотив света реализуется через образ пламени, широко заявленном не только в природном плане, но и в метафизическом – душе и сердце героя: *Соедини уста с устами, Душу в пламени излей!* («Элизий»); *В восторге пламенном, как истый витязь русский* («Истинный патриот»); *И муза пламенник небесный потушила* («Воспоминания»). Продуманность батюшковской поэтики света очевидна. Сочетание образов света и мрака имеет не только внешние проявления, но обладает моральным значением: *Я с страхом вопросил глас совести моей ... И мрак исчез, прозрели вежды: И вера пролила спасительный елей В лампаду чистую Надежды* («К другу»). Мрак символизирует безнравственность и зло, божественный свет (*лампада*) сочетает в себе веру, надежду, любовь, простые земные истины бытия. Битва света (*глас совести*) и тьмы, происходящая на абстрактном уровне, обогащает духовный мир героя.

Таким образом, специфика репрезентации текстового концепта «свет» в пространстве батюшковской лирики заключается в ракурсе его слияния с концептом «Совесть».

С античных времен совесть является важнейшей характеристикой человека, врожденным источником нравственности, родственной стыду, мерилом добра в душе. Согласно словарному толкованию, совесть – чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми [9]. Совесть выводит человека за пределы собственных интересов, становится гарантом моральной чистоты. Концепт «Совесть» вербально заявлен поэтом как вина, страдание, пророчество, а также в форме оригинальной авторской метафоры «крокодил»: *Тих, покоен, сверху вид; Но спустись ко дну ... ужасно! Крокодил на нем лежит* («Счастливец»). Духовный мир Креза, главного героя стихотворения «Счастливец», подобен мрачному колодцу, на дне которого обитает зловещее существо (зоморфный образ совести), которое не дает покоя, терзает, мучит за неправильные поступки. Нечистая совесть спать не дает, а чистая совесть – постоянный праздник и счастье: *Душ великих сладострастье, Совесть! Зоркий страж сердец! Без тебя ничтожно счастье: Гибель – золото и венец!* («Счастливец») [7].

Текстовому концепту «Совесть» родственной является аксиологическая ментальная единица языковой картины мира «Счастье», репрезентирующая такие базовые смыслы, как «благодарность судьбы», «удача», «интенсивная радость», «положительный баланс жизни», «чувство удовлетворения жизнью». Согласно Словарию, счастье ассоциируется с витальными благами, довольством, материальным достатком [9]. Текстовый концепт «счастье», выступая чувственно-эмоциональной формой

идеала, характеризует мировоззренческую позицию поэта [8]. Как и любой художник слова, Батюшков предлагает собственную модель счастливого мира, которая лингвистически передается целым рядом образов: *благоговенье, упоенье, вдохновенье, покой*. Эмоцию счастья и физическое удовольствие рождает созерцание природы: *Есть наслаждение и в дикости лесов, есть радость на приморском бреге* («Есть наслаждение и в дикости лесов»). Счастье соотносимо с представлениями об отсутствии забот: *Велишь мне петь любовь и радость, Беспечность, счастье и покой, И шумную за чашей младость!* («К Дашкову»). Счастье является смыслом жизни и связано с творческим процессом, созиданием стихов: *Я умею наслаждаться, как ребенок всем играть. И счастлив!.. Досель цветами Путь ко счастью устлал; Пел, мечтал, подчас стихами Горесть сердца улаждал. Пел от лени и досуга; Муза мне была подруга* («К Гнедичу»). Реальными источниками счастья для поэта являются: *Небесно вдохновенье, И слезы умиленья, Порыв крылатых дум, И сердца упоенье* («Мои пенаты»). Батюшков уверен, что способность быть счастливым не зависит от изобилия богатства. Совесть – гарант внутренней свободы человека и основа его счастья.

Взгляд на художественный текст с позиций аксиологии дает пищу для размышления и выводов. Так, на примере батюшковской лирики представлена формула смысла человеческой жизни, воплощенная в концептах «Свет» (*светлая личность*), «Совесть» (*зоркий страж сердец*) и «Счастье», которое ничтожно без сберегающей его моральной опоры. Свет, совесть и счастье являются своеобразными репрезентантами зримого выражения святости, нравственной силы, творческих поисков; в совокупности данная триада актуализирует ценностные доминанты поэтической картины мира Батюшкова.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. / Ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1984. 830 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка события. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 1434 с.
4. Житенев А. А. Аксиология русского поэтического модернизма (заметки к теме) // Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. Вып. 10. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. С. 3-14.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2002. 192 с.
6. Разумкова Н. В. Цветосветовая кайма предпушкинской лирики (на материале стихотворений К. Батюшкова) // Сибирская пушкиниана: Альманах. Тюмень: «Экспресс», 2003. С. 117-120.
7. Разумкова Н. В. «Пришли мне книг Бога ради...»: К. Н. Батюшков как читатель // Православие и российская культура: прошлое и современность: сборник статей 35-ой Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень: ТюмГУ, 2013. С. 148-154.
8. Разумкова Н. В. Этический аспект поэтической картины мира Батюшкова (на примере стихотворения «Счастливец») // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. Научный журнал. № 4. Т. 2. Философия. Санкт-Петербург, 2015. С. 272-278.
9. Словарь по этике. URL: <http://metethrone.com/sljvar.html> (дата обращения: 04.10.2017).
10. Чумак-Жунь И. И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2009. 40 с.

POETIC TEXT THROUGH THE PRISM OF AXIOLOGY (on the material of K. N. Batyushkov's poems)

Nadezhda V. Razumkova

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor
Tyumen State University
10, Semakova st., Tyumen, Russia, 625003

The main issue of the paper can be summed as the axiological criterion on analyzing poetic text in the framework of a scientific paradigm characterized by a cognitive approach. The goal is to reveal the value dominants in the picture of the poet's world and to assess the degree of their significance for the author. The subject of consideration is semantic space of the textual concepts «light», «conscience», «happiness» on the material of the poems written by Batyushkov, the well-known poet of the early XIX century. Each concept acts as a bearer of a deep symbolic meaning, as well as a means of creating an image that has a certain ethical-aesthetic impact on the reader. The novelty of the our work is characterized by the angle of view: the figurative and symbolic elements of the concept, as worldview categories explored by many authors, create a framework in the lyrical texts, that defines the originality of the individual poetic picture of the world. Definitions of used terms are given; a brief review on the scientific literature on the aspect of the reader's reception is presented.

Key words Axiological criterion, Batyushkov, cognitive approach, poetic picture of the world, textual concept.

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ ЗАБАЙКАЛЬЯ: К ВОПРОСУ СЛОВАРНОГО ОФОРМЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

© **Степанова Ирина Жамсарановна**

кандидат филологических наук, доцент
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: Irinapost@mail.ru

В статье говорится о трудностях при определении регионального слова как лексики небольших городов и поселков, противопоставление его диалектному слову, просторечиям и другим нелитературным пластам русского языка, описываются региональные лексемы русской разговорной речи Забайкалья, приводится материал полевых экспедиций автора в поселки Республики Бурятия. Автор выделяет несколько групп слов, которые можно квалифицировать как региональные, приводит примеры статей толкового словаря, который может быть создан лабораторией эколингвистики кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета. К региональной лексике Забайкалья автор относит литературные слова, имеющие фонетические, морфологические особенности, «бывшие» диалектные слова, которые расширили ареал распространения и пришли в город, заимствования из бурятского языка и русские слова, образованные с использованием бурятских словообразовательных элементов, просторечия, бытующие в нашем регионе, этнографизмы, топонимы и антропонимы Забайкалья, жаргонизмы.

Ключевые слова: региональный язык, регионализмы, русская разговорная речь Забайкалья.

В последнее время все чаще исследователи ставят вопрос об отражении в словарях особенностей функционирования системы языка, которые лежат вне зоны литературных словарей, но в то же время их нельзя отнести к истинно диалектным проявлениям русского языка.

Этот весьма широкий пласт лексики стали называть региональной лексикой.

Региональный язык изучен значительно меньше, чем диалектный. В течение длительного времени литературный язык противопоставлялся только диалектному; соотношение «литературный язык – региональный язык» возникло не так давно, хотя все исследователи диалектов сталкивались с проблемой разграничения лингвистического материала не только по оппозиции «литературный – диалектный язык».

Проблема определения регионального слова еще не решена. Если региональные слова – это известные всем жителям данного региона нелитературные лексемы, то их круг очень широк, поскольку «все, что не входит в литературный язык» – это и диалекты, и жаргоны (социальные жаргоны, профессиональные жаргоны), и просторечия (просторечие-1 и просторечие-2), и лексика пассивного запаса, и пр.

Поставленная проблема относится к вопросам языковой стратификации, которые составляют предмет неоднократных обсуждений и острых дебатов в современной лингвистике.

Здесь есть еще одно затруднение: поскольку словари литературного языка пишутся в основном в столицах (Москве и Санкт-Петербурге), и заметим еще на полях, что лексикографы этих двух центров традиционно спорят, чей язык, если можно так выразиться, более литературен и образцов, то получается, что литературные слова – это те, которые считаются таковыми, поскольку наличествуют в столичных регионах. Это тоже огромная тема для исследования. Мы знаем писателей-немосквичей, чей литературный язык признается не менее образцовым.

В настоящее время мы видим уже множество различных статей и даже монографий, где говорится о регионализмах, они определенным образом отграничиваются от других лексических пластов.

Трудность выявления региональных слов в том, что для их определения по имеющимся источникам в идеале надо заниматься сопоставлением всего объема областных словарей на предмет выявления в них различий в номинациях одинаковых реалий, при этом, однако, не только и не столько «слов деревни», сколько «слов провинции».

Из большинства источников вытекает, что региональная лексика – это все же лексика небольших городов и поселков России.

Мы сделали попытку провести две учебные экспедиции в поселки – Татарский Ключ Заиграевского района Республики Бурятия и Усть-Баргузин Баргузинского района. Эти населенные пункты были

выбраны потому, что в них исторически сложилось смешанное население (русское сибирское старожильческое, старообрядческое, буряты, другие национальности РБ) и много пришлых, приехавших из других мест Бурятии и из-за ее пределов. Материал, который имеется у нас сейчас, требует дальнейшего осмысления.

Кроме того, силами студентов мы несколько лет собирали городской материал.

Если пойти не от теоретических изысканий, а от материала, имеющегося у нас и, по нашему мнению, подпадающего под характеристики региональной лексики, можно выделить несколько групп слов, которые можно квалифицировать как региональные.

Первая группа – лексемы разговорного и диалектного происхождения.

Вехотка, -и, ж. Мочалка. *В бане висит там вехотка, я которой моюсь.*

Волосогрызка, -и, м. и ж. Жук-стригун. «У вас на рубашке волосогрызка!» – часто можно услышать в летнее время года.

Ѓача, -и, ж. Штанина. *У тебя на правой ноге гача задралась; Зайдем сегодня в ателье? Мне нужно гачи у новых штанов подшить.*

Го́ля. Детская игра, которая в других городах называется салками, пятнашками, догонялками; также и ведущий в этой игре. *Ты – голя! Догоняй!*

Догоня́шки, -шек, мн. Детская игра, которая в других городах называется салками, пятнашками, догонялками. *А давайте в догоняшки? Не, неохота че́-то бегать.*

Дробле́нка, -и, ж. Кормосмесь из зерна, остается после обмолота зерна в муку. *Дай пороссятам дробле́нки.*

Копару́лька, -и, ж. Инструмент с небольшой деревянной ручкой и изогнутыми зубцами, для копки картошки. *Когда картошку копать, очень удобно пользоваться копарулькой.*

Куку́рки, -ок, на куку́рках. Положение, в котором человек сидит на носках, согнув ноги в коленях (то же, что на корточках). *Он сидел у реки на кукурках. Штырь вечно на кукурках сидит.*

Ма́ечка, -и, ж. Небольшой полиэтиленовый пакет с ручками. *В продуктовых магазинах часто можно услышать: «Упакуйте в маечку, пожалуйста».*

Ма́рочка, -и, ж. Губка в упаковке для чистки обуви. – *Есть марочка туфли почистить? А то пока шёл по песку, запылились. – Не, нету с собой.*

Мизги́рь, -я, м.р. То же, что паук. *Ты не знаешь, мизгири плетут паутину? Уменьш. Мизгирёк.*

Мокри́ца, -ы, ж. Двуххвостое мелкое насекомое, живущее в сырых местах. *Я боюсь всяких насекомых, особенно мокриц, фу-у, такая коричневая с двумя хвостами, как таракан, но круглая, фу-у!*

Но, межд. В знач. "да", выражает согласие. Обычно произносится с понижением интонации, протяжно. – *Какой завод? Цементный? – Но-о, цементный.* Полянский Иван Дмитриевич, 1974 г. р., уроженец Чит. обл., п. Татарский Ключ. – *Ты идешь на пары? – Но; – Ты сейчас занят? – Но. Надо еще одну пару отсидеть; – Ты его видел? – Но-о, случайно на площади встретились; – Ты уже освободился? – Но! Свободен как ветер.*

Осе́рдие, -я, ср. Ливер. *В осердие входит говяжье сердце, печень, легкие.*

Ошу́рки, -ов, мн.ч. Шкварки. *Почисти от ошурок сковороду, картошка подгорела.*

Пинка, -и, ж. Английская (застегивающаяся) булавка. *Прикрепи пинкой карман, чтоб деньги не потерять, могут выпасть с него. Юбка растянулась – заколи её пинкой.*

Покóцать. Побить какой-либо предмет, поцарапать и пр. *Он опять покоцал свою машину, в ремонт поехал.*

Стряхну́ть голову. Получить сотрясение мозга. *Ребёнок у них упал с дерева и голову стряхнул.*

Толку́шка, -и; ж. Предмет кухонного инвентаря для толчения, обычно картофеля. *Мять картошку толкушкой, пюре чтоб было.*

Шама́нить, -ню, -ишь. Творить что-то руками, выдумывать. *Игорь опять там шаманит над новой программой для редактирования фотографий.*

Ша́ра, -ы, ж. Остатки заваренных кипятком листочков чая, заварки. *Она выпила чай, на дне осталась шара, и я ее вылила. Выкинь шару из чайника и завари новый чай.*

Шо́ркать, -аю, -аешь. Тереть, трепать. *Кофту часто не стирай, ты ее совсем ишоркаешь. Сов. Ишоркать.*

Вторая группа – близкая к молодежным жаргонам.

Ауч!. Из англ. Междометие, выражающее испуг, удивление, неожиданность от чего-то. – *Ауч! Извини, что уронила, сейчас подниму. Не разбила?; – Ауч! Ударилась я, ой, больно же.*

Бра́жка, -и, ж. Компания друзей. – *Давайте гулять своей бражкой. Не хочу кого чужого.*

В курса́х. В курсе. – *А ты в курсах, что Аня поехала в Турцию? Ты в курсах, что мы участвуем в голосовании?*

До талова, нар. До последнего, до конца. – Я жду до талова, но как только сеанс начинается, я захожу; – Ты вчера в клубе до талова был? – Не, я рано ушёл.

Студенты такой народ, который тянет до талова, но как только начинается сессия, сломя голову бегут в библиотеку заниматься.

Домик, -а, м. Тип меховой шапки-ушанки со стоячими кверху ушами. – А как называется такая меховая шапка? – Молодёжь её называет «домик», уши стоячие.

Если в чё. Если что. Употребляется в значении «если получится». Если в чё ты мне дашь списать конспекты?

Заруба, -ы, ж. Зарубежная литература (жаргон студентов-филологов). – Привет, Катя! А ты не знаешь, что задавали прочитать по зарубе? – К пятнице нужно прочитать «Пылику» Мопассана.

Зафрендить, -дю (?), -дишь, сов. (разг., сниж., из англ.). Добавить в друзья в социальной сети. За один только день меня зафрендил 15 человек Вконтакте. За эту неделю Вконтакте меня зафрендил еще пять человек. Если человек тебя Вконтакте не зафрендил, он что тебе уже враг народа?

Кавайный, -ая, -ое. Заимств. из яп.? Симпатичный, милый. – Какая прелесть! Какой кавайный медвежонок! На конкурсе красоты: «Ну что мои кавайные, удачи всем». Какая прелесть! Какой кавайный парень! Мне так хочется с ним познакомиться.

Косяк, -а, м. Ошибка. На этот раз косяк был с нашей стороны. В следующий раз мы обещаем все исправить.

Моросить, -шү, -сйшь, несов. Разг., сниж. 1. Медлить, не успевать. – Нам нужно быстрее бежать, а ты как всегда моросишь! Поезд тебя ждать не будет; – Давай быстрее, ты чё моросишь опять! Нам нужно всё успеть сделать сегодня, а ты как всегда моросишь! 2. Недопонимать что-то или кого-то. Не мороси, ты прекрасно знаешь, о чем идет речь.

Мутить, -чү, -йшь. Встречаться с парнем/девушкой; Сов. Замутить – начать отношения романтического характера. – Чё ты с ним не замутила? Ты ему явно нравишься.

Ништяк¹, -а, м. Подарок, бонус. И там ещё вдобавку ништяки всякие дают, мелкие сувенирчики типа.

Ништяк², нар. Хорошо, всё в порядке. – Как у тебя дела? – Да всё ништяк! Все дела улажены, можно в отпуск махнуть.

Ништяк-ништяк! в знач. межд. Сниж. Угрожающее, предупреждающее выражение. Ну ништяк-ништяк, когда тебе надо будет – фиг чё тебе дам тоже!

Нозить, -ю, -ишь. Задирать, дразнить человека, выводить его из себя. Они любят нозить без повода.

Словиться, -люсь, -ишься; сов. Встретиться по предварительной договоренности. Давно не виделись! Может, словимся на выходных? Словимся в универе – надо отдать тебе диск; Завтра словимся, в три часа на Арбате?

Чайник¹, -а, м. Автомобиль "Тойота Чайзер".

Чайник², -а, м. Неопытный человек. Он только месяц назад получил права водителя, он ещё пока чайник, со временем привыкнет к машине.

Шумануть, -нү, -нёшь, сов. Сниж. Позвонить кому-либо, обычно по мобильному телефону. – Мой номер же знаешь? Я всегда на связи, после обеда шуманёшь мне насчет того дела. Шумани мне через час. Шумани мне, когда препод придёт. Знаешь же мой номер. Шумани вечером насчет собрания. Что случится – сразу шумани.

Третья группа – близкая к просторечиям и грубо-просторечным словам.

Бухать, -ю, -ешь. Фам. Пьянствовать, пить водку. Петька наш опять бухает, каждый день пьяный домой приходит. Сов. Забухать -ю, -ешь.

Гнать, -ню, -нишь. Врать. Чё ты гонишь, не гони мне лучше, я все равно узнаю правду.

Дуру гнать. Придуриваться. Не гони дуру, хватит придуриваться. Что за шутки, дуру не гони.

Завязывай, -ю, -ешь. Прост., фам. То же что заканчивать. Завязывай решать по математике, сей-час звонок будет.

Кйпиш, -а, м. Суета, неразбериха. Отсутствие порядка. Во время концерта за кулисами всегда кйпиш. На столе какой кйпиш, что ничего невозможно найти. Прил. кйпишной, -ая, -ое.

Мурьжить, -у, -ишь. Тянуть с обещаниями. Думаю, он долго не будет мурьжить нас, сделает всё, как надо.

Харэ, кат. сост. Сниж. Хватит, довольно, достаточно. Харэ прикалываться! Твои шуточки уже всем надоели! Харэ дурака валять! Это уже не актуально.

Четвертая группа – заимствования из бурятского, а также монгольского, тибетского и др. языков.

Бабайка, -и, м. Страшное сказочное чудовище, которым пугают маленьких детей. *Если не будешь слушаться, то бабайка придёт и съест тебя.*

Головар, -а, м. Некультурный человек. *Ну, ты голова-а-ар! Ты веди себя культурно, ты же в общественном месте!*

Дабхаряшка, -и, ж. Обычно мн. ч. Складка на веках. – *Я решила себе искусственные дабхаряшки сделать. – А как? – На операцию надо ложиться.*

Дарханка, -и, ж. (из бур.). Теплая шапка с мехом. *Дарханка теплая, голова зимой не замерзнет.*

Сюда же относятся многочисленные антропонимы из бурятского, монгольского, тибетского и др. языков: имена, фамилии, прозвища.

Пятая группа – образования от имен собственных.

Культурка, -и, ж. Сокращенно от «Восточно-Сибирская Государственная академия культуры и искусств». *Моя сестра учится в культурке, на факультете музейного дела и охраны памятников.*

Пентагон, -а, м. Жилищный комплекс в г. Улан-Удэ, который по форме напоминает здание Пентагона в США (здание, в котором расположено Министерство обороны США). *Мы живем на пентагоне.*

Петрован, -а, м. Житель Петровского завода (город в Забайкальском крае). *Он петрован, не из местных.*

Саганка, -и, ж. Сокращенный вариант названия торгового комплекса «Сагаан Морин» в г. Улан-Удэ. *Я сегодня ходила в Саганку, посмотрела столько вещей!; Мы раньше сидели в Саганке, теперь вот здесь торгуем, там аренда больше* (говорит продавец в бутике).

Техноложка, -и, ж. Сокращенно от «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления». *После школы планирую поступить в техноложку, на факультет сервиса, дизайна и туризма.*

Титашка, -и, м. Сеть магазинов в г. Улан-Удэ, имеющих общее название «Титан». *Нужно сходить в титашку, у нас продукты закончились.*

Имеющийся на сегодня материал показывает, что к региональной лексике Забайкалья относятся литературные слова, имеющие фонетические, морфологические особенности; «бывшие» диалектные слова, которые расширили ареал распространения и пришли в город; заимствования из бурятского языка и русские слова, образованные с использованием бурятских словообразовательных элементов; просторечия, бытующие в нашем регионе; этнографизмы; топонимы и антропонимы Забайкалья; многочисленные жаргонизмы (здесь в нашу эпоху интернета и глобализации с нивелировкой региональных различий есть проблема разграничения региональных и общего жаргона). При этом все указанные группы лексики, кроме лексики со сниженной грубой окраской, могут быть названы русской разговорной речью Забайкалья.

RUSSIAN COLLOQUIAL LANGUAGE OF TRANSBAIKAL: TO THE QUESTION OF LEXICOGRAPHIC COMPOSITION OF REGIONAL VOCABULARY

Irina Zh. Stepanova

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor

Buryat State University

24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article considers difficulties of defining regional word as the vocabulary of small towns and villages, its opposing to dialect word, vernaculars and other colloquial layer of Russian language, regional lexical items of Transbaikal Russian colloquial language are described, materials from field expeditions to Buryat Republic villages are given. The author outlines some word groups which can be identified as regional words, gives the examples of defining dictionary articles which can be written by the laboratory of ecolinguistics of the chair of Russian language and general linguistics of Buryat State University. The author includes literary words which have phonetic and morphological peculiarities, “former” dialect words which broadened the area of spread and came to town, borrowings from Buryat language and Russian words which are formed with Buryat word-formation elements, vernaculars which are used in the region, ethnographisms Transbaikal toponyms and anthroponyms and jargonisms in Transbaikal regional vocabulary.

Key words: regional language, regionalisms, Transbaikal Russian colloquial language.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ С МОДАЛЬНОЙ ОКРАШЕННОСТЬЮ (на материале русского и бурятского языков)

© Улазаева Галина Васильевна

кандидат филологических наук, доцент
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: diskurs@mail.ru

В данной статье описывается характер отношения к действительности, выражаемого словами категории состояния с ядерным значением волеизъявления и модальными словами. На материале разноструктурных русского и бурятского языков рассматривается состав указанных слов, структурные особенности, а также их употребление в составе предложения. Указывается место слов категории состояния с модальной окрашенностью в составе функционально-семантического поля состояния. В русском языке слова с модальным значением неоднородны: 1) слова, совпадающие по форме с краткими именами прилагательными, имеющими соотносительные полные формы; 2) слова, совпадающие по форме с краткими прилагательными, не имеющими соотносительных полных форм; 3) слова, не соотносительные с другими знаменательными частями речи (ни с наречиями, ни с краткими прилагательными). Слова третьей группы могут быть включены в состав слов категории, так как они являются неизменяемыми словами, выполняют роль части сказуемого в безличном предложении.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле состояния, слова категории состояния, модальные слова, датив, синтаксическая функция, отношение к действительности.

Лексика, входящая в общий класс слов категории состояния, довольно многообразна и многочисленна. Изучение функционально-семантических полей состояния, оценки и модальности, средств их выражения дало основание предположить, что в составе одного лексико-грамматического разряда сосуществуют и взаимодействуют слова с ядерным значением состояния, ядерным значением оценки, ядерным значением волеизъявления. В соответствии с этим слова категории состояния по их семной структуре условно можно разделить на три подгруппы в пределах одной системы: слова категории состояния, обозначающие психическое и физическое состояние лица, состояние природы, окружающей среды и обстановки; слова категории состояния, обозначающие состояние с модальной окраской, т.е. заключающие в себе значение необходимости, возможности, долженствования; слова категории состояния, обозначающие оценку состояния или положения. В настоящей работе рассмотрим слова категории состояния с ядерным значением волеизъявления.

В чем отличие слов категории состояния с модальным значением от собственно модальных слов, какое место занимают рассматриваемые слова в системе выражения модальности, а также в системе слов категории состояния? Слова категории состояния и модальные слова отличаются по характеру выражаемого ими модального отношения к действительности.

Известно, что в русском языке слова с модальным значением неоднородны:

1) группа слов, совпадающая по форме с краткими именами прилагательными, имеющими соотносительные полные формы: *клонен, волен, способен, согласен, готов: И кто влюблен – на все готов* (Грибоедов. Горе от ума), *Я согласна сказать всему свету, что я твоя* (Тургенев. Накануне);

2) группа слов, совпадающая по форме с краткими прилагательными, не имеющими соотносительных полных форм: *рад, горазд, должен, намерен, прав: Унизить рад* (Грибоедов. Горе от ума), *Шутит и он горазд, ведь нынче кто не шутит* (Грибоедов. Горе от ума);

3) группа слов, не соотносительная с другими знаменательными частями речи (ни с наречиями, ни с краткими прилагательными): *надо, нужно, необходимо, можно, должно, нельзя: Любить лучше издали, но любить необходимо...* (Паустовский. Романтики), *Так работать нельзя* (Паустовский. Романтики), *Тут и посидеть-то можно, и обождать...* (Зощенко. Любовь).

Очевидным является то, что в состав слов категории состояния могут быть включены только слова третьей группы, так как именно они являются неизменяемыми словами, выполняют роль части сказуемого в безличном предложении. Слова двух других групп согласуются с подлежащим и морфологически изменяемы (по родам, числам). Данные признаки объединяют их с именами прилагательными.

Рассмотрим еще примеры слов категории состояния, обозначающие состояние с модальной окраской, т.е. заключающие в себе значение необходимости, возможности, долженствования: *хэрэгтэй (надо, нужно, необходимо), болоно, болохо (можно), болохогҮй (нельзя)*.

Зүгөөр хаана, хэнэйнгээ гэртэхиндэ айлшалжа ошоход гэжэ хэлсэхэ хэрэгтэй байба (Галанов. ТҮрҮҮшын саһан) / *Однако нужно было решить, куда поедem в гости*;

Яараһанай хэрэгҮй (Осодоев. hҮҮлшын уулзалга / *Не нужно спешить*;

Үшөө баабайтай хөөрэлдэхэ хэрэгтэй (Мунгонов. Харьялан урдаа Хел-гомнай) / *Нужно поговорить еще с отцом*;

Хэшээлдээ хожомдожо болохогҮй / На уроки опаздывает нельзя.

Если в русском языке в состав слов категории состояния входят слова с ядерным значением волеизъявления (*надо, нужно, нельзя, можно*), не соотносимые ни с наречиями, ни с прилагательными, что дает основание некоторым ученым считать их ядром слов категории состояния, то в бурятском языке наблюдается иная картина. Слова категории состояния с ядерным значением волеизъявления соотносительны с другими частями речи, а именно: с именем прилагательным – 1) *намда хэрэгтэй (мне надо, нужно)* / 2) *хэрэгтэй ном (нужная книга)*, с глаголом – 1) *ябажа болоно (можно идти)* / 2) *суглаан хаа хаанагҮй болоно (повсеместно проходят собрания)*, с причастием – 1) *бодожо болохогҮй (нельзя вставать)* / 2) *ноен болохогҮйб (начальником не буду)*. Анализ языкового материала показывает, что рассматриваемые слова (в первом случае) правомерно включать в единый состав слов категории состояния: они употребляются только в качестве составного сказуемого, слово категории состояния с модальной окрашенностью *хэрэгтэй* употребляется только с дативом. Следует отметить, что в бурятском языке данные слова находятся на периферии функционально-семантического поля состояния, пересекаясь с полем модальности.

Итак, к словам категории состояния с ядерным значением волеизъявления в бурятском языке относятся такие слова, как *хэрэгтэй / надо, нужно, необходимо, болоно / можно, болохогҮй / нельзя*. Слова *болоно, болохо* переходят в разряд слов категории состояния из категории глагола, являются транспозитивами, при этом их семантика претерпевает изменения. Подобные лексемы представляют собой функциональные омонимы. Слова категории состояния *хэрэгтэй / надо, болоно / можно* обозначают процессы мысли и внутренние переживания, имеют так же, как и модальные слова, значение долженствования, необходимости, желательности/нежелательности, возможности/невозможности.

Слова категории состояния с ядерным значением волеизъявления в бурятском языке употребляются с причастиями будущего времени на – *ха, - хэ, - хо*, с соединительными деепричастиями на – *жа, - жо, - жэ* (в русском языке – с инфинитивами). Ср.:

Гэр бҮлэтэй болотороо һайса сэнгэжэ ябаха хэрэгтэй (Осодоев. hҮҮлшын уулзалга) / *До женитьбы нужно жить весело, беззаботно* (эта конструкция характерна для книжного стиля), ср. *До женитьбы надо вдоволь нагуляться* (подобная конструкция характерна для разговорного стиля);

Түмэр харгы бариха хэрэгтэй (Осодоев. hҮҮлшын уулзалга) / *Нужно строить железную дорогу*;

Таанарта хэлэхэдэ болохо (Мунгонов. Харьялан урдаа Хелгомнай) / *Вам можно сказать*;

-Энэ гэхээр, наарта орохоһоо урид, таряанайнгаа хорео заһажархиха хэрэгтэй (Дон. Хиртэһэн һара) / *- Скоро к парам приступить. Надо огородить хлеба* (пер. С. Чагдулова);

Тшмэхээ дан эртшье, дан оройшье сабшажа болохогҮй (Мунгонов. Харьялан урдаа Хелгомнай) / *Поэтому нельзя косить ни слишком рано, ни слишком поздно*.

Модальность в бурятском языке может выражаться специальными причастными формами на – *маар, –хаар*: *Гое гээшэнь гайхахаар / Так красиво, что можно только удивляться!*

В бурятском и русском языках слова категории состояния с модальной окрашенностью в отличие от собственно модальных слов выражают такое модальное значение, которое является их вещественным значением, а «модальные слова не служат самостоятельным названием признака или состояния, они выражают только модальное (волеизъявительное) отношение между субъектом и действием» [1, с. 275]. Слова категории состояния выступают только в функции предиката, модальные же слова синтаксически не самостоятельны, не служат предикатом, их функция – функция вводного члена предложения. Ср., *Отправь это письмо по указанному адресу. Понятно тебе?; Это письмо, понятно, ты отправишь по указанному адресу/ Энэ бэшэг заагдаһан хаягаарнь эльгээгээрэй. Шамда ойлгосотой гҮ?; Энэ бэшэг, ойлгосотой, заагдаһан хаягаарнь эльгээхэш*. Разграничение модальных слов и слов категории состояния можно проводить методом субституции. Например, во втором предложении *понятно* можно заменить синонимичным словом *разумеется*, в первом же предложении такая замена невозможна.

Подчеркнем, что модальные (вводные) слова – это внеструктурные элементы предложения. По своему значению, по синтаксическому употреблению разряд модальных слов близок к модальным глаголам [1, с. 275].

Существенной структурной особенностью слов категории состояния с ядерным значением волеизъявления является способность сочетаться с дательным падежом субъекта (подобно словам с ядерным значением состояния окружающей среды, природы, обстановки). Приведем примеры: *Намда тишишэ ошохо хэрэгтэй / Мне нужно туда идти; Шамда хайн нураха хэрэгтэй / Тебе нужно хорошо учиться.*

Слово категории состояния *хэрэгтэй* является функциональным омонимом: а) имени прилагательного: ср. *Энээндэтнэй Федот хэрэгтэй* (Бальбуров. Хубисхалай толон) / *Ему нужен Федот; Намда газарай даагшиа хэрэгтэй юм хэн* (Дон. Брынзын санха) / *Мне нужен заведующий земельным отделом;* б) имени существительного в орудном падеже: ср., *Ямар хэрэгтэй хэмта?* (Дон. Брынзын санха) / *Вы по какому делу?* (пер. С. Чагдурова). Ср., слово категории состояния: *МҮнөө ябаха гээ хадаа, яараха хэрэгтэй* (Дон. Брынзын санха) / *Конечно же, торопиться надо* (пер. С. Чагдурова); *Яабашье, зҮдхөөд лэ, ябажса Үзэхэ хэрэгтэй байна даа* (Дон. Брынзын санха) / *Надо ехать, что бы там ни было, что бы там ни случилось* (пер. С. Чагдурова). Важно указать, что в отличие от имен прилагательных и существительных, слова категории состояния характеризуют субъект, обозначенный дативом (который может быть не выражен), и представляют собой только составное именное сказуемое.

Модальная окрашенность слов категории состояния ослабляет в них значение собственно состояния. Отличие слов категории состояния с ядерным значением волеизъявления от слов категории состояния с ядерным значением состояния (лица, окружающей среды, природы, обстановки), особенно сти функционирования этих слов обусловили их место в периферийной зоне слов категории состояния как части речи.

Литература

1. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтеза. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 368 с.

ABOUT PECULIARITIES OF STATE CATEGORY WORDS WITH MODALITY MEANING (on materials of Russian and Buryat languages)

Galina V. Ulazaeva

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor

Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article describes the attitude to reality through state category words with head meaning of volition and modals. On materials of multi-structured Russian and Buryat languages the composition of the words, structural peculiarities and their usage in a sentence are considered in the article, and the place of state category words with modality in function-semantic field of state are pointed. In Russian language words with modality are heterogeneous: 1) words which are identical to short adjectives which have correlative long forms 2) words which are identical to short adjectives which have no correlative long forms 3) words which do not correlate with other content words (neither adverbs nor short adjectives). The words of the third group can be included in the category as they are unchangeable and play the role of the part of predicate in impersonal sentences.

Key words: function-semantic field of state, words of state category, modals, dative, syntactic function, attitude to reality.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ПО ОБРАЗОВАНИЮ РЕГИОНАЛИЗМОВ И ИХ ДЕРИВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

© Харанутова Дарима Шагдуровна

доктор филологических наук, доцент
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: dkharanutova@mail.ru

Статья посвящена проблеме образования и деривационного развития регионализмов в поликультурном пространстве. Проведенное исследование показывает, что заимствование слов является одной из причин приобретения языком региональных особенностей. В работе подчеркивается, что для понимания региональных особенностей языка крайне важно изучить закономерности образования вторичных единиц. Выявляются некоторые способы адаптирования заимствованных единиц, проходящее по-разному: наиболее частотен аффиксальный способ, при этом отмечается частотное использование аффиксов разговорного стиля. Обращается внимание на тот факт, что одним из важных показателей вживания заимствованного слова является его деривационная активность. Реконструируются деривационные связи однокоренных регионализмов. Рассматриваются словообразовательные цепочки и словообразовательные гнезда регионализмов, состав которого неоднороден по непосредственному источнику единиц и по времени заимствования.

Ключевые слова: заимствования, регионализмы, словообразовательные цепочки, словообразовательное гнездо.

Длительное совместное проживание народов неизбежно приводит к взаимопроникновению языков и культур. Как отмечает Е. В. Терентьева, «если государственное строительство основывается на территориальных, а не национальных принципах, то именно в регионах происходит интенсивный обмен культурными, языковыми и иными ценностями и формируется специфический лингвокультурный «ландшафт» [9, с.184].

Безусловно, региональный ландшафт характеризуется неравномерностью «покрытия»: доминирующие в полиэтническом регионе русский язык и культура характеризуются большим спросом на заимствование. Тем не менее, следует признать, что этот процесс не односторонний, язык и культура народов, относящихся к меньшинству, могут работать донорами большинства.

Ландшафт нашего региона примечателен тем, что русская разговорная речь соткана из вкраплений бурятского языка, а бурятский язык изобилует заимствованиями из русского языка. Это неудивительно. Более чем трехвековое соседство не могло не сказаться на жизни обоих языков.

Яркой иллюстрацией вышесказанному является Бурятско-русский словарь (БРС 2006, БРС 2008). Словаря регионализмов русского языка нашего региона не имеется. К проблемам забайкальского региолекта (регионального варианта русского языка Забайкалья) обращаются А. П. Майоров, В. М. Егодурова, Д. Ш. Харанутова и др. [4, 3, 11], вышла хрестоматия «Русская разговорная речь Бурятии: тексты в орфографической записи» [8]. На активизацию исследований в области региональной лингвистики Забайкалья указывают состоявшиеся конференции и выход материалов конференций в сборниках с одноименными названиями: «Языковая картина мира Байкальского региона» [12], «Региональные варианты национального языка» [7].

По мнению А. П. Майорова, заимствования вместе с обозначаемыми реалиями довольно быстро становятся достоянием материальной и языковой культуры русского населения Забайкалья. Такие слова, как качериг, гуран, саламат, тарасун, яман в русском языке нашего региона уже не являются экзотизмами, они прочно вошли в речевой обиход [5, с. 31], пополнили группу регионализмов. Под регионализмами понимаются отдельные лексические единицы местной разговорной речи [10, с. 4], входящие в территориальный вариант литературного языка.

Механизм адаптации заимствований в региональный вариант русского языка сходен с механизмом вливания заимствований в литературный язык, сопровождающимся оформлением словообразовательными суффиксами русского языка. Например, суффикс -и-, выполняющий основообразующую (вер-и-ть, пил-и-ть) и словообразующую функции (крахмал → крахмал-и-ть, белый → бел-и-ть), легко образует глаголы от заимствованных бурятских слов: ехор → ехорить, сагаалган → сагаалить, зурхай → зурхачить, архи → архидачить.

Попутно отметим, что глагол ехорить, образованный от русского ёхор «бурятский национальный танец», который, в свою очередь, образовался от ёхор `ёхор, бурятский хоровод` [1, с. 345], используется в разговорной речи не в значении «танцевать», а в значении «шумно праздновать, гулять с песнями, танцами и т. д.». Предложение *Мы вчера всю ночь ехорили* имеет смысл «Мы вчера всю

ночь гуляли, шумно отмечали какое-то событие». В основе образования деривата *ехорить*, безусловно, стоит не образ бурятского танца ехор, а русского танца с песнями, плясками, частушками.

В некоторых случаях регионализмы прибегают к помощи «своих» аффиксов, аффиксов разговорного стиля. Например, в забайкальском региолекте функционирует несколько названий новогоднего праздника по лунному календарю: помимо заимствованного *Сагаалган* и кальки с бурятского *Белый месяц* в разговорной речи носителей русского языка звучит еще одно название – *Сагаловка*, образованное при помощи разговорного словообразовательного суффикса –овк от *Сагаалган* (сагаалган + русский суффикс –овк- при усечении бурятского суффикса –ган- → сагаловка).

Известно, что одним из важных показателей вживания заимствованного слова является его деривационная активность.

Регионализмы *Сагаалган* и *Сагаловка* настолько прочно вошли в речь носителей русского языка, что даже образовали небольшие словообразовательные цепочки: от заимствованного *сагаалган* образовались регионализмы *сагалганский* «имеющий отношение к сагаалгану» (сагаалган + суффикс –ск- → сагалганский) и *сагалить* «1. праздновать сагаалган; 2. поздравлять с новогодним праздником по лунному календарю» (сагаалган + суффикс –и- при усечении суффикса –ган- → сагалить); регионализм *сагаловка* образовал дериваты *сагаловский* «имеющий отношение к сагаалгану» (сагаловка + суффикс –ск- → сагаловский) и *сагаловать* «1. праздновать сагаалган (сагаловка + суффикс –а- → сагаловать); 2. поздравлять с новогодним праздником по лунному календарю». Например, *Мы вчера сагалили (сагаловали). Тяжело сагалить (сагаловать) целый месяц.*

Таким образом, дублиеты *сагаалганский / сагаловский* и *сагалили / сагаловали* имеют в словообразовательном акте разные производящие, подтверждением этому служит и функционирование этих регионализмов: в СМИ употребительны дериваты заимствованного *сагаалган*, дериваты разговорного *сагаловка* встречаются только в устной речи. Например, «Сагаалганская пища – это, прежде всего, ритуальная пища, ей придавалось магическое значение, как способной содействовать процветанию и долголетию людей, богатому урожаю и приплоду скота» [6]. Или же «Сагаалганский приветственный жест «золгогго» выражает идею преемственности поколений: младший протягивал руки ладонями вверх, выражая готовность воспринять от старшего его опыт, знания и мастерство, а старший на протянутые к нему руки возлагал свои, ладонями вниз» [там же].

В русской разговорной речи нашего региона частотно употребление однокоренных слов *архи*, *архидачить*, *архидашин* (*архидачин*, *архидаша*). Возникает вопрос, являются ли они звеньями одной словообразовательной цепочки? Можно ли их считать дериватами одного словообразовательного гнезда?

При реконструкции деривационных связей однокоренных регионализмов вырисовывается любопытная картина.

При поиске производящего для *архидачить* выявляется два варианта: 1. *Архидачить* от бурятского *архи* `арака, молочная водка, тарасун; водка, вино` [1, с. 82], который функционирует в речи носителя русского языка в значении «водка», при помощи интерфикса –дач- и суффикса –и-; 2. *архидачить* от бурятского *архидаха* `пьянствовать, выпивать, кутить` [1, с. 82], при помощи суффикса –и-.

Думается, что вряд ли бурятский глагол *архидаха* явился производящим для *архидачить*, для этого ему необходимо, в первую очередь, заимствоваться, как существительному *архи*. Поэтому вариант *архи* → *архидачить* предпочтительнее.

Что касается *архидашин*, то оно однозначно является заимствованным и адаптированным бурятским существительным *архидашан* `гуляки, кутилы` [1, с. 82], кстати, слово фонетически дооформилось на русский манер – *архидашин*, *архидаша*. В разговорной речи оно употребляется в значении «гулянка, попойка, кутеж, пирушка». *Вчера у соседей был архидашин (архидаша). У нас вчера намечался архидашин (архидаша), но отменился.*

Итак, *архи* → *архидачить* – это словообразовательная пара, так как *архидачить* по форме и смыслу восходит к производящему *архи*, это мини-словообразовательное гнездо с вершиной *архи* (рус.), заимствованному из бурятского. *Архидашин (архидаша)* является членом бурятского словообразовательного гнезда с вершиной *архи* (бур.), связан мотивационными узлами с производящим *архидаха* `пьянствовать, выпивать, кутить`, который, в свою очередь, связан с *архи*. Он заимствован русским языком в готовой форме, дериватом третьего звена: *архи* → *архида/ха* → *архидашан*. При переносе в новую лексическую систему *архидашин (архидаша)* теряет свое основное значение «гуляки, кутилы», а усваивается русским языком в новом значении «гулянка, попойка, кутеж, пирушка». Мы можем допустить, что появление в гнезде заимствованного *архидашин (архидаша)* приводит к перестройке отношений: каждый дериват занимает свое место в словообразовательном гнезде. Естественно, *архидачить* и *архидашин* не могут быть звеньями одной цепи, точнее, это кодериваты, слова, имеющие одно производящее – *архи*.

Полагаем, что и по времени заимствования *архидашин (архидаша)* не мог опередить *архи*. Следует учесть, что толчком для образования гнезда однокоренных слов в данном конкретном случае послужило первичное заимствование *архи*, которое дало жизнь *архидачить* и позволило заимствовать *ар-*

хидашин (*архидаша*), и для приведенных регионализмов связующим является лексическое значение заимствованного *архи*. Безусловно, только *архи* может возглавить это небольшое по объему словообразовательное гнездо, состав которого неоднороден по непосредственному источнику единиц и по времени заимствования.

Итак, регионализмы выстраивают словообразовательные цепочки, формируют небольшие словообразовательные гнезда, что свидетельствует о полной адаптации заимствованных единиц. Анализ деривационного развития регионализмов показывает, что деривационные изменения не столь заметны, как лексические, но они всегда свидетельствуют о развитии языка, его специфике и своеобразии.

Литература

1. БРС, 2006 – Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 1: А-Н / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. тип.», 2008. 636 с.
2. БРС, 2008 – Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 2: О-Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. тип.», 2008. 708 с.
3. Егодурова В. М. Бурятское слово адли в региональном русском языке Бурятии // Региональные варианты национального языка: мат-лы всероссийской (с международным участием) науч. конф. (Улан-Удэ, 17-20 октября 2013 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С.118-122.
4. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. 263 с.
5. Майоров А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья). Автореф. дис. ... докт. филол. н. М., 2006. 45 с.
6. Официальный сайт «Национальной библиотеки Республики Бурятия». Батомункуева Рыгзема «Сагаалган: традиции и современность». URL: http://nbrb.ru/?page_id=738 (дата обращения: 09.02.2017).
7. Региональные варианты национального языка: мат-лы всероссийской (с международным участием) науч. конф. (Улан-Удэ, 17-20 октября 2013 г.) / науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. 300 с.
8. Русская разговорная речь Бурятии: тексты в орфографической записи / сост. А. П. Майоров, И. Ж. Степанова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 388 с.
9. Терентьева Е. В. Лингвокультурное пространство Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкозн. 2013. №3 (19). С. 184-188.
10. Торохова Е. А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии: Социолингвистический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. н. Ижевск, 2005.
11. Харанутова Д. Ш. Заимствования как один из путей образования региональных слов // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. Выпуск 2: Язык. Литература. Культура. С. 42-47.
12. Языковая картина мира Байкальского региона: мат-лы регион. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 27 мая 2009 г.) / науч. ред. В. М. Егодурова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. 258 с.

SOME NOTES ABOUT THE FORMATION OF REGIONALISMS AND THEIR DERIVATION ACTIVITY

Darima SH. Kharanutova

Doctor of Science in Philology, A/Professor
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article is devoted to the problem of the formation and derivational development of regionalisms in a multicultural area. The study shows that borrowing words is one of the reasons for the acquisition of regional features by the language. The paper emphasizes that in order to understand the regional peculiarities of the language it is extremely important to study the patterns of the formation of secondary units. There are some ways of adapting borrowed units, which take place in different ways: the most frequent is the affix method, while the frequency use of colloquial style affixes is noted. Attention is drawn to the fact that one of the important indicators of adaptation of a borrowed word is its derivational activity. The derivational connections of single-root regionalisms are reconstructed. In the article are considered word-formation chains and families of words of regionalisms which structure is non-uniform on a direct source of units and on loan time.

Key words: loans, regionalisms, word-formation chains, family of words

ЯЗЫКОВЫЕ УСТАНОВКИ И ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНОСТИ: по материалам психосоциолингвистического эксперимента

© **Хилханова Эржен Владимировна**

доктор филологических наук, доцент

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1

E-mail: khilkhanova@vsgaki.ru

В статье идет речь о языковых установках и этнических стереотипах бурятской и русской молодежи Республики Бурятия, выявленных путем психосоциолингвистического эксперимента с использованием техники вербальных масок. После краткого описания метода и процедуры исследования в статье представлен один фрагмент полученных результатов, а именно то, как оценивается аутентичная (безакцентная) речь на бурятском и русском языках молодежью обеих национальностей. Эксперимент выявил, с одной стороны, больше толерантности у представителей русского этноса и больше этноцентризма и солидарности с людьми своей национальности у представителей бурятского этноса, хотя в то же время оба этноса продемонстрировали здравый смысл и толерантность. Эксперимент также показал, с одной стороны, наличие установок о высоком статусе русского языка, с другой стороны – уважением ко всем языкам. Полагаем, что такие результаты свидетельствуют о противоречивости и сложности человеческого сознания, отражающего противоречивость и сложность окружающего мира.

Ключевые слова: языковые установки, этнические стереотипы, техника вербальных масок, бурятский и русские языки, бурятская и русская молодежь.

Изучение языковых установок не является традиционным объектом ни российской социолингвистики, ни психолингвистики, хотя уже с 1970-х гг. это направление лингвистических исследований процветает в западной, прежде всего в англосаксонской лингвистике. Поэтому, прежде чем говорить о языковых установках молодежи Бурятии, следует сказать несколько слов о том, что такое установки в целом и языковые установки в частности, зачем и для чего необходимо их изучать, а также дать дефиницию языковых установок.

Установка – это неосознанное психологическое состояние, внутреннее качество субъекта, базирующееся на его предшествующем опыте, предрасположенности к определенной активности в определенной ситуации. Установки предваряют и определяют развертывание любой формы психической деятельности [4]. Установки по отношению к языку – это языковые установки (далее – ЯУ). К поиску скрытых, «принципиально неосознаваемых» [3, с. 222] ЯУ целесообразно обратиться, например, в тех ситуациях, когда мы хотим найти наиболее влиятельный субъективный фактор, который направляет речемыслительную деятельность в ситуации выбора языка, каковой и является двуязычная языковая ситуация в Республике Бурятия (далее – РБ). Решение о выборе языка общения осуществляется на довербальном, мотивационном этапе речепроизводства, где и формируются, согласно теории Ч. Осгуда, «решения общего характера», т.е.:

а) говорить или не говорить;

б) если говорить, то на каком языке, в каком стиле/регистре, в какой форме – утверждение, вопрос, приказание;

в) если форма выбрана, то какими средствами воспользоваться для ее выражения в предложении – например, выбрать активную или пассивную форму;

г) что выделить логическим ударением, какие выбрать модели интонации [Цит. по: 2, с. 112-113].

Уже неоднократно говорилось о том, что для выявления ЯУ более эффективными являются косвенные методы исследования, наиболее известным из которых является методика, или техника парных масок (matched guise technique – MGT). Существует много вариаций этой методики, одна из которых – Техника вербальных масок (Verbal Guise Technique) – была использована в нашем исследовании (подробнее о методике и процедуре исследования см. в [5]).

Нами был проведен эксперимент с использованием VGT для проверки следующей гипотезы: мы предполагали, что, несмотря на повышение символического статуса миноритарных языков, у членов как мажоритарного (русского), так и миноритарного (бурятского) этносов, во-первых, сохраняются сформировавшиеся в советское время подсознательные установки о низком статусе (непрестижности) миноритарного языка и высоком статусе (престижности) мажоритарного языка. Это может проявляться в том, что говорящие на мажоритарном языке оцениваются выше по шкале социальных достижений, т.е. по таким качествам, как образованность, успешность и т.д. Во-вторых, мы предполага-

ли, что, если установки по отношению к какому-либо языку сопряжены с установками по отношению к говорящим на этом языке, то, возможно, что говорящие, недостаточно хорошо владеющие русским языком, подсознательно оцениваются низко по шкале социальных достижений. В-третьих, мы хотели определить, подтверждаются ли в Бурятии тенденции, выявленные учеными в других регионах мира относительно того, что люди имеют тенденцию оценивать людей своей национальности (а национальность можно с определенной долей вероятности определить по речи) выше по шкале солидарности, т.е. как более добрых, заслуживающих доверия, и т.д., чем людей другой национальности.

Для эксперимента было собрано 105 студентов-бакалавров обеих национальностей, обучающихся в Восточно-Сибирском государственном институте культуры в г. Улан-Удэ. Пятьдесят пять информантов были русской национальности, пятьдесят – бурятской. Студенты должны были оценить говорящих, основываясь только на их речи, по десяти параметрам-характеристикам, пять из которых являлись чертами, характеризующими социальные достижения и пять – личностными характеристиками (чертами характера). К первой группе относились такие черты, как «умные, успешные, образованные, богатые, прогрессивные», ко второй группе – «добрые, заслуживающие доверия, агрессивные, модно одетые, ленивые». Каждая характеристика должна была быть оценена по следующей шкале:

1 – я совершенно согласен; 2 – я частично согласен; 3 – я частично не согласен; 4 – я совершенно не согласен; х – не относится к говорящим.

Информантам были воспроизведены четыре аудиозаписи, содержащие:

1. Диалог на русском языке, записанный двумя девушками русской национальности, для которых русский язык являлся родным.
2. Диалог на бурятском языке, записанный двумя девушками бурятской национальности, для которых бурятский язык являлся родным.
3. Диалог на русском языке, записанный двумя девушками бурятской национальности, для которых русский язык не являлся родным, и они говорили на нем с бурятским акцентом.
4. Диалог на бурятском языке, записанный двумя девушками русской национальности, для которых бурятский язык не являлся родным, и они говорили на нем с русским акцентом.

В данной статье представлен только один фрагмент полученных результатов, а именно то, как оценивается аутентичная (безакцентная) речь на бурятском и русском языках молодежью бурятской и русской национальности (см. табл. 1).

	Оценки, сделанные русскими респондентами						Оценки, сделанные респондентами- бурятами					
	сог-ла-сен	не сог-ла-сен	не отн. к гово-ря-щим	сог-ла-сен	не сог-ла-сен	не отн. к гово-ря-щим	сог-ла-сен	не сог-ла-сен	не отн. к гово-ря-щим	сог-ла-сен	не сог-ла-сен	не отн.к гово-ря-щим
	аутентичная русская речь			аутентичная бурятская речь			аутентичная русская речь			аутентичная бурятская речь		
умные	65,4	25,4	5,4	58,1	29,0	9,0	58,0	30,0	18,0	70,0	22,0	6,0
успешные	34,5	38,1	20,0	40,0	36,3	16,3	30,0	48,0	22,0	34,0	42,0	20,0
образован-ные	63,6	30,9	1,8	65,4	20,0	12,7	62,0	30,0	4,0	80,0	20,0	0
прогрессив-ные	32,7	29,0	34,5	29	32,7	34,5	16,0	54,0	24,0	24,0	50,0	24,0
богатые	21,8	43,6	34,5	29	36,3	29,0	40,0	32,0	24,0	40,0	44,0	14,0
добрые	85,4	9,0	3,6	74,5	9,0	5,4	76,0	4,0	14,0	86,0	8,0	2,0
заслужива-ющие дове-рия	67,2	25,4	3,6	58,1	23,6	16,3	68,0	20,0	14,0	78,0	16,0	4,0
агрессивные	3,6	54,5	34,5	5,4	43,6	45,4	8,0	66,0	24,0	12,0	68,0	22,0
модно оде-тые	29,0	23,6	43,6	16,3	30,9	50,9	10,0	64,0	46,0	24,0	42,0	30,0
ленивые	27,2	38,1	29,0	27,2	29,0	41,8	20,0	38,0	42,0	6,0	66,0	26,0

Табл. 1. Оценка информантами бурятской и русской национальности аутентичной русской и бурятской речи, %

Анализ данных респондентами оценок через призму их национальности выявил заметные различия в том, как воспринимается речь (а фактически, говорящие на том или ином языке) русскими и бурятами. У русских респондентов была выявлена тенденция чаще оценивать говорящих на одном с ними языке выше по шкале солидарности, но затруднения в приписывании им социальных достижений. Так, для них говорящие на (родном) русском языке чаще казались добрыми по сравнению с говорящими на бурятском языке (85,4 % vs. 74,5 %), заслуживающими доверия (67,2 % vs. 58,1 %) и модно одетыми (29 % vs. 16,3 %). Зато представители бурятской национальности являлись более богатыми, чем русской (29 % vs. 21,8 %) и чуть более успешными (40 % vs. 34,5 %). Совокупность ответов, при котором носители бурятского языка (т.е. буряты) представляются эвалюаторам слегка более образованными, богатыми и успешными, чем русские, но при этом менее прогрессивными и умными, носит противоречивый характер и в целом не поддается рациональному объяснению. Некоторые из характеристик, такие, как «богатый» или «образованный», могут быть как-то объяснены, исходя из местных реалий; так, например, высокий уровень образования бурят – достаточно известный факт¹. Тем не менее, в целом эксперимент показал, что русское население РБ в основном не имеет сформированных стереотипных убеждений относительно коренной национальности РБ (бурят), хотя солидарность с людьми своей национальности (русскими) присутствует.

У эвалюаторов бурятской национальности тенденция более позитивно оценивать представителей своей национальности выражена ярче: если у русских респондентов среднее процентное различие между оценкой говорящих на русском и бурятском языках составило 6,4 % (учитывались ответы, выражающие как согласие с характеристикой, так и несогласие), то у слушателей-бурят – 10,9 %. По сравнению с ответами русских респондентов значительно больше тех, кто считает, что говорящие на бурятском языке умнее, чем говорящие на русском языке (70 % vs. 58 %), образованнее (80 % vs. 62 %), прогрессивнее (24 % vs. 16 %), более модно одеты (24 % vs. 10 %) и т.д. В целом по всем параметрам, даже по агрессивности, представители одной со слушателями национальности (бурятской), кажутся им превосходящими представителей другой (русской) национальности, зато русские более ленивы (20 % приписало это качество участникам диалога на русском языке, и только 6 % посчитало его присущим бурятам). Только уровень благосостояния участников обоих диалогов слушатели оценили как одинаковый (по 40 %).

Таким образом, можно сделать вывод, что представители русского этноса обнаружили больше толерантности, а представители бурятского этноса – больше этноцентричности и солидарности с людьми своей национальности.

Анализ результатов эксперимента через призму национальности выявил также этнические стереотипы. Так, у русских эвалюаторов, помимо солидарности с людьми своей национальности, ярко проявилась стереотипная ассоциация «буряты – богатые» (при том, что у самих бурят-эвалюаторов ее нет). Этот стереотип обыденного языкового сознания русских жителей РБ питается, по-видимому, определенными местными реалиями: к примеру, обычаем бурят широко праздновать свадьбы и другие семейные торжества, дарить дорогие подарки, вследствие чего эти мероприятия окупаются. Как всякий стереотип, он не выдерживает фактологического анализа: статистических данных о том, что уровень благосостояния бурят превышает таковой русских жителей РБ, нет.

Наибольшее единодушие было продемонстрировано относительно таких черт, как «образованность», «прогрессивность» и «успешность» (именно в таком порядке), которые эвалюаторы обеих национальностей приписали говорящим по-русски. Здесь мы видим, как в обыденном языковом сознании, независимо от региона, фиксируется положение русского языка в стране: только владение им обеспечивает доступ к образованию, всем достижениям научно-технического прогресса и дает шансы на успех.

Эксперимент показал, что молодежь в Бурятии следует широко распространенному паттерну, оценивая тех, кто говорит на язык своей национальности выше по шкале солидарности. Стратегия солидарности проявляется не только в присвоении положительных качеств людям своей национальности, но и в приписывании отрицательных качеств людям другой национальности. Такая последовательная оценка услышанных голосов на основе бессознательной дихотомии «мы - они» более выражена у бурят. Этноцентризм и стремление «держаться за своих», более выраженные у бурят, свидетельствуют, по-видимому, об осознании бурятским этносом своего статуса меньшинства. Меньшая выраженность этой стратегии у мажоритарной группы (у русских), соответственно, может объясняться тем, что русские являются численно доминирующей нацией в России и не испытывают потребности солидаризоваться со «своими». Можно также предположить, что это связано и с более глубокими причинами: отсутствием единения, ощущения целостности этноса. О противоречивых качествах русского этноса,

¹ По данным переписи 2002 года буряты и осетины занимают второе место по количеству людей с высшим образованием после евреев; у евреев этот уровень составляет 590 человек на 1000 населения в возрасте 15 лет и старше, у осетин и бурят 221 человек, у адыгейцев 205, украинцев – 200, и т. д.

в том числе и о разобщенности и способности к единению только в трудную минуту говорил еще Н. А. Бердяев в своих антиномиях [1].

Однако я не нашла подтверждения гипотезы о том, что, возможно, у бурятского этноса сохраняются бессознательные установки о низком статусе и престиже бурятского языка. Эксперимент показал, что наличие установок о высоком статусе одного языка не обязательно подразумевает наличие установок о низком статусе другого языка, даже если это миноритарный язык. Молодежь в РБ явно считает, что языки, на которых говорят в республике, и их носители заслуживают уважения, независимо от каких-либо внешних факторов, таких как статус, количество говорящих и т. д. В целом обе этнические группы продемонстрировали большой здравый смысл, толерантность и умеренную склонность к стереотипным обобщениям. Об этом свидетельствуют сомнения респондентов относительно самой возможности предположить наличие тех или иных качеств у людей на основании только услышанной речи; эти сомнения выражались в том числе и в частом выборе варианта ответа “не относится к говорящему”. Таким образом, мы видим, как в сознании молодежи Республики Бурятия сочетаются одновременно стратегии толерантности и этноцентризма, установки о ценности русского языка и языков вообще. Думается, что это свидетельствует не только о противоречивости сознания исследуемой социальной когорты (молодежи), но и о противоречивости и сложности человеческого сознания вообще, отражающего противоречивость и сложность окружающего мира.

Литература

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
2. Белянин В. П. Психолингвистика: Учебник / В. П. Белянин. М.: Флинта: МПСИ, 2009.
3. Имедадзе Н. В. Экспериментально-психологическое исследование овладения и владения вторым языком. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
4. Психологический словарь. URL: [http:// www.psychology.net.ru](http://www.psychology.net.ru) (дата обращения: 01.10.2017).
5. Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных регионов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края) / Э. В. Хилханова, Г. А. Дырхеева, Л. М. Любимова, Д. Б. Сундуева; Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2016. 174 с.

LANGUAGE ATTITUDES AND ETHNIC STEREOTYPES THROUGH THE PRISM OF NATIONALITY:
on materials of a psychosociolinguistic experiment

Erzhen V. Khilkhanova

Doctor of Sciences in Philology, A/Professor
East Siberian State Institute of Culture
1 Tereshkovoi St., Ulan-Ude, 670031, Russia

The paper deals with language attitudes and ethnic stereotypes of Buryat and Russian youth in the Republic of Buryatia revealed through a psychosociolinguistic experiment using the Verbal Guise Technique. After brief description of the method and experiment procedure the author presents one fragment of the research findings, namely how authentic, accent-free speaking in the Buryat and Russian languages is evaluated by young people of both nationalities. The experiment revealed, on the one hand, more tolerance among representatives of the Russian ethnic group, and more ethnocentrism and solidarity with their co-ethnics by representatives of the Buryat ethnic group, while at the same time both ethnic group have demonstrated a good deal of common sense and tolerance. The experiment also showed, on the one hand, the presence of attitudes about high status of the Russian language, on the other hand, respect for all languages. We believe that these results indicate the contradictory character and complexity of human consciousness reflecting the contradictory nature and complexity of the surrounding world.

Key words: language attitudes, ethnic stereotypes, Verbal Guise Technique, Buryat and Russian languages, Buryat and Russian youth.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

© Цыбенова Чечек Сергеевна

младший научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: tschechek@mail.ru

В статье представлена общая картина функционирования русского языка на территории Республики Тыва. На основе переписей населения различных лет исследована динамика русского населения, вычислена доля двуязычных жителей региона. Анализ данных свидетельствует о резком сокращении социальной базы русского языка. Подобная миграция рассматривается как один из негативных факторов в полноценном функционировании русского языка в Туве. С другой стороны, результаты социолингвистического исследования говорят о доминантном использовании русского языка исключительно в сферах организованного общения, а тувинский интенсивно используется в сферах неофициального и межличностного общения. Подобное функциональное распределение дает основание полагать, что русский язык имеет более престижный социальный статус и высокую социальную потребность. Поэтому в условиях относительно однородной этнической среды необходимо повышение уровня языковой компетенции во владении русским языком.

Ключевые слова: русский язык, тувинский язык, языковая ситуация, Республика Тыва, коммуникативные сферы, социальный статус.

Русский язык как государственный язык Российской Федерации (РФ) является языком с широкими социальными функциями. Вместе с тем в силу исторических, социально-экономических, географических и других региональных факторов в различных российских субъектах его общественные функции по коммуникативным сферам распределены неравномерно и реализуются неодинаково.

В этом плане уникальной является языковая ситуация в Республике Тыва (РТ). Ее географическое положение, исторические ступени развития и становления государственного суверенитета обусловили численное преобладание титульной нации, компактное расселение основной части тувинцев на одной территории. Эти объективные факторы во многом предопределяют функциональное распределение тувинского и русского языков в ее коммуникативном пространстве.

Основными этническими группами, проживающими на территории республики, являются тувинцы и русские. Динамика их численности представлена в следующей таблице (табл. 1 [2, 3, 6]).

Таблица 1

Численность тувинского и русского населения и их доля по Республике Тыва

Все население	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	чел.	в % к итогу	чел.	в % к итогу	чел.	в % к итогу	чел.	в % к итогу
В том числе	267599	100,00	308557	100,00	305510	100,00	307930	100,00
тувинцы	161888	60,5	198360	64,3	235313	77,0	249299	82,0
русские	96793	36,2	98831	32,0	61442	20,1	49434	16,3

Итоги Переписей различных лет показывают, что численность русского населения в Туве имела возрастающий характер только до 1989 г. В последующие годы наблюдается их постепенное сокращение. Подобная миграционная убыль в целом связана с распадом Советского Союза, вследствие которого разрушилась система кадрового обеспечения, произошел общий кризис в социально-экономической сфере, наблюдались негативные настроения в межнациональных отношениях.

В настоящее время социальная база русского языка по сравнению с советским периодом резко сократилась, в сельских местностях практически нет полноценной русской языковой среды. Тем не менее, данные последних десятилетий свидетельствуют, что общая численность тувинцев, владеющих русским языком, только увеличивается. При этом отличительными являются показатели 2010 г.:

наблюдается спад показателя владения русским языком и некоторое повышение показателя, считающих родным тувинский язык (табл. 2 [4, 5, 6]).

Таблица 2

Владение тувинским и русским языками коренного населения РТ по данным Переписей населения (%)

	Численность тувинцев (тыс. чел.)	Из них считают родным тувинский язык (%)	Из них владеют рус- ским языком (%)
1979 г.	161 888	99,1	37,5
1989 г.	198 448	99,0	58,3
2002 г.	235 313	98,5	84,3
2010 г.	249 299	98,9	81,9

Статистические данные позволяют нам выявить и долю двуязычного населения по республике. Так, данные таблицы 3 демонстрируют стабильный рост русско-тувинского типа двуязычия и уменьшение доли тувинско-русского двуязычия (табл. 3 [2, 3, 6]).

Таблица 3

Типы двуязычия и их доля среди населения РТ (%)

	Доля двуязычных	Тувинско-русское двуязычие	Русско-тувинское двуязычие
1989 г.	40,2	58,3	0,6
2002 г.	87,9	84,3	1,7
2010 г.	84,6	81,9	2,0

Несмотря на отсутствие полноценной русской языковой среды, в рамках проведенного нами комплексного социолингвистического исследования языковой ситуации в РТ в 2009-2010 гг. [7], было выявлено, что тувинцы русским языком в целом владеют хорошо. Общая доля очень хорошо и хорошо владеющих формами русского языка выглядит следующим образом: «понимаю» – 89 %, «говорю» – 76 %, «читаю» – 88 % и «пишу» – 81,2 %. Наиболее сложными для респондентов оказались навыки говорения (76 %). Это, в первую очередь, объясняется отсутствием языковой практики на русском языке и недостаточностью погружения в мир русской культуры.

Опросом также было выявлено, что из 635 респондентов русским языком пользуются в основном на работе/учебе и в государственных учреждениях, также его используют при чтении художественной, специализированной литературы и периодики, при просмотре телевизионных передач и прослушивании радио, также при написании лекций (табл. 4).

Таблица 4

Использование тувинского и русского языков в различных сферах общения (%)

Сферы общения:	По-тувински			По-русски		
	обычно	иногда	редко	обычно	иногда	редко
Дома, в семье	91,3	7,1	1,4	8,7	46,8	43,9
На работе/учебе	52,8	39,4	7,9	50,1	45,4	4,0
В обществ. местах	55,7	37,8	6,3	33,5	60,2	6,3
В гос. учреждениях	31,3	50,9	17,5	53,4	43,9	2,7
В культовых местах	92,6	4,6	2,7	2,8	13,5	81,7
С родственниками	92,3	6,8	0,9	6,0	38,0	55,3
С друзьями	79,5	18,4	2,0	13,1	58,9	28,0
При чтении: худ. лит.	31,0	37,2	31,2	60,2	31,5	8,2
спец.лит.	11,7	31,7	51,5	59,8	28,5	9,8
периодики	29,3	40,0	28,8	67,9	28,5	3,5
При просмотре и прослушивании теле- и радио-программ	24,9	46,5	27,9	83,6	14,8	1,6
При личной переписке	49,8	29,8	19,8	37,0	35,1	27,4
При написании лекций	9,0	23,1	62,5	66,8	16,7	13,9

Как видим, русский язык активно употребляется в деятельности государственных органов, различных организаций и учреждений, как средство обучения и получения информации. Сферы, в которых доминирует русский язык, принято относить к сферам организованного общения. Данные сферы являются важнейшими показателями жизнеспособности языка, определяющими его функциональное и внутрискруктурное развитие, а также социальный статус.

Тувинский язык доминирует в сферах неофициального общения, интенсивно используется в межличностном пространстве как язык внутриэтнического общения. Этому способствует практически однородное языковое окружение, традиция внутрисемейной передачи языка от поколения к поколению и высокий уровень языковой компетенции во владении родным языком большинством тувинцев.

Функционально неравноправное распределение тувинского и русского языков в коммуникативном пространстве, распространенность пассивного типа тувинско-русского билингвизма среди коренных жителей свидетельствуют, что языковая ситуация в Туве является ассиметричной. Поэтому общую картину функциональной и социальной дистрибуции русского и тувинского языков можно кратко охарактеризовать следующим образом: русский язык – государственный язык общероссийского значения, язык межнационального общения, доминирует в официальных сферах, имеет высокий социальный престиж среди населения; тувинский язык – государственный язык республиканского значения, язык внутриэтнического общения, доминирует в сферах неофициального общения, имеет высокую культурную престижность.

Сегодня функционированию русского языка в Туве региональными властями придается огромное значение. Основные проблемы, связанные с его функционированием в современном тувинском обществе, отражены в государственной программе «Развитие русского языка на 2014-2018 годы», утвержденной постановлением № 608 Правительства РТ от 18 октября 2013 г. [1].

Согласно Программе, негативными процессами, влияющими на развитие русского языка в Туве, являются:

- сокращение сфер его функционирования;
- ослабление значения русского языка;
- сокращение объема печатных изданий, в том числе переводных;
- трудности с учебно-методическим и кадровым обеспечением образовательных учреждений;
- отсутствие налаженной системы пропаганды русского языка.

В документе указывается, что в результате «...большая часть населения не в полной мере владеет русским языком, ... изменилась концепция развития тувинско-русского двуязычия» [1]. Эти и другие проблемы приобретают острый характер, что побуждает к принятию на государственном уровне срочных мер для их разрешения, а именно к разработке и реализации программы, которая должна стать основой современной языковой политики в республике [1].

В целом соглашаясь с основными положениями Программы отметим, что социальный престиж русского языка в Туве всегда был высоким. Скорее, нужно говорить о сокращении его социальной базы: не только самих носителей языка, но и тех, кто владеет русским языком, а также об ухудшении уровня их языковой компетенции. При этом следует указать, что и в советский период русскоязычная среда была представлена не на всей территории Тувы, были трудности и в образовательном процессе, коммуникационная связь функционировала ограничено или вовсе отсутствовала.

Очевидно, что указанные проблемы связаны больше с модернизацией и трансформацией собственно системы образования. Происходят и изменения в системе ценностных ориентаций молодого поколения. На формирование их языкового сознания активно влияют средства массовой информации (телевидение, радио, глянцево-журналы), новые коммуникационные технологии (Интернет, гаджеты). Как справедливо отмечают татарские исследователи: «Люди больше озабочены материальными проблемами, чем духовными. "... Телевизор вытеснил из дома книгу. Меньше читают, проще думают, безграмотнее пишут» [8, с.37].

Таким образом, принимая во внимание высокую социальную потребность в русском языке, важнейшим ключом к его функционированию в условиях относительно однородной этнической (тувиноязычной) среды должна стать образовательная среда. Основная роль процесса обучения русскому языку видится не только в формировании и повышении языковой компетенции, но и в том, чтобы заложить основу для дальнейшего применения языка во всех сферах общения.

Литература

1. Государственная программа Республики Тыва «Развитие русского языка на 2014-2018 гг.» утверждена постановлением Правительства Республики Тыва №608 от 18 октября 2013 года. URL:

<http://docs.cntd.ru/document/424074858> (дата обращения: 04.07.2017 г.).

2. Население по национальности и полу по Республике Тыва. Кызыл: Тывастат, 2005. 13 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Территор. орган федер. службы гос. статистики по РТ).

3. Некоторые сведения о национальном составе населения, социально-экономическом и культурном развитии Тувинской АССР. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1989. 116 с.

4. Советская Тува в цифрах. Стат. сб. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1991. 116 с.

5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. URL: http://www.tuvastat.ru/Docs/Итоги_ВПН_2010_РТ/perepis_itogi.htm (дата обращения: 04.10.2013 г.).

6. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 24.03.2016 г.).

7. Цыбенова Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Улан-Удэ, 2013. 240 с.

8. Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. Казань: Магариф, 2002. 208 с.: табл.

COMMUNICATING AREA OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE REPUBLIC OF TYVA

Chechek S. Tsybenova

Junior research fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

6 Sahianova St., Ulan-Ude, 670047 Russia

The article describes the general functioning of the Russian language in the Republic of Tyva. The different Census data are used for investigating of the Russian population dynamics and calculating of the bilingual's percentage in Tuva. The investigation shows that Russian social base is sharply reduced today. Such migration is considered as one of the negative factors in the Russian language functioning. On the other hand the results of our sociolinguistic survey demonstrate that Russian is mainly used in official spheres whereas the Tuvan language used only for unofficial and interpersonal communication. The author believes such functional distribution is also the result of the more prestigious social status of the Russian language. That's why in the relatively homogeneous ethnic situation it's necessary to raise the level of language competence in Russian constantly.

Key words: the Russian language, the Tuvan language, language situation, the Republic of Tyva, communicating spheres, social status.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 811.161.1

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ВРЕМЯ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА А. АХМАТОВОЙ

© Гамали Ольга Игоревна

кандидат филологических наук, доцент
Криворожский государственный педагогический университет
Украина, 50086, г. Кривой Рог, просп. Гагарина, 54
E-mail: hamaliolig@gmail.com

© Каневская Ольга Борисовна

кандидат педагогических наук, доцент
Криворожский государственный педагогический университет
Украина, 50086, г. Кривой Рог, просп. Гагарина, 54
E-mail: o.b.kanevska@rambler.ru

В статье определяется новаторство в области временной организации текста и описывается специфика языковой репрезентации категории «время» в поэтической картине мира Анны Ахматовой. Среди языковых репрезентантов этой категории выделяются соотносящиеся друг с другом лексемы: век, час, мгновение, миг. Они наиболее важны для сознания лирической героини и называют особо значимые отрезки исторического и личного времени. Показательно распределение грамматических форм времени в поэтических текстах А. Ахматовой: в изображении действительности доминируют формы настоящего времени; мир личности, мир частного бытия рисуется посредством взаимодействия форм настоящего и прошедшего (реже будущего) времен. «Чувство времени» (художественное время) в ее поэтической картине мира тесно связано с «чувством истории». Будущее видится сквозь призму прошлого, традиции, истории, созданные временные образы подвижны, динамичны, лаконичны, индивидуальны.

Ключевые слова: А. А. Ахматова, поэтическая картина мира, художественное время, временная организация текста.

Библиография работ, посвященных творчеству А. А. Ахматовой, обширна. Неоценимый вклад в изучение особенностей ахматовской поэтики внесли В. В. Виноградов, Е. С. Добин, В. М. Жирмунский, А. И. Павловский, Б. М. Эйхенбаум и мн. др. Поэзия Анны Ахматовой и в XXI веке является объектом пристального внимания и литературоведов, и лингвистов (Л. А. Кузнецова, Н. А. Николина, Э. М. Свенцицкая, О. В. Червинская, Л. А. Шилов и мн. др.). Многоаспектное изучение художественного наследия А. А. Ахматовой заставляет исследователей решать одновременно целый ряд теоретических и методологических вопросов, касающихся общих принципов подхода к анализу художественного текста вообще и поэтической картины мира поэта в частности.

Несмотря на многочисленность трудов, посвященных исследованию поэтики А. А. Ахматовой, языковая репрезентация категории «время» в ее поэтической картине мира изучена все еще недостаточно, что позволяет считать тему исследования актуальной.

Цель статьи – определить новаторство в области временной организации текста и описать специфику языковой репрезентации категории «время» в поэтической картине мира Анны Ахматовой.

Одна из важнейших особенностей поэтики произведения – это организация времени в структуре текста. Как отмечает большинство исследователей, в художественном тексте возникает подвижная, иногда изменчивая и многомерная временная перспектива, отчего последовательность событий в тексте может не соответствовать реальной их хронологии. Автор произведения в соответствии со своими эстетическими намерениями то расширяет, то «сгущает» время, то замедляет его, то ускоряет.

Художественное время вместе с художественным пространством составляют, согласно бахтинскому определению, хронотоп [2, с. 195]. Хронотопическими воспринимаются и «сферы бытия как в самом человеке, так и вне его» [2, с. 171]. Таким образом, содержанием хронотопа является все, что «вмещается» в хронотопическое единство – длительности беспрерывного отрезка временного потока

в такой же локализованной части пространства, точнее то, чем обусловил или считал нужным «наполнить» такое единство художник.

Наблюдения показывают, что в поэзии А. Ахматовой все предметные детали изображенного, составляя единство, имеют яркую географическую, национальную и временную характеристику.

Время в поэзии «приобретает особое значение и как тема, и как принцип конструкции произведения, и как категория, вне которой невозможно воплощение художественного замысла» [3, с. 39]. Образ времени является сквозным в творчестве многих поэтов. Существуют, однако, художники, для которых он является ключевым, а тема времени особо значимой. К таким поэтам, без сомнения, относится и А. А. Ахматова. Практически через все ее произведения проходит тема быстротекущего времени: «И впервые пожалела / Мы на сто лет состарились, и это / И вздохнула «Ах, года! / Тогда случилось в час один / Вот и внучка молода» [1, с. 168]; «Короткое уже кончалось лето, / Дымилось тело вспаханных равнин» [1, с. 116] и т. д.

Анна Ахматова – человек и поэт – обладала в высшей степени обостренным чувством времени. Время у нее – это актуальное время, с одной стороны, прямо ассоциирующееся со зримостью, а с другой – приобретающее космическое значение, соединяя прошлое, настоящее и будущее в едином универсальном пространстве: «Смуглый отрок бродил по аллеям, / У озерных грустил берегов, / И столетие мы лелеем / Еле слышный шелест шагов» [1, с. 14]; «Я спросила у кукушки, / Сколько лет я проживу... / Сосен дрогнули верхушки / Желтый лист упал в траву» [1, с. 137].

Предметом художественного изучения А. Ахматовой становится «поле души человеческой» – память как таковая, память о прошлом лирического героя, единичного человека. Автор, раскрывая «поле души человеческой», обращается к прошлому лирической героини, к миру ее воспоминаний: «А еще так недавно, недавно / Замирали вокруг тополя, / И звенела и пела отравно / Несказанная радость твоя» [1, с. 69].

А. Ахматова подчеркивает необходимую связь с былым, говоря о том, что жизнь человека и поколения, к которому тот принадлежит, должна быть естественным продолжением, новым звеном в бесконечной цепи человеческой истории: «Возникают, строятся лица, / Мил сегодня, а завтра далек, / Отчего же на этой странице, / Я когда-то загнул уголок?» [1, с. 39].

Соотношение времени и вечности – вопрос, который А. Ахматова пытается разрешить. Время воспринимается ею и как бесконечная длительность, и как отдельный отрезок этой действительности: Вместо мудрости – опытность, пресное, / Неутомляющее питье. / А юность была – как молитва воскresшая. / Мне ли забыть ее? [1, с. 80].

В поэтической картине мира А. Ахматовой языковой репрезентацией категории времени является, прежде всего, темпоральная (временная) лексика различных лексико-семантических групп: названия различных аспектов, отрезков и периодов времени: завтра, сегодня, вчера, позавчера; настоящее, былое, минувшее, прошедшее, грядущее; названия частей суток (особенно часто метафоризируемые): утро, полдень, день, вечер, полночь, ночь; названия возрастов: старость, молодость, юность; временные прилагательные и наречия: долго, давно еще, столетний, вчерашний, весенний, осенний, летний, новогодний, давний и др. В контексте: Сегодня мне письма не принесли: / Забыл он написать, или уехал; / Весна как трель серебряного смеха, / Качаются в заливе корабли. / Теперь весна, и грусть весны отравна, / Сегодня мне письма не принесли... / Он был со мной еще совсем недавно / Такой влюбленный, ласковый и мой, / Но это было белою зимой, / Он был со мною еще совсем недавно [1, с. 36].

Темпоральная лексика довольно часто выносится в заглавия стихотворений, а значит, занимает сильную позицию в тексте: «Бег времени», «Через 23 года», «О десяти годах», «Маяковский в 1913 году», «Август», «Август в 1940», «1925», «Мартовская элегия», «Три осени», «Весенняя осень» и др., или входя в их первую строку: «Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли...», «Недуг томит – три месяца в постели...», «Вот она, плодоносная осень!..», «Ангел, три года хранивший меня...», «Есть три эпохи воспоминаний...», «Я восемьсот волшебных дней...», «Целый год ты со мной неразлучен...», «Тот август, как пламя...», «Не недели, не месяцы – годы...» и т. д.

Темпоральная лексика становится ключевым художественным образом текста, выражающим идею времени вообще, например: «Двадцать первое. Ночь. Понедельник. / Очертанья столицы во мгле. / Сочинил же какой-то бездельник, / Что бывает любовь на земле» [1, с. 124].

Время в поэтической картине мира А. Ахматовой неоднородно, среди его языковых репрезентантов выделяются соотносящиеся друг с другом лексемы: век, час, мгновение, миг. Именно они наиболее важны для сознания лирической героини и называют особо значимые отрезки исторического и личного времени.

Так, век, с одной стороны, служит единицей исторического времени, с другой – указывает на время активной деятельности человека и его поколения. Отношение к веку всегда эмоционально и оценочно, само слово регулярно сочетается с притяжательными местоимениями и оценочными прилагательными: «А по набережной легендарной / Приближался не календарный – / Настоящий Двадцатый Век» [1, с. 340].

Оппозиция лексем «час» и «мгновение» в поэтической картине мира А. Ахматовой отражает их противопоставление в русской языковой картине мира: мгновение (миг) характеризуется особой быстротечностью, единичностью, неповторимостью, часто неожиданностью; час – закономерностью, неотвратимостью, преддрешенностью: «Умирая, томлюсь о бессмертье. / Низко облако пыльной мглы. / Только память вы мне оставьте, / Только память в последний миг» [1, с. 65]; «А вот поди ж! Опять нахлынут, / И этот час неотвратим... / И мимоходом сердце вынут / Глухим сочувствием / своим» [1, с. 382].

Век, час, мгновение, миг у А. Ахматовой подвижны, изменчивы. Так, мгновение, с одной стороны, летуче, с другой стороны – способно расширяться. Семантика этого слова усложняется, распространяясь на более длительные временные отрезки. Мгновение служит знаком времени лирического переживания вообще, отождествляется с человеческой жизнью и с ее наиболее яркими проявлениями, прежде всего, с любовью. Жизнь, человеческое существование воспринимаются как мельчайшая частица времени, обладающего всеразрушающей властью: «И писали в почтенных газетах, / Что мой дар несравненный угас, / Что была я поэтом в поэтах, / Но мой пробил тринадцатый / час» [1, с. 374] (тринадцатый час – «роковой час», «неотвратимость судьбы»).

Символом минимальности, конечности служит образ часов, традиционный для мировой культуры: «Все бревенчато, дошато, гнуто... / Полноценно цедится минута / На часах песочных...» [1, с. 252] («вечность» как «миг», «минута»).

Образ времени сближается с образом рока, судьбы, длительность частного бытия предельно условна и может оборачиваться «бездной». Отношение человека к времени становится трагическим поединком личности с роком: «Что войны, что чума? – конец им виден скорый, / Им приговор почти произнесен. / Но кто нас защитит от ужаса, который / Был бегом времени когда-то наречен?» [1, с. 248]. Часто А. Ахматова представляет время как движение человеческой жизни, как путь в небытие: «В прошлое давно пути закрыты, / И на что мне прошлое теперь? / Что там? – окровавленные плиты / Или замураванная дверь...» [1, с. 284].

Собственно темпоральная лексика дополняется глаголами, обозначающими течение времени («летят недели»; «ночи белые глядели»; «стояла я триста часов»; «торопил судьбу»; «звезда восходит»; «отлетать»; «улетать»; «приходить» и др.), наименованиями исторических эпох и исторических персонажей, реалий (Куликовская битва; Дмитрий Донской; Отрепьев; Пугачев; боярыня Морозова; «под шинами черных марусь»); «стрелецкие женки»; Аракчеев; «орел Екатерины», «финляндский дот» и др.); мифологическими именами (Эдип; Гомер; Сократ; Эней; Прозерпина; Муза; Лаокоон; Троя и др.); наименованиями церковных праздников и библейских персонажей (Пасха, Рождество, Сочельник, Спас, Успение, Духов день; Иуда, Варавва, Магдалина, Мария и др.) и т.д. В контекстах: «Прошло пять лет – и залечила раны / Жестоким нанесенным войной, / Страна моя, и русские поляны / Опять полны студеной тишиной» [1, с. 255]; «Каждый день мой – веселый, хороший, / Заблудилась я в длинной весне, / Только руки тоскуют по ноше, / Только плач его слышу во сне» [1, с. 109].

Показательно распределение грамматических форм времени в поэтических текстах Ахматовой: в изображении действительности, пространства доминируют формы настоящего времени; мир личности, мир частного бытия рисуется посредством взаимодействия форм настоящего и прошедшего (реже будущего) времен: «Среди морозной праздничной Москвы, / Где протекает наше расставанье / И где, наверно, прочтете вы / Прощальных песен первое издание – / Немного удивленные глаза: / «Что? Что? Уже?.. Не может быть!» – / «Конечно!» / И святочного неба бирюза, / И все кругом блаженно и безгрешно... / Нет, так не расставался никогда / Никто ни с кем, и это нам награда / За подвиг наш» [1, с. 270]. Частное бытие, таким образом, ограничено преимущественно прошлым и настоящим.

По мнению М. М. Бахтина, «формы настоящего времени создают эффект вечного продолжения без начала и конца. Тогда настоящее становится центром человеческой ориентации во времени в мире, – время и мир утрачивают свою завершенность как в целом, так и в каждой их части» [2, с. 101]: «Семнадцать месяцев кричу, / Зову тебя домой, / Кидаюсь в ноги палачу, / Ты сын и ужас мой. / Все перепуталось навек, / И мне не разобрать / Теперь, кто зверь, кто человек, / И долго ль казни ждать» [1, с. 216].

Мир природы в поэзии А. Ахматовой характеризуется тесной связью со временем, его цикличностью, его метафоризацией (например, стихотворение «Три осени»). Кроме того, в описаниях природы используются языковые средства со значением повторяемости (опять, по-прежнему, снова, так же, те же), которые сочетаются с формами настоящего, прошедшего или (реже) будущего времени. В тексте, таким образом, развивается мотив вечного повторения, лежащего в основе жизни природы: «И будет так, пока тишайший снег / Не сжалится над скорбной и усталой землей...» [1, с. 250].

Время изображается А. Ахматовой как беспощадная, разрушительная сила, как быстротекущий поток, при этом используются традиционные образные параллели, прежде всего, «время – вода»: «Стала забывчивей всех забывчивых, / Тихо плывут года, / Губ нецелованных, глаз не улыбчивых / Мне не вернуть никогда» [1, с. 81].

В потоке времени оказываются размытыми границы между прошлым и настоящим. Размытость временных границ подчеркивается различными языковыми средствами: вопросительными предложениями с характерной для них гипотетической модальностью, «игрой» видовременных форм глаголов, указывающих на минимальность или относительность темпорального интервала, сочетаемость слов (обычно метафоризируемых), обозначающих разные «эпохи» человеческой жизни. Предельная зыбкость границ в потоке времени проявляется и в использовании особых синтаксических конструкций, включающих перечислительные ряды, антитезу, которые выражают приблизительность временной длительности: «Мы на сто лет состарились, и это / Тогда случилось в час один: / Короткое уже кончалось лето, / Дымилось тело вспаханных / равнин» [1, с. 116].

Историческое время у А. Ахматовой соотносится с вечностью. Параллелизм строф, особенности их пространственно-временной организации служат формой раскрытия важной для Ахматовой темы смены культур и преодоления исторического хаоса.

Изображение исторического времени, объяснение и адекватное отражение социальных противоречий, общественной динамики являются одной из важных составляющих художественного творчества А. Ахматовой. Исторические зарисовки помогают понять своеобразие литературной реальности, представить картину мира, доминирующую в данный период времени, т.к. литературное произведение всегда несет неизгладимую печать своей эпохи: «Когда погребают эпоху, / Надгробный псалом не звучит, / Крапиве, чертополоху / Украсить ее предстоит. / И только могильщику лихо / Работают. Дело не ждет! / И тихо так, Господи, тихо, / Что слышно, как время идет» [1, с. 220].

Таким образом, «чувство времени» (художественное время) в поэтической картине мира Анны Ахматовой тесно связано с «чувством истории». Будущее видится сквозь призму прошлого, традиции, истории, созданные временные образы подвижны, динамичны, лаконичны, индивидуальны. Почерпнутая А. Ахматовой из античности идея кругооборота – символа мифологического времени – стала основой хронотопа ее произведений, в которых жизнь и смерть, любовь и разлука тесно вплетены во вселенский кругооборот, а поэзия, впитывая жизнь, вращает колесо Времени.

Литература

1. Ахматова А. А. Лирика. М.: Художественная литература, 1989. 415 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Наука, 1975. 377 с.
3. Гей Н. М. Художественность литературы. Поэтика. Стиль. М.: Наука, 1975. 472 с.
4. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. М.: Наука, 1972. 289 с.

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CATEGORY «TIME» IN A. AKHMATOVA POETICAL WORLDVIEW

Olha I. Hamali

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor
Kryvyi Rih State Pedagogical University
54 Gagarin av., Kryvyj Rih, 50086 Ukraine

Olga B. Kanevska

Candidate of Sciences in Pedagogy, A/Professor
Kryvyi Rih State Pedagogical University
54 Gagarin av., Kryvyj Rih, 50086 Ukraine

The article defines the innovation in the field of temporal organization of the text and describes the specificity of the language representation of the category "time" in the poetical worldview of Anna Akhmatova. Among the linguistic representatives of the category "time" there are distinguished to each other lexemes: century, hour, moment, instant. They are most important for the creation of the lyrical heroine and are called especially significant segments of historical and personal time. The distribution of grammatical forms of time in poetic texts by A. Akhmatova is indicative: in the depiction of reality, the forms of the present time dominate; the world of the individual, the world of private existence is drawn through the interaction of the forms of the present and past (less often future) times. "The sense of time" (artistic time) in her poetic worldview is closely connected with the "sense of history". The future is seen through the prism of the past, traditions, history, created temporal images are mobile, dynamic, laconic, individual.

Keywords: A. A. Akhmatova, poetical worldview, artistic time continuum, temporal structure of the text.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ В РАССКАЗЕ Ю. В. МАМЛЕЕВА «ВЕЧЕРНИЕ ДУМЫ»**© Жорникова Мария Николаевна**

кандидат филологических наук, доцент
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: jornikova@yandex.ru

В статье анализируются особенности реализации евангельских мотивов в рассказе Ю. В. Мамлеева «Вечерние думы». Рассказ представляет собой жанровую трансформацию жанра пасхального рассказа, в котором писатель использует ряд мотивов Нового завета, но использует их в неоднозначном ключе. Так, мотив возвращения блудного сына в рассказе тесно связан с мотивами Учительства, тайной вечери, искушения. Раскаявшийся и обратившийся к Богу «блудный сын» вор Савельев пытается сам стать Учителем: он собирает «учеников», чтобы обратить в веру и спасти молодого вора Геннадия. Геннадий отказывается от спасения и более того, сам дважды искушает своего Учителя, а затем уходит своей дорогой. Таким образом, вернувшийся к Богу «блудный сын» Савелий не смог стать Учителем, а Геннадий, загубивший в себе светлое ангельское начало, выбирает дорогу греха, и в итоге приходит к духовной гибели.

Ключевые слова: современная русская литература, Ю. В. Мамлеев, евангельские мотивы, мотив «возвращение блудного сына».

Художественная интерпретация Нового Завета является одной из давних традиций русской классической литературы. В современной художественной литературе немногие авторы обращаются к Евангелию, тем более интересным становится изучение современного евангельского текста.

В рассказе Ю. В. Мамлеева «Вечерние думы» основой сюжета становится евангельская притча о блудном сыне, которая «вырастает из евангельского пасхального зерна» [1, с. 45]. В рассказе «Вечерние думы» вор Савелий, вернувшись в город, где пятнадцать лет назад он убил семью (мужа и жену), собирает молодых воров и рассказывает им историю этого убийства и своего прозрения. Савелий вспоминает, как после убийства: «мальчик ихний выходит: крошка лет пяти, он еще ничего не видел и не понял, весь беленький, невинный, светлый и нежненький. Смотрит на меня, на дядю, и вдруг говорит: «Христос воскрес!» – и взглянул на меня так ласково, радостно. И правда. Пасха была. Со мной дурно сделалось. В одно мгновение как молния по телу и уму прошла – и я грохнулся на пол без сознания. Сколько прошло – не помню. Встаю, гляжу – я один в квартире...» [3].

Неслучайно в глазах преступника мальчик предстает радостным ангелом, что как будто проецирует ситуацию дальнейшего раскаяния героя.

Вор Савелий не сразу чудесно «перерождается», сначала он испытывает эмоциональное перерождение («С этих пор, если убью кого – плачу. Не могу удержаться. Креплюсь, знаете, ребята, креплюсь, а потом как зареву [2]»), а затем сознательно обращается к вере («А я после того случая с дитем книжки стал читать...» [3]).

Вор Савелий рассказывает молодым «коллегам» о чудесном случае в своей жизни, приведшем его к раскаянию. Согласно традиционной сюжетной канве пасхального рассказа, на этой светлой ноте все должно бы и завершиться, но Ю. Мамлеев неожиданно разворачивает сюжет. В рассказе описывается реакция молодых воров на чудо, произошедшее с Савельевым: «воцарилось молчание. Ребята недоуменно переглядывались, дескать, уж не придурак ли перед ними» [3].

Оставшись один на один с Геннадием, «который видимо <...> был среди ребят за главного» [3], снова пытается бывший вор вернуться к теме своего спасения («А я после того случая с дитем книжки стал читать» [3]), и эта попытка выводит Геннадия из себя («резко и нервно сказал Геннадий, и губы его дернулись» [3]): молодой вор признается, что ребенком убитых был он сам. Савельев потрясен тем, что дитя с ангельским обликом, сказавший ему «Христос Воскрес!», стал вором, и не поверил Геннадию. И эта ситуация забавляет молодого вора: «Геннадий весело и пристально посмотрел на затихшего Савельева. – Ты, должно быть, помнишь, что, какходишь в комнату, зеркало еще огромное стояло рядом со славянским шкафом. И картина большая висела. Пейзаж с коровками – она у меня до сих пор сохранена. Под ней и маманя в крови лежала. Это ты должен помнить, – миролюбиво закончил Гена. – Хочешь, пойдем ко мне, покажу? [3]».

Воспоминания Геннадия – один из ключевых моментов рассказа. Молодой вор глумится над своим прошлым, его нисколько не печалит ушедшее детство, где было кино про разведчиков (славянский шкаф – именно оттуда), лето в деревне, домашний уют. И он не видит трагедии в том, что все это оборвалось в один миг, не сожалеет о своем потерянном рае.

Совсем по-другому воспринимает этот город из своего прошлого Савелий: «Район этот был туск- лый, пятиэтажный, но в некоторых местах сохранивший затаенный и грустный российский уют: до- мики с садиками, зелень, петухи, собачки и сны. Савельев, раньше не любивший идиллию, теперь чуть не расплакался» [3]. Здесь приводится своеобразный итог перерождения героя: Савельев, нашедший свой путь к Богу, по-новому смотрит на мир, для него теперь этот город – как обретенный рай.

Потеряв ангельский облик, Геннадий становится для Савелия своего рода сатаной-искусителем, и, как в Евангелии, также трижды предпринимает попытки вернуть Савельева «к своим». В первый раз – приглашает «прошвырнуться» и начинает глумливо рассказывать о совершенных убийствах: «Я после мокрого люблю стаканчик водочки выкушать <...> на меня фраера не должны жаловаться. У меня рука твердая, глаз зоркий – р-раз, и никаких тебе стонов, никакого визга» [3]. Второй раз Генна- дий приглашает Савельева к себе на квартиру, где было совершено убийство его родителей, и нако- нец в третий раз зовет «на могилки предков на городском кладбище», чтобы «распить бутылочку», то есть все эти попытки Геннадия сводятся к тому, чтобы Савельев снова вернулся в мир греха, где чу- жая жизнь (даже жизнь собственных родителей) ничего не значит.

Ю. Мамлеев с помощью необычной композиции (встреча героя сначала с ребенком-ангелом, а за- тем с ним же как со змеем-искусителем) еще раз подчеркивает, как одно и то же событие, одна и та же встреча становится отправной точкой, задающей жизненный вектор: для Геннадия – дорогой вниз (детдом, первое дело, зона, гибель души), а для Савельева – поиском дороги наверх, к Богу.

В конце рассказа событийный круг как будто снова замыкается в одной точке – герои встречаются в третий раз, и воскресения, духовного возрождения молодого героя (канонический пуант пасхально- го рассказа) не происходит: «Душа Геннадия медленно погружалась во все возрастающую черноту, которая стала терзать его изнутри. И он не сознавал, что с ним происходит. А в это время Михаил Викторович, стоя на коленях, молил Бога о спасении души Геннадия. И в его уме стоял образ робко- го, невинного, светлого мальчика, который прошептал ему из коридора:

– Христос воскрес!» [3]

Финал, тем не менее, оставляет надежду на воскрешение. Монах Савельев знает, что в каждом че- ловеке живет частица ангела, и молится за Геннадия, и этим дает погибшей душе возможность спасе- ния, потому что сказано в Евангелии: «И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф 21:22). Таким образом, рассказ Ю. Мамлеева, несмотря на необычное композиционное построение, в целом сохраняет главный жанровый признак пасхального рассказа – евангельскую идею «воскреше- ния мертвых душ» [2].

Литература

1. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
2. Захаров В.Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37163.php> (дата обращения: 01.11.2017).
3. Мамлеев Ю. В. Вечерние думы. URL: <http://litteratura.org/prose/1437-yuriy-mamleev-vechernie-dumy.html> (дата обращения: 01.11.2017).

EVANGELICAL MOTIFS IN YU. MAMLEEVS STORY "EVENING THOUGHTS".

Mariya N. Zhornikova

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor

Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article analyzes how evangelical motifs are realized in the story of Yu. Mamleev "Evening Thoughts". The genre of the story is a transformed genre of an Easter story, in which the writer uses a number of New Testament motifs, but in a peculiar manner. For example, the motif of the prodigal son return in the story is closely related to the motifs of the Christian teaching, the Last Supper and the temptation. Having repented his sins and turned to God, thief Saveliev, "prodigal son", is trying to become a Teacher himself: he calls "disciples" to convert them into faith and to save the young thief Gennadiy. Gennadiy refuses from salvation and tempts his teacher twice, leaving him after that. Thus, the "prodigal son" Saveliy, who had returned to God, could not become a Teacher, and Gennadiy, who had ruined his bright angelical origin, chooses the path of sin and dies spiritually at the end.

Key words: modern Russian literature, Yu. V. Mamleev, evangelical motifs, motif "Return of the prodigal son".

ТОПОСЫ ДЕРЕВНИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ З. ПРИЛЕПИНА

© Климова Тамара Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
E-mail: klimova-tu@yandex.ru

В статье рассматриваются три базовых варианта репрезентации образа деревни в малой прозе З. Прилепина. Лирико-поэтический топос деревни в рассказе «Грех» обусловлен состоянием влюбленности героя, которое преобразует быт и физиологию в поэзию, в христианскую сказку. Романтический облик деревни создан при помощи поэтики готического рассказа и современного мифотворчества («Смертная деревня»). Традиционный нравственно-онтологический топос деревни заявлен в трагической интонации утраты малой родины («Бабушка, осы, арбуз»).

Ключевые слова: З. Прилепин, образ деревни, готический рассказ, традиционализм.

Осмысливая феномен деревенской прозы, «горожанин» Д. Самойлов еще в 1980-е гг. дал ей безжалостно точное определение: «"Деревенская проза" – свидетельство того, что деревни нет» [1, с. 435]. Ретроспективный ракурс изображения уходящей природы обусловил неизбежную мифологизацию деревенского уклада, а обращенный в прошлое, лишенный «существующей основы» идеал, по Самойлову, есть фикция, ибо в памяти прошлого «хотят замкнуться, спастись от наступающих на горло проблем, спасти то, что на глазах разваливается, дичает, мещанеет, – спасти нацию, народ и державу. А можно ли спасти? Это ли способ спасения?» [1, с. 437].

А. Рудалев прозу новых реалистов определил как «постдеревенскую»: «деревни уже нет, а вместо неё кружат осколки, становящиеся смертельными» [2]. Повсеместное вытеснение космического деревенского сознания локальным «дачным» – зримое свидетельство утраты онтологической связи человека с землей, но тот факт, что спасти ничего нельзя, только усиливает ностальгию по деревенской Атлантиде.

У Захара Прилепина как представителя новой формации выходцев из деревни, которые школьное образование уже получали в городе, деревня, тем не менее, является духовным фоном, на котором определяются герои его книг. Деревня в его прозе прочно ассоциируется с детством, но воспоминания писателя об этой поре не только сказочно-идиллические, но и мучительные, болезненные для самолюбия. Деревню в малой прозе Прилепина можно рассмотреть в нескольких художественных топосах: лирико-поэтическом, романтическом и традиционном нравственно-онтологическом.

Поэтический образ деревни в одноименном рассказе цикла «Грех» создан субъективным мировосприятием семнадцатилетнего юноши. Он влюблен, поэтому время летних каникул трансформируется в вечное лето, деревня с ее непролазной грязью, местными хулиганами – в сказочное место, где «все правильно» и «много солнца» [3, с. 57]. В воспоминаниях «бабуки» реконструируется патриархальный «клад»: восемнадцать душ проживало в одном доме, и никто никому не мешал. Поэзия старины создается языческой мифологией с волшебными превращениями ведьмы. Запуская стрелы из самодельного лука, Захарка уподобляется герою сказки о Царевне-лягушке, а на кладбищенских плитах продолжают жизнь старорусские имена.

Лето в деревне – беспокойная пора, но герой предпочитая «жить легко, ежась на солнце, всерьез не размышляя никогда» [3, с. 54]. Созерцатель Захар не спешит получить поручение от деда, и не столько действует, сколько смотрит, чувствует, переживает возвращение в детство: «То время, когда он еще играл, было совсем недалеко, можно дотянуться» [3, с.50], отсюда неодолимая тяга повозить по полу свои бесколесные машинки. Захар заново открывает «тяготную ломоту» [3, с. 51] своей телесности, музыку «утренних речей» «пугливой козы», «бодрой свиньи, настырного петуха» [3, с. 49], любит всем сердцем сестер, летнюю беззаботность, своих стариков, которые никогда не ссорятся.

Мотив «легкости», игры в «Грехе» отменяет физиологические подробности тяжелого быта или трансформирует их в поэтическую плоскость: бить мух – забава, в запустении деревенского туалета (задвижка – ржавая, оборванные обои, всюду снуют беспутные мухи) Захар ощущает «тихую, почти недостижимую, лирическую благодать» [3, с. 63].

Поэзию деревенской жизни усиливают параллели с раем. Запретный плод соблазна Захарке протягивают в саду сразу с двух сторон: защищенная своим материнством «нежноглазая» [3, с. 52] сестра

Катя, в облике которой Захар угадывает черты мадонны, выбирает фрукт «покраснее». Незрелая Ксюша предлагает брату «зелененькое» яблоко. Греховность любви к родственникам осознают все герои «треугольника», поэтому в рассказе преобладает язык намеков, легких касаний. Катя предпочитает не замечать томления Захарки, а он открыто реализует свою нежность в заботе о Катином сыне, поэтому Захаркина «Песнь песней» звучит как поэтическая метафора.

Игра контрастными бытийными категориями у Прилепина определяет порядок жизнеустройства и поэтику, но в «Грехе» даже тема смерти подчеркивает восторженную полноту жизни. Ежевечерний сюжет собственной смерти Захар разыгрывает с целью вообразить, как по нему будет убиваться Катя. Это выглядит комично, ибо о какой смерти может идти речь, когда так нежно и страстно живется, и «все клокочет от радости и безудержно милой жизни» [3, с. 55]. Но уже эпизод с убийством крысы («хитрый, смежившийся глаз, противный хвост» [3, с. 50]) вносит в абстрактную «сладость смерти» неприглядную конкретику, и Захар прекращает игру под названием «он умер».

Эпизод с забоем свиньи – центральный в рассказе, потому что герой переходит от наслаждения беззаботностью к рефлексии. Юноша теряет гармоничную цельность ощущений и обнаруживает противоречивость жизни: с одной стороны, он чувствует неостановимость кровотока жизни в самом себе, с другой – ясно осознает свою уязвимую «теплую, влажную животность» [3, с. 65]. Характерно, что, окруженный любящими людьми, Захар не находит никого, с кем можно разделить тяжкий груз открывшегося знания, как и самого слова «про сердце, горло, кровь...» [3, с. 66], которое было бы уместно в идиллии этого лета. Напоминание о смертности становится таким же интимным переживанием, как его любовь.

Трагический опыт необходим герою для преодоления инфантилизма: Захар справляется с запретным плотским желанием, ощущает ответственность за сестер, за Родика, за неизбежность деревенского мира, в котором чистота родственных отношений является важной нравственной заповедью. И не случайно, избежав искушения, он почувствовал, что стал «увереннее и сильнее» [3, с. 75]. Его выбор, его пожизненный крест – это муки совести: «Всякий мой грех будет терзать меня... А добро, что я сделал – оно легче пуха, его унесет любым сквозняком» [3, с. 78-79]. Захарка покидает деревню с ясным сердцем, по-прежнему исполненный счастливых надежд на «лето другое» в длинной жизни, а грустная интонация финала отрицает возможность буквального повтора чистоты, наивности, счастливой беззаботности: «Но другого лета не было никогда» [3, с. 79].

В итоге лирико-поэтический облик деревни тесно переплетается с экзистенциальной темой невозможных утрат: именно с деревней связаны похороны отца (роман «Санька»), смерть деда и бабушки. Ужас первого осознания смерти семилетним Захаркой настаивает также его в «серой и лишь немного розовой вечерами деревне» («Ничего не будет») [3, с. 173]; непрерывный суд памяти постоянно возвращает Захара к эпизоду смерти друга детства («Белый квадрат»).

В рассказе «Смертная деревня» из сборника «Ботинки, полные горячей водкой») автор представляет деревню в ракурсе поэтики романтизма с его тягой к таинственному, мистическому. Рассказ «Смертная деревня» получил противоречивую оценку критики. Н. Крижановский назвал его «самым отвратным рассказом <...> в лучших традициях западноевропейских представлений о русском народе» [4]. Как представляется, именно нежелание писать о хозяйственно-экономическом и духовном разорении деревни и ее людях как о «кровожадном, мерзком чудище, стране людоедов, барыг и сумасшедших уродов» [4] побудило автора показать блоковскую «разбойную» Русь в эстетике готического рассказа. Психология восприятия готического хронотопа «между правдой и вымыслом», «верю и не верю», с возможностью победы над мертвецом» и разоблачения суеверий – позволяет избежать однозначных оценок и пессимистических прогнозов.

В связи с этим принципиален нарративный аспект репрезентации авантюрного сюжета тремя точками зрения ненадежных рассказчиков, носителей пацанских добродетелей. Двое из них – Валек и его кореш – фольклорное образование получали на тюремных нарах, а угол кривизны основного нарратива задается богатым воображением рассказчика. История случайного посещения «смертной» деревни соответствует инфантильно-подростковой психике «пацанов» и служит задачам характерологии, объясняя тягу к риску, приключениям, слабость к фантастическому.

Вместе с тем, пугающий облик деревни в классической литературе далеко не новость. Р. Сенчин, защищая Прилепина, напомнил читателям исторический факт: «В России есть деревни убийц, это ни для кого не секрет, но, что страшнее, во многих обычных (если их можно так охарактеризовать) деревнях живут семьи убийц, и вокруг все знают, что они убийцы, но относятся к этому как к природному явлению, единственное, что предпринимают – стараются не давать повода себя убить...» [5]. Темную хтоническую природу русского мужика в литературе показали А. Куприн, Н. Лесков и особенно М. Горький. Классик деревенской темы В. Распутин всю свою творческую жизнь писал о

неурядицах деревенской жизни. В. Астафьев в написанных в 1991 году вдовгонку к «заветной книге» двух заключительных главах «Последнего поклона» изобразил средневековое одичание односельчан, и уповал только на чудо, «способное затушить пожар, успокоить мертвых во гробе и обнадежить живых» [6, с. 376].

Прилепинский рассказ отсылает к мрачным страницам национальной истории и к связанным с нею мифам. Смертная деревня – это не только место, забытое Богом и государством, но и специально созданное для отбывания наказания ссыльнопоселенцев, каторжан. Дурная слава пережила «смертные деревни» как территориально-административную единицу. Рассказы о таинственном месте, где когда-то видели спрятанного в мешке человека с перерезанным горлом, а во время «большой войны» – зарезанных баб в ограбленных домах, – направляют рецепцию героев и читателей в русло романтического иномирия. Ночь, заброшенная деревня, наличие мертвеца и злодея, элементы ужасного (запах бойни), культ интуиции, наконец, побег как счастливое избавление от темных сил в финале – соответствуют жанру готического рассказа в духе «Дома с призраками».

В структуре рассказа обращает на себя внимание власть направленного случая: рассказчик отправляется в авантюрное путешествие от скуки, за компанию, не подозревая, какие приключения его ждут. Именно так обычно начинаются все страшные истории. Задачам жанра служит пейзаж, имеющий свойство двойственности: здесь обязателен момент «сдвига», который удваивает «дневной» мир его непознанным «ночным» вариантом. Готическая завязка обозначена мотивом блуждания: Валек знал дорогу, но братья, сократив путь, заблудились. Границей перехода в мистическое пространство служит жуткий сумрачный лес, который враждебно «корявится» сучьем [7, с. 155] и, как живой, «тяжело дышит в затылок». От него и без легенд все внутри трепещет, а когда оживают былички, сказки и суеверия, почва для восприятия неизвестного как смертельно опасного уже подготовлена, о чем свидетельствует лексика и образный строй: «Неведомый кто-то пропал, и звуков больше не было» [7, с. 152]; «Эка невидаль из леса вышла... Начудит же Господь!» [7, с. 155]; «"Не сожрал нас, не сожрал!" – хотелось крикнуть ему и кулаком погрозить» [Там же]. В «заколдованном месте» герои сами преобразуются, становясь «лесными мороками» [7, с. 154].

Двоится и топоним деревни. После мрака вязкого леса уставшим путникам открывшаяся деревня кажется оазисом, где и жизнь, и еда, а то и обещанный Вальком белый горячий песок, солнце, отдых... И даже далекий от поэзии Валек подчиняется магии места, переключаясь на архаику: он ожидает увидеть девичьи хороводы, пускание венков по воде, прыжки через костер.

Таинственная изнанка деревни – «царство тьмы», ловушка, место зловещее, пустынное. Дороги к ней нет, и, чтобы ее покинуть, нужно преодолеть водную преграду, хотя по пути «туда» реки не было. У деревни нет имени, поэтому актуализируется ее мифическое название – «смертная». Деревня встретила путников не хороводами, а враждебным собачьим лаем и подозрительными хозяевами. Обычно деревенский люд от тяжелой физической работы старится рано, а перед ними оказывается мужчина «вечного» возраста, с не соответствующей годам силой и странностями: «налил себе чаю и <...> выпил его, горячий, совсем не по-стариковски, и вообще как-то не по-человечески, в несколько глотков, как воду» [7, с. 157]; он умеет исчезать со двора «неприметно» [7, с. 165], словно призрак.

Под стать старику и его моложавая хозяйка: на вопрос, где расположена нужная им деревня, братья получают ответ: «Она в той стороне <...> хотя никакую сторону не указала» [7, с. 512]. Мистический антураж ассоциативно связан со сказками о Людоеде.

В «дневной» психологии малолюдность деревни объяснима тем, что многие деревни за ненадобностью обезлюдели. Крепок старик, потому что круглый год физически работает на свежем воздухе. Но мифология проклятого места базируется не только на поэтических воззрениях славян на природу – ее создает частое бесследное исчезновение людей, так что дурная слава заброшенной деревни объясняется также равнодушием к исчезающему традиционному укладу (осталось всего тридцать дворов) и бездействием властей в поисках пропавших, что всегда порождает легенды и домыслы. Постфактум всплывает и название деревни: «Воры» или «Тихое» [7, с. 166], хотя хозяйка при знакомстве сообщила: «А мы без прозванья живем, кому нас называть» [7, с. 157].

Но готическому сюжету предстоит реализоваться в строгом соответствии с требованиями жанра. Условный час пробуждения злодея – это середина ночи, и беспечность может оказаться неоправданной. Кульминационная сцена побега подготовлена рядом психологических деталей из предшествующих эпизодов, поэтому младший брат мгновенно реагирует на предложение спасаться бегством, ибо здесь «пахнет как на бойне» [7, с. 159]. Во время побега в посястороннее пространство братья еще слышат собачий лай, но готическое время и место с рассветом теряют свою силу, и мир перестает быть фантастическим.

Пережитой ужас нуждается в разумном объяснении – все же XXI век на дворе. Парадокс рассказа состоит в том, что и после реалистической мотивации он не утрачивает романтическое «наваждение». Действительно, отсутствующая на карте деревня без названия, без магазина и медпункта, без детских голосов, мычания коров и тракторного шума на полях – место гиблое, потусторонний мир. Нет ничего сверхъестественного и в рассказе о том, как кореш Валька мальчишкой, забрел в эту деревню с друзьями, чтобы поживиться чужим добром, и случайно открыл ее страшную тайну: тогда еще молодые хозяева дома прятали в сарае зарезанного ими человека. Но мальчишки при побеге от ужаса оставили на заборе лоскуты кожи, делающие место «меченым». А отец жестоко избил сына за излишнее любопытство, отбивая тем самым охоту повторить приключение.

То, что поминать деревню чревато смертью, – бесспорное свидетельство мифотворчества народа. Но сюжет разыгрывается по правилам готического рассказа, поэтому все детали, все эпизоды из разных временных пластов плотно сцеплены: слухи претендуют на статус реального события; полученное незаконным путем тайное знание передается другому человеку, который, благодаря этому спасает себя и брата.

Во-вторых, даже в хронотопе дня рассказчик отрицает «несуветный рассказ» не вполне убежденно: «А может, это чепуха все» [7, с. 168]. Встреча на платформе станции с дедом, принявшим братьев ночью, ставит под сомнение рассказы о жителях «тихой» деревни: на самом деле и в мир они выходят, и Бога поминают в слове. Однако реалистически настроенный рассказчик фиксирует внимание на том, что дед с добрыми лучистыми глазами, встретив на станции своих постояльцев, улыбался, удивляя хорошими зубами, хотя любит леденцы.

Мутная слеза в глазах деда, на которую ссылается А. И. Богатырева как на аргумент сожаления об уходящей деревне [8, с. 12] тоже противоречит молодежавому облику старика с безупречными зубами.

Рассказчик Прилепина оказывается в двусмысленной позиции. С одной стороны, он испытывает неловкость за недоверчивую мнительность и невежливый побег без слов благодарности хозяевам. С другой стороны, подшучивая над дремучим суеверием братика, он выдает себя проговорками типа «разговелся»: «Ну что, съедим по яблочку, – разговелся наконец братик» [7, с. 171]. У восточных славян пасхальное «разговение» означает победу над нечистой силой, которая правит бал в Страстную неделю. И завершающая фраза («Брызнуло живым из-под зубов» [7, с. 171]) одновременно отрицает мистику и утверждает победу жизни над смертью, которой они избежали. Следовательно, мотив счастливого избавления из кадра не уходит до самого финала. Читателю во всяком случае оставлен повод для романтических переживаний и размышлений о темных чуланах человеческой психики.

Нравственно-онтологический облик деревни связан с утверждением «подсознательно-христианского, заложенного родителями и родителями родителей» [4]. В. Крижановский в такой трактовке деревни Прилепину отказывает, полагая, что писатель все дальше уходит от идеалов православия и от русского и России. Два финальных сюжета сборника «Ботинки, полные горячей водкой» опровергают выводы критика, поскольку тема привязанности к малой родине решается в них в традиционном ключе. Рассказ «Бабушка, осы, арбуз» построен на контрасте одного счастливого дня из деревенского прошлого и печальной картины деревни настоящего, как это обычно представлено в прозе деревенщиков (например, в «Прощании с Матерой», рассказах «В ту же землю», «Вечером», «На родине» и других произведениях В. Распутина).

Символические репрезентанты счастливого дня отражены в заглавии рассказа и служат основой для сопоставления временных локусов «тогда» и «теперь». В формуле счастья можно выделить главное условие: тогда все были живы, все были вместе и все было впереди. Помимо этого, в хронотопе счастливого летнего дня отражены все знаковые события крестьянского космоса: труд (уборка урожая картофеля), еда (арбузное пиршество), люди (беседы с бабушкой, розыгрыш доверчивого соседа Орхана). Бабушка – душа семьи, воплощение мудрости и доброты – занимает в повествовании место абсолютного центра. Вокруг нее все вертится, а сама она изображена преимущественно в статичных позах, как на фотографиях.

У рассказчика роль динамичная – он стремительно перемещается в пространстве и во времени, меняя свое настроение несколько раз на протяжении нарратива.

Как действующие лица заявлены также осы. Они символизируют естественно-природную жизнь, поскольку селиться предпочитают рядом с людьми, оживляясь во время цветения медоносов и варки варенья. Кроме того, осы по-особому характеризуют бабушку: она одна не боится их укусов и радуется, что осам тоже «сладко». Описанные в рассказе незначительные события прошлого сопровождает ощущение ясности и осмысленности деревенского труда, важности внимания друг к другу, умения ладить с соседями. Пространство вспоминаемого дня переполняют солнечные метафоры: «Было солнечно, но солнечный свет уже был полон августом, его медленным и медовым исходом. Я все

время ловил себя на мысли, что мне хочется встать и долго смотреть на солнечный диск, будто расставаясь с ним на долгое счастливое плавание» [7, с. 173]. Мотив «долгого счастливого плавания» заявляет тему возвращения к родному берегу после многолетней отлучки.

Граница перехода к части с другим эмоциональным содержанием обозначена фразой: «Бабушка тихо сидела одна» [7, с. 178]. Эмоциональным ключом ко второй части рассказа служит упоминание вчерашних арбузных корок и появление мух вместо ос: «Утром брошенные арбузные корки смотрятся неряшливо, белая изнанка их становится серой, и по ней вместо ос ползают мухи. Так смотрелась вчерашняя моя деревня: будто кто-то вычерпал из нее медовую мякоть августа, и осталась серость и последние мухи на ней» [7, с. 179].

Малая родина после одиссеи героя уже не выглядит счастливой и солнечной: «Все умерли. Кто не умер, того убили. Кого не убили, тот добил себя сам» [7, с. 179]. Жизнь побила и расшвыряла по миру сестер. Русская жена Орхана безбожно пьет, а он ее в отместку ежедневно бьет. А с холма над рекой открывается не бесконечность будущей жизни, а «огромная пустота» [7, с. 180]. И только бабушка по-прежнему хлопочет за столом, привечая гостей, работает на огороде, бережет прошлое семьи, помня, кто что построил, кто что нарисовал. Итог бабушкиной жизни вызывает у внука благодарную зависть к полноте и осмысленности этой жизни: «Не двигаясь и не суетясь в редкие мгновения, когда можно было не двигаться и не суетиться, вкушая малую сладость, она прожила огромную жизнь, оглянувшись на которую не различишь земным взглядом и первого поворота, за которым тысячи иных. Мы не сумели так жить» [7, с. 180].

В подтверждение этой мысли на прогулке рассказчика жалит оса как раз в тот момент, когда он отдает дань памяти предкам: «я сжал траву и землю, в которой лежали мои близкие, которым было так весело, нежно, сладко совсем недавно, и вдруг почувствовал ладонью злой укол и ожог. В траве лежала оса, я ее раздавил» [7, с.181]. Оса не признала в нем «своего», а ее укол – попытка через физическую боль оживить духовную связь с малой родиной, не зря же их кровь сливается воедино: «В ладони разрасталась нудная боль, словно оса поселилась под кожей и жаждала вырваться, разбухая, истекая под моей кожей горячей, жгучей осиной кровью» [7, с. 181].

Отъезд из деревни напоминает бегство героя, но очевидно, что это попытка убежать от себя, ибо человек, живущий памятью, обречен мучиться виной и чувством трагической утраты малой родины. Саднящее, как осиный укус, воспоминание о деревне переключивает в сон, в котором старая раскохшаяся лодка выстукивает в такт с ритмом сердца: «Тук-тук. Ток-ток. Подожди, скоро отчалим. Скоро поплывем» [7, с.182].

Неиссякаемость деревенских корней читается в завершающем цикл рассказе «Дочка». Хронотоп деревни здесь воспроизводится по касательной: ссора между влюбленными происходит во время поездки в «тихую, затерянную на картах деревню, меж корабельных сосен, по отсутствующей дороге» [7, с. 185]. Но атмосфера рассказа замешана на бабушкиных нравственных заповедях любви.

Ряд «житейских истин», придуманных рассказчиком явно для усложнения себе жизни, после врачевания души деревней обнаруживает свою искусственность, умозрительность. Единственной истиной становится мысль о природном неравенстве между мужчиной и женщиной. Мужики являются в жизнь, чтобы отравить ее своим спутницам, поэтому женщина ничего не должна прощать и никогда не относиться к мужчине как к сыну. Но чтобы мужчина остался мужчиной и не превратился в постыдного мужика, он должен прощать женщине все, как дочке, и любить ее точно так же. И не случайно рассказ заканчивается молитвой – почти фамильярным обращением «наверх» с требованием бессмертия для любимой. И даже читается ответ: «Подари ей бессмертье, слышишь, ты, разве жалко тебе... Но ты подарил, подарил; я знаю, знаю... Молчу, молчу» [7, с. 188].

Расположение молитвы в абсолютном конце рассказа и сборника в целом позволяет говорить о ее концептуальном значении. «Пацанские мотивы» в «Ботинках...» содержат в себе немало аргументов для недоверия к зрелости рассказчика и его случайных друзей. Но все бытийные вопросы: вина и ответственность перед жизнью, любимой, детьми, родиной, друзьями, делом – непосредственно связаны с родной деревней, стариками, привившими герою трепетную нежность к живому.

Литература

1. Самойлов Д. Памятные записки. М.: Междунар. отношения, 1995. 480 с.
2. Рудалев А. Письмена нового времени. URL: profilib.com/chtenie/117758/andrey-rudalev... (дата обращения: 10.11. 2017).
3. Прилепин З. Грех. Ничего не будет // З. Прилепин. Грех: роман в рассказах. – М.: Вагриус, 2008. С. 48-79; С.165-178.

4. Крижановский Н. Такие «пацанские» рассказы... URL: <http://www.litrossia.ru/archive/item/3774-oldarchive> (дата обращения: 10.11. 2017).
5. Сенчин Р. Неудобный Прилепин. URL: <http://glfr.ru/biblioteka/roman-senchin/neudobnij-prilepin.html> (дата обращения: 10.11. 2017).
6. Астафьев В. П. Последний поклон: Повесть в рассказах. Кн. 3 // В. П. Астафьев: собр. соч.: в 15 т. Т.5. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. 384 с.
7. Прилепин З. Смертная деревня; Бабушка, осы, арбуз; Дочка // З. Прилепин. Ботинки, полные горячей водкой: пацанские рассказы. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 149-171; С. 172-182; С. 183-188.
8. Богатырева А. И. Деревня в творчестве Захара Прилепина (на материале романа «Санька» и сборника рассказов «Ботинки, полные горячей водкой») // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 3. С. 9-13.

TOPOSES OF VILLAGES IN THE SMALL PROSE BY Z. PRILEPIN

Tatyana Yu. Klimova

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor

Irkutsk State University

1 Karl Marks st., Irkutsk, 664003, Russia

Three basic variants of representations of the village image in the small prose of Z. Prilepin are considered in the article. Poetic topos village in the story "Sin" is due to the state of love of the hero, which transforms life and physiology into poetry, into a Christian fairy tale. The romantic appearance of the village was created with the help of the poetics of the Gothic races and modern myth-making ("The Mortal Village"). The traditional moral and ontological topos of the village is declared in the tragic intonation of the loss of a small homeland ("Grandmother, Wasps, Watermelon").

Keywords: Z. Prilepin, the image of the village, the Gothic story, traditionalism.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РОМАНЕ Л. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ «НОМЕР ОДИН, ИЛИ В САДАХ ДРУГИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

© Колмакова Оксана Анатольевна

доктор филологических наук, доцент

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: post-oxygen@mail.ru

Автором статьи выявляются специфические приемы поэтики, в которых современное художественное сознание осмысляет такие бытийные категории, как «жизнь», «смерть», «смысл жизни», «человеческая идентичность», «ценность». В романе «Номер Один, или В садах других возможностей», написанном на рубеже XX-XXI вв. Л. С. Петрушевской, онтологическая проблематика реализуется посредством традиционной для писательницы поэтики неомифологизма. Петрушевская обращается к архетипической образности из арсенала архаической мифологии и христианского вероучения. Древнейшие антиномии «космос – хаос», «верх – низ», «ад – рай», «тело – душа», «свет – тьма» и др. реализуются в романе наряду с цитатами, образами и мотивами из Священного Писания, что позволяет писательнице вывести частную романную коллизию на уровень бытийных универсалий.

Ключевые слова: «Номер Один, или В садах других возможностей», Л. С. Петрушевская, современная русская проза, концепция бытия, онтологичность художественного дискурса.

Такие онтологические доминанты, как кризис идентичности, децентрация субъекта, глобализация получают в современной русской прозе глубокое художественное осмысление, становясь ведущими мотивами произведений Ю. В. Мамлеева, В. О. Пелевина, М. П. Шишкина, М. Ю. Елизарова и др. Онтологичность художественного мировоззрения характеризует также и прозу Л. С. Петрушевской, о чем еще в 1993 г. писал А. Куралех, указав, что ее герой «живет двумя жизнями: внешней (бытовой) и внутренней (бытийной), которые и немислимы друг без друга» [2, с. 67].

В романе Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей» (2004) онтологическая проблематика реализуется в русле стилистики неомифологизма, ориентирующей на духовную сферу жизни как единственно подлинное бытие. Мифологическая антиномия «космос – хаос» является центральной в романе. Петрушевская ярко изображает социальный хаос 1990-х, ставший следствием распада СССР. Главный герой романа, ученый-этнограф «Номер Один» говорит о процессах регресса в современном обществе, замечая, что при Сталине «был феодализм, теперь развитие рабовладельческого строя, плавно переходящий в первобытный (пещера, костер). Бомжи уже живут так и масс, переселенцы» [3, с. 123].

«Жестокий реализм» Петрушевской оказался наиболее релевантным для изображения антигуманистических тенденций, проявившихся в конце XX столетия грандиозных масштабах. Культурологи в унисон заговорили о том, что «на пороге третьего тысячелетия человечество – на грани антропологической катастрофы» [4, с. 16]. В романе предельно натуралистично изображены «пассионарные дети» подворотен; убийцы, чьи клички «Чуносый» и «Ящ» уже наводят ужас; начальник колонии майор Проегоркин, «оборотень в погонах», поощряющий людоедство среди заключенных; клофелинщица «Зинка-Индия» и т. п.

Энтропийность социума напрямую связана с деградацией института семьи, что и показано Петрушевской. Так, директор института, в котором работает Номер Один, жалуется: «Дачу строю предыдущему сыну. Навязалась на мою голову супруга от первого брака. Как говорится, это только считается, что вы в разводе. Отец должен помочь! А если подумать, что такое отец? А? Секунда!» [3, с. 53]. Коллега Номера Один, Кухарев, с пренебрежением называет свою мать «Галькой». Воспоминания об отце вора-рецидивиста Валеры и вовсе гротескны: «Отец смешной был. Я его зарезал <...> Он меня тубареткой по кумполу. Я его ножом хлебным» [3, с. 163].

Одним из ключевых в романе является мотив компьютерной игры. Пытаясь поправить свое материальное положение, Номер Один работает над созданием компьютерного квеста «В садах других возможностей», в основе сюжета которого – путешествие по «адам всех конфессий». Очевидно, что подобный сюжет является метафорой духовного хаоса, охватившего сознание современного человека. Изображая своего героя как активного субъекта современного информационно-технического общества, Петрушевская поднимает проблему тотальной фрагментации личности, потерявшей свою

целостность, а вместе с ней – и идентичность. Потеря целостности воплощается в романе в самом «языке», стилизованном под «e-mail»-послания, в которых нарушены нормы грамматики и синтаксиса (ср.: «ладно пора идти за билетом н самолет я пишу в интернет кафе отправляю целую буду тебе звонить вернись щас вернись Ммичка твой Иван-царевич» [3, с. 249]).

Воплощением гармонии и целостности, утраченной современным человеком, является в романе община малочисленного народа энтти, изучением которого занимается Номер Один. Устами своего героя Петрушевская высказывает протест против процессов глобализации, поглощающих целые народы: «Вить надо, но укаров мы потеряли. Где укары? А теперь энтти?!» [3, с. 39].

Во взаимоотношениях внешнего мира и общины энтти Петрушевская изображает фундаментальное противоречие современной эпохи как противостояние цивилизационных ценностей – свободы, индивидуализма – и ценностей религиозной идентичности – независимости от земных благ, соборности. Через призму ценностных ориентиров конкретного народа Петрушевская стремится изобразить совокупный духовный опыт человечества, проводя параллель между христианством и религией энтти. Как рассуждает Номер Один о мамоте (верховном жреце энтти) Никулае-ооле: «Никулай свой уход предвидел и сам с некоторой целью ушел из жизни. Ради чего-то. Как бы смертью смерть поправ, как Иисус» [3, с. 15].

В сюжетной линии, связанной с судьбой энтти, романная антиномия «космос – хаос» реализуется в собственно мифологическом аспекте. Завязкой романа является онтологически значимое событие: Кухарев украл из святилища энтти священный аметист – «глаз Царя Нижнего мира». В этом поступке «ученого», призванного сохранять аутентичную культуру, воплощен полный крах гуманизма, показано окончательное выхолащивание из человека его духовных инстинктов. Номер Один убеждает себя, что он должен вернуть украденную Кухаревым «инсигнию», руководствуясь в начале этическими соображениями (ведь украсть у энтти – почти то же самое, что украсть у ребенка). Однако сюжет развивается в фантастическом ключе, и у Номера Один появляются иные мотивации к возвращению реликвии.

Забрав у Кухарева камень, Номер Один оказывается ограбленным и убитым и попадает в ледяной ад. Там, в нижнем мире, среди хтонических существ физически материализуются те страдания, которые придумывал герой в своем квесте: «тяжело, тяжесть тяжесть много давит теснит грудь руки-мои-руки каждую кость хрящит плюснит мясо <...> по космосу несет <...> вон оно, черный трон невысказанной высоты вознесся наверх как дерево, и там наверху в глыбах темного света чья там голова с тремя глазами дырами, ужас, огромный длинный череп, мамонт, глазницы пустые косматые как гнезда, о Боже, чистая компьютерная игра, голова в тучах километр дотуда, и возникла молния, падает на меня, огромная как валится дерево, упаси Боже, молниеносная рука, узкая, суковатая, вместо пальцев три отростка, стреляет черная молния сверху в меня» [3, с. 92].

Находясь в аду, Номер Один впервые раскаивается: «Все мысли о деньгах, ночами напролет играл на компе. Жене не помогал. Домой шел как на каторгу, скука, скука! Алешка <сын> как меня ждал, калека маленький, надеялся каждый вечерок, что приду купить! Она одна его таскала. Даже звонить перестала потом. Уже не плакала» [3, с. 89]. В борьбе со своим несовершенством и пустотой Номер Один впервые становится на путь пробуждения духовности, которая, по мысли А. Камю, может быть «ценным способом войти в контакт с силой собственной личности» [1, с. 170].

Поскольку аметист все еще находится у Номера Один, Никулай-оол устраивает метемпсихоз, в результате которого герой оказывается в теле своего убийцы Валеры. Пройдя через ледяной ад второй раз, Номер Один поднимается на следующую ступень своего духовного совершенствования. В структуре его личности формируется новая идентичность, связанная уже не с приоритетом частного, «домашнего» *locus*'а, а с ориентацией на *topos* как пространство общечеловеческого. Поэтому теперь возвращение сакрального камня в святилище энтти означает для Номера Один спасение всего человечества. В письме своей жене герой пишет: «Юра <Кухарев> украл камень из головы Царя, а без этого там свищет черная вечность <...> и это касается нас» [3, с. 246]. Новую ступень духовного развития героя, осознавшего наличие высшей реальности, точно определил в свое время М. Хайдеггер как «принятие человеком того, что жизненное пространство, в котором он живет, создано не им» [5, с. 97]. Отказываясь от возможности вернуться в теплый дом, к жене и сыну, Номер Один едет в тайгу, терпит лишения, твердо зная, что он должен выполнить свою миссию. Таким образом, механизм формирования бытийности у героя Петрушевской можно представить как освобождение от общепринятых «норм» жизни (материальной независимости, бытового комфорта) в пользу ценностей высшего порядка.

Итак, в художественном осознании смысложизненных вопросов в романе «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. Петрушевская в очередной раз обращается к поэтике неомифологизма,

отказываясь от логико-понятийного дискурса в пользу стилистики откровения, единственно способного выразить человека. Кроме того, в романе Петрушевской звучит мысль о необходимости нового мировоззрения, которое учитывало бы и динамику развития современного мира, и не отторгало бы при этом фундаментальные основы человеческой культуры.

Литература

1. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / Пер. с фр.; общ. ред., сост. и предисл. А. М. Руткевича. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
2. Куралех А. Быт и бытие в прозе Людмилы Петрушевской // Лит. обозр. 1993. №5. С. 63-66.
3. Петрушевская Л. Номер Один, или В садах других возможностей: роман. СПб.: Амфора, 2009. 251 с.
4. Савицкая Т. Е. Человек в контексте культурологи постсовременности // Культура в современном мире. 1998. Вып.1. С. 7-16.
5. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 448 с.

ONTOLOGICAL ISSUES IN THE NOVEL BY L. S. PETRUSHEVSKAYA "NUMBER ONE, OR IN THE GARDENS OF OTHER OPPORTUNITIES"

Oksana A. Kolmakova

Doctor of Science in Philology, A/Professor
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The author of the article reveals some specific techniques in poetics which help contemporary literary consciousness comprehend such existential categories as "life", "death", "meaning of life", "human identity", and "value". The novel "Number One, or In the Gardens of Other Opportunities" written at the turn of the 21st century by L. S. Petrushevskaya represents ontological issues through the writer's traditional neomythological poetics. Petrushevskaya turns to archetypal imagery used in archaic mythology and Christian doctrine. The novel explores the traditional antinomies of "space – chaos", "top – bottom", "Hell – Paradise", "body – soul", "light – darkness" (and others) and uses them along with quotes, images and motifs from the Holy Scriptures, which allows the writer to bring a particular novel conflict to the level of existential universalism.

Key words: "Number One, or In the Gardens of Other Opportunities", L. S. Petrushevskaya, contemporary Russian prose, the concept of being, ontology of literary discourse.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «РЕАЛЬНОГО» И «ФАНТАСТИЧЕСКОГО» В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА»

© **Кривоус Татьяна Владимировна**

аспирант Школы педагогики

Дальневосточный федеральный университет

Россия, 692525, г. Уссурийск, ул. Амурская, д. 57

E-mail: t.krivous@mail.ru

В статье ставится задача обозначить и прокомментировать сформированные литературоведами XX – начала XXI века подходы к толкованию ирреального присутствия в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка». Выделяются основные пути литературоведческого прочтения чудесного в произведении. Отмечается рационалистическое объяснение фантастического; интерпретация ирреального как данности, составляющей «сказочную реальность»; «завуалированное» предъявление чудесного и толкование ирреального включения как маркера угрозы вторжения в реальный мир демонического начала. Предлагается собственное направление трактовки фантастического элемента, сформированное посредством синтеза идей Ю. В. Манна и литературоведов XXI века, обозначенное как обличение демонического начала, представленного завуалированно-окаймленным.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, «Сорочинская ярмарка», реальное – ирреальное, сказочная реальность, завуалированность, рационализм, синтез.

Опубликовав в начале марта 1832 года заключительную часть малороссийского цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», Н. В. Гоголь навсегда связал свое имя с фантастикой. Вопрос о природе ирреального в романтической книге Гоголя неизменно привлекает внимание литературоведов. В этом отношении повесть «Сорочинская ярмарка» не раз становилась предметом их интереса. Между тем, вопрос о специфике предъявления чудесного автором в указанном произведении до сих пор остается дискуссионным. Наше обращение к данному тексту обусловлено возможностью на фоне имеющегося литературоведческого опыта раскрыть многогранность интерпретации фантастического элемента в повести «Сорочинская ярмарка». Это продиктовано необходимостью прояснить некоторые аспекты, обозначенные, но, по тем или иным причинам, не прокомментированные исследователями творчества Н. В. Гоголя.

Так, первый подход к интерпретации ирреального присутствия в «Сорочинской ярмарке» мы назвали как рационалистическое объяснение фантастического события, преподнесенного в комическом обрамлении (под термином «рационалистический» понимается выявленный С. Ф. Васильевым «особый тип взаимоотношений реального и чудесного, где сверхъестественное поддается логическому объяснению») [1]. Одним из первых такой путь исследования избрал В. В. Гиппиус еще в 1924 году. Он подчеркнул «лжечудесную» природу событий, обернувшихся на деле искусно разыгранной цыганами мистификацией, замечая, что в основу создания фантастического мира произведения Гоголь положил «комический подход к демонологическим темам», который сформировался в мировоззрении писателя посредством следования художественным законам малороссийской комедии [2, с. 31].

Второй подход к прочтению чудесного в повести Гоголя «Сорочинская ярмарка» мы определили как «сказочная реальность», где фантастическое не нуждается в объяснении (понятием «сказочная реальность» С. Ф. Васильев, цитируя И. В. Семибратову, называет особый тип сверхъестественного, основанный на понимании ирреального как части народного мировосприятия, поэтому фантастическое принимается как сказочная данность» [1]). Следует заметить, что подобный путь интерпретации избирают В. В. Ермилов и С. И. Машинский. Художественный мир «Сорочинской ярмарки» ученые называют опозитизированно-сказочным, а невероятные события, вплетенные в текст повести, рассматривают как маркеры гоголевской идеи о неперенном торжестве сильного и смелого человека над чертовщиной [4, 8].

Третий подход к прочтению фантастического в повести мы именуем как «завуалированное» взаимоложение реального на ирреальное, порождающее двойное прочтение сюжета. Терминами «завуалированная» или «неявная» Ю. В. Манн называет особый тип фантастики, маркерами которого выступают наличие фантастической предыстории, повествующей об истинно ирреальных происшествиях, и сведение повествования о чудесном к форме слухов, предположений, сновидений [7, с. 57]. Фантастической предысторией в «Сорочинской ярмарке» ученый называет «рассказ о черте, выгнан-

ном из «пекла» и разыскивающим по миру свою свитку». «Двойственность» повествования, непреходящую мету «завуалированности», раскрывает посредством избыточных в произведении форм слухов и амбивалентной портретизации героев (цыгана, Хиври) [7, с. 67].

Правомерно задать вопрос: претерпели ли изменения обозначенные нами подходы к осмыслению фантастического аспекта в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка»? Определенно можно сказать, что они остались на прежнем уровне. Вместе с тем, заметим, что в начале XXI века появились исследователи, к примеру, Т. В. Шарбенко [13], Р. Г. Назиров [9], Р. М. Хусаинова [12], которые при интерпретации ирреального присутствия в «Сорочинской ярмарке» придерживаются указанных выше позиций ученых-предшественников.

Так, Р. Г. Назирова (2014 г.) можно назвать современным исследователем, продолжателем гиппиусовской концепции прочтения чудесного в повести. Изучая индивидуально гоголевское, комическое орнаментирование фантастических событий, он называет «Сорочинскую ярмарку» «лирическим переложением» бытовой комедии» [9, с. 1289]. Последовательницей позиции В. В. Ермилова и С. И. Машинского мы считаем Т. В. Шарбенко (2006 г.). Она убеждена в том, что созданный Гоголем мир в «Сорочинской ярмарке» являет собой «романтизированное пространство, где господствует добро, любовь и счастье, а люди обладают такой духовной силой, что способны использовать в своих целях даже чертовщину» [13]. Сторонницей точки зрения Ю. В. Манна является Р. М. Хусаинова (2014 г.). При определении типа сверхъестественного присутствия в «Сорочинской ярмарке» она пользуется терминологией своего предшественника, называя манеру включения фантастики в произведении «завуалированной», «неявной» [12, с. 594].

Итак, кратко рассмотрев пути прочтения ирреального присутствия в повести Гоголя «Сорочинская ярмарка», которые были сформированы литературоведами XX века, мы можем сказать, что данные подходы продолжают свое развитие в работах исследователей начала XXI столетия.

Между тем, нами выделен четвертый путь толкования чудесного в повести, который мы обозначили так: интерпретация ирреального включения как маркера угрозы вторжения в реальный мир демонического начала. Данного направления придерживаются исследователи начала XXI века, к примеру, Н. И. Ищук-Фадеева [5], А. А. Полякова [10], С. О. Егорова [3], И. П. Савчук [11]. Н. И. Ищук-Фадеева говорит, в частности, что человек, находясь на территории сорочинской ярмарки, «может сделать все, что в его, и не только его, силах». К примеру, так поступает парубок Грицько: прибегнув к дьявольской помощи (услугам цыгана), он добивается руки девушки [5].

По утверждению А. А. Поляковой, быличка «о черте и красной свитке», порожденная празднично-хаосовой атмосферой ярмарки, «не знаменует собой победу над нечистой силой, а, напротив, создает атмосферу всеобщего страха и ужаса», несмотря на то, что «угроза появления нечисти в человеческом мире не выходит за рамки слухов» [10]. С. О. Егорова, в свою очередь, раскрывает первопричину «беспроблемности» договора Грицька с цыганом – представителем иного мира. По ее мнению, она кроется в родственно-амбивалентной связи персонажей: на вопрос Черевика, не Охримов ли он сын, Грицько отвечает: «Разве один только лысый дидько (то есть черт, – помечает Егорова), если не он» [3]. Вставную историю-быличку о черте И. П. Савчук называет «этиологической легендой, повествующей о грехопадении диканьского мира», проводя мысль о том, что Параска и Грицько, обратившись за помощью к цыгану, тем самым не только заключают договор с чертом, но и выпускают зло в свою новую супружескую жизнь [11, с. 31].

Путь интерпретации ирреального в гоголевском произведении, сформированный посредством синтеза идеи Манна о «завуалированности» фантастики и позиций современных ученых, убежденных в реальности демонических угроз, преподнесенных в фантастическом обрамлении, мы обозначили как обличение демонического начала, представленного завуалированно-окаймленным. Нечистая сила коварна. Играя с человеческим воображением в «было – не было», она нагоняет страх, парализующий внутренний мир того, чья сакральная защита надломлена. В результате чертовщина, маскирующая свое присутствие в открывающей цикл «Сорочинской ярмарке», по-хозяйски вступит, по нашему мнению, в свои права в заключительном произведении «Заколдованное место» [6].

Литература

1. Васильев С. Ф. Поэтика «реального» и «фантастического» в русской романтической прозе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/poetika-realnogo-i-fantasticheskogo-v-russkoy-romanticheskoy-proze-1> (дата обращения: 03.10. 2017)
2. Гиппиус В. Гоголь. Зеньковский В. Н. В. Гоголь. СПб.: Logos, 1994. 344 с.

3. Егорова С. О. О двойном значении эсхатологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-dvoynom-znachenii-eshatologii-v-vecheraх-na-hutore-bliz-dikanki-n-v-gogolya> (дата обращения: 03.10. 2017).
4. Ермилов В. В. Гений Гоголя. М.: Советская Россия, 1959. 407 с.
5. Ищук – Фадеева Н. И. Мир Гоголя как «заколдованное место». URL: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1473/> (дата обращения: 17.10. 2017).
6. Кривоус Т. В. Повесть Н. В. Гоголя «Заколдованное место»: мотив искушения в авторской концепции фантастического // Филологические открытия: Сборник научных статей. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2017. С. 183-190.
7. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 744 с.
8. Машинский С. И. Художественный мир Гоголя. М.: Просвещение, 1979. 432 с.
9. Назиров Р. Г. Герои раннего Гоголя // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1288-1295.
10. Полякова А. А. Структурообразующая роль народного календаря в цикле Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». URL: <http://cheloveknauka.com/strukturoobrazuyuschaya-rol-narodnogo-kalendarя-v-tsikle-n-v-gogolya-vechera-na-hutore-bliz-dikanki> (дата обращения: 25.10.2017)
11. Савчук И. П. Особенности легенд, составивших основу в повестях «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Вестник Югорского государственного университета. 2017. Выпуск 1 (44). С. 29-33.
12. Хусаинова Р. М. Типы фантастического в повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 2. С. 592-594.
13. Шарбенко Т. «Сорочинская ярмарка» и «Невский проспект» Н. Гоголя: типологические взаимосвязи». URL: <http://vruli.cfuv.ru/wp-content/uploads/2016/11/vrl-12-2006.pdf> (дата обращения: 11.10.2017).

TO A QUESTION ABOUT THE NATURE OF RELATIONSHIPS BETWEEN «REAL» AND «FANTASTIC» IN THE GOGOL'S STORY «SOROCHYNTSY FAIR»

Tatiana V. Krivous

Graduate Student of Pedagogical school
Far Easten Federal University
57 Amurskaya st., Ussuriisk, 692525 Russia

In the article the main goal for me is to designate and to comment on the approaches to interpretation of un-reality in Gogol's story «Sorochyntsy fair», formed by literary critics of 20th-erly 21th century. The main ways of literary reading of marvelous in the story are allocated. Rationalistic explanation of fantastic is marked; interpretation of unreal as a givenness, which composes «fairy-tale reality»; a «veiled» presentation of a marvelous and interpretation of unreal inclusion as a marker of the threat of intrusion into the real world by the demon. Own way of interpretation of fantastic element is offered, is formed through the synthesis of ideas of Mann and literary critics of 21th century, marked as a demon's nature, introduced as veiled-fringed.
Key words: Gogol, «Sorochyntsy fair», real – unreal, «fairy-tale reality», veiledness, rationalism, synthesis.

ОСОБЕННОСТИ МИФОТВОРЧЕСТВА В ЦИКЛЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «НАСТОЯЩИЕ СКАЗКИ»

© Монгуш Евгений Докурович

кандидат филологических наук, доцент
Тувинский государственный университет
Россия, 667000, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4
E-mail: mongun2005@yandex.ru

В статье исследуются особенности мифотворчества в сказочном цикле «Настоящие сказки» Людмилы Петрушевской. Автором утверждается, что в сказочном цикле велика роль фольклорно-литературных ассоциаций и реминисценций, где происходит осовременивание привычного сюжета волшебной народной сказки. В этом сказочном цикле «сказочные» сюжетные схемы выполняют служебную функцию, выходящие за рамки конкретной фабулы проблемы. Мифологический аспект ощущается читателем на уровне ассоциативного плана и на уровне повествования, где создается особый мифологический хронотоп и присутствуют немало литературно-мифологических мотивов и образов, выявляющих универсально-философский смысл авторского замысла.

Ключевые слова: Л. Петрушевская, «Настоящие сказки», литературная сказка, сюжет, неомифологизм, реминисценция, повествование

Причины обращения современных писателей к арсеналу волшебных сказок во многом следует искать в неомифологических тенденциях. Очевидно, что литературная сказка как жанр дает значительную возможность выйти к мифологически-чудесному и необыкновенному, выходящему за рамки реально-обыденного. При этом сказочная условность смыкается с мифологической. Анализ несказочной прозы Л. Петрушевской отчетливо выявил, что писательница тяготеет к сказке, вписывающейся в тенденцию неомифологизма.

Петрушевская обращается к сказочным жанрам с фольклорно-мифологическими сюжетами прежде всего в цикле «Настоящие сказки», куда вошли и сказки из цикла «Приключения людей» можно найти немало образов неомифологизма. Именно цикл «Настоящие сказки» необходимо отделить от сказок, где действуют необычные герои самого разного сорта: например, Трр и И-ии («Жил-был Трр»); и будильник, решивший жениться, «когда стукнет без пятнадцати девять» («Будильник»); лунная ночь, потерявшая с рукава пуговку («Сказка с тяжелым концом»); волшебная пушинка из одноименной сказки; Моллюск и Моллюска, Лук и Капуста и т.д. Одни сказки из этого цикла носят юмористический характер («Дай капустки», «Все непонятливые», «Заячий хвостик»), другие тяготеют к философской притче, басне («Будильник», «Пушинка») [4, с. 97-99]. Их Петрушевская относит к циклу «Нечеловеческие приключения».

Близость «Настоящих сказок» рассказам Петрушевской заключена в том, что герои одинаково принадлежат бытовому пространству, и если даже они обладают способностью к волшебству, то, в отличие от традиционной волшебной сказки, «чудесное» может принести им лишь одни неприятности. «Не всякий хочет найти, что потерял» – таков сюжет многих сказок. Так случается и в рассказах писательницы, например, герой рассказа «Чудо» Корнил также чудесным образом может помогать в бедах людям, но его волшебные качества никому не нужны или не нравятся самим спасенным.

В «Настоящих сказках» проявляется непосредственная связь с фольклорной основой в способах организации времени и пространства. Да, в них представлены традиционные для фольклорной сказки хронотопы: лес, сад, дом, путь-дорога, однако для хронотопа «Настоящих сказок» характерно гротескное столкновение сказочного мира с дисгармоничной современностью. В сказочном топосе присутствуют советский и постсоветский локусы – квартира, улица, город. Герои Петрушевской строят свое счастье из хаоса ужасного мира в отдельном локусе, хотя постмодернистская эстетика обнаруживается в игре со временем и актуализации мифологической модели времени.

Способность сказочных персонажей Петрушевской решать моральные коллизии обусловлена их глубинной связью с древнейшими архетипами: «Дитя», «Мать и Дитя», «Старушка» («Старик»), в которых воплощаются высшие жизненные ценности. В жанре современной литературной сказки они дают возможность использовать игровое и ироничное осмысление мира и его проблем. Архетипы «Он и Она», «Юродивый (Иван-дурак)», как порождение позднейших этапов развития культуры, в тесной взаимосвязи с древними архетипами демонстрируют модель реального современного обще-

ства. Архетип «Он и Она» связан с традицией русской классической литературы в изображении любви как морального испытания личности. Черты архетипа «юродивого (Ивана-дурака)» присущи всем сказочным героям Петрушевской. Они, как и такие же архетипические персонажи в рассказах, репрезентируют способность протагониста действовать вопреки «здравому смыслу», делая выбор в пользу истинных ценностей.

Конкретизация образов, созданных на основе архетипов, реализуется благодаря их интертекстуальному наполнению и переосмыслению. Сказки Петрушевской отличаются богатством культурных образов и мотивов. В них присутствуют мифологические и литературные мотивы широкого диапазона, которые порождают переосмысление известных сюжетов в русле проблем современной культуры. Интертекстуальность в «Настоящих сказках» придает повествованию остроту и актуальность, что приводит к реалистической поэтике, к многомерному изображению мира. Особенно это можно увидеть в «кукольном романе» «Маленькая волшебница».

В цикле «Настоящие сказки» двадцать две сказки. В каждой из них появляется волшебник или волшебница, которые иногда выступают в роли главных героев, но чаще, как и в традиционной волшебной сказке, в роли волшебных помощников или вредителей. К примеру, в сказке «Девушка-Нос» главная героиня девушка Нина, чтобы избавиться от своего большого носа, поехала в другой город к волшебнику. Волшебник потребовал взамен избавления от большого носа большой палец ее правой руки. Девушке пришлось пожертвовать своим пальцем. А вот и синхронное начало: волшебник ничего просто так не делает, он волшебство превращает в «бизнес». В наличии подобных современных реалий и есть особенность литературной сказки Л. Петрушевской. Финал традиционен, как в волшебной народной сказке: Нина ради любимого готова пожертвовать самым дорогим – своей жизнью. Но как и в любой волшебной сказке, все заканчивается благополучно, хотя волшебник и оказывается злым колдуном.

Велика роль фольклорно-литературных ассоциаций и реминисценций в сюжетосложении. Так же, как сказка «Чемодан чепухи» из цикла «Приключения с волшебниками» повторяет сюжет сказки братьев Гримм «Золотой гусь», так и события сказки «Принц с золотыми волосами» почти целиком идут вслед за сюжетом сказки А. С. Пушкина «О царе Салтане и о сыне его славном царе Гвидоне...»: родился рыжий принц, мать-королеву обвиняют в измене («черного кобеля не отмоешь добела») и с сыном выгоняют вон из дворца, после долгих скитаний отец-король находит королеву с сыном с помощью волшебника. В финале Петрушевская осовременивает привычный сюжет волшебной народной сказки: король теряет власть, привилегии отменены, а от былой королевской жизни осталась «на голове у маленького принца корона, склеенная из картона и обтянутая серебряной бумагой» [5, с. 154].

Желая подчеркнуть современное звучание «Настоящих сказок», Петрушевская опирается на сюжеты писателей-сказочников: Г.-Х. Андерсена («Матушка-капуста»), братьев Гримм («Лечение Василия»), а также Е. Шварца, который в своих сказочных пьесах представлял принцев и принцесс, колдунов и колдуний как обычных людей. Повествование в этом цикле выполняет функцию увеличения занимательности и привнесения в текст игры, увлекающей читателя разгадыванием за вполне современным «фасадом» традиционных для сказки мотивов и героев. Кроме того, содержание и смысл происходящих событий выходит далеко за пределы конкретной сказочной ситуации и даже за пределы легко угадываемого социального и исторического контекста. Сюжет приобретает истинно «сказочную» глубину, сиюминутные проблемы начинают ощущаться как «вечные».

Как пишет Е. Н. Ковтун, сказочная и мифологическая условность всегда тяготеет к глобальному обобщению, к выводу ситуации на уровень бытия в целом и возвращения ее к истокам, к идеальному, очищенному от наслоений существованию [2]. В этом видится синтез сказки и мифа, который приводит к обогащению смысла, заостряет философское содержание, изначально присущее сказке.

Но вместе с тем «сказочные» сюжетные схемы выполняют у Петрушевской служебную функцию и раскрывают далеко выходящие за рамки конкретной фабулы проблемы. Важнее становится иносказательный смысл ситуаций, который формулируется рассказчиком, непосредственно присутствующим в качестве комментатора событий, часто ироничного, иногда доносящего некую общую философскую позицию. Его голос вполне сопоставим с авторским; учитывая форму, которую можно назвать сказоподобной, свойственную повествованию в рассказах Петрушевской, и общую эмоциональную насыщенность повествования, рассказчика даже можно назвать лирическим автором, напрямую выходящим к читателю в авторских лирических отступлениях.

В сказке «Принц с золотыми волосами» рассказчик является как бы заинтересованным участником событий, но, кроме этого, выступает и в роли судьи, дающего оценку событиям и персонажам, и в роли проникательного знатока человеческой души, способного влезть в шкуру персонажа, о котором идет речь. При этом Петрушевская придает повествованию богатый ассоциативный фон: это и сюжет,

напоминающий пушкинскую сказку о царе Салтане; и ассоциация со сказкой А. Сент-Экзюпери «Маленький принц», возникающая потому, что принц разговаривает на языке животных; и евангельские аллюзии, начиная с постоянного свечения от золотых волос принца, который с матерью – юной королевой странствуют, ночуя в пещере, где получают неожиданные дары в виде пищи, затем оказываются в сарае-хлеву, где «кучей лежали овцы, стояла корова, фыркал и жевал сено конь, бродили куры» [5, с. 151]; наконец, к ним спускается звезда, вызывающая восторженное отношение окружающих и приносящая чудесное спасение, – это король с ее помощью ищет и находит жену с сыном. Перечисленные сюжетные события, наполненные литературно-мифологической окрашенностью, приобретают многозначность и могут быть истолкованы как объяснение и оправдание всем чудесным событиям.

На наш взгляд, если рассмотреть литературные сказки Петрушевской в контексте всего ее творчества, то можно обозначить немало литературно-мифологических мотивов и образов, выявляющих универсально-философский смысл авторского замысла. И если сказочная природа этих произведений писательницы налицо, то мифологический аспект ощущается читателем на уровне ассоциативного плана. «Волшебные» и «чудесные» события и персонажи вторгаются в привычный быт и социально узнаваемую действительность. Результатом становится особое совмещение реально узнаваемого мира и «иной» реальности, так что изображенный мир в сказках Петрушевской выглядит как единый, без четких непроницаемых границ. Это позволяет ей, вслед за предшественниками – А. Грином, Е. Шварцем, В. Кавериним, Л. Лагиным и целым рядом современных писателей, работающих в жанре *fantasy*, «взглянуть на обыденность в перспективе чуда». «Каждый из типов реализации сказочной и мифологической условной посылки имеет собственные художественные преимущества. Обособленно-замкнутый мир сказки и мифа привлекателен именно своей целостностью, завершенностью и “волшебностью”. Он не нуждается в доказательствах собственного существования, чудеса в нем обыденны и естественны» [2]. На самом деле эту целостность сказкам Петрушевской придает как раз мифологический подтекст [4, 1, 3].

Повествование в «Настоящих сказках» создает особый мифологический хронотоп: это время, когда люди понимают язык животных, растений, стихий. Маленький принц у Петрушевской разговаривает с животными вполне в духе свойственного мифологическому мышлению принципа всеобщего тождества.

У Петрушевской отсутствуют типичный для мифа глобальный характер, стремление к вселенскому охвату событий. Для мифологической условности объектом художественного воссоздания становится обычно весь Космос как гармонизированная часть бытия. Цикл «Настоящие сказки» не претендует на повествование о создании Единым Абсолютом нашей Земли и окружающих ее пространств. Современные литературные сказки адресованы обычному читателю, для которого связь с архаическим мифом и ритуалом очевидна и который воспринимает их ныне как самостоятельный эстетический феномен, лишь смутно ощущая связь с фольклорной традицией или ощущая традицию обработок народной сказки и сюжетов классической (античной) мифологии в новейшей литературе.

Таким образом, как мы видим, цикл «Настоящие сказки» соотнесен с несказочной прозой Л. Петрушевской, которая также может претендовать на аллегорически-иносказательный смысл, несмотря на господство бытового плана.

Литература

1. Имихелова С. С. О стиле и методе Л. Петрушевской (на материале публицистической книги «Девятый том») // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. О. Ю. Юрьева. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2004. Вып. 6. С. 111-117.
2. Ковтун Е. Н. Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (на материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во МГУ, 1999. 318 с. URL: <http://fedy-diary.ru/html/052011/13052011-06a.html> (дата обращения: 10.09.17).
3. Колмакова О. А. Мифологическая метаморфоза как культурный код в русской прозе рубежа XX-XXI вв. // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Филология, 2013. №10. С.119-127.
4. Монгуш Е. Д. Литературная сказка Л. Петрушевской // Мировая словесность для детей и о детях. Вып. 4. М., 1999. С. 97-99.
5. Петрушевская Л. С. Настоящие сказки. М.: Вагриус, 1997. 340 с.

FEATURES OF THE MYTH IN THE TALE STORIES
OF "TRUE TALES" BY L. PETRUSHEVSKAYA

Evgeniy D. Mongush

Candidate of Science in Philology, A/Professor

Tuvan State University

4 Kochetova st., Kyzyl, 667000 Russia

This article reviews the features of the myth in the tale stories of "True tales" by Ludmila Petrushevskaya. The author states that the role of folklore and literary associations and reminiscences in the tale stories is huge, where the usual magical folk tale become more modern. In this series of "fabulous" story schemas perform a utility function that goes beyond the specific plot problems. The mythological aspect is felt by the reader at the level of the associative plan and at the level of narrative, where created a particular mythological chronotope and there are many literary and mythological motifs and images, that reveals the universal, philosophical sense of the author's intention.

Key words: L. Petrushevskaya, "True tales", a literary tale, story, neonatologist, reminiscence, storytelling.

ПЬЕСА МУСТАЯ КАРИМА «САЛАВАТ. СЕМЬ СНОВИДЕНИЙ СКВОЗЬ ЯВЬ»: РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ И СВЯЗИ

© **Монисова Ирина Владимировна**

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

E-mail: monisova2008@yandex.ru

© **Сырысева Диана Юрьевна**

магистр кафедры новейшей русской литературы и современного литературного процесса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

E-mail: syryseva97@mail.ru

Статья посвящена скрытым и явным отсылкам к произведениям А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и «Борис Годунов» и М.А.Булгакова «Бег», которые обнаруживаются в пьесе М.Карима «Салават. Семь сновидений сквозь явь»- центральной части драматургической трилогии. «Капитанская дочка» и «Борис Годунов», выступая в качестве интертекста пьесы, показывают не только историко-культурную преемственность по отношению к русской классике башкирского писателя, но и полемическое по отношению к пушкинской концепции восприятие истории. Сходство с пьесой М. Булгакова «Бег» рассматривается на уровне композиционного устройства, системы мотивов, на уровне трагедийной проблематики.

Ключевые слова: национальные традиции, русская классика, сквозные мотивы, сны, интертекст, ретроспективный план

Современные литературы народов России развивались с опорой не только на национальные фольклорные и письменные традиции и события национальной истории, но и во многом на русскую литературную классику. Башкирский писатель Мустай Карим в своих автобиографических заметках «У моей колыбели» подчеркивал важность А. Пушкина, М. Лермонтова, Г. Тукая для своего становления как писателя. Молодые, безвременно ушедшие поэты кажутся Кариму зрелыми, равными мудростью старцам. «Двум последним было по двадцать шесть. Но какими непостижимо старшими они кажутся до сих пор! Дойти до их зрелости, не говоря уж о Пушкине, остается пока только мечтой» [6, с. 289]. Таким образом, писатель сам подчеркивал значимость литературных традиций, в том числе русской классики, для своего творчества. Представляется интересным и плодотворным проанализировать конкретные проявления этих влияний на уровне проблематики и поэтики текста.

В данной статье мы останавливаемся на центральной части драматической трилогии Мустая Карима – пьесе «Салават. Семь сновидений сквозь явь». Проблема интертекстуальности и литературных влияний вообще актуальна в связи с анализом известных трагедий башкирского писателя, созданных на легендарно-мифологическом и национально-историческом материале, однако мы выбрали одну из них, в которой, на наш взгляд, «русский след» проступает наиболее отчетливо. Салават Юлаев, известный исторический деятель, участник пугачевского бунта и национальный поэт Башкирии, является центральной фигурой и заглавным героем произведения, которое обладает сюжетно-композиционной и идейной завершенностью, что дает основания рассмотреть данную пьесу отдельно, несмотря на то, что она является частью цикла.

Действие в пьесе «Салават. Семь сновидений сквозь явь» обрамлено прологом и эпилогом, где на сцене появляется внесюжетный персонаж Поэт и комментирует происходящее. Основные же события сгруппированы в двух временных плоскостях: Явь отражает ситуацию после подавления восстания и ареста Салавата, который сослан на эстонский остров Рогервик и там погибает, тоскуя по Родине (настоящее), Сны сквозь явь воспроизводят недавнее прошлое в форме воспоминаний главного героя и картины его наваждений. Кольцевая композиция в пьесе (монолог Поэта начинает и заканчивает ее) сходна с кольцевой композицией в романе «Капитанская дочка» Пушкина, где образ издателя и мистификация, связанная с «семейными записками» Гринева, служит целям занимательности и достоверности, мотивирует «человеческий» ракурс, в котором даются события пугачевского бунта, но выполняет иную функцию. В пьесе лирико-патетический пролог и эпилог обрамляют трагическое по

характеру действо, сообщают ему поэтическую высоту, вводят тему бессмертия национального героя и поэта – она закрепляется двоекратным исполнением народной песни о Салавате. Сложный хроно-топ, объединяющий планы реальности и подсознания, а также расширяющий за счет ретроспекций и разветвленного сюжета пространственно-временные координаты пьесы, способствует эпизации драматического текста. Можно сказать, что пьеса попадает в русло традиции, намеченной на русской почве Пушкиным, автором трагедии «Борис Годунов» и статьи «О народной драме и драме «Марфа Посадница» [10, с. 177-183], где рассматривает в качестве базового материала драмы масштабное историческое событие в народном его восприятии.

Близкая историческая основа трагедии Карима и романа Пушкина «Капитанская дочка», с одной стороны, порождает ряд сопоставлений на уровне сюжета, композиции, системы персонажей, использования фольклорных элементов и т. д.; с другой стороны, обнаруживается полемичность пьесы советского драматурга по отношению к пушкинскому повествованию. Действие в романе и пьесе связано с обстоятельствами пугачевского бунта, которые составляют ретроспективный план (семейные записки пожилого Гринева у Пушкина, воспоминания и размышления томящегося на каторге Салавата у Карима). Однако Пушкин показывает бунт и его участников глазами случайного свидетеля – вымышленного офицера Гринева, главного героя романа, в его восприятии и оценке дается и образ Пугачева. Карим же воспроизводит события с точки зрения одного из лидеров бунта – Салавата, выдвигая его фигуру в центр сценического действия, подобно тому, как исторические личности оказываются героями трагедии «Борис Годунов». Оба писателя показывают бунтовщиков, однако интерпретация их личности и деятельности разная. У Пушкина Пугачев личность незаурядная, противоречивая, Гринев по-своему привязан к нему, однако автор, как и его герой, не принимает «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», и соответственно Пугачева в качестве лидера этого бунта, подчеркивается его авантюризм и жестокость. У Карима Салават предстает борцом за справедливость и национальную независимость, он наделен живой душой, больной совестью, талантом и благородством. Это связано не только с жанровой спецификой текстов – трагедии, с одной стороны, и исторического романа – с другой. Как известно, Салават Юлаев у себя на родине однозначно оценивается как национальный герой и большой поэт, его памятник является одним из символов Уфы, таким образом, Карим озвучивает общенациональную оценку его личности. Оба писателя тесно связывают образы лидеров бунта со стихией фольклора (подчеркиваются народные корни) и стремятся в некоторых моментах облагородить их: Пушкин отступает от исторических фактов при изображении казни Пугачева, приписывая ему мужественное и ироничное поведение на плахе; Карим наделяет своего Салавата, имевшего в действительности трех жен и детей от них, романтической привязанностью к одной женщине. Более того, переосмыслены и обстоятельства смерти героя на каторге – в трагедии он принимает решение уйти из жизни из-за тоски по Родине и непреодоленного чувства вины, тогда как исторический Салават умер своей смертью в возрасте 47 лет. Сочувственное изображение лидера народного бунта и героизация его как фигуры, в которой персонифицируется народный гнев, ярость, мечта о социальной справедливости и воле, сближает текст Карима с поэмой С. Есенина «Пугачев» и романом В. Шукшина «Я пришел дать вам волю». Логична поэтому и сочувственная оценка сподвижников героя (Юлай, Канзафар) и негативная - представителей власти (Каратель, Екатерина). Пушкин не переносит в окончательный текст романа сцену из «пропущенной главы», где изображаются плоты с повешенными, пущенные по приказу императрицы по Волге, его Екатерина – прежде всего милостивая благодетельница для молодых героев. У Карима ее образ приобретает черты противоречивые и зловещие: в сне-наваждении Салавата показана ее женская обольстительность, за которой скрывается деспотизм, холодный расчет, склонность к интригам. Так или иначе, события истории становятся для центральных героев и классического, и современного текстов трагической школой жизни. Напряженная рефлексия Салавата, пытающегося ответить самому себе на вопрос, героем или злодеем он стал для своего народа, выступив в качестве лидера башкирского восстания, вызывает также и ассоциации с образом Бориса Годунова из одноименной пушкинской трагедии.

В обоих произведениях на фоне исторических катаклизмов показана любовь молодых героев – Петра и Марии: в романе это центральная любовная линия, в пьесе она вторая, после истории Салавата и Гюльназиры. Очевидно, что выбор имен этих героев второго плана в пьесе не случаен. У Пушкина, как мы помним, уже в эпиграфе задается тема чести, важнейшая в романе и отработанная в разнообразных его коллизиях. Так, Петр Гринев и Маша Миронова любят друг друга высокой одухотворенной любовью, мечтают о браке с благословения родителей, проходят с честью все испытания и счастливо воссоединяются в мирной жизни. Их история выглядит почти сказочной, вряд ли соответствующей обстоятельствам военного времени (недаром исследователи прозревают в пушкинском романе контуры волшебной сказки). В пьесе Карима показана молодая чета, находящаяся в войске Пу-

гачева (о предыстории их взаимоотношений, семье, родителях ничего не известно). Хотя Петр называет Марию своей женой, она осознает, что совершила грехопадение, не обвенчавшись с ним по закону, – вопросы чести, таким образом, корректируются в ситуации экстремальной. Пушкин в «Капитанской дочке» дважды изображает «волшебное» спасение офицера Гринева в захваченной войсками Пугачева правительственной крепости. Роль «посаженных» родителей героев – и здесь тоже обнаруживаются контуры волшебной сказки – играют поочередно Пугачев и Екатерина II, которая проникается сочувствием к сироте Маше, отважившейся ехать в столицу ради спасения своего жениха [8, с.2566-2570]. У Карима история жестоко вмешивается в судьбу молодых влюбленных, ожидаемо разрушая их счастье: Петр гибнет, Мария остается одна. Ее судьба в стане мятежников драматична: она убивает кинжалом Баиша, предателя и провокатора, и далее исчезает со сцены. История, с кровавой невозмутимостью разрушая счастье героев, продолжается. Так в пьесе выстраивается сложная реминисценция на «Капитанскую дочку», утверждается трагическая природа войны как жестокой реальности, не способной быть фоном для светлой сказки.

Очевидна важная сюжетно-композиционная роль сна в пьесе Карима, и это тоже требует сравнительного комментария. В трагедии «Борис Годунов» сон Бориса становится не только отражением его больной совести и тревоги, но и олицетворением рока; пророческий смысл имеет сон Гринева в романе, сулящий ему кровавые испытания и чудесное спасение. Пьеса Карима выстроена как череда сновидений-воспоминаний героя, часть действий в ней так и названо – Сны. То есть онирическое пространство становится в произведении организующим приемом. Есть, как нам кажется, и прямые отсылки к трагедии Пушкина. Так, Салават видит вещий сон, в котором говорит о престоле Екатерины: «Хоть позолочен, а сродни ступеням, / Которые ведут на эшафот!» [5, с. 437]. Царский трон, как мы помним, уподоблен месту казни и в пушкинском тексте: Хрущов, опальный холоп из Москвы, говорит Самозванцу: «Да будут наши трупы/ На царский трон ступенями тебе» [9, с. 391]. Власть – и самодержавная, и самозваная – в своей жестокости требует новых и новых жертв. Отсылкой к «Борису Годунову» представляется, как говорилось выше, и мотив больной совести, терзающей героя. Однако концепция истории в пьесе башкирского драматурга выглядит более оптимистично: народ не безмолвствует, он благодарно хранит память о Салавате, бунт представлен «беспощадным», но отнюдь не «бессмысленным».

Мотив сна и его структурирующая функция в пьесе Карима отсылают и к драматургии М. Булгакова. Добавим к этому, что в 1970 году в прокат вышел фильм А. Алова и В. Наумова «Бег», снятый по мотивам одноименной пьесы и либретто «Черное море» М. Булгакова, что могло оказать влияние на творческую мысль башкирского писателя: «Салават» был создан в следующем, 1971 году. В пьесе Булгакова, имеющей жанровый подзаголовок «Восемь снов», сон представлен как литературный прием, организующий развитие действия, однако «каждый сон-акт имеет свою внутрижанровую типологию» [1, с. 57]: может содержать сказочно-карнавальные мотивы, фарсовое начало, элементы сна-кошмара. Для персонажей Булгакова (Серафима, Голубков) действительность, как пишет сам автор, становится страшным «сном» [3, с. 127]. Явь, преломляющаяся в эпитафиях и ремарках, противопоставлена «восьми снам». Хронотоп пьесы имеет сложную организацию, поскольку сновидческий ракурс не закреплен за определенным персонажем: по справедливому замечанию Л. М. Яновской, «сны» «Бега» принадлежат Булгакову» [12, с. 181]. Таким образом, в отличие от драмы Булгакова, реализующей монтажный принцип, трагедия Карима скорее тяготеет к единому «центру», сны героя дифференцируются не по жанровым признакам, а по содержанию и настроению, они, как считает исследователь, «способствует созданию высокой атмосферы неотвратимости столкновения взаимоисключающих страстей и неотвратимости катастрофы, без чего немислимо трагическое искусство» [7, с. 209].

Пьеса «Бег», наследуя драматургическим инновациям начала XX века, имеет значимый музыкально-шумовой план. Музыкальные или иные звуковые мотивы сопровождают каждый сон (пение монахов, вальс, шум бронепоезда и т. д.). В пятом сне звучит «странная симфония» в Константинополе, усиливая безысходное душевное состояние героев, оказавшихся в эмиграции. Шестой сон предваряется эпитафией из песни «Разлука, ты разлука», которая была особенно популярна у уличных певцов в Москве 1910-х годов [2, с. 90]. Эпитафия, контрастируя с событиями пьесы, задает тон трагической неизбежности: герои, на мгновение встретившись в Константинополе, вынуждены вновь расстаться вопреки словам песни: «Никто нас не разлучит – Ни солнце, ни луна...». В конце сна звучит голос муэдзина с минарета, а мальчик-турок играет марш на шарманке: какофоническое или, скорее, оксюморонное сочетание мотивов русской песни, религиозного песнопения и военного марша передает смятение героев и соответствует ситуации вынужденной встречи культур. В восьмом сне звучит песня хора об атамане Кудеяре, вводя мотивы покаяния и прощения, одновременно отсылая к хору монахов из первого сна. Таким образом, музыка сопровождает всю пьесу Булгакова, «все осмысленные

и бессмысленные поступки героев, их беспорядочные и упорядоченные действия» [4, с. 246]. В «Салавате» тоже создается своего рода контрапункт текста – его музыкальная партитура. Несколько раз звучит песня о Салавате-бригадире, слышны звуки набата, раздается музыка во время праздника Ивана Купалы на эстонском острове, пролог и финал содержат песни-монологи Поэта, выступающего от лица современников, – в совокупности с «ритмом» снов эти закольцовывающие композиционные элементы способствуют созданию ритмической структуры всего текста. Песня о Салавате, которую слышат герои после боя, возникает из ниоткуда, ее «пели рядом и вдаль», она «с небес слетела» или «поднялась, как речной туман». Соратник Салавата предполагает, что «из будущего песня эта». Она становится важным лейтмотивом пьесы, связанным с выражением народной памяти. Музыкальные мотивы, повторяясь и чередуясь, структурируют и ритмизируют текст.

Обнаруженные переключки двух пьес на уровне формы закрепляются и содержательными аналогиями: в них показаны талантливые полководцы, которые участвуют в гражданском противостоянии и проигрывают сражения в силу исторических обстоятельств. У центральных героев обеих пьес есть реальные прототипы. В пьесе М. Карима это, как мы знаем, национальный поэт Салават Юлаев, возглавивший башкирское восстание в период крестьянской войны под предводительством Пугачева. «Образ Салавата – это все мои знания о нем, пропущенные через фильтр моего понимания его личности, фильтр моей индивидуальности, если хотите, моей субъективной концепции его характера», – сказал драматург в одном из интервью [6, с. 439]. Салават в пьесе героизирован, но и в национальном сознании башкир он закреплен как борец за социальную справедливость и национальное достоинство – в этом смысле его образ существенно отличается от образа Пугачева в русской культуре. Сочувственно изображены его соратники, чуваш Укап, татарин Канзафар и др.; напротив, образы представителей царского режима наделяются негативными характеристиками. Салават становится выразителем народной воли, самого духа народа. Оказавшись на каторге на эстонском острове Рогервик, он поймет, что бессмысленно жить вдаль от Родины, постоянно тоскуя о ней, и примет решение уйти из жизни, слившись с морем, стихией, родственной далекому Уралу.

В пьесе М. А. Булгакова изображен крах белого движения и эмиграция, система персонажей является более разветвленной, но, по словам Л. М. Яновской, «центральной фигурой «Бега», пожалуй, следует считать образ генерала Хлудова» [12, с. 185]. Прототипом героя, как принято считать, был командующий Крымским корпусом Белой армии генерал Яков Александрович Слащов [12, с. 187-189; 11, с. 178-180]. Булгаков показывает талантливого полководца, который проигрывает в сиюминутном хаотичном времени, одновременно побеждая в вечности (эпиграф к пьесе взят из «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского).

Темы утраты Дома, бегства (или ссылки), вынужденного одиночества, ностальгии и потерянности вне родной почвы – смысловой центр обеих пьес, но у Карима преобладает трагический пафос, у Булгакова – трагикомический. Салават воплощает мятежный и высокий народный дух, образ Хлудова лишен подобной героизации, он и другие персонажи представляют мир уходящей «белой» России, но не являются в авторской подаче выразителями народного сознания.

Итак, мы указали на часть реминисцентного фона и обнаружили следы влияния на Карима-драматурга выдающихся произведений русской классики XIX и XX вв., отметили черты сходства и различий в трактовке и изображении значительных событий и фигур национальной истории. Эти размышления могут быть продолжены и на материале современной Кариму литературы и драматургии.

Литература

1. Акатова О. И. Пьеса Михаила Булгакова «Бег»: Поэтика снов // Филологические этюды. 2002. Вып.5. С.56-58
2. Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы на рубеже XIX-XX веков. М.: Молодая гвардия, 2009. 642 с.
3. Булгаков М. А. Пьесы. М.: Советский писатель, 1986. 656 с.
4. Иванова Е. С., Попова И. М. Организация и сюжетно-фабульная структура снов в пьесе «Бег» М. А. Булгакова // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2014. №1(50). С.243-249.
5. Карим М. Собрание сочинений. В 3-х т. Т.1. Стихотворения, поэмы, сказки, трагедии. Москва: Худож. лит., 1983. 558с.
6. Карим М. Собрание сочинений. В 3-х т. Т.3. Долгое-долгое детство: Повесть; Притча о трех братьях; Статьи, воспоминания, беседы. М.: Худож. лит., 1983. 480 с.
7. Кильмухаметов Т. А. Драматургия Мустая Карима (Своеобразие жанровой эволюции). Уфа: Башкирское книжное издательство, 1979. 224 с.

8. Марусова И. В. Структура волшебной сказки в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 2566–2570. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54777.htm> (дата обращения: 10.09.17).
9. Пушкин А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1986. 527с.
10. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 17 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. 600 с.
11. Смелянский А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: Искусство, 1986. 384 с.
12. Яновская Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Советский писатель, 1983. 320 с.

THE PLAY M. KARIM'S "SALAVAT. SEVEN DREAMS THROUGH REALITY ": RUSSIAN LITERARY INFLUENCES AND CONNECTIONS

Irina V. Monisova

Candidate of Science in Philology, A/Professor
Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow, 119991 Russia

Diana Y. Sryseva

Master of the Department of Contemporary Russian Literature and the Modern Literary Process
Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow, 119991 Russia

The article is devoted to hidden and explicit references to the works of A.S. Pushkin "The Captain's Daughter" and "Boris Godunov" and MA Bulgakov "Running", which are found in the play of M. Karim "Salavat. Seven Dreams Through Reality" - the central part of the dramatic trilogy. "The Captain's Daughter" and "Boris Godunov", acting as the intertext of the play, show not only the historical and cultural continuity in relation to the Russian classics of the Bashkir writer, but also polemical in relation to the Pushkin concept of the perception of history. Similarity with M. Bulgakov's play "Running" is considered at the level of the compositional device, the system of motives, at the level of tragedy problems.

Key words: national traditions, Russian classics, cross-cutting motifs, dreams, intertext, retrospective plan.

РАССКАЗ В. АСТАФЬЕВА «ВАСЮТКИНО ОЗЕРО» В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ²

© Полева Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Россия, 634061, Томск, ул. Киевская, 60
E-mail: polewaea@rambler.ru

В статье доказывается, что в основе рассказа «Васюткино озеро» лежит сказочный сюжет инициации. Семантика мотивов отлучки из дома, блуждания в лесу и возвращения у В. Астафьева соответствует фольклорному инварианту. Если поэтика сюжета рассказа Астафьева отсылает к сказке, то повествовательные приемы и способы изображения внутреннего мира ребенка из крестьянской семьи – к реалистической прозе второй половины XIX – первой половины XX века о детях. Сопоставительный анализ подтверждает типологическую общность принципов изображения деревенского ребенка в произведениях Л. Толстого, Н. Некрасова, М. Пришвина, В. Астафьева. Авторы разных эпох выражают восхищение крестьянскими детьми, личностные качества которых (трудолюбие, смекалка, храбрость) формируются через общение с природой, семьей и коллектив, народной мудрости.

Ключевые слова: В. Астафьев, литература Сибири, фольклорные мотивы, литературные традиции, детская литература

Рассказ В. Астафьева «Васюткино озеро» автобиографичен, его созданию, вспоминает писатель, предшествовало школьное сочинение на тему «Как я провел каникулы»: «А я летом заблудился в тайге, много дней провел один, и вот обо всем об этом написал. <...> Много лет спустя я вспомнил о нем, попробовал восстановить в памяти. Так вот и получилось “Васюткино озеро” – мой первый рассказ для детей» [4, с. 124]. Образ центрального героя рассказа индивидуализирован, но события частной жизни развиваются в логике узнаваемого фольклорного инварианта. Сопоставительный анализ рассказа В. Астафьева с сюжетом волшебной сказки о ребенке, отправившимся в лес, позволяет выявить вполне определенные и системные соответствия.

«Отлучка из дома» в лес или поле – незамкнутое, лишенное четких ориентиров, «авантюрное» (М. Бахтин), полное непредвиденных опасностей пространство – характерная «функция действующего лица» в волшебной сказке, оформляющая завязку сюжета инициации. В. Я. Пропп особо оговаривает, что в ряде случаев выходят из дома дети-сироты или на время оставленные без попечения родителей [8, с. 28]. Нарушая запрет, ребенок покидает дом и попадает в трудные обстоятельства из-за собственной ошибки / непослушания. «Обряд посвящения³ производился всегда именно в лесу. Это – постоянная, неперемнная черта его по всему миру» [9]. Блуждание / плутание в лесу связано с проверкой на прочность нравственных основ личности и на готовность к взрослой жизни, а также с поиском своего жизненного пути. Сюжетная логика сказки в том, что герой преодолевает препятствия, находит верный путь и возвращается.

В экспозиции рассказа Васютка (подросток 12 лет) находится с родителями в промысловой экспедиции и потому на время лишен общения со сверстниками. Он ощущает одиночество («Совсем скучное житье началось у Васютки» [2, с. 8]), проводит время, занимаясь полезными делами – добывает для рыбаков кедровые орехи. События разворачиваются в местах, где цивилизация очень локализована, а вокруг – природное пространство сибирской тайги. Завязкой служит отлучка героя из дома в лес, вопреки предостережениям матери (ср. в сказке нарушение запрета). При этом Васютка, чтобы не получить дополнительных нареканий от матери, берет с собой спички и хлеб, демонстрируя пока не взрослость, но готовность жить по вековым законам. Мать говорит ему: «Спокон веку так заведено, мал ещё таёжные законы переиначивать»; и он соглашается: «...не поспоришь. Таков старинный порядок...» [2, с. 9].

Мальчик хорошо ориентируется в лесу, знает, что нельзя отступать от «затесей» – зарубок, оставленных на деревьях охотниками. Но дальнейшее развитие сюжета связано с мотивом искушения, ко-

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70004а(р).

³ «Этим обрядом юноша вводился в родовое объединение, становился полноправным членом его...», в том числе «проходил школу охотника» [9].

тому предшествует предвестие, словесно оформленное с упоминанием inferнальных сил. Вначале Васютка слышит «пилящий» крик кедровки и называет ее «ведьмой проклятой» [2, с. 11]. Затем мальчик соблазняется мыслью подстрелить глухаря, хотя осознает, что, вероятно, недостаточно опытен для этого (ни разу на него не охотился, не взял с собой собаку; в конце концов, выстрелил мелкой дробью, только ранив птицу). Погоня за подбитым глухарем обуславливает новый поворот сюжета – Васютка потерял «затеси», оказался в «чужом» лесу. Понимая, что заблудился, паренек поминает лешего⁴ [2, с. 15]. То есть в повествовании, вполне реалистическом, задается аллюзивный код, отсылающий к сказке.

Дальнейшее развитие сюжета в рассказе В. Астафьева совпадает с логикой сказки, хотя и облечено в форму реалистического психологизированного повествования: борьба с «различными обитателями леса» [8, с. 41] воплощена в готовности Васютки отразить нападение неведомого зверя (оказавшегося огромной корягой), в способности выжить в лесу (правильно развести костер, приготовить себе пищу, сообразить, куда двигаться, чтобы выйти из леса к людям).

В сказке лес – пространство, в котором волшебными помощниками являются звери, птицы; они же могут выполнять функцию вредителей. Мир лесной флоры и фауны оказывается на стороне и человека, и враждебных ему сил⁵. В рассказе В. Астафьева мальчик переживает враждебность окружающего пространства (лес «загораживает свет и давит своею угрюмостью», он видит закатное «кровянистое небо»), но спасается благодаря рыбам и утке, чье движение указывает мальчику дорогу к Енисею, вдоль берега которого вероятнее всего найти людей: «...откуда же в озере взялась речная рыба?» [2, с. 30]; «Моя уточка! ... Раз ветра не было, а утку унесло, значит есть тягун, озеро проточное!» [2, с. 31].

И наконец, в финале сказки героя, достойно прошедшего все испытания, ждет вознаграждение: «Некоторые сказки на моменте награждения завершаются. В таких случаях дар представляет собой некоторую материальную ценность, а не волшебное средство...» [8, с. 42]. В рассказе В. Астафьева таким вознаграждением становится не просто спасение, но и открытие нового озера, полного рыбы и названного затем в честь открывателя – Васюткино озеро. Преодолев трудности, юный охотник Васютка, прошел обряд инициации: почти погибнув, он вернулся домой из чужого леса – метафорически воскрес; после чего стал поводырем бригады отца, повел рыбаков к отрытому им озеру (то есть начал выполнять функцию взрослого)⁶.

Возможно, В. Астафьев неосознанно ориентировался на сказку. С другой стороны, наложение частной жизненной истории на архетипическую сюжетную схему вполне соответствует особенностям поэтики онтологического реализма, отстаивающего ценности родовой памяти и вековых традиций. Выявляемые в фольклорных текстах мотивы и сюжеты, как отмечает А. Н. Веселовский, – прямое отражение законов существования, обобщенного опыта рода, коллектива. Доказать, что опора на многовековые народные традиции – залог воспитания жизнеспособного и нравственного человека, одна из задач писателей-деревенщиков. Поэтому не случайно подросток в рассказе В. Астафьева проходит инициацию, подобно герою фольклорной сказки – так утверждается незыблемость бытийных законов.

Если *поэтика сюжета* рассказа Астафьева отсылает к сказке, то способы изображения внутреннего мира ребенка – к традициям реалистической психологической прозы о детстве крестьянского ребенка. Введение в качестве центрального героя ребенка из социальных низов – одно из открытий эпохи реализма XIX века. В осмыслении судьбы ребенка-бедняка складываются две идейно-тематические линии, связанные с разными сюжетными ситуациями: существования детей в природно-деревенском топосе и в городе.

Городская проза о жизни *детей-бедняков* отличается острокритическим пафосом, направлена на художественное осмысление важнейшей гуманитарной проблемы – отсутствия у них детства. Ребенок показан лишенным любви и заботы близких, насильственно закинутый во взрослую жизнь и беззащитный перед равнодушным или агрессивным по отношению к нему социальным миром.

Этому посвящен целый ряд произведений рубежа XIX – XX веков: А. П. Чехова («Спать хочется», «Ванька»), Д. Н. Мамина-Сибиряка («В каменном колодце»), В. Г. Короленко («Дети подземелья»), А. М. Горького («Встряска», «Дед Архип и Лёнька»), Л. Андреева («Петька на даче»), Ф. Б. Миллера («Труженики-дети»), Д. Григоровича («Гуттаперчевый мальчик»), Е. Чирикова («Бродячий

⁴ «Леший, – подмечает В. Я. Пропп, – всегда есть не что иное, как переименованная яга» [9].

⁵ В. Я. Пропп говорит об обязательном противостоянии героя лесным жителям, но и приводит в пример сказку «Гуси-лебеди», где наряду с предметами, животные являются *волшебными помощниками* [8, с. 90].

⁶ Своим поведением он также оправдал этимологию свое имени (Василий – царственный) – доказал право человека пользоваться дарами царства природы, не нарушая вечных законов.

мальчик»), А. Левитова, П. Засодимского и др. Лишенный поддержки, беззащитный ребенок не справляется с буквально убивающими его обстоятельствами (подробнее см. [5])⁷.

Если город интерпретируется как пространство болезни и смерти, то *природно-крестьянский* мир в литературе XIX века о детях дан как пространство жизни: произведения Н. А. Некрасова («Крестьянские дети», «Дед Мазай и зайцы»), Л. Н. Толстого («Филиппок», «Три медведя» и др.). При изображении крестьянских детей в деревне акцент сделан не на социальном статусе (хотя он проявляется в портретах героев), а на их внутренних качествах. Чистота, непорочность и при этом самостоятельность, неизбалованность сельских ребят вызывают восхищение писателей, подчеркивающих не только черты детскости (наивность, непосредственность), но и заслуживающие уважения смекалку, трудолюбие, стремление к учебе, ответственное отношение к своим обязанностям, храбрость [4].

Для творчества писателей этой тематической линии свойственно обращение к мотивам народных сказок о детях-сиротах или оставшихся на время одними. Например, литературная обработка сказки «Три медведя» Л. Н. Толстого [10]. Попав в жилище медведей, девочка ориентируется в незнакомом ей доме, ест, отдыхает, а когда сталкивается с хозяевами, не теряется и ловко выпрыгивает в окно. Как точно подчеркнула С. А. Николаева, Л. Н. Толстой «важно было показать, что крестьянский ребенок в экстремальной ситуации смел, ловок, решителен. И писатель делает это при помощи синтеза сказочного сюжета ... и реальных, близких к жизни деталей» [1, с. 209]. По сути, Л. Н. Толстой закладывает традицию сочетания поэтики сказки и психологической прозы в изображении крестьянских детей.

Развитие этой традиции в XX веке связано с писателями-деревенщиками. Примерно за десять лет до создания «Васюткиного озера» была опубликована сказка-быль М. Пришвина «Кладовая солнца» (1945) [7], в которой дети-сироты пошли через лес на болото за ягодой и заблудились. Типологическое сходство героев (крестьянских детей) у писателей реалистов XIX – XX веков (Н. Некрасова, Л. Толстого, М. Пришвина, В. Астафьева, др.) очевидно и подчеркнуто однотипными деталями, например, ношением «взрослой», не по росту большой одежды (или других предметов, принадлежащих родителям – корзины, ружья и пр.). С одной стороны, это просто отражение бедности крестьянской жизни, с другой стороны, бытовая деталь метафорически означает преемственность между поколениями – с одеждой родителя или другого старшего из семьи как бы усваиваются и нравственные установки, и знание о мире и людях.

Ранняя самостоятельность в крестьянских детях обусловлена не столько трагически вынужденным выходом во взрослую жизнь (смерть родителей в сказке-были М. Пришвина), сколько органичным существованием с коллективом, сохранением семейно-родовых и общинных связей. От родителей и соседей дети черпают вековую мудрость, знания об окружающем мире, которые и приходят им на выручку в трудную минуту. Детский крестьянский труд, в отличие от работы в городских условиях, не калечит, не убивает; он посилен, естественен, созидателен, а потому формирует духовную и нравственную сферу личности.

Сближает произведения Л. Толстого, М. Пришвина и В. Астафьева и использование сюжетного мотива блуждания в лесу. Крестьянский ребенок, преодолевая трудности, ожидающе его в лесу, взрослеет; через тяжелый поиск верного пути (домой) он утверждает в ценности нравственных законов, а его способности (достойно пройти испытания, ориентироваться в пространстве, трудиться, выживать в природном мире) обусловлены воспитанием.

В. Астафьев в «Васюткином озере» развивает заложенные в литературе традиции, соединяя поэтику сказочной, психологической, нравоучительной и просветительской литературы. В рассказе передаются все нюансы переживаний мальчика – изумления, страха, отчаяния, появления надежды, радости спасения, гордости. Сюжет блуждания в лесу Астафьев (как и М. Пришвин) использует для ознакомления юных читателей с природоведческой и инструктирующей информацией (по каким приметам ориентироваться в лесу, каким правилам следовать, какой должна быть последовательность действий у заблудившегося человека и т.д.).

Наконец, из приключений Васютки читатели-дети должны извлечь урок, потому что рассказанная история – не сказка, в которой герою помогают волшебные помощники; она могла закончиться трагично (у мальчика заканчивались спички, без которых он мог замерзнуть, умереть с голоду, не успев дойти до людей). Спаситель помогают знания правил поведения в дикой природе, осторожность, собранность. В. Астафьев (как Л. Толстой и М. Пришвин) не идеализирует крестьянского ребенка, но

⁷ Во второй половине XX века традиции изображения крестьянского ребенка в городе продолжает В. Распутин в рассказе «Уроки французского». Подробный анализ преемственности В. Распутиным литературных традиций второй половины XIX века см. [6].

выражает уважительное отношение к нему, высоко ценит в нём способность к обучению, храбрость, готовность справляться с трудностями.

Отдельно отметим значимость натурфилософской составляющей этой литературы: жестокий мир тайги оказывается менее страшным, чем городской мир в произведениях бытописателей-урбанистов (ср. чеховский рассказ «Спать хочется» или «Встряска» М. Горького). Природа не уничтожает без надобности, не знает жестокости ради жестокости. Парадоксально, но она гуманнее людей, в ней огромные охранительные силы: накормить, напоить, укрыть от опасности. Жизнь и воспитание ребенка на земле и в гармонии с природным миром осмысливается как правильные, естественные, а потому закладывающие прочные нравственные ориентиры.

Проведенное исследование не меняет общего представления о проблематике онтологической деревенской прозы писателя, но позволяет оценить его вклад в развитие фольклорно-литературных традиций изображения крестьянского ребенка.

Литература

1. Арзамасцева, И. Н., Николаева С. А. Детская литература: учебник для вузов. 5-е изд., испр. М.: Академия, 2008. 471 с.
2. Астафьев В. Васюткино озеро // Астафьев В. Конь с розовой гривой: рассказы. М.: Детская литература, 2001. С. 5-45.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940.
4. Коровина В. Я., Журавлев В. П., Коровин В. И. Литература: учебник для общеобразовательных организаций. В 2-х частях. Ч. 2. 5-е изд. М.: Просвещение, 2015. 304 с.
5. Полева Е. А. Детская литература: Учебно-методическое пособие. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2013. 144 с.
6. Полева Е. А. «Уроки французского» В. Распутина в контексте традиций литературы второй половины XIX века о детях // Творческая личность Валентина Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение: сб. науч. тр. / под. ред. И. И. Плехановой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 212-220.
7. Пришвин М. М. Кладовая солнца. М.: Детская литература, 2001.
8. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
9. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Книга по требованию, 2011. 349 с. URL: http://www.pseudology.org/Literature/Propp_IstKorniVolshebSkazki2.pdf (дата обращения: 10.11.2017).
10. Толстой Л. Н. Три медведя. URL: <https://zooclub.ru/skazki/tri-medvedya.shtml> (дата обращения: 10.11.2017).

THE STORY BY VICTOR ASTAFYEV “VASYUTKA’S LAKE” IN THE CONTEXT OF FOLKLORE AND LITERARY TRADITION

Elena A. Poleva

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor
Tomsk State Pedagogical University
60 Kiyevskaya St., Tomsk, 634061 Russia

In the article, it is proved that the fantastic plot of initiations is at the base of the story by Victor Astafyev “Vasyutka’s lake”. The semantics of motives of absence from the house, wandering in wood and returning home in the story corresponds to the folklore invariant. While the poetics of the story plot by Victor Astafyev refers to a fairy tale, the narrative techniques and ways to show the private world of a child from a rural family refer to the realistic prose of the end of 19th century – beginning of the 20th century about children. The comparative analysis confirms the typological generality of principles of a rural child image in works by Leo Tolstoy, Nikolay Nekrasov, Mikhail Prishvin, and Victor Astafyev. Authors of different epoch express admiration for rural children whose personal qualities (diligence, sharpness, bravery) are formed through dialogue with nature and learning popular wisdom.

Keywords: V. Astafyev, literature of Siberia, folklore motives, literary traditions, children literature.

ИДЕЯ РАЗДРОБЛЕННОСТИ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»

© Рудова Оксана Степановна

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: shitina87@mail.ru

© Башкеева Вера Викторовна

доктор филологических наук, профессор
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: oaelun@mail.ru

В данной статье представлен взгляд на роман В. В. Набокова «Приглашение на казнь» в контексте эстетики модернизма. Идея раздробленности признается потенциально значимой для понимания произведения. По мнению авторов, эта идея реализуется через разноплановые оппозиции, скрытые в сложной архитектонике романа. Каждой оппозиции присваивается условная номинация. Внешне противопоставленные элементы характеризуются скрытым смысловым единством. Такая точка зрения позволяет оценить произведение как не только стилистически выверенное, но и философски многоплановое. Детальный анализ элементов романа, предлагаемый авторами, нацелен на постижение его сложного смыслового наполнения и базируется на общих представлениях об эстетике модернизма. Транслируемая модель анализа может быть применима к другим произведениям рассматриваемой эпохи.

Ключевые слова: модернизм, раздробленность, оппозиция, В. В. Набоков, мотив двойничества.

«Приглашение на казнь» (1936) В. В. Набокова является одним из самых сложных произведений XX века. Роман-метафора – так обозначили это произведение многие литературоведы. В своей рецензии на произведение П. Бицилли подметил: «Всякое искусство, как и вся культура вообще, – результат усилия *освободиться* от действительности и, пользуясь все же эмпирической данностью как *материалом*, переработать ее так, чтобы прикоснуться к другому, идеальному, миру» [1, с. 143]. Но любую метафоричность всегда хочется понять, раскрыть. Результативно, на наш взгляд, рассматривать данное произведение именно в контексте эстетики модернизма. Писатели начала XX века стремились создать новые художественные формы, отвечающие духовной ситуации времени. Преобразования коснулись в первую очередь стиля. Х. Ортега-и-Гассет обозначил это так: «Стилизовать - значит деформировать реальное, дереализовать» [5, с. 237]. «Модернизм есть особая психотехника, посредством которой художник стремится преодолеть последствия омертвления культуры, замыкаясь в пределах своей профессии», - таковы философские истоки метода по мнению М. Лифшица [2]. В предлагаемой работе мы хотели бы обратить внимание на ключевые, на наш взгляд, моменты архитектоники произведения, которые играют важную роль в понимании романа.

В основе романного построения лежат различного рода оппозиции, которые по-разному проявляют себя. Среди них мы выделяем следующие:

1. Внешняя оппозиция «Герой - Общество». Главный герой, Цинциннат Ц., находится в конфликте с внешним миром, с другими героями. Эту оппозицию можно обозначить как внешнее противостояние духовно богатой личности миру близких людей. Этот мир победил и заключил героя в тюрьму. «Я покоряюсь вам» [3, с. 22], - говорит Цинциннат, осужденный за «непроницаемость», индивидуальность. Мир людей романа «Приглашение на казнь» безлик и одновременно театрален. Это «призраки, оборотни, пародии» [3, с. 22], в которых не только нет души, но и постоянной оболочки, о чем свидетельствует тот факт, что на протяжении всего действия приходится наблюдать многочисленные преобразования тюремщика Родиона в директора тюрьмы Родрига Ивановича и наоборот: «Когда он взглянул опять, директор стоял к нему спиной посредине камеры. На стуле всё ещё валялись кожаный фартук и рыжая борода, оставленные, по-видимому, Родионом» [3, с. 39]. Но если служащих тюрьмы взгляд героя способен различить и через маску, то жители города являют собой абсолютно безликую массу: «Он видел их напряженные лбы, он видел ярко-цветные панталоны щеголей,

ручные зеркала и переливчатые шали щеголих, - но лица были неясны» [3, с. 11]. Пестрота красок – единственный атрибут толпы.

2. Внутренняя оппозиция образов «Я – Двойник», которая реализуется в романе через мотив двойничества. Это иллюстрирует и упомянутое выше преобразование тюремщика в директора тюрьмы, которое указывает на отсутствие индивидуального, размытость границ условной личности. Применительно к образу Марфиньки мотив двойничества раскрывает демоническое начало, указывает на смещение нравственной парадигмы. Особо отчетливо это прослеживается в рассказе Цинцинната об ужинах с любовниками жены: «Вечная пытка: говорить за обедом с тем или другим ее любовником, казаться веселым, шелкать орехи, приговаривать, – смертельно бояться нагнуться, чтобы случайно под столом не увидеть нижней части чудовища, верхняя часть которого, вполне благообразная, представляет собою молодую женщину и молодого мужчину, спокойно питающихся и болтающих, – а нижняя часть – это четырехное нечто, свивающееся, бешеное...» [3, с. 35]. Примечательно, что и речь героини иллюстрирует двойственное начало образа: «Марфинька потом о себе говаривала (в этом же самом множественном числе): «Нам очень стыдно, что нас видели» [3, с. 36].

3. Метафизическая оппозиция главного героя «Внешнее - Внутреннее». Двойственность образа главного героя намного сложнее. Внешне она проявляется в том, что герой осознает себя существом слабым, проигравшим этому миру кукол, покоряющимся ему, и в то же время он способен противостоять своим обидчикам, выдвигать требования: «Я хочу знать – когда – вот почему: смертный приговор возмещается точным знанием смертного часа. Роскошь большая, но заслуженная» [3, с. 8]. Но первостепенным в понимании образа является наличие «добавочного Цинцинната» [3, с. 7], который способен мысленно крушить пространство камеры, топтать ногами, в то время как его оболочка внешне выглядит спокойной. Именно такая сложная модель образа лежит в основе самоидентификации личности Цинцинната на экзистенциальном уровне: «Я, который должен пройти через сверхмучительное испытание ... Я не простой... я тот, который жив среди вас...» [3, с. 29]. Как видим, мотив двойничества здесь нацелен на раскрытие психологизма образа, обострение чувства личности.

4. Идеиная оппозиция «Духовное – Телесное». Присутствие в кошмарном иллюзорном мире заставляет героя на протяжении всего повествования искать опору, доказывать свое существование. Прием остранения, используемый В. В. Набоковым, направлен на создание телесности образа, возведение его материальной природы в оппозицию к миру людей-призраков: «Цинциннат был такой маленький и узкий, что ему удалось целиком поместиться в лохани <...> Обтираясь, он боролся с головокружением, с сердечной истомой» [3, с. 36]. Примечательно, что подобные эпизоды в романе следуют за фрагментами, повествующими о переживаниях героя. Такая смена картин действия постепенно приводит Цинцинната к заключению: «Я есмь!» [3, с. 50], которое воспринимается героем как доказательство собственной неделимости, целостности, одухотворенности. Однако это открытие парадоксально влечёт за собой осознание собственной несвободы, телесной: «... само строение его грудной клетки казалось успехом мимикрии, ибо оно выражало решетчатую сущность его среды, его темницы» [3, с. 36]. Борьбу с ней ведет «добавочный Цинциннат» [3, с. 7], упражняя свою фантазию в освобождении от тленной оболочки: «Снял бедра, снял ноги, снял и бросил руки, как рукавицы, в угол. То, что оставалось от него, постепенно рассеялось, едва окрасив воздух» [3, с. 18].

5. Временная оппозиция «Там – Здесь». Фактическое время действия определить невозможно даже на уровне момента: «вмешались часы, пробили одиннадцать, подумали и пробили еще один раз» [3, с. 10], «часы пробили неизвестно к чему относившуюся половину» [3, с. 12]. Такое нарушение логики в течении времени обусловлено его искусственностью: часы в тюрьме представляют собой пустой циферблат, на котором «каждые полчаса сторож смывает старую стрелку и малюет новую, ... а звон производит часовой» [3, с. 77]. Время суток воспринимается героем как нечто объемное, а не последовательное: «кубическая сажень ночи» [3, с. 13]. Единственные временные границы допускаются на уровне абсолютной субъективации: *прошлое – Там, настоящее – Здесь*. Сознание героя воспринимает прошлое как идеальное, художественно совершенное: «Там, тамошние холмы, томление прудов, тамтатам далекого оркестра...» [3, с. 10]. Невозвратимая прекрасная пора жизни героя живописна и музыкальна. Настоящее же видится кошмарным и мучительным, воспринимается как пауза, перебой в жизни.

6. Сложная система пространственной оппозиции «Дом – Тюрьма».

Пространство романа фрагментарно и складывается из следующих элементов:

- тюрьма, в которой все условно («Каменные ступени были склизки и узки, с неосязаемой спиралью призрачных перил» [3, с. 9]);

- камера Цинцинната являет собой ужасающее пространство, не столько созданное с целью ограничения героя, сколько направленное на его подчинение наскоро сотворенному кукольному миру, где

всё неправильно уже на уровне замысла: «Голо, грозно и холодно было в этом помещении, где свойство «тюремности» подавлялось бесстрашием – канцелярской, больничной или какой-то другой – комнаты для ожидающих...» [3, с. 68].

- город - условная оппозиция тюрьме, на самом деле являет собой все ту же тюрьму, но большего масштаба, поскольку связь с внешним миром давно потеряна, о чем свидетельствует образ старого самолета, который иногда по праздникам поднимали в небо, «главным образом для развлечения калек» [3, с. 24]. Рассказы о том, что когда-то давно купцы летали на нем в Китай, воспринимаются как легенда.

Дом Цинцинната изображен как существо живое, память героя одухотворяет место, наделяя его человеческими чертами: «только по выражению теней, *по складке на переносице* между окон Цинциннат и узнал свой дом. <...> Дети, должно быть, спали на *горбоносом балконе*» [3, с. 10].

Тамарины Сады являются символом далекого счастья, их восприятие героем, почти телесное, наделяет интимностью: «Изредка наплыв благоухания говорил о близости Тамариновых Садов. Как он знал эти сады!» [3, с. 10]. Искаженное изображение этой местности на витрине в тюрьме иллюстрирует невозвратимость прекрасного прошлого: «И все это было как-то не свежо, ветхо, покрыто пылью...» [3, с. 43].

7. Смысловая оппозиция «Данное – Отраженное». Ключевым в понимании онтологии романа «Приглашение на казнь» является мотив зеркала. Зеркальная оппозиция прослеживается на разных уровнях поэтики произведения, о чем свидетельствуют несколько моментов. Во-первых, это прозрачность окружающих Цинцинната людей, двойственность образов. Во-вторых, моделирование театрализованного, наспех сколоченного пространства, в котором потустороннее, иллюзорное выходит на первый план, побеждая бытийность. В-третьих, присутствие образа зеркала как предмета не только искажающего, но и способного придать вещам их истинный облик, о чем свидетельствует рассказ Цицилии Ц. о «нетках» - нелепых предметах, сущность которых способна предстать только через кривое зеркало: «Можно было – на заказ – даже собственный портрет, то есть вам давали какую-то кошмарную кашу, а это и были вы, но ключ от вас был у зеркала» [3, с. 78]. В-четвертых, тень как особая форма отражения предмета. Она не только составляет проекцию образа в иллюзорном пространстве, но и делает предмет отделимым от него: «только по выражению теней <...> Цинциннат узнал свой дом» [3, с. 10]. В мире одинаковых явлений и взаимопроникающих образов «Приглашения на казнь» именно тень является показателем изначальной, метафизической природы предмета как присутствующий во всем потенциал смерти, неслучайно Пьер подмечает тень на шее Цинцинната. При этом смерть трактуется как состояние переходное, а не конечное. Такой подход просматривается уже в эпиграфе «Приглашения на казнь»: «Подобно тому как глупец полагает себя богом, мы считаем, что смертны. Делаланд «Разговоры теней» [3, с. 5].

Связующим звеном фрагментарного романного повествования становится взгляд главного героя, сквозь призму которого изображён мир «Приглашения на казнь». Следует отметить театральную природу фантазии Цинцинната, которая любое вымышленное взаимодействие с другими героями преобразует в акт искусства. «Спустя некоторое время тюремщик Родион вошел и ему предложил тур вальса. Цинциннат согласился» [3, с. 6], – такое видение посещает героя в момент обморока; «Родион баритонным басом пел, играя глазами и размахивая пустой кружкой» [3, с. 16], – фантазирует герой во второй главе. Эмочку фантазия наделяет «балеринными икрами» [3, с. 25], футляр Пьера, в котором притаился до времени топор, воспринимается как «большой продолговатый футляр вроде как для тромбона» [3, с. 33]. Как видим, театрализация, принадлежащая сознанию героя, представляется актом более эстетизированным и привлекательным, нежели то сумбурное взаимодействие кукол-героев, которое царит в условном мире романа.

Именно наличие сложных, разноплановых оппозиций выстраивает фрагментарность романа, которая накладывается на все его составляющие. Раздроблен мир, раздроблены образы: «Цинциннат <...> очутился в небольшом дворе, полном *разных частей разобранной луны*» [3, с. 9]. Искусственный, театральный мир «Приглашения на казнь» выстраивается из алогизмов. Самый яркий тому пример – свод правил для заключенных, одно из которых, к примеру, гласит: «Дирекция ни в коем случае не отвечает за пропажу вещей, равно как и самого заключенного» [3, с. 27].

Фабульная раздробленность «Приглашения на казнь» парадоксальным образом работает на смысловое единство произведения. В театральном мире повествования смерть воспринимается как кульминационный момент – Родриг Иванович называет ее бенефисом Цинцинната. Тот факт, что момент казни является завершающим действием романа, позволяет говорить о том, что Набоков подчиняет композицию романа идее смещенности пространства и действия. Неслучайно свидание с родственниками, о котором повествуется в IX главе, можно принять за похороны героя, опередившие саму

смерть, ведь к Цинциннату пришли не только все родственники, но и «мебель, утварь, даже отдельные части стен» [3, с. 56], чтобы попрощаться. В этом моменте присутствует символика смерти: один из братьев Марфиньки «на рукаве устроил себе креповую повязку, и лоя взгляд Цинцинната, указывал на нее пальцем» [3, с. 58], другой пропел вполголоса начало арии Евгения Онегина, которая должна продолжиться словами: «Какое низкое коварство полуживого забавлять» [4, с. 319]; черная кошка, которую испугался адвокат, обнаруживается после ухода гостей мертвой, «плоско лежавшей под стулом» [3, с. 61]. И эта её плоскость дает отсылку к наблюдению Цинцинната о смерти как явлении узком: «Он держал руки в карманах узких, как смерть, штанов» [3, с. 30]. Так постепенно главный герой освобождается от жизни, которая афористически названа Пьером врачебной тайной, спасается от ее однозначности. Сонное, полубморочное состояние, которое трактуется как «полудействительность, обещание действительности, ее преддверие и дуновение» [3, с. 52], покидает героя в момент гибели материальной оболочки его души, когда действительность настигает Цинцинната. Так из парадокса действия романа возникает истинная концепция жизни, познание которой допустимо только в отрыве от всего материального, телесного.

Выше обозначенные оппозиции раскрывают фрагментарную природу «Приглашения на казнь», которая лежит в основе смыслового наполнения романа. Именно на основе такой сложной системы взаимодействия разрозненных элементов повествования складывается идейная когерентность произведения, которая разрушает главную философскую оппозицию всех времен «жизнь - смерть» в духе модернизма, предложившего трактовку смерти как освобождения из тюрьмы жизни. Так многопланово реализуется Набоковым модернистская идея раздробленности.

Литература

1. Бицилли П. Рецензия на роман «Приглашение на казнь» // Бицилли П. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / под общей ред. И. Г. Мельникова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С.141-144.

2. Лившиц М. Модернизм. URL: http://philofiot.narod.ru/Lifshich_Modernism.htm (дата обращения: 14.11.17)

3. Набоков В. В. Собр. соч. в 4 т. М.: Правда, 1990. Т.4. 478с.

4. Пушкин А. С. «Евгений Онегин» // А. С. Пушкин. Избранное / Под общей ред. Д. Д. Благого. М.: Детская лит., 1976. 734 с.

5. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г. М. Фридендера; Сост. В. Е. Багно. М.: Искусство, 1991. С. 218-260.

THE IDEA OF FRAGMENTATION IN NOVEL BY V. V. NABOKOV "INVITATION TO A BEHEADING"

Oksana S. Rudova

Postgraduate student of Department of Russian and foreign literature
Buryat State University
24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Vera V. Bashkeeva

Doctor of Sciences in Philology, Professor
Buryat State University
24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

This article presents a look at the novel of Vladimir Nabokov "Invitation for beheading" in the context of the aesthetics of modernism. The idea of fragmentation is recognized potentially significant for the understanding of the work. According to the authors, this idea is implemented through a diverse opposition, hidden in the complex architectonics of the novel. Each opposition is assigned a conditional nomination. Apparently opposed elements are characterized by latent semantic unity. This view allows you to evaluate the product as not only stylistically, but also philosophically multifaceted. A detailed analysis of the elements of the novel, proposed by the authors, aimed at the comprehension of its complex semantic content and is based on shared views about the aesthetics of modernism. Broadcast model of analysis can be applied to other works of this period.

Key words: modernism, fragmentation, opposition, Vladimir Nabokov, the motive of duplicity.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАГИЧЕСКИХ НАЧАЛ ОДНОАКТНОЙ ПЬЕСЫ ТУВИНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ XX в.

© Херел Алимаа Хензиг-ооловна

научный сотрудник ГБНУ МОиН РТ

«Институт развития национальной школы»

Россия, 667001, г. Кызыл, ул. Калинина 16.

E-mail: herel.alimaa@mail.ru

Данная статья рассматривает проблемы становления тувинской драматургии с одноактных пьес, в которых зародились истоки реалистического драматического искусства Тувы.

Ключевые слова: реализм, трагизм, поэтика, эстетика, фольклор.

В 1937 г. в свет выходит одноактная пьеса “Эки хүн” («Добрый день») В. Көк-оола, основанная на фольклорных мотивах. В ней классически изображены три главных героя-бедняка: Чечен с сестрой Дарый и Мерген, любимый человек сестры, которые живут в лесу и занимаются охотой. В фольклоре тувинского народа, как у всех кочевых народов Сибири и Севера, популярным жанром являются циклы так называемых охотничьих рассказов, часто выросших из бытующих в народе устных баек, легенд и сказок, передававшихся из поколения в поколение. Охотничьи легенды в фольклоре – это как правила легенды, показывающие мечту арата о богатой добыче, которая приносит достаток. Однако в основном подобные «байки» создаются самими писателями и отражают реальный быт и жизнь людей, живущих в тайге, степи, тундре – быт пастухов, скотоводов, охотников.

Сюжет пьесы “Эки хүн” («Добрый день») предельно прост и по своему содержанию близок повседневному быту тувинца – охотника: охотник отправляется в тайгу, на привалах он так искусно поет и играет на чадагане и игиле (народные струнные музыкальные инструменты), что красавица – хозяйка тайги, замороженная его игрой, решает увести его в свое стойбище. Только через многие годы охотник, как и сказочный герой, с богатой добычей возвращается в свой аал. В отдельных вариантах легенды хозяйка тайги, очарованная искусством игры охотника, посылает к нему в награду много зверей. Драматургу нужна была поэтика сказочного и чудесного этих легенд. Идеализируя мечту о прекрасной жизни, тувинский народ создавал фольклорный образ прекрасного охотника, всегда красивого, сильного, ловкого, смелого человека. В восхвалении охотника гиперболизируются все его качества: «сокровища выше плеча, богатства (скот) выше головы». Высшим идеалом такого героя в народном эпосе всегда был человек мирный, любимым занятием которого была охота. Такая типизация мифологического образа охотника в тувинском эпосе распространяется и на образы мифических существ и образы героев, окружающих и хаана-захватчика.

В пьесе, развивающейся по фольклорным канонам, писатель ставит проблемы социального и нравственного характера реальной жизни. Недалеко от главных героев находятся владения богача Орлан-хаана, который решил завладеть Дарый, а Чечена и Мергена превратить в своих послушных рабов. И вскоре Орлан-хаан является к ним со своим войском. Когда Чечена не удастся убить, пришедший в ярость хаан-богач приказывает воинам привязать его друга бедняка Мергена к дереву на растерзание хищным зверям, а самого Чечена и его сестру Дарый увести в свой аал, где они подвергаются унижениям и оскорблениям.

Сюжет пьесы во многом воссоздает легендарное содержание, в то же время социально выраженные конфликты («бедный», «богатый», унижения богатыми бедных и др.) приближают содержание пьесы к показу реальной жизни тувинца того времени. В пьесе «Добрый день» не только изображается произвол, своеволие феодального правителя, но и реализуется идея борьбы против деспотизма власти. Охотнику Мергену удается поразить стрелой Орлан-хаана и тот замертво падает, что и становится кульминацией пьесы, при этом автор использует фольклорное поэтическое описание этого события, а также образные благопожелания Мергена, обращенные к любимой:

Ты была моими глазами, и головой моей,

Сердцем моим, единственная, Дарый! *(здесь и далее перевод наш - А. Х.).* [1, с. 4].

Благопожелания близки текстам эпических повествований, в основном они включаются в фольклоре в речи самих персонажей. Так, привязанный к дереву Мерген произносит монолог, близкий по поэтике эпическому благопожеланию:

Печень моя, кроветворящая, пусть станет священной горой
Любящее сердце мое пусть останется таким же,
Чтобы жить в вечных просторах этой тайги!
Крепкие кости мои пусть будут надежной опорой горы Сумбер-Уула
Чтобы жить среди священного молочного моря тайги.
Глаза мои пусть станут, как две птицы, кум-сум
Между двух святых деревьев Сандана! [1, с. 5].

В монологе благопожелания Мергена аллегория, богатая глубоким смыслом, передается с помощью этнобытовых реалий, поэтически образных и красочных, обладающих глубоким подтекстом, узнаваемых простым тувинцем.

Диалоги и монологи также близки к эстетике фольклора. В пьесе Орлан-хаан говорит Дарью: «Если меня будут спрашивать, скажи, что я ушел в сторону реки Каргыраа-Карангыт, Коргураа-Корангыт» – то есть к какой-то сказочной, не существующей на самом деле реке. Образы героев пьесы ориентированы на сказочные – особенно образ Орлан-хаана, который, как и «классический» сказочный богач, показан злым, жестоким. При этом автор вполне реалистично описывает его социальное лицо: Орлан-хаан владеет большим количеством скота и всевозможных богатств.

Несмотря на то, что в пьесе присутствует сказочная условность, произведение реалистично раскрывает социальные противоречия между богатыми и бедными, и поэтому события, изображенные в «Добром дне», узнаваемы как явления дореволюционной жизни тувинского общества и воспринимаются зрителем, как и все одноактные пьесы автора, активно (известно, что зрители на спектаклях по ходу действия пьесы выражали бурно свое отношение к происходящему).

Реалистично близок изображению человека с богатым духовным миром, показанным в разных аспектах жизни, женский характер пьесы – Дарья, что проявляется в ее отношении к родному брату, к ненавистному Орлан-хаану, к любимому Мергену. «Я без тебя, как на острие ножа, как на тонкой веревке, могущей оборваться, милый» [1, с. 6]. Благопожелания Мергена по фольклорному цветисты, аллегоричны, эмоциональны, их цель – добиваться справедливости. Его любимая обращается к нему тоже по-народному образно, но в то же время по-человечески женственно, сравнивая свое состояние без него с безысходностью («острие ножа», «тонкая веревка», которая может оборваться в любой момент).

В архаичных сюжетных вариантах эпоса южносибирских народов нашли отражение более поздние пласты, относящиеся к феодальной эпохе. Так, в сибирской эпической традиции имеются сюжеты борьбы богатыря с хаанами-завоевателями, напавшими на его родину с целью захвата его и подданных. Защита своей страны от грабителей, освобождение подданных, угнанных на чужбину, протест против насилия – все эти мотивы нашли свое воплощение в богатырских поэмах тюрко-монгольских народов Сибири. Битва с врагом-захватчиком является центральным эпизодом, изображающим героические качества богатыря. Однако по сравнению с эпосом феодального периода, богатырь все чаще одолевает своих врагов в честном поединке, благодаря своей физической мощи, магическим способностям и др.

В пьесе описывается подготовка к рукопашной борьбе воина-солдата Орлан-хаана с Мергеном. При переводе на русский язык нам не удалось полно передать национальный колорит речи, метафорический, образный строй тувинского языка с его своеобразным обозначением понятий, значений, представлений, выраженных аллегорически выразительно, понятных только тувинцу. Тонкие переливы этой речи экспрессивны и помогают автору глубоко проникнуть во внутренний мир Мергена, любимого Дарьей, а также солдата Орлан-хаана, показывая их, как можно реальнее, в их мыслях и поступках.

Приведем этот эпизод. Воин Орлан-хаана: «”Во всей Вселенной существо с щеками, и губами, не давшее себя переспорить, существо, не давшее себя положить на лопатки, существо с сильной грудью, не давшее себе пересилить – это я, силач-мужчина Орлан-Хаана. Если ты смел, давай поборемся. Давай бороться двумя голыми (красными) руками, матерью рожденными, лук, стрелу отдав рядом стоявшему человеку, передний подол халата (тона) крест-накрест подобрав, задний подол тоже крест-накрест подобрав, сняв рукава, завязав их на поясе качая мускулы груди”, – стоял он, красуясь» [1, с. 11].

Мерген: «Если он силач, то я тоже не могу быть не сильным, у меня тоже есть силы. У меня тоже есть силы, и поэтому лук, стрелу отдав рядом стоявшему Чечену, передний подол халата (тона)

крест-накрест подобрав, задний подол тоже крест-накрест подобрав, сняв рукава, завязав их на поясе, качая мускулы груди, укрепил мышцы. Если ты смел, делай ход, давай поборемся. Давай бороться двумя голыми (красными) руками, матерью рожденными, я против хаана пошел, и если ты со мной тоже идешь воевать, давай бороться как равные» [1, с. 12].

В этом эпизоде ощутим стиль народной поэзии, присущий устным традициям. Устойчивые поэтико-стилевые приемы, отличаясь обобщенностью выражений, все же подчеркивают индивидуальную особенность каждого из героев и творческий подход автора к их изображению: автор изображает силу воина Орлан-хаана в могуществе и преимуществе его мускул и плеч, при этом сила Мергена, простого арата-тувинца тоже социально выражена – борьба только тогда справедлива и имеет свое значение, когда она происходит между равными силами.

В развязке пьесы, как и во многих жанрах фольклора, предполагается счастливый конец. В конце пьесы помещен диалог Чечен, Дарый и Мерген:

«Ч е ч е н: Ну, мои родные, все уже позади, идите по белой дороге, занимайтесь любимым делом.

М е р г е н: Спасибо!

Ч е ч е н: Действительно, перед нами белая дорога, живите счастливо, а я вместе с вами буду всегда.

М е р г е н: Пришел к нам солнечный добрый день, теперь нас никто не может обидеть «Эки эки хүн, Эки үе! - Добрый день, Доброе время! [1, с. 14].

В этой пьесе, как и в других, создаваемых автором одноактных пьесах, активно используются символические образы, приемы фольклорной поэтики: герои пьесы, как и герои тувинских богатырских сказаний, искусно владеют луком и стрелами с железными наконечниками. Для подчеркивания физической силы героя Мергена и воина Орлан-хаана, их боевого состояния, автор не случайно описывает как атрибуты воина, так и батрака-бедняка. Функции лука и стрелы в пьесе рассматриваются как атрибуты сражений и как средство добывания пищи, одновременно их функция это изображение доблести.

Одноактная пьеса «Добрый день» В. Көк-оола явилась заметным шагом молодой тувинской драматургии в ее развитии по пути реализма с сохранением при этом легендарной основы сюжета, его элементов, приемов изображения героев. Автор продолжает использовать фольклорные приемы и способы изображения. Но при этом, не выходя из стихии мифопоэтической эстетики, Көк-оол обогащает содержание пьесы социальными проблемами реальной жизни дореволюционной Тувы, приобщение к которым зрителей было важно для Көк-оола, поскольку народное сознание еще жило в народно-поэтической стихии и вопросы доступности и узнаваемости происходящего на сцене, а следовательно и в жизни, имели особую актуальность. Пьеса «Добрый день» впоследствии не подвергалась художественной доработке и постепенно сошла со сцены в начале второй половины XX века.

Литература

1. Көк-оол. Ekki хүн: us cuui korgyzyq // Көк-оол. Sii nomu: pir tugaar tepter. Кызыл. 1937. Ар. 15 - 35.

FEATURES OF FORMATION OF THE TRAGIC BEGINNINGS OF THE ONE-ACT PLAY OF THE TUVA DRAMATIC ART OF THE XX CENTURY

Alimaa Kh. Herel

The research associate of «Institute of Development of National School»
1b Kalinin St., Kyzyl, 667001 Russia

This article considers problems of formation of the Tuva dramatic art from one-act plays in which sources of realistic drama art of Tuva arose.

Key words: realism, tragic, element, poetics, esthetics, folklore.

МИФОПОЭТИКА РОМАНА А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

© Хун Синь

магистрант факультета русского языка
 Шанхайский университет иностранных языков
 Китай, 201620, г. Шанхай, ул. Вэньсян, 1550
 E-mail: 1013759145@qq.com

В статье рассмотрена мифопоэтика романа Андрея Белого «Петербург», в котором использовано много мифологических метафор, имеющих богатое и своеобразное значение. Выявлено, что писатель создает необычный художественный мир в плане структуры романа, описания образов персонажей, выражения авторских мыслей путем осмысления символических образов греческой и римской мифологии, а также библейских сюжетов.

Ключевые слова: мифопоэтика, А. Белый, «Петербург», символ.

Во многих произведениях XX в. обнаруживается влияние мифа. Миф выступает как прием, становится «формой» воплощения авторского замысла. В данной работе с точки зрения мифопоэтики будут рассмотрены образы и мотивы романа А. Белого «Петербург».

Очевидно, что автор изображает не реальность, а мир души, поэтому пространство в романе имеет субъективный характер. Белый писал: «каждая праздная мысль развивалась упорно в пространственно-временной образ» [1, с. 48]. Однако помимо иррационального пространства, писатель показал нам и пространство историческое.

Реформы Петра Великого открыли новую страницу в истории России, начался процесс европеизации во всех сферах российского общества. С течением времени конфликт между западной культурой и традиционной русской культурой становится все более очевидным. Все это, наконец, привело к долгому спору между западниками и славянофилами. «Петербург» Белого поднимает тему противопоставления «Востока» и «Запада». Так, описывая внешность Николая Аполлоновича, Белый упоминает, что «Николай Аполлонович был перед нами в татарской ермолке; но сними ее он, – предстала бы шапка бело-льняных волос» [1, с. 60]. Оттенок волос героя указывает на его западное происхождение. Таким образом, портрет героя напоминает нам миф о боге Янусе, у которого два лица, обращенные в противоположные стороны, а сам персонаж становится своего рода пространственным «центром» романа.

Время в «Петербурге» также нелинейное, мифологизированное. Автор сосредотачивает внимание на внутреннем, психологическом времени персонажа, подчиненном циклическим моделям. Символом «внешнего» времени является прямолинейный Невский проспект, который напоминает Аполлону Аполлоновичу Аблеухову о «течении времени между двух жизненных точек» [1, с. 31]. Он смотрит на это течение, на дома и храмы, а сознание его тем временем переносится в далекое прошлое, во времена, когда город только начинал свою жизнь, а на его месте были болота.

По контрасту с «внешним» временем в романе показывается «застойное» время. Когда Аполлон Аполлонович входил в учреждение, в дверях он много раз видел, как засыпал восьмидесятилетний швейцар. Кажется, что в этом сне остановилось само время. «Застойное» время также проявляется в образах статуй, в частности, статуи каменного бородача.

В романе нашел свое отражение и эсхатологический миф, характерный для культуры рубежа веков. В «Петербурге» повествование ведется «вокруг» 1905 года: «И бурлила Нева, и кричала отчаянно там свистком загудевшего пароходика, разбивала свои водяные, стальные щиты о каменные быки; и лизала граниты; натиском холодных невских ветров срывала она картузы, зонты, плащи и фуражки. И повсюду в воздухе взвесилась бледно-серая гниль; и оттуда, в Неву, в бледно-серую гниль, мокрое изваяние Всадника со скалы все так же кидало тяжелую позеленевшую медь» [1, с. 63]. В этом отрывке окружающий мир зловещ, передано ощущение человека, испытывающего угнетение, давление. И подобный пейзаж частотен: «Так из финских болот город тебе покажет место своей безумной оседлости красным, красным пятном: и пятно то беззвучно издали зрится на темноцветной на ночи. Странствуя вдоль необъятной родины нашей, издали ты увидишь красной крови пятно, вставшее в темноцветную ночь; ты испуганно скажешь: «Не есть ли там местонахождение гееннского пекла?» [1, с. 65-66]. Город, расположенный на болотах, символизирует библейскую геенну, ад. Такая атмосфера создает ощущение конца света.

В романе эсхатологическим содержанием наполнен образ Медного всадника. Вячеслав Иванов сказал, что сам Андрей Белый считал главным действующим лицом романа Медного всадника [2, с. 621]. Два передних копыта его коня высоко поднимаются в темную пустоту – туда, где «будет прыжок над историей», где «великое будет волнение; рассеется земля; самые горы обрушатся от великого труса» [1, с. 126], два задних передних копыта «крепко внедрились в гранитную почву», после чего «надвое разделилась Россия; надвое разделились и самые судьбы отечества; надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа – Россия» [там же]. Символ «Медный всадник» как памятник истории свидетельствует о бывших событиях и предсказывает будущее, но и там, и там – только темнота и пустота. Именно Петр Первый принес в Россию пагубное влияние запада. Эсхатологический миф проявляется и в сюжете о бомбе в сардиннице. Если бомба взорвется, то все погибнет: «Птицы, звери, люди, история, мир – все рушится» [1, с. 293].

Мифологическая символика содержится в именах персонажей. Имя Аполлона Аполлоновича Аблеухова напоминает о боге солнца. В это имя вкладывается много смыслов. Во-первых, Аполлон является одним из основных божеств Олимпа. В тексте Аполлон Аполлонович действительно является высокопоставленным человеком, имеющим статус и власть. Аполлон, непрерывно раздающий указания, весьма соответствует образу античного стрелометателя, ведь от него «поступали проекты, поступали советы, поступали приказы» [1, с. 410]. Во-вторых, бог Аполлон представляет европейскую культуру, а фамилия «Аблеухов» имеет восточное происхождение, так как предок Аполлона «проживали в киргиз-кайсацкой орде» [1, с. 21]. Выходит, что в его имени мы видим явственное противопоставление «Запада» и «Востока».

Но затем писатель оговаривается, что ежедневный труд его героя не приносит пользу России, он как Сизиф, «по крутому подъему истории пять лет катил колесо безостановочно вверх» [1, с. 410]. Далее Белый наделяет образ Аполлона Аполлоновича иной символикой. «Ежедневно со стонами он кидался в карету цвета вороного крыла, в пальтеце цвета вороного крыла и в цилиндре – цвета воронова крыла; два вороногривых коня бледного уносили Плутона» [1, с. 410]. Здесь Аполлон превратился в Плутона, он едет к Тартару, где царит темнота. Образ Аполлона Аполлоновича меняется и становится все более слабым, что символизирует упадок государства.

Сын Аполлона Аполлоновича носит имя Николай, что привносит христианскую символику. Его прекрасное лицо подобно иконописному, но в зеркале отражается «неведомый, тоскующий демон пространства» [1, с. 62]. Для Софьи Николай является и богоподобным льдом, и безобразной лягушкой слякотью. Отсюда следует, что в Николае сталкиваются две противоположные силы – божественное и дьявольское. Каждое его появление вызывает у людей тревогу, его красное домино символизирует кровь и террор.

Софья Петровна Лихутина называется в романе «ангелом». Ангел в Библии представляет прекрасный, добрый образ, который должен быть рядом с Богом. Но у «ангела» А. Белого имеется крошечный лоб, который таит в себе «вулканы углубленнейших чувств». Если бы вулканы изверглись, то «все виды жестокостей, преступлений, падений, все виды неистовых бешенств» высыпали бы [1, с. 85]. То есть, образ Софьи таит в себе грех и святость одновременно. Когда Николай стоял у входа дома Софьи Петровны, его охватила тьма, которая «вероятно, бывает в первый миг после смерти, когда <...> в бездну тления рушится храм тела» [1, с. 71]. «Переступая смертный порог, так обратно кидаем мы тело в потемневшую и только что светом сиявшую бездну» [1, с. 73]. Так предсказывается, что любовь Николая и Софьи кончится ничем и что судьба Николая обернется трагедией.

Образ Петра Первого в романе также мифологизирован. Он связан с образом Летучего Голландца, корабля-призрака, вечно скитающегося по морю, обрекающего другие суда на гибель. В романе Петр Первый воздвиг Петербург, город-мираж

Отношения персонажей в романе пронизаны мифологическими аллюзиями. Так, сюжет Аблеухова-младшего и Аблеухова-старшего напоминает нам о часто встречающемся в мифах мотиве восстания сына против отца. В мифах Древней Греции глава богов первого поколения Уран был свергнут сыном Кроном. Отнявший у отца власть Крон впоследствии был свергнут своим сыном Зевсом. В этом З. Фрейд видел проявления Эдипова комплекса. По мнению Фрейда, такое явление можно возводить к соперничеству за любовь матери [3, с. 58]. Отношения романских персонажей имеют очевидный автобиографический оттенок, если учесть сложные отношения писателя с отцом. Чувство друг к другу между отцом и сыном Аблеуховыми очень непростые, оба они испытывают и ненависть, и любовь: Николай несмотря ни на что, уважает отца, а Аполлон Аполлонович тоже невольно вспоминает бывшее время, называя Николая «Коленькой». Конфликт между двумя поколениями символизирует социальные катаклизмы, восстание народа против прогнившего в своей основе строя.

Роман насыщен мифологическими образами: в доме Аблеухова белый алебастр Ниобеи символизирует горе; говоря о мыслях Николая, автор уподобит его эолову мешку, который разлетелся на множество частей; на улице запросто можно встретить «Геркулеса» и «Посейдона» и т. д.

Итак, символистский роман А. Белого насыщен мифологической образностью. Как отмечал Е. М. Мелетинский, «порождающая символизм тотальная семиотичность культуры является оборотной стороной мифологизма» [3, с. 278]. В «Петербурге» А. Белый воплощает катастрофический мир России начала XX столетия, обращаясь не к публицистичности и историзму, а к мифологической символике основных образов, мотивов и всего романного сюжета в целом.

Литература

1. Белый А. Петербург. М.: Эксмо, 2008.
2. Иванов В. И. Собр. соч.: в 4 т. Брюссель, 1987.
3. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.

A MYTHO-POETIC OF A. BELYIY'S NOVEL "PETERSBURG"

Hong Xin

undergraduate of the Russian department
Shanghai International Studies University
1550 Wenxiang Road, Shanghai 201620, China

The article pays attention to the characteristic of mythopoetic of Andrei Bely's novel "Petersburg", in which a large number of mythological metaphors have rich and unique meanings. We discovered that the writer creates an extraordinary world in the sphere of the structure of the novel, the description of the characters, the expression of thoughts by studying the symbolic images of Greek and Roman myths and the Bible in the novel "Petersburg".

Key words: mythopoetic, Andrei Bely, "Petersburg", symbol.

ГОРНЫЙ АЛТАЙ КАК СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ОКРАИНА В ОЧЕРКЕ Р. БИКМУХАМЕТОВА «ГЛАЗ КОНЯ»

© **Шастина Татьяна Петровна**

кандидат филологических наук, доцент

Горно-Алтайский государственный университет

649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1

В статье анализируется путевой очерк литературоведа Р. Г. Бикмухаметова как писательский травелог, имагологически конструирующий образ Горного Алтая - советской национальной окраины 1960-х годов. Текст интерпретируется как попытка приближения и постижения окраинного пространства через переход с позиции столичного наблюдателя на позицию тюрка-кочевника. Хронотоп дороги, формирующий основные смыслы очерка, трактуется не столько как жанровая константа, сколько как тюркский кочевнический архетип, позволяющий автору приблизиться к себе, обрести счастье свободного движения.

Ключевые слова: Р. Г. Бикмухаметов, очерк, травелог, национальная окраина, алияйцы, горы.

Среди публикаций известного специалиста в области изучения литератур народов СССР Роберта Бикмухаметова (без ссылки на его монографию «Орбиты взаимодействия» [4] не обходилась до последнего времени практически ни одна диссертация, посвященная и литературам народов Сибири) есть сборник путевых очерков «Дорога остается» - «книга наблюдений, размышлений» [3, с. 4]. Для автора, жившего в Москве, но рожденного и выросшего в Башкирии и биографически связанного с Татарией, Сибирь была страной загадочной, а уж Горный Алтай в ней – пространством и вовсе экзотическим в силу специфики горных ландшафтов, всегда магически действующих на степняков.

Придя в свое время к заключению, что при разговоре о литературах народов Сибири мерками только критики и литературоведения не обойтись, что помимо них литературоведу необходимо «визуальное постижение бытия», он много ездил по Зауралью, проверяя свою гипотезу о том, что отраженные в текстах младописьменных литератур Сибири древние (племенные) формы жизни, быта и философии являются неотъемлемой частью современности. Для этого критику надо было пролететь «тысячу километров от Тюмени до Салехарда<...>, надо в воображении разбросать по миллионам километров несколько тысяч хантов и манси, чтобы чуть понять жизнь этих племен» [4, с. 143]. Подобные мысли посещали еще Н. К. Рериха, восхищавшегося Алтаем: «Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок» [10, с. 11]. Следует заметить, что в литературе существует и обратный эффект: П. Чихачев после путешествия в Восточный Алтай писал свою знаменитую книгу о нем на берегу Женевского озера, Н. Ядринцев во время путешествия по Европе Женевское озеро «опознал» по сходству его с Телецким озером в Горном Алтае – специфичность Сибири легче поддается описанию при мене точек зрения.

В очерке «Глаз коня» предпринята попытка приближения и постижения окраинного пространства через переход с позиции столичного наблюдателя на позицию тюркской кочевой родственности, о чем свидетельствуют в том числе алтайско-башкирские лексические параллели в зарисовках кратких дорожных встреч. В основу этого очерка были положены впечатления от поездки летом 1965г. в Горно-Алтайскую автономную область (ныне – Республика Алтай). Очерк типологически вписывается в линию горно-алтайского писательского (с XVIII в. существует и линия научного) травелога (И. Катаев «В долине Чолушмана» (1936), Н. Зарудин «Прекрасная Ойротия» (1936), С. Кожевников «В стране Алтай-кижи» (1948), В. Чивилихин «Месяц в Кедрограде» (1962), Г. Гор «Деревянная квитанция» (1975), Г. Горышин «Откуда начинается Обь» (1964), «Алтайские дневники» (1989) и, безусловно, венчающий эту линию «Горный Алтай» (1988) В. Распутина, отражающий внутренний, сибирский взгляд на горное пространство на юге Сибири).

Зов предков, генетическая память тюрков привела литературоведа Бикмухаметова в Горно-Алтайскую автономную область. Увлечение критика Сибирью возникло на волне всесоюзного внимания к сибирским стройкам 1960-х годов и «покоилось на неожиданном, как потрясение, чувстве открытия зари человечества, утра художественного слова, на глазах переходящего из немоты, вечерних теней у костра в современное письменное состояние» [4, с. 136]. На фоне бурятской и якутской литератур, в которых к тому времени было уже четыре-пять поколений писателей, в алтайской Бик-

мухаметов фиксирует появление фактически «первого большого поколения»: «На Алтае работал в 30-е годы Павел Кучияк, сын шамана Чочуша; его дело продолжают известные мастера слова – Л. Кокышев, Эркемен Палкин, Кюгей Телесов, Аржан Адаров, Борис Укачин» [4, с. 139].

Типично тюркское сравнение дало название очерку: в финале, еще находясь в Горно-Алтайске, повествователь уже мысленно был в Москве, пережитое во время странствий в горах стало стремительно от него отдаляться, и для описания своего состояния он использовал эпические параллели. «Когда богатырша Алтын-Тууди прыгнула в пропасть, которая вела в подземное царство кровожадного Эрлика, солнечно-лунный Алтай предстал перед ней дном опрокинутого котла, ниже летела она – и стало небо Алтая донцем чашки, дальше падала она – и показался Алтай глазом коня». ...» [3, с. 63-64] (эпическая поэма «Тууди», скорее всего, осталась в памяти как одно из печально известных произведений особо интересовавшего Бикмухаметова основателя алтайской советской литературы Павла Кучияка). По стилистике близкий к эпическому топоним и тюркское сравнение стали «мета-географической упаковкой» (Д. Н. Замятин) пройденного горного пространства: «я летел... преданно храня сверкающее волшебным конским глазом видение солнечно-лунного Алтая» [3, с. 64]. Образ коня присутствует в архаических формах словесного творчества тюрков-кочевников, он в одинаковой мере частотен и в сибирском, и в башкирском фольклоре – см. подробнее [2; 7; 12].

Хронотоп дороги, формирующий основные смыслы очерка – не столько жанровая константа, сколько тюркский кочевнический архетип, позволяющий автору приблизиться к себе, обрести счастье свободного движения. Исчезали цивилизации, менялись эпохи, а пути перекочевков оставались, дорога была всегда. И вот, спустившись на самолете «по этажам городов: Москва. Новосибирск, Барнаул, Горно-Алтайск» [3, с.7], путешественник отдает себя дороге, Чуйскому тракту ему «хорошо побыть с дорогой, пожить с ней в лад») и начинает восхождение (в прямом смысле – в горы, в переносном – к себе). Средство передвижения по тракту – тентованный «газик», грузотакси, как назывались тогда машины для перевозки пассажиров. Первые дорожные впечатления – горы: «Горы живут, их жизнь в том, как они держатся друг за друга, вместе наваливаясь на долины, вместе вздымаясь к небу. Поначалу горы удивляют. Потом тревожат. А потом становятся близкими. Величественность их требует и от тебя сосредоточенности и ясности духа... Горы хотят видеть тебя откровенным – так они дают счастье» [3, с. 9].

Алтайские отчаянные шоферы видятся наследниками караванщиков, «совсем недавно, всего несколько десятилетий назад месяцами тащившихся по Чуйской тропе» [3, с. 10]; тракт так опасен (!?), что многие на нем работать отказываются – страшно. Страшно и путешественнику – он наслушался шоферских баек и песен – без прославившей тракт песни «Есть по Чуйскому тракту дорога...» редко какая книга о Горном (разговорное название и города Горно-Алтайска, и Горно-Алтайской автономной области) обходилась и обходится. Смею предположить, что патетическое начало очерка Бикмухаметова с цитатами из шоферской песни наваяно было только что вышедшим на экраны фильмом В. М. Шукшина «Живет такой парень», где эта песня на слова М. П. Михеева (считающаяся, впрочем, народной) звучит лейтмотивно.

Романтика Чуйского тракта – пути в Монголию резко отграничила в восприятии очеркиста Горный Алтай от всей страны – это для него уже не Россия – см.: «Ручьи эти еще тем отличаются от российских, что они велики, шириной до двух и более метров» [3, с. 11]. Вектор движения по тракту обозначил имагологический ракурс восприятия Горного Алтая как национальной окраины («чем дальше, тем алтайцев все больше»): «Теперь я воплощался в эти горы, в жителя этих долин <...> Я испытывал от присутствия чужого мира высокое наслаждение и хотел понять истоки своей радости, понять, что говорят мне горы» [3, с. 12].

Чужой мир – мир гор = мир алтайцев. История этноса под девизом «Алтайцы – народ трудной судьбы» вводится в текст в топографической привязке к Семинскому перевалу. Семинский хребет алтайцы называют Вечной гривой, на вершине перевала стоит обелиск в память 250-летия вхождения Горного Алтая в состав России. Остановка на перевале для кочевника обязательна. С высшей точки открывается взгляд и на пройденный путь, и на путь предстоящий, алтайцы всегда благодарят духов перевала. Исторический путь алтайцев дан в традиционной для национальной политики СССР лексике: «...хозяевами своей родины алтайцы стали после Октября, когда была разрушена «тюрьма народов». Долго им пришлось ждать этого часа, так долго, что совсем немногие дожили до него. И теперь их всего около 50 тысяч» [3, с. 13].

Не напрямую, а через цитату из Арсеньева («Дерсу-Узала») в очерке проявляется и советский архетип «младшего брата» («древние», «простой дикарь»); характерный для позиции метрополии взгляд на Сибирь как колонию был еще достаточно устойчив. Правда, Бикмухаметов сразу оговари-

вается: «Мы забываем, что древние мало чем от нас отличались и кое-что знали и понимали лучше нас» [3, с. 14].

Разглядывание горного пейзажа с высоты перевала описывается как реконструкция модели географического пространства в исторической Песне о разорении Алтая. Соотнесение географических (собственно землеописательных) образов горного пространства с реально наблюдаемой картиной гор приводит очеркиста к пониманию сути чужого пространства – «Весь Алтай треуголен. Принцип линейности – треугольник горы, круг озера представляет обобщение природы Алтая» [3, с. 14]. На следующем перевале новое открытие – «путь человека в горы – путь по речным долинам».

Все же первыми впечатлениями от Горного Алтая Бикмухаметов называет не горы и дорогу, а городок Горно-Алтайск – столицу области. В городке – деревянные тротуары, от которых веет уютом домашности; базарчик где торгуют «экзотическими» продуктами: ягодами, кедровым орехом, сушеными луковичками кандыка, листовничной серой; здесь же охотничий магазин. Путешественник восхищается местным пивом – «пиво варится из высокогорного ячменя, вырастающего в холод и жгучую жару, в туманы и грозы..., берется вода очистившаяся, протекшая через камень, через корни кедров и елей, через россыпи серебра и железа» [3, с. 17]; закусывает его маралятиной, медвежатинной, хариусом – и постепенно на второй план отодвигается тоска – намек на некие личные обстоятельства, гнавшие его из Москвы на край света.

Маленький городок с деревянными тротуарами вдруг превратился в столицу территории, равной нескольким Бельгиям и Даниям. Чужое пространство играло с приезжим: «Горно-Алтайск то приближался ко мне, то отодвигался ... Я чувствовал, что нащупываю опору, старую, давно мне известную, но позабытую под бременем будней и привычек автоматизма» [3, с. 18]. Подобные игры горного пространства улавливают только тонкие натуры – ср.: у В. Распутина при взгляде на реку Катунь с высоты птичьего полета возникло чувство, «то восторженно, то молитвенно отзывающееся на родственность, словно отсюда и отсюда по капле тебя выносила Катунь и где-то затем что-то сбирало в душу, хоть и рожден ты в другой стороне? Потянулась моя память так, будто и я в далекой давности кочевал тут, да ушел по соседству и забыл» [3, с. 156-157]. Москвичу трудно поверить, что перед ним столица - исследователь младописьменных литератур изначально настроен на окраинность и периферийность, на музейность, на застывшую древность, он невольно отыскивает их следы и в областном музее, и на улицах городка, он внутренне готов увидеть айлы, готов к встрече с шаманами; при виде каждого «узкоглазого алтайца» «делается страшновато: вдруг он сейчас скинет тенниску, вытянет руку, накинёт шубу до пят, наклонится – и закоченеет, совсем как его предки, тысячелетиями кочевавшие по этому краю» [3, с. 19]. В целом же очерк посвящен постепенному расставанию с тягой к экзотике, преодолению страхов, запрограммировавших горизонт ожидания от встречи с еще недавно дикой национальной окраиной.

Мысль снова возвращается на Чуйский тракт, снова камень – более всего нравится очеркисту слово диабаз, снова страх движения по бомам Чуйского тракта, тени воинов Чингисхана и древних караванов, древние надписи на скале Бичикту-кая... Дорожные встречи – неотъемлемый атрибут жанра; машина подбирает всех, кто голосует на тракте, каждый из них о чем-то рассказывает; встречи происходят и на остановках. Самая чудная из них произошла у скалы Белый Бом со старым учителем Щербаковым, этаким Кожаным Чулком на алтайский лад, неутомимым истребителем маралов, поившим чистым спиртом и кормившим маралятиной всех проезжающих по тракту.

Только в пятой по счету главе очерка, названной «Чувство времени», читатель узнает, что московский критик путешествует по Горному Алтаю в сопровождении поэта-алтайца Аржана Адарова, их путь лежит в высокогорный Улаганский район, расположенный в стороне от тракта. Эта часть очерка может быть названа травелог в травелоге. Поворот с тракта переживается как попадание в другое временное измерение, появляется странное ощущение времени; здесь-то и выдает себя литературовед, до сего момента уютно прятавшийся в путешественнике: «Привычка жить с ощущением многослойности времени дается нелегко. Привычка эта – один из итогов мировой культуры. Писатель, а вместе с ним литература, дорабатывается, трудно добирается до понимания слитности и разложимости времени» [с. 28-29]. В подтверждение этой мысли приводится стихотворение алтайского поэта Лазаря Кокышева «Обветрен, смугл, стоял я перед вами...», ныне вошедшее в «Антологию русского лиризма» [13] – профессиональное чутье мгновенно выхватило из алтайской поэзии ярчайший демонстрационный образец.

И снова – дорога, перевал, страхи – на этот раз из глубины памяти выплывают сцены шаманского камлания, раздирание жертвенной лошади. Жертвоприношение трактуется как сублимация страха: неведомая мощь гор вызывала жажду невероятных переживаний (подобные мысли возникают на перевале, под священной листовницей, увешанной ритуальными лентами).

В Улагане произошла удивительная встреча с художником Игнатом Ортонуловым. Образ художника выписан по канону естественного человека. «Забрался Ортонулов в глушь уединенного мира, где вселенная, взметнувшаяся небом и звездами, вздыбившаяся горами, ближе, чем города... Человек ищет счастье, а оно рядом: в присутствии природы, в любви, в отцовстве и материнстве» [3, с. 34]. Но в модель советского художника 1960-х этот образ жизни, по мнению критика, никак не укладывается, в глубинке «...человек уходит от искусства, оно полно муки, слез, боли; его творят города, ведущие суетную жизнь» [3, с. 34]. Подобные размышления имеют под собою реальную основу – Шукшин уехал из родных Сросток, расположенных на Чуйском тракте всего в шестидесяти километрах от границы Горно-Алтайской автономной области; Р. Рождественский до 1972 г. практически не вспоминал, что родился в селе Косиха у того же Чуйского тракта.

Поездка по отдаленному району области проходит по всем канонам встречи столичного гостя: москвича встречает сам секретарь райкома, он сопровождает высокого гостя по дорогам района; писатель Адаров организует «парадные встречи», чтобы «заезжий гость, имеющий отношение к прессе, получил точную, нужную, соответствующую информацию об Улаганском управлении, о скоте, о благоустройстве пастухов» [3, с. 35]. А заезжий гость в это время думает о древности и современности, благо, повод к тому есть – посещение Пазырыкской долины – места, прославившего Горный Алтай открытиями архелогов. Сокровища курганов хранятся в Эрмитаже, а оставленные археологами раскопы обезобразили прекрасную долину, осквернили горы и землю. Позже в Москве, замечает автор, пришлось собирать всю информацию о Пазырыке и его исследованиях, чтобы самому разобраться в проблеме связи древнейшей археологической культуры с современным населением Горного Алтая. Но в этом месте состоялось еще одно открытие: древности много не бывает, власть вечного времени не отменить.

Шестая часть очерка – «Чужое сердце» – это гимн мощи высокогорья. Сердце стало чужим как только путешественник оказался в седле. Проснулись кочевнические инстинкты, инстинкты охотничьи (не удалось избежать общего места сибирских травелогов – описания встречи с медведем). Забрались в такие глухие места, что рассказанный секретарем райкома сюжет будущего песковского «Таежного тупика» не показался невероятным. «Мир незнакомый открывался мне с первого дня, я настороженно смотрел в каньоны, на дороги, в лощины. Пастухи учат меня видеть все это иначе: это колыбель, это предки, это ласковая горная ночь. Но ущелья и таящееся в них прошлое, неизвестное и потаенное, тревожат меня» [3, с. 46].

Встречи с пастухами на стоянках, ночевки в корьевых и рубленых аилах, пища, приготовленная на костре из только что освежеванного барана, небо над гольцами, покачивание в седле привели к постижению национального менталитета алтайцев. «Созерцание (огня. – Т. III.) склоняет к сосредоточенности. Созерцательная сосредоточенность становится качеством характера. Ощущение спаянности с природой, проникновение во внутренний мир ее законов дают ясную непосредственность переживания. Рождается человек высокой страсти, поэтичный и уравновешенный. Таковы алтайцы. Не улыбочивые, пристальные, добрые. Независимые – стремящиеся понимать, но не подражать. Народ этот не кочует по России, не едет в города, без восторга глядит на заезжих людей иной структуры» [3, с. 47-48].

Алтайцы-художники и табунщики, шахтеры и поэты, жители Чулушманской долины и Горно-Алтайска – единственного города в области (название города и тип его застройки не понравились Бикмухаметову) живут под диктовку гор. Путешественнику представляется, что он проникся чувством гор, позволяющим патетически завершить описание Горного Алтая: «Чувство гор – чувство сопряженности с народом, с землей – должно победить и общий шаблон, и аильную ограниченность» [3, с. 63]. Но патетика лишь прорывается через столичный снобизм иронизирующего над архитектурным обликом столицы Горного Алтая критика. Разглядев в форме города абрис сердца, Бикмухаметов бравадно закончил описательную часть своего очерка: «...сердце Горного Алтая – здоровое, оно пульсирует все сильнее, ровнее. И горы, и частые грозы, когда над городом все небо исполосовано сотнями молний, покрывающими весь горизонт и застывающими на миг, не пугают сердце Горного Алтая, древнее, многозначнее и молодое» [3, с. 63].

В эпилоге, названном «Свидание», Бикмухаметов подчеркнул «зыбкую недостоверность, нереальность», призрачность увиденного и пережитого в горах, снова встав на позицию жителя мегаполиса, для которого кратковременное свидание с горами стало попыткой обретения себя.

Литература

1. Алтын Тууди. Алтайский героический эпос / под ред. А. Коптелова; пер. А. Смердова. Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1950. 108 с.

- 2 Байжанова Н. Р. Генезис архаических пословиц с образом коня: к типологии паремиологического фонда тюркских народов Сибири. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls04_bajanova1.htm (дата обращения: 10.10.2017).
3. Бикмухаметов Р. Г. Дорога остается. М.: Советский писатель, 1969. 167 с.
4. Бикмухаметов Б. Г. Орбиты взаимодействия. М.: Советский писатель, 1983. 240 с.
5. Енчинов Т. Против буржуазно-националистической контрабанды в ойротской литературе // Красная Ойротия. 1936. № 75. С. 2-3.
6. Казагачева З. С. Алтайские героические сказания «Очи бала», «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск, 2002. 352 с.
7. Мурзабулатов М. В., Аманбаева З. С. Истоки образа и культа коня в башкирском фольклоре // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 35 (326). Филология. Искусствоведение. Вып. 85. С. 88-91.
8. Октябрьская И. В. Путь через перевалы. Концепция пути в фольклорно-поэтической традиции Алтая // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 3. С. 325-334.
9. Распутин, В. Г. Горный Алтай / В.Г. Распутин. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 145-187.
10. Рерих Н. К. Сердце Азии. Southbury, Conn.: Alatas, 1929. 138 с.
11. Рыжков В. Сияющий Алтай. Горы. Люди. Приключения. М.: Рипол Классик, 2017. 672 с.
12. Челтыгмашева Л. В. Художественный образ коня в литературе народов Саяно-Алтая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 203-206.
13. Читаем антологию русского лиризма. URL: <http://www.studia-vasin.ru/chitaem-antologiyu-russkogo-lirizma-xx-vek-xm-arkhiv-xm/112-chitaem-antologiyu-russkogo-lirizma-khkh-vek/1436-2016-07-28-07-50-25.html> (дата обращения: 10.10.2017).
14. Шастина Т. П. Горный Алтай в очерках столичных журналистов 1920-х годов: опыт репрезентации национальной окраины // Журналистский ежегодник. 2013. №2. Ч.1. Томск, ТГУ. С. 43-47.

MOUNTAIN ALTAI AS THE SOVIET NATIONAL TERRITORY IN THE ESSAY OF R. BIKMUKHMETOV "THE EYE OF THE HORSE"

Tatyana P. Shastina

Candidate of Science in Philology, A/Professor

Gorno-Altai State University

1 Lenkina St., Altai Republic, Gorno-Altai, 649000 Russia

The article analyzes the travel essay of the literary critic R. G. Bismukhametov as a writer travestologist who imagosely designs the image of the Mountainous Altai - the Soviet national outskirts of the 1960s. The text is interpreted as an attempt to approximate and comprehend marginal space through the transition from the position of the metropolitan observer to the position of the nomad Turk. The chronotope of the road, which forms the basic meanings of the essay, is treated not so much as a genre constant, but rather as a Turkic nomadic archetype, allowing the author to get close to himself, to gain the happiness of free movement.

Key words: R. G. Bismukhametov, essay, travelogue, national outskirts, Alias, mountains.

**ОБРАЗ СКРЫТОГО ЧИТАТЕЛЯ И СРЕДСТВА ЕГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ПОВЕСТЯХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

© Шипицына Наталья Владимировна

учитель русского языка и литературы

МБОУ «Ново-Горхонская СОШ»

Россия, 671337, п. Горхон, ул. Лесная, 20 а

E-mail: nataship26@mail.ru

Статья посвящена исследованию средств моделирования образа читателя. В качестве эмпирического материала использованы 13 исторических повестей: повести писателей-декабристов («Роман и Ольга», «Ревельский турнир», «Замок Нейгаузен», «Замок Венден», «Изменник» А. А. Бестужева-Марлинского, «Адо» В. К. Кюхельбекера, «Татьяна Болтова» и «Андрей Безыменный» А. О. Корниловича), а также исторические повести В. А. Жуковского «Марьяна роща» (1809), Н. В. Кукольника «Максим Созонтович Березовский», К. П. Масальского «Черный ящик», «Регентство Бирона» (1834) и повесть иркутского писателя И. Т. Калашникова «Изгнанники» (1834). В исторических повестях заложен обширный спектр средств моделирования образа скрытого читателя и приемов его внутривидового взаимодействия с автором и персонажами. Проведен анализ комплекса приемов, нацеленных на формирование полноценного читательского восприятия. В статье утверждается, что тексты повестей содержат прямые и скрытые приемы, создающие образ читателя в исторической повести и являющиеся элементами единой системы взаимодействия.

Ключевые слова: образ читателя, имплицитный читатель, историческая повесть, приемы диалогического взаимодействия.

Так как интерпретация художественного текста требует особого внимания ко всем его элементам, рассмотрим уровни, которые могут быть задействованы в создании образа скрытого читателя. И первый такой уровень – лексика. Авторы исторических повестей используют на страницах своих произведений устаревшую лексику (архаизмы и историзмы). Наиболее часто, по нашим наблюдениям, в повестях встречаются архаизмы (семантические старославянизмы: ланиты, чело, уста, очи, перси, выя, десница, шуйца; фонетические: глаголет, власы, дщерь), формирующие художественное пространство и способствующие созданию гражданско-патриотического пафоса. Подобная лексика была необходима и для раскрытия художественных образов (в основном это семантические старославянизмы). Историческая лексика знакомила читателя с национальным колоритом той эпохи, с большим числом славянских реалий. Поэтому неслучайно речь героев пестрит пословицами, поговорками, присказками. В этом отношении среди всех рассмотренных исторических повестей выделяются повести А. О. Корниловича, насыщенные меткими высказываниями народа: «В хлебосольный век, к которому принадлежит наша повесть, истинно держались пословицы: Не красна изба углами, а красна пирогами» - так начинает автор свое повествование в «Андрее Безыменном». Далее отец Григорий изрекает: «Ученье – свет, а неученье - тьма». «Век живи, век учись», – отвечает Терентий Белозубову. «Конь о четырех ногах, да и тот спотыкается», – подводит итог рассказчик «Татьяны Болтовой». Народные изречения встретили в повести К. П. Масальского «Черный ящик»: «Утро вечера мудренее»; А. А. Бестужева-Марлинского «Роман и Ольга»: «Нет нужды, что их двадцать человек, а нас семеро: у страха глаза велики»; в финале повести В.К. Кюхельбекера «Адо» Держикрай утешает Юрия: «Перемелется рожь – мукою будет!» [3]. Обозначенные пословицы тесно переплетаются с действительностью, в них отражаются самые разные стороны человеческой жизни; через них авторы воспитывают и наставляют героев, а вслед за ними и читателя на правильные поступки.

Особый национальный колорит придает произведениям символика чисел. Для раскрытия русской культуры таковым из покоя веков в большей степени является число «три»: войдя в дом Болтова, Медведев три раза осенил себя крестом перед иконою и положил три земных поклона («Татьяна Болтова») [3]; трижды склонялся в молитвенных поклонах Роман, и три дня ждали послы ответа в повести «Роман и Ольга»; путешествие Услава продлилось до третьей полной луны, на третий день после разлуки с Уславом Мария встречает у источника незнакомого витязя, а спустя три месяца соглашается стать женой Рогдая («Марьяна роща» В. А. Жуковского) [1]; регентство Бирона продолжалось три недели («Регентство Бирона» К. П. Масальского); Березовский просит за свою оперу триста червонцев и ставит три условия, далее в разговоре с Матильдой говорит о трех разновидностях любви [3]

(«Максим Созонтович Березовский» Н. В. Кукольника); в повести «Изменник» А. А. Бестужева-Марлинского Владимир, трижды оборачиваясь против солнца, творит суеверные заклинания и призывает злого духа. Большинство примеров доказывает, что «три» имеет положительный окрас, но может использоваться и с отрицательной семой (например, при указании на время правления Бирона или освещение момента перехода Владимира на сторону врага, когда его троекратные магические действия символизируют рождение предателя). Потому читатель, встречая в повести число «три», настраивается на что-то необычное, захватывающее. Учитывая, что символика числа «три» уходит своими корнями в мир сказок, читатель ощущает и некий архаический оттенок, присутствующий в исторических повестях. Таким образом, основываясь на приведенных примерах, считаем, что в художественном произведении числа – это еще одно средство осуществления внутритекстового диалога автора и читателя, способ выражения авторской позиции.

Смысловое содержание повестей передается читателям с помощью системы выразительных средств языка. В исторических повестях мы встретили метафоры (текут часы, улицы кипели народом, измена и разбой рыщут, воздушная пустыня), эпитеты (серебряные волны), перифразы (косматый властитель дубравы=медведь; ночная красавица=вечерница/фиалка). Но излюбленным средством выразительности авторов исторических повестей является сравнение. С их помощью авторы выводят читателей на чувственное и рациональное познание мира (художественного и реального), усиливают мыслительные операции: «воспоминания тянулись как погребальное шествие; слова, как сильный электрический удар, потрясли всех присутствующих; жили в раздолье, как белуга в Волге; глас, как рокот грома по хребтам; любовь, как тиховейный ветер, закрадывается в душу; ярость исчезла, как тающий снег на раскаленном железе и др.» [3]. Также они передают характерные особенности персонажей и помогают раскрыть отношение автора к фактам объективной действительности.

На уровне синтаксиса выделяется прием умолчания событий, описаний, разговоров, фактов, рассчитанный на догадливого читателя, обладающего богатым воображением и жизненным опытом: «Внутренность его [здания] описывать не станем и потому, что ее можно увидеть и ныне, войдя в любой дом мещанина, держащегося старины, и потому, что не многие смотрят на внутреннюю красоту: была бы хороша только наружность. <...> Не станем описывать ее красоты и предоставим читателю рисовать в воображении образ ее по своему идеалу» (К. П. Масальский «Черный ящик»); «Не опишу свидания прежних друзей, разлученных бедствиями. <...> Скажем мимоходом, что в посаднике и в тысяцком он узнал тех мужей...» («Адо» В. К. Кюхельбекер); «Но всего не перескажешь...» (Н. В. Кукольник «Максим Созонтович Березовский») [3]. А. О. Корнилович в повести «Андрей Безыменный» прибегает к необходимости умалчивать некоторые события, дабы не заставлять читателя скучать: «Удержимся от дальнейшего исчисления достоинств и родословной собак, которое, вероятно, столько же надоело бы вам, любезные читатели и милые читательницы, сколько Андрею» [Там же].

Авторы обращались к читателям и через элементы композиции: эпиграф, подзаголовок, предисловия. Из 13 исторических повестей 10 имеют подзаголовок: «Татьяна Болтова» и «Черный ящик» с подзаголовком "историческая повесть"; «Роман и Ольга» и «Андрей Безыменный» – подзаголовок "старинная повесть"; «Марьяна роща» – "старинное предание"; «Максим Созонтович Березовский» – "исторический рассказ"; «Замок Нейгаузен» – "рыцарская повесть"; «Адо» – "эстонская повесть"; «Замок Венден» – "отрывок из дневника гвардейского офицера"; «Изменник» – "повесть". Через такие заголовки автор, с одной стороны, уточнял жанровую форму произведения (повесть, предание, рассказ, дневник), а с другой – скрыто сообщал своим читателям о том, что это произведение основано на реальных событиях.

Следующим кодовым элементом, через который авторы обращаются к подсознанию читателя, является концепт. В многослойности авторского повествования читатель, воспринимая содержательную сторону художественного произведения, способен восстановить скрытый смысл, выводящий на уровень авторской концептуальности. В тексте повести И. Т. Калашникова «Изгнанники» четко прослеживаются сразу несколько концептов: время, любовь, путь и др.

Образ времени в тексте распадается на историческое (эпоха Бирона), суточное (день и ночь, утро и вечер → солнце и луна), календарное (смена времен года), космическое (представление о вечности и вселенской истории).

Подобное соотношение в структуре произведения нескольких временных пластов ориентировано на широкое осмысление читателем времени как исторической и философской категории, воспринимаемой во взаимодействии сиюминутного и вечного, реального и воображаемого, личного и всеобщего, прошлого и будущего. Будущее для героев оказывается связанным не с земным бытием, не с объективным временем с его необратимостью, а с памятью и вечностью.

С категорией времени соседствует концепт пути, который в повести «Изгнанники» следует рассматривать как путь духовной эволюции, духовного становления героев. И. Т. Калашников, будучи человеком набожным, считает, что только богатство внутреннего мира, стремление к высокому делают жизнь человека одухотворенной. Причину бездуховности героев, а значит, и людей в целом, автор видит в бездействии их душ, в нежелании подняться выше бытовых проблем. Следовательно, жизнь немыслима без добра, правды, красоты. Отсюда проистекает следующий концепт – «любовь». Заметим, что данный концепт вступает в различные связи с концептами семья, счастье, судьба, свобода, родина, вера, жизнь, смерть, предательство. В этой связи необходимо отметить иносказательное наименование глав семейств – Судьба и Неволя. Автор неслучайно отдает предпочтение этому литературному приему, хотя в тексте единожды упоминаются и их настоящие имена – Григорий Петрович и Алексей Михайлович. Однако именно второе имя, взятое для обозначения героев, выражает систему взглядов автора. Сравним детальное описание характеров: «Судьба смотрел на мир, как на явление минутных теней, никогда не роптал на свой жребий, не отчаивался в прощении и не предавался надежде, пользовался земным – настоящим и думал только о будущем – небесном. Необыкновенная твердость души была его отличительной чертой. Напротив, Неволя не имел сего прекрасного качества; часто увлекался минутными впечатлениями, и если бы не великодушный друг, он бы упал духом» [2, с. 450]. Игра именами выступает следствием сближения-отталкивания бытовой, повседневной и духовной, экзистенциальной сущности героев. Несомненно, этот прием помогает читателю понять, что таким образом автор раскрывает мысль о губительном характере дурных страстей и о спасительности человеколюбия в самых тяжелых ситуациях. Устами Судьбы «Человек обыкновенно не дорожит теми благами, которыми постоянно пользуется. <...> Если нет миру ни с самим собою, ни с другими, тогда повсюду ад» [там же, с. 453] автор обращается не только к героям повести, не только к «своему» конкретному читателю, но и ко всему человечеству одновременно. Скрытый внутренний потенциал повести позволил адресовать произведение и определенному читателю, и широкой аудитории.

Как видим, авторское понимание действительности художественного произведения выражается всей совокупностью текстовых, композиционных и языковых средств, требующих определенных усилий в их «расшифровке». Сложность в интерпретации такого текста заключается в том, что подразумеваемый читатель должен, войдя в определенные мыслительные ситуации, стать созерцателем, раскрыть художественный образ. В итоге, каждый компонент текста, начиная с художественного образа и заканчивая композицией, дает читателю возможность максимально приблизиться к истинному смыслу, содержащемуся в тексте.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что основными признаками образа читателя исторической повести первой трети XIX века выступают: 1. способность воспринимать данность литературного произведения, погружаться в мыслительную ситуацию (мыслить и переосмысливать), найти общие связующие элементы (в целом видеть детали, а в деталях - целое), сопереживать художественному действию; 2. творческое участие в литературном процессе (способность конструировать, довершать, восполнять пробелы); 3. умение оперировать выразительными средствами; 4. способность погружаться в изображаемую эпоху, анализировать культурный и исторический контекст, осмысливать взаимодействие творческих систем; 5. умение определять заложенную стратегию восприятия.

Отсюда выкристаллизовывается образ опытного, подкованного читателя, единомышленника автора.

Литература

1. Жуковский В. А. Сочинения: в 3-х т. Т. 3. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowskij_w_a/text_0030.shtml (дата обращения: 1.09.2016).
2. Калашников И. Т. Дочь купца Жолобова: Романы, повесть. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. 640 с.
3. Русская историческая повесть: В 2-х т. Т. 1. URL: http://az.lib.ru/k/kukolxnik_n_w/text_1844_berezovsky.shtml (дата обращения: 1.09.2016).

THE IMAGE OF IMPLICIT READER AND THE TECHNIQUES FOR ITS MODELING IN HISTORICAL NOVEL OF THE FIRST THIRD 19th CENTURY

Natalia V. Shipitsyna

Teacher of Russian language and Literature

«Novo-Gorkhon secondary general school»

20 a Lesnaya St., Gorhon, 671337 Russia

The article investigates the techniques for modeling the image of the reader. 13 historical novel is used as research material: the novels of the Decembrist writers («Roman and Olga», «The Reval Tournament», «Neuhausen Castle», «Wenden Castle», «Best Man» of the A. Bestuzhev-Marlinsky's, «Ado» of the V. Kuitchelbeker's, «Tatyana Boltova» and «Andrei Bezimenniy» of the A. Kornilovich's), as well as historical novels of the V. Zhukovsky's «Maryina Grove» (1809), of the N. Kukulnik's «Maxim Sozontovich Berezovsky», of the K. Masalsky's "The Black Box", "The Regency of Biron" (1834) and the story of the Irkutsk writer I. T. Kalashnikov's "Exiles" (1834). Historical novel contain a wide range of means for modeling the image of the implicit reader and the methods of his intrastructural interaction with the author and characters. We analyzed the complex of techniques aimed at forming a complete readers' perception. It has been stated that the text contains direct and hidden techniques, which create the image of a reader in historical novel and which are the elements of the uniform system of interaction.

Key words: the image of a reader, implicit reader, historical novel, the techniques of dialogue interaction.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 811.161.1

ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

© Бархас Содномтунрэвийн

кандидат филологических наук, доцент

Монгольский государственный университет науки и технологии

Монголия, г. Улан-Батор, район Сухбаатар 8-р хороо, Бага тойру,

E-mail: barhas1125@yahoo.com

В связи с интересом изучения и преподавания иностранных языков в школе и вузах особо важное значение приобретает сопоставительно-типологическое исследование разносистемных языков, какими являются флективный русский и агглютинативный монгольский языки. Хотя лексические значения глаголов в монгольском и русском языках в основном сходны, тем не менее в природе их грамматических категорий существуют различия. Глаголы в монгольском и русском языках обладают общими грамматическими признаками, такими, как наклонение, число, вид, переходность и залог. Род и спряжение характерны только для русского глагола. Одним из важнейших принципов методики обучения грамматике является сопоставительный принцип. Анализ собранных нами материалов из переводной литературы даёт основание перечислить ряд морфологических, синтаксических и лексических средств монгольского языка как основных способов передачи функции и значений возвратных глаголов русского языка.

Ключевые слова: грамматика, постфикс, частица, возвратный глагол, сопоставительный принцип

В системе русских глаголов особую группу составляют глаголы с постфиксом *-ся*, которые представляют большие трудности для монголов, изучающих русский язык как иностранный.

В русском языке глаголы бывают возвратными и невозвратными. Возвратность глагола в русском языке образуется при помощи постфикса *-ся*.

По значению и синтаксическим связям, то есть способностью сочетаться с прямым дополнением, все глаголы делятся на переходные и непереходные. У большинства глаголов переходность и непереходность морфологически не выражена, кроме особого в морфолого-синтаксическом отношении класса глаголов, имеющих постфикса *-ся*, которые всегда непереходны.

Глаголы на *-ся* обычно образуются от глагольных основ с помощью постфиксального, префиксально-постфиксального, префиксально-суффиксально-постфиксального способов, а иногда они образуются от именных основ с помощью префиксально-постфиксального и префиксально-суффиксально-постфиксального способов.

Вопрос о возвратных глаголах как об особом классе глагольных слов издавна привлекал внимание исследователей.

Многие исследователи считают, что *-ся* является исторически древнерусским возвратным местоимением *себя*. А.А.Реформатский называет аффикс *-ся* флексией [5, с. 222], В.А.Богородицкий – прибавкой [1, с. 168], В.В.Виноградов – прицепкой [2, с. 613], А.М.Пешковский – надставкой [4, с. 113], А.А.Шахматов [7, с. 489] и Н.А.Янко-Триницкая – частицей [8, с. 36], но ни один из этих терминов не получил широкого распространения. В последнее время его называют постфиксом [6, с. 617], и это, на наш взгляд, является наиболее правильным для этого аффикса.

В грамматической традиции русского языкознания при рассмотрении глаголов с *-ся* пользовались термином "формы возвратного залога", однако в возвратный залог включали только те, глаголы на *-ся*, которые имеют коррелирующие глаголы без *-ся*, различающиеся по выражаемым ими значениям. Наряду с термином "возвратные глаголы" употреблялся также термин "возвратные формы глагола", однако он не получил всеобщего признания и распространения. М.А.Пешковским, В.В.Виноградовым, Н.А.Янко-Триницкой, И.П.Мучником и рядом других русистов названы все без исключения глаголы с постфиксом *-ся* возвратными глаголами. И этим термином пользовались и

пользуются многие исследователи, а Л.Л.Буланин, А.В.Бондарко и Н.С.Авилова, в отличие от них, называют возвратными глаголами только глаголы действительного залога с -ся.

Для сопоставительного изучения и переводческой теории и практики важным является функционально-семантическая классификация глаголов на -ся. Однако функционально-семантическая классификация у разных исследователей разная.

Академик В.В.Виноградов классифицирует возвратные глаголы на 15 лексико-грамматических разрядов, И.П.Мучник – на 10, а Н.С.Авилова – на 9. Особо следует остановиться на труде Н.А.Янко-Триницкой. В своей монографии о "Возвратных глаголах в современном русском языке" [1962] она делит возвратные глаголы несколько по-иному.

Расхождения исследователей в вопросах о глаголах с -ся, на наш взгляд, скорее всего объясняются тем, что одни исследователи считают постфикс -ся словоизменительным аффиксом, другие рассматривают его как словообразовательную морфему, а третьи – как слово и формообразующее средство.

Мы проанализировали выборки и примеры и попытались выявить наиболее типичные ошибки, допускаемые студентами-монголами при употреблении глаголов с -ся в их письменной и устной речи, и их причины.

Для анализа возвратных глаголов в современном русском языке мы использовали более 5000 выборок, почерпнутых из переводной художественной литературы с русского на монгольский язык и наоборот, а также более 1000 примеров из газет для выявления особенностей употребления глаголов на -ся в различных стилях речи. Из этих предложений, в которых имеются глаголы с постфиксом -ся, имели страдательное значение лишь 390 (7,8%), а из 1000 примеров взятых из газет – 335 (33,5%). Отсюда видно, что глаголы на -ся реже встречаются в художественной литературе, чем в газетно-публицистическом стиле.

Опыт работы в течении многих лет, наблюдения над устной и письменной речью учащихся, анализ специально разработанных контрольных работ и тестов, выполненных студентами и их анализ показывают, что частотными являются следующие типы ошибок:

1. Отсутствие умения различать конструкции с переходными и непереходными возвратными глаголами: *Он встречается с ним* (вместо: *Он встречается с ним.*)

2. Смешение действительных и страдательных конструкций: *Посуда моет горячей водой* (вместо: *Посуда моется горячей водой*).

3. Ошибки, вызванные межъязыковой интерференцией: 1. *Я родила в 1996 году* (вместо: *Я родилась в 1996 году*). 2. *Я не хочется есть* (вместо: *Мне не хочется есть*).

4. Отсутствие умения различать лексические значения глаголов, не имеющих соотносительных пар по возвратности / невозвратности: *добивать – добиваться, упираться – упираться*.

Для преодоления ошибок в речи обучаемых нужно провести сопоставительные исследования глаголов с -ся с родным языком учащихся и разработать на этой основе специальные упражнения и задания, направленные на устранение этих ошибок.

На основании классификаций возвратных глаголов мы попытались описать наиболее частотные морфологические, синтаксические и лексические средства монгольского языка, используемые для передачи значений русских возвратных глаголов. Основным источником для выявления монгольских функциональных соответствий русских возвратных глаголов служили выборки, выписанные из переводной литературы с русского на монгольский и наоборот. Анализ собранных нами материалов из переводной литературы даёт основание перечислить следующие морфологические, синтаксические и лексические средства монгольского языка как основные способы передачи функции и значений возвратных глаголов русского языка:

1. Морфологические средства:

- аффиксы посессивности: -аа, -оо, -ээ, -өө, нь

"Клим протягивал правую руку в воздухе. Лево́й **держался за пояс** штанов и читал ..." - "Клим ба руун гараа дээш өргөж, зүүн гараар **бүсээ барьж** ..." (М. Горький).

"Едигей **нахмурился** отчужденно при этих словах ещё больше посуровел". - "Едигей энэ үгийг дуулаад **хөмсгөө аягүй атируулан**, царай нь барсхийв" (Ч. Айтматов).

"Мешок с белыми грибами упал на землю, конь **шарахнул** в сторону, ..." - "Хүүдийтэй мөөг подхийн унахад **морь нь бусган** ухасхийсэн боловч ..." (Ч.Лодойдамба).

- Суффиксы: -лд,-ли

"Оба приятеля очень крепко **поцеловались**". — "Хоер найз **үнсэлцэж**..." (Гоголь)

"Они **познакомились** в армии и стали друзьями". — "...Ойр зэргэлдээ хошууны улс гэж дотно **танилцсан**" (Ч.Лодойдамба).

"Возился с Каранаром всякое свободное время". - "... (Едигей) зав чөлөө л гарвал Харнартай ноолдож байв." (Ч.Айтматов).

- Суффикс: -гд

"Погода на океане не изменилась". — "Гадаад далай дээр цаг агаарын байдал өөрчлөгдсөнгүй" (Ч.Айтматов).

- Суффиксы: -даг, -дог, -дэг, -дөг

"...ты так устроен, чтобы **рождаться** и умирать". — "Хүн төрдөг байхад үхдэг ёсыг юунд зохиосон юм бэ гэж асууж болохгүй" (Ч.Айтматов).

"Сабитжан рассказывал, что в космосе будто-бы через каждые полчаса **сменяются** день и ночь" - "Сансарт яг хагас цаг тутам өдөр шөнө солигддог гэж Сабитжан ярьжээ" (Ч.Айтматов).

"А люди все **мучаются**, не могут разгадать, кто из вас богач Итгэлт, а кто чабан Няма". — "...хүмүүс тааж олох гээд **зүдэрдэг** бололтой" (Ч.Лодойдамба).

- Безличное возвратное значение в безличном предложении, сказуемым которого является глагол желания *хотеться*, обычно передается в монгольском языке при помощи аффиксов: -маар, -мээр, -моор, -мөөр, -хсан, -хсэн, -хсон, -хсөн.

"А мне очень **хотелось** поскорее **вернуться** домой". - "Хурдан л гэртээ **харихсан**" (Ч.Лодойдамба).

"Сегодня ему **хотелось** подольше **побыть** здесь, ..." - "Өнөөдрийн хувьд бол тэднийд **суугаад баймаар** санагдаж байна" (Ч.Айтматов)

2. Синтаксический способ:

В русском языке имеются омонимичные по форме возвратные глаголы, но различающиеся по значению. В таком случае значение этих глаголов передается на монгольский язык синтаксическим средством.

"Эрдэнэ несколько раз жадно **затянулся** и посмотрел на дорогу" (Ч.Лодойдамба). - Переговоры **затянулись**.

Слово **затянуться** в первом предложении в значении **тамхиа сорох**, а во втором предложении – **сунжрах**, то есть никак нельзя перевести первое предложение аналогично со вторым.

- Безличное возвратное значение чаще всего передается в монгольском языке личными конструкциями.

"Стало быть, старость уже на печи сидеть – **подумалось** ему". – "Тэгэхлээр өглөх гэдэг хүрээд иржээ! Ингээд л өвгөн эмгэн болдог юм байна! Гэж өөрийн эрхгүй Едигей **бодов**" (Ч.Айтматов).

"... и всегда как-то **не спится**; все что-то так, да не так!" - "Яагаад ч юм **нойр хулжаад** байна" (Ф. Достоевский).

3. Лексический способ:

- Передается в монгольском языке при помощи слов: *биеэ, өөрийгөө*

"Таким образом **одевшись**, покатился он в собственном экипаже по бесконечно широким улицам". – "Чичиков ингэж **өөрийгөө хувцаслаад** тэргэндээ сууж хааяа үзэгддэг байсан цонхны бүдэг гэрлээр гэлдрүүлэн явлаа" (Н. Гоголь).

"Цэнд **сжалась**, словно готовясь в прыжку, в руках у неё сверкнул большой нож" - "Хүүхний нүд эгээ л хэрсэн бухын нүд шиг болон **биеэ хураан** оронд наалдав" (Ч.Лодойдамба).

- глаголы действительного залога + слово: *хоёр, хоёулаа или бие биеэ*.

"... **подрались** они на том заносе с Казангапом". – "... тэр шөнө Едигей, Казангап **хоёр зодоон хийв**" (Ч.Айтматов).

"-Просто ваш царь и немецкий царь **поссорились** и дали приказ своим войскам воевать". – "- Орос хаан, Германы хаан хоёр муудаад л дайт гэж цэрэгтээ тушаагаа биз, - гэв" (Ч.Лодойдамба).

"... девушки беспокойно **переглянулись**" - "... хоёр хүүхний царай хувирч төв болоод **бие биеэ харав**" (Ч.Айтматов).

- Наконец, очень часто значения русских возвратных глаголов передаются в монгольском языке глагольным словом, не содержащим значение возвратности, в зависимости от словесного окружения контекста или ситуации. Однако возвратные глаголы могут передаваться в монгольском языке посредством глагольных слов, в значении которых содержатся оттенки "самосовершения" действия.

"Я немножко **научусь** в гимназии и тоже стану петь под гитару в чёрном платье". — "Би гимназид **сурч байгаад** бас гитартай дуулдаг болно" (М. Горький).

"В начале он **боялся**, что Төмөр узнает об этом". — "Анхандаа Төмөр мэдвэл яана гэж **айн...**" (Ч.Лодойдамба).

"Солнце уже **поднималось** над землей, щедро и отрадно заливая светом сарозекские просторы". - "Нар дээр **хөөрч** шар талыг элбэг баясгалант гэрлээр гийгүүлэв" (Ч.Айтматов).

"Прощаясь с машинистом, Едигей увидел, что кто-то шёл к нему". - "Едигей машинчид замдаа сайн яваарай гэж ерөөгөөд эргэн харвал..." (Ч.Айтматов).

Таким образом, при изучении грамматики русского языка важно опираться на знание грамматики родного языка и сопоставление родного и русского языков. Это сопоставление помогает лучше понять русский язык и научиться применять грамматические конструкции двух языков. Учитель, подбирая упражнения к уроку, должен учитывать данное явление, так как только в этом случае легче прогнозировать и предотвращать различные ошибки.

В системе русских глаголов особую группу составляют глаголы с постфиксом *-ся*, которые представляют большие трудности для монголов, изучающих русский язык как иностранный, потому что в монгольском языке нет соответственного показателя этого постфикса.

Для преодоления ошибок в речи обучаемых нужно провести сопоставительные исследования глаголов с *-ся* с родным языком учащихся и разработать на этой основе специальные упражнения и задания, направленные на устранение этих ошибок.

Литература

1. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.-Л., 1935.
2. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2001.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
5. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1960.
6. Русская грамматика. Часть 1. М., 1980.
7. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.
8. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

TEACHING RUSSIAN GRAMMAR

Barkhas Sodnomtunrev

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor

Mongolian University of Science and Technology

Sukhbaatar, 34 Baga toyruu St., Ulaanbaatar, 14191 Mongolia

In connection with the interest in studying and teaching foreign languages, a comparative-typological study of languages, such as inflectional Russian and agglutinative Mongolian languages, becomes especially important. Although the lexical meanings of the verbs in Mongolian and Russian are basically similar, nevertheless, there are differences in the nature of their grammatical categories. The verbs in Mongolian and Russian have common grammatical features, such as the verb mood, numbers, perfect and imperfect, transitivity and voices. The grammatical gender and verb conjugation are specific only for Russian verbs. One of the most important principles of the methodology of teaching grammar is the comparative principle. The analysis of the collected materials from the translated literature gives grounds to list a number of morphological, syntactic and lexical means of Mongolian language as the main ways of transferring the function and meanings of the reflexive verbs in Russian.

Key words: grammar, postfix, particle, reflexive verb, comparative principle.

МЕТОДИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

© Белозубова Наталья Иннокентьевна

кандидат филологических наук, доцент
Амурский государственный университет
Россия, 675027, г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе, 21
E-mail: bin7272@mail.ru

В статье описаны приемы лингвокультурологического анализа при изучении сказки в иностранной аудитории на продвинутом этапе обучения. Материалом послужили тексты русских народных сказок. Лингвокультурологический анализ исследует языковые единицы текста, привлекая для объяснения языковых фактов культурную информацию, которая выделяется из единиц языка. Для лингвокультурологического анализа характерно выделение логоэпистем, которые входят в состав лингвокультурологических единиц фольклорного текста: логоэпистем-обращений («батюшка»); устойчивых выражений, эпитетов («молочные реки»); логоэпистем ограниченной лексической сочетаемости («слово вымолвить»); логоэпистем-сентенций («жили-были»). Важный прием работы со сказкой – лингвокультурологический комментарий языковых единиц (носителей лингвокультурологической информации), вызывающих трудности у инофонов.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ, лингвокультурологический комментарий, русская народная сказка, логоэпистема, методические рекомендации.

Разработка проблемы взаимоотношения языка и культуры на сегодняшний день является чрезвычайно актуальной, особенно в области обучения русскому языку иностранных граждан (Ю. С. Степанов, В. В. Красных). Именно лингвокультурологический подход к преподаванию русского языка как иностранного в настоящее время оказывается наиболее востребованным, поскольку важной становится необходимость формирования лингвокультурологической компетенции в контексте коммуникативной компетенции как основной цели обучения языку.

По замечанию И. Я. Пак, лингвокультурологический анализ от собственно культурологического отличается тем, что исследует прежде всего языковые единицы. От лингвистического анализа – привлечением культурной информации для объяснения некоторых фактов, а также выделением этой культурной информации из единиц языка [5]. Таким образом, лингвокультурологический анализ – это такой вид анализа, в котором происходит гармоничное соединение фактов культуры и языка.

Цель лингвокультурологического анализа – это интерпретация любого текста, его основных единиц и категорий, расшифровка национально-культурного смысла, стоящего за очевидным, реальным смыслом, раскрытие уровней, несущих культурную информацию. Лингвокультурологический анализ предполагает взаимодействие культурологического и лингвистического подходов к тексту и включает в себя метод филологического анализа, метод концептуального анализа и сопоставительный метод.

Лингвокультурологический анализ текста невозможен без объяснения понятий или явлений, представляющих трудность для иностранного учащегося. В методике РКИ эти трудности получили название «лакун» (В. Г. Костомаров). В лингвокультурологии нередко синонимом понятия «лакуна» является «логоэпистема».

Термин «логоэпистема» был введен в научный оборот Н. Д. Бурвиковой и В. Г. Костомаровым [3], его значение – «знания, хранящиеся в слове», «след языка в культуре или культуры в языке» [2]. К логоэпистемам относятся разноуровневые лингвострановедчески ценные языковые единицы: слова-понятия, крылатые фразы, фразеологизмы, прецедентные тексты, говорящие имена и названия [3, с. 37], а также и пословицы, и поговорки, и афоризмы, и язык рекламы, и строчки из песен и художественных произведений [2, с.12]. По мнению Н. Д. Бурвиковой и В. Г. Костомарова, «питательной средой семантики логоэпистем, несомненно, служит фольклор, и народно-поэтические образы определяют наше восприятие мира значительно в большей мере, чем нам обычно кажется...» [3, с. 37].

Н. В. Татарина в русской народной сказке, обладающей большим лингвокультурологическим потенциалом, выделяет 6 групп логоэпистем: 1) логоэпистемы-номинации – имена собственные главных героев сказки (Иван-Царевич, Елена Прекрасная, Баба-Яга, Змей Горыныч и др.), второстепенных персонажей (Сивка-бурка, Жар-птица и др.), названия сказочных предметов (скатерть-самобранка, гусли-самогуды и др.); 2) логоэпистемы-обращения (батюшка, матушка и др.); 3) логоэпистемы-устойчивые выражения, устойчивые эпитеты (молочные реки, брови соболиные и др.); 4) логоэпистемы ограниченной лексической сочетаемости (слово вымолвить, любо-дорого поглядеть); 5) логоэпистемы-сентенции (жили-были; и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало

и др.); б) сказочные локусы, обозначения места действия (тридевятое царство, избушка на курьих ножках, за морем-океаном) [7].

От знания логоэпистем завит понимание текста адресатом, так как логоэпистемы – это материализация национальной духовности и исторической памяти (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров). Понять значение логоэпистем, а значит и всего фольклорного текста возможно посредством лингвокультурологического комментария, который представляет собой выявление и определение лингвокультурологического смысла, транслируемого отдельными языковыми единицами текста (объяснение понятия или явления). Автор статьи считает возможным рассматривать лингвокультурологический комментарий как один из приемов лингвокультурологического анализа.

При проведении лингвокультурологического анализа текста необходимо обратить внимание на жанровые и композиционные его особенности, интерпретировать встречающиеся в нем образы, символы, сюжеты и мотивы. Особое значение приобретает сопоставление изучаемого материала с аналогичным в родной культуре учащихся, выявление черт национально-культурного сходства и различия.

Лингвокультурологический анализа фольклорного текста подразумевает:

- выделение единиц с национально-культурным компонентом; классификацию единиц по тематическому признаку (герои, географические названия, предметы быта, фразеологизмы);
- классификацию единиц по лексико-грамматическому признаку (имена собственные, эпитеты, формы этикета, сравнения);
- составление лингвокультурологического комментария к выделенным единицам;
- определение жанра произведения;
- рассмотрение структуры повествования;
- анализ пространственно-временной организации произведения;
- анализ системы образов текста;
- определение роли изобразительно-выразительных средств языка;
- характеристику идейно-эстетического содержания текста.

В качестве примера приведем выборочно задания к сказке «Морозко». Лингвокультурологический комментарий:

Морозко. 1) Олицетворение холода; 2) Дед-мороз [1].

В славянской мифологии Морозко – повелитель зимних холодов, его представляли в образе «низенького старичка с длинной седой бородою. Зимой бегаёт по полям и улицам и стучит: от его стука начинаются трескучие морозы» [6]. Морозко – в зависимости от ситуации – может проявить себя и как благожелательный хозяин, и как беспощадный властитель; народ называет героя сказки «заступником»; он дарит подарки «самым слабым, самым обиженным».

I. Предтекстовые задания.

Задание 1. Найдите в толковом словаре [4] значения ниже приведенных слов. Какие из них содержат особые пометы: «устаревшее», «разговорное», «просторечное»? Выпишите их.

Батюшка, красна девица, латаная шубенка, приветливое слово, ухват, падчерица, сиротка, хвост, взгорочки, пригорочки, стужа, сани, вздумал, невзлюбила, поди, благодарствую, в пояс поклонилась, выстыла избушка, проклятый, зазябла, голосить.

Задание 2. Составьте таблицу: «Лексика сказки “Морозко”: тематические группы», используя слова из задания 1.

Тематические группы	Семья	Зима	...	Русские пословицы	...

Какие тематические группы слов Вы выделили? О чем они свидетельствуют? Какую роль они играют в сказке?

Задание 3. Существительное «стужа», - и, ж. (разг.). Сильный холод, мороз. Найдите в тексте сказки предложение, в котором это слово употреблено. Составьте со словом «стужа» свои словосочетания и предложения. Где и когда их можно употреблять?

Задание 4. Слово «батюшка» - устар. Ласковая форма обращения к отцу. Замените его современным синонимом в предложениях: Ой, батюшка родимый приехал! Батюшка новую матушку в дом привел – я ей чужая, вот она и велела батюшке меня в лес увезти.

Задание 5. Прочитайте название сказки. Как Вы думаете, о чем и о ком эта сказка? Какие события, по вашему мнению, могут лежать в ее основе? Что Вам известно о Морозке? Есть ли такой персонаж в китайских сказках?

II. Послетекстовые задания (они направлены на проверку понимания прочитанного).

Задание 6. Прочитайте сказку «Морозко» еще раз и выразите свою точку зрения по предложенным вопросам:

1) Какая фраза является завязкой сказки «Морозко»?

- 2) Какова развязка сказки?
- 3) Приведите примеры присказки, зачина и концовки.
- 4) Какие фантастические герои есть в этой сказке?
- 5) Сюжет волшебной сказки основывается на чуде. Какие чудеса случаются в сказке «Морозко»?
- 6) Какими качествами наделены герои сказки (старик, «баба», дочка старика)? Какие народные представления они отражают?
- 7) К какому типу можно отнести сказку «Морозко» (социально-бытовая, сказка о животных или волшебная)?
- 8) Какие особенности языка русских сказок можно выделить в тексте «Морозко» (повторяющиеся определения, устойчивые сочетания, краткие формы прилагательных и глаголов, имена существительные и прилагательные с уменьшительно-ласкательными суффиксами)? Что они выражают?
- 9) В сказке звучит пословица: Век тебя буду помнить. Как Вы понимаете ее смысл? Приведите примеры русских и китайских пословиц. О чем они? Составьте с ними предложения.
- 10) Какова тема сказки «Морозко»?
- 11) Чему учит русская народная сказка «Морозко»? Какова ее идея?
- 12) После того, как Вы прочитали и проанализировали сказку «Морозко», обратитесь вновь к ее названию. Как бы Вы теперь прокомментировали его? Предложите свое название сказки.

Итак, язык – это своего рода «генофонд национальной культуры». Лингвокультурологический анализ сказки, являющейся «образцом языкового сознания», расширяет знания иностранных учащихся об иноязычном лингвосоциуме, помогает им понять исторический опыт и глубинные традиции русского народа.

Литература

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-47190.htm> (дата обращения: 10.09.17).
2. Золотарева С. А. Логоэпистема – соприкосновение двух знаковых систем: языка и культуры // Известия ВГПУ. 2010. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/logoepistema-soprikosnovenie-dvuh-znakovyh-sistem-yazyka-i-kultury> (дата обращения: 10.09.17).
3. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX век. СПб., 2001.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990.
5. Пак И. Я Лингвокультурология как следствие процесса интеграции наук. Принципы лингвокультурологического анализа // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Научная сессия МИФИ. Т.16. Томск, 2012.
6. Морозко // Славянская мифология. URL: http://ugabuga.ru/view_slav_mif.php?id=156 (дата обращения: 10.09.17).
7. Татаринова Н. В. Логоэпистемы из русских народных сказок в коммуникативном пространстве носителей русского языка: Дисс. ...канд. филол. наук. М., 2005.

METHODS OF THE RUSSIAN NATIONAL FAIRY TALE LINGUO-CULTURAL ANALYSIS IN A FOREIGN AUDIENCE

Natalya I. Belozubova

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor

Amur State University

21, Ignatevskoe Shosse, Blagoveshchensk, 675027 Russia

The paper considers lingvo-cultural analysis methods while studying a fairy tale in a foreign audience at the advanced level. Russian national fairy tales were used as the material. Language text units are investigated by the lingvo-cultural analysis involving the cultural information which is singled out from the language units for the language facts explanation. Emphasizing logoepistems, which are included into the folklore text lingvo-cultural units, is a characteristic feature of the lingvocultural analysis. They are logoepisteme - address («father»); set expressions, epithets («land flowing with milk»); logoepisteme of the specialized lexical combinations («to utter a word»); logoepisteme - sentencia («once upon a time»). An important method for working with a fairy tale is using lingvo-cultural comments of language units (lingvo-cultural data carriers) that cause difficulties for foreigners.

Keywords: lingvo-cultural analysis, lingvo-cultural comment, Russian national fairy tale, logoepisteme, methodical recommendations.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУРСА «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ»

© **Болдонова Ирина Сергеевна**

доктор философских наук, доцент

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а

E-mail: irina_duncan@mail.ru

В статье говорится о методологических основаниях учебного курса «Русская литература в контексте философских идей», который предназначен магистрантам-русистам. Данная дисциплина является соединением учебного материала по истории русской литературы и философским дисциплинам. Автором выделены преимущества изучения русской классики сквозь призму философских идей, помогающие глубже понять идейное содержание произведений. Данный учебный курс призван рассмотреть взаимное влияние философских идей и литературного процесса в контексте развития общественно-политической мысли России XIX и XX вв. В учебный материал включены произведения П. Чаадаева, Н. Гоголя, Ф. Тютчева, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Бунина, М. Булгакова, В. Астафьева.

Ключевые слова: методология, русская литература, философия, учебный курс, идейное содержание, художественное произведение.

Учебный курс «Русская литература в контексте философских идей» предназначен для студентов-магистрантов специальности «Русская литература» и содержит материал о взаимосвязи русской классики с философскими учениями России и Запада. В связи с общими задачами по духовному просвещению и формированию личности и его мировоззрения художественная литература и философия тесно переплетаются. Данный курс опирается на пройденный материал исторических курсов по русской литературе, а также содержит материал курса «История философских учений».

Цели освоения дисциплины – углубленное изучение русской литературы, выработка у студентов новых принципов усвоения историко-литературного курса, выявление национального своеобразия художественного решения общечеловеческих проблем, утверждение нравственного величия и философской глубины русской классической литературы.

Важнейшая задача изучения курса также состоит в понимании смысла и логики каждого конкретного художественного явления в контексте реально-жизненного, философско-социального развития истории и литературы изучаемой эпохи, ибо игнорирование этого философско-социального контекста приводит к знаниям случайным, поверхностным, формальным. Задача курса также в формировании интегративных знаний на стыке нескольких гуманитарных дисциплин, в том числе освоение методологии исследовательских работ по литературоведению.

Данная дисциплина содержит сведения об основных исторических, социально-политических процессах рубежа XVIII-XIX вв., XIX, XX столетий и месте явлений истории русской литературы в нравственной атмосфере данной эпохи, творчестве основных писателей-классиков в диалектическом взаимодействии с ведущими тенденциями философских учений. Изучение русской литературы в контексте философских идей дает возможность демонстрировать знание философских концепций, осуществлять сбор и анализ языковых и литературных фактов с использованием традиционных методов и современных информационных технологий, интерпретировать с применением методов художественного анализа, выражать личную оценку с применением знаний теоретического материала. Результатом освоения дисциплины становится умение под научным руководством проводить литературоведческие исследования на основе существующих методик по истории русской литературы, с формулировкой аргументированных умозаключений и выводов, с подготовкой научных обзоров, аннотаций, составления рефератов и библиографий по тематике проводимых исследований. А также в конечном итоге студент должен на основе изученного материала овладеть навыками представления материалов собственных исследований, оформления результатов исследования с умозаключениями и выводами по поводу полученных в результате исследовательской деятельности результатов [1].

Методология осмысления действительности писателем отличается от философии. Автор осваивает истины бытия при помощи вдохновения, при помощи воображения постигает мир во всем его разнообразии. В то время как философия выработала научный подход к анализу бытия, используя логику

исследований и формулируя выводы при помощи понятий и терминов. Литература ориентируется на изображение внутреннего мира человека и художественный образ как специфическую форму воспроизведения действительности, тем самым являясь художественным воплощением философских идей и эмоционально воздействуя на читателей. В своем бытии искусство в любой форме существования неизменно обращается к богатому духовно-нравственному содержанию [4].

По словам В. Д. Диденко, искусство и литература всегда принципиально философичны и обращаются к духовно-нравственной проблематике: «Искусство как универсальная форма выражения духовного, интегрируясь с различными сферами духовной культуры, образует сложные системы, в которых отражаются не чисто художественные картины и образы мира, а художественно-нравственные, художественно-религиозные, художественно-научные и художественно-философские модели бытия. Речь идет о таких художественно-философских феноменах, как творчество Эсхила и Данте, Леонардо да Винчи и Рембрандта, Гёте, Шекспира и Бальзака, Толстого, Достоевского и Т. Манна в искусстве; Парменида, Платона, Вольтера, Дидро, В. Соловьева и др. в философии.

В творчестве этих и целого ряда других художников и философов художественное и философское начало настолько тесно переплетены и взаимопроникают, что их мировоззрение, способ отражения и познания действительности можно определить как художественно-философские. В границах такого рода мировоззрения происходит глубокое слияние философско-аналитической мысли и художественно-образных средств отражения действительности.

Это выражается в порождении нового синтетического качества сознания: философские, логико-рациональные структуры обретают свойства художественной и образной выразительности, а художественно-образные структуры произведения несут в себе философско-мировоззренческое обобщение и выступают как художественно-философская концепция действительности. Характерно, что такие виды мировоззрения не являются порождениями какой-то одной стадии в развитии общества или одной национальной культуры, а складываются и функционируют на каждом новом этапе его социально-культурного движения. Разновидности художественно-философского мировоззрения складывались и функционировали как на самых ранних этапах развития познания, так и в более поздние периоды, вплоть до наших дней» [2, с.26]. Отсюда следует, что в качестве удачного синтеза осмыслений и впечатлений у читателей формируются новые качественные знания об эпохе, читатель глубже усваивает закономерности жизни, имеет возможность проводить сравнение актуальных проблем и способы их решений в историческом ракурсе и в контексте современности.

В контексте мирового литературного процесса именно русская литература всегда имела глубокое идейное содержание и генетическую связь с нравственными поисками смысла жизни и общественно-политической жизнью страны. Несомненно, философские идеи русских писателей составляют сокровищницу мировой интеллектуальной мысли. Русская классическая литература играла большую роль в формировании идейных оснований культуры общества. Например, в XIX веке художественно-нравственные и художественно-философские модели бытия сложились в творчестве А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Ф. Тютчева и других поэтов и прозаиков.

В рамках данного учебного курса из литературного процесса первой половины XIX века студентам предлагается подробный анализ «Философических писем» П. Чаадаева, рассказа «Портрет» Н. Гоголя и философская поэзия Ф. Тютчева. Интерпретация художественных особенностей произведений взаимодействует с выявлением мировоззрения писателя, истоков формирования творческой личности. Так, творчество Н. Гоголя представляет собой квинтэссенцию идей художественной философии 40-х годов, и поэма «Мертвые души» – это своего рода глубоко гуманистическая национальная самокритика писателя и форма эстетической репрезентации передовых идей того времени. Гоголь раскрывается и как рефлексирующий писатель-мыслитель.

Художественно-религиозные и художественно-научные модели эстетического освоения действительности были представлены в произведениях И. Тургенева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова и др. Творчество писателей второй половины XIX века привносит особую лепту в вечный поиск нравственных истин. Толстой не устал открывать для себя и для своего читателя удивительный внутренний мир своих героев, еще и еще раз обращаться к онтологическим и экзистенциальным обобщениям. Религиозные искания Достоевского существенно обогатили русскую литературу: религиозная проблематика в области антропологии, этики, эстетики, историософии стали исходной философской позицией Достоевского, почти в каждом его произведении можно найти раздумья автора о взаимоотношении и связи Бога и мира.

Не менее насыщенным является раздел, посвященный литературе XX века, где отдельной темой представлена информация о русской религиозной философии и о ее влиянии на творчество писателей. Темы включают культурософские идеи поэтов «серебряного века», художественную философию

М. Булгакова, натурфилософские воззрения и их отражение в прозе русских советских писателей-деревенщиков.

Все представленные темы обогащают представление студентов о нравственном потенциале русской словесности, что является еще одним доказательством особого места русских писателей в мировом культурном процессе, творческом синтезе философских идей и художественных концепций. Национальные особенности общественно-философской мысли нашли яркое воплощение в шедеврах русской литературы. И поэтому русские писатели одновременно философы, а также русские философы, имеющие склонность к литературному творчеству – яркий пример взаимовлияния и стремления решать не только сугубо русские, но и общечеловеческие проблемы во имя прогресса.

Литература

1. Болдонова И. С. Русская литература в контексте философских идей: учеб. пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016. 88 с.

2. Диденко В. Д. Художественно-философская модель мира: истоки, природа, структура // Искусство как универсальная форма выражения духовного: сб. науч. ст. / Отв. ред.: И. А. Бирич. Вып. 1. М.: МГПУ, 2009.

3. Ильенков Э. В. Философия и культура. М. Политиздат, 1991. 464 с.

4. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Рус-Балт. информационный центр Блиц, 1999. 190 с.

5. Синцов Е. В. Философические горизонты русской литературы XIX века // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2007. № 2. С. 106-107.

6. Пospelов Г. Н. Искусство и эстетика. М.: Искусство, 1984. 325 с.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE DISCIPLINE "RUSSIAN LITERATURE IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL IDEAS"

Irina S. Boldonova

Doctor of Sciences in Philosophy, A/Professor

Buryat State University

24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article refers to the methodological foundations of the discipline "Russian Literature in the Context of Philosophical Ideas", which is intended for master students of Russian philology. This discipline is the combination of educational material on the history of Russian literature and philosophical disciplines. The author of the article emphasizes the advantages of studying Russian classics in the prism of philosophical ideas, which leads to better understanding the idea of literature. This discipline aims to consider the mutual influence of philosophical ideas and the literary process in the context of socio-political thought development in Russia in the XIX and XX centuries. The educational content includes the works by P. Chaadayev, N. Gogol, F. Tyutchev, F. Dostoevsky, L. Tolstoy, I. Bunin, M. Bulgakov, V. Astafiev.

Key words: methodology, Russian literature, philosophy, discipline, idea of literature, artistic work.

МЕТОДИКА АКТИВИЗАЦИИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ (на примере урока литературы в школе)

© **Данчинова Мария Даниловна**

кандидат филологических наук, доцент
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: marinadan67@mail.ru

На современном этапе учебного процесса средней общеобразовательной школы отмечается падение читательской деятельности учащихся. Это связано с развитием общества в целом. На первом месте в мыслительных процессах человека преобладают визуальное и аудио-восприятие мира. Отсюда формируется тип совершенно нового читателя, для которого общение с книгой перестало быть нормой. Совершенствующиеся технологии привели не только к определенной невостребованности книги как таковой, а к ее отрицанию в целом. В этом плане требования нового поколения ФГОС к урокам литературы связаны прежде всего с формированием читательской активности. Современный ученик как читатель обязан знать не только соответствующий материал изучаемого курса литературы, но и обладать умением правильно выбирать тот или иной художественный аспект видения мира для подтверждения собственных суждений. Поэтому воспитание ученика как вдумчивого читателя является одной из главных задач современного урока литературы. Для этого необходимо применять методы активизации читательской деятельности учащихся.

Ключевые слова: ФГОС, читатель, активизация, УУД (универсальные учебные действия), процесс, интерактивность, урок.

Активизация читательской деятельности учащихся является одной из актуальных проблем в учебном процессе современной школы. Требования Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования заключаются в формировании таких УУД (универсальных учебных действий), которые будут ориентировать учащихся на ответственное отношение к учебному процессу, способствовать готовности обучающихся к саморазвитию и самообразованию [1]. Внедрение новых требований ФГОС должно привести в идеале к сформированности квалифицированного читателя с высоким эстетическим вкусом, развитыми коммуникативными данными. Это позволит учащимся разносторонне аргументировать выдвигаемое мнение, грамотно оформлять собственные суждения в разных устных и письменных высказываниях, творчески подходить к обсуждаемой теме. Большую роль при формировании такой читательской активности выполняет сам учитель. Именно с постановки проблемного вопроса самим словесником начинается развитие правильного читателя. Данный тип читателя Н. Н. Светловская обозначает как человека, готового задуматься над смыслом до момента прочтения книги, в ходе читательской деятельности и после этого процесса. С позиции методиста, это мыслящий читатель [2] Именно такой тип учащегося должен формировать учитель словесности на уроках литературы. Поэтому необходимо учесть тот факт, что на каждом этапе работы, чтением художественного произведения необходимо найти такие методические приемы, которые будут способствовать активизации читательской деятельности учащихся. Это одна из главных задач современного учителя литературы.

Для активизации читательской деятельности учащихся необходимо продумать методику интерактивных форм урока. К ним можно отнести следующие типы, как урок-проект, -интервью, -дискуссия, -конференция, -круглый стол, -ассамблея, -выставка и другие. Целью данных уроков является глубокое прочтение, выявление и обсуждение найденной проблемы (проблем), решение спорных вопросов, формулирование, затем выражение и аргументация собственной точки зрения учащегося. Несомненным обретением таких форм уроков оказывается развитие критического мышления, формирование аналитических способностей.

В основе интерактивной формы урока должна быть положена проблема, выбор которой определяется актуальностью, злободневностью, с одной стороны, и удобством и уместностью для учебного процесса, с другой. Постановка проблемы, её анализ, поиск путей решения происходят в ходе группового обсуждения, результатом которого должно стать определение выводов, их обсуждение и проверка. Выводы формулируются учащимися самостоятельно, обсуждаются, анализируются и оцениваются посредством рефлексии. Наряду с этим школьники сами выбирают наиболее актуальную тему

для обсуждения, учитель является лишь сторонним наблюдателем и корректором. Целью работы является поиск проблем, глубокая проработка материала и подготовка к обсуждению. В ходе урока решается проблема взаимодействия учащихся в группе, развитие межличностных отношений.

Так, к примеру, в 10 классе в ходе работы над романом И. А. Гончарова «Обломов» мы применили следующий прием активизации читательской деятельности как урок в форме дискуссии. Для этого взяли главу с первым приездом Штольца к Обломову, дали задание учащимся – прочитать главу и определить как можно больше проблем в данном отрывке. Для формирования читательской зоркости определили наиболее значимые смысловые аспекты главы, как следующие:

«- Ну, брат Андрей, и ты то же! Один толковый человек и был, и тот с ума спятил. Кто же ездит в Америку и Египет! Англичане: так уж те так господом богом устроены; да и негде им жить-то у себя. А у нас кто поедет? Разве отчаянный какой-нибудь, кому жизнь нипочем...

- Совсем разорился.

- Как так?

- Вот я тебе прочту, что староста пишет... где письмо-то? Захар, Захар!

Захар отыскал письмо. Штолец пробежал его и засмеялся, вероятно от слога старосты.

- Какой плут этот староста! - сказал он. - Распустил мужиков, да и жалуется! Лучше бы дать им паспорта, да и пустить на все четыре стороны.

- Помилуй, этак, пожалуй, и все захотят, - возразил Обломов.

- Да пусть их! - беспечно сказал Штолец. - Кому хорошо и выгодно на месте, тот не уйдет; а если ему невыгодно, то и тебе невыгодно: зачем же его держать?

- Вон что выдумал! - говорил Илья Ильич. - В Обломовке мужики смиренные, домоседы; что им шататься?..

- А ты не знаешь, - перебил Штолец, - в Верхлэве пристань хотят устроить и предусмотрено шоссе провести, так что и Обломовка будет недалеко от большой дороги, а в городе ярмарку учреждают...

- Ах, боже мой! — сказал Обломов. - Этого еще не доставало! Обломовка была в таком затишье, в стороне, а теперь ярмарка, большая дорога! Мужики повадятся в город, к нам будут таскаться купцы - все пропало! Беда!

Штолец засмеялся.

- Как же не беда? - продолжал. Обломов. - Мужики были так себе, ничего не слышно, ни хорошего, ни дурного, делают свое дело, ни за чем не тянутся; а теперь развратятся! Пойдут чай, кофеи, бархатные штаны, гармоники, смазные сапоги... не будет проку!

- Да, если это так, конечно мало проку, — заметил Штолец... - А ты заведи-ка школу в деревне...

- Не рано ли? - сказал Обломов. - Грамотность вредна мужику: выучи его, так он, пожалуй, и пахать не станет...

- Да ведь мужики будут читать о том, как пахать, - чудак! Однако послушай: не шутя, тебе надо самому побывать в деревне в этом году...

- Ах, братец! Как будто у меня только и дела, что по имению. А другое несчастье?

- Какое же?

- С квартиры гонят.

- Как гонят?

- Так: съезжай, говорят, да и только.

- Ну, так что ж?

- Как - что ж? Я тут спину и бока протер, ворочаясь от этих хлопот. Ведь один: и то надо и другое, там счета сводить, туда плати, здесь плати, а тут перевозка! Денег выходит ужас сколько, и сам не знаю куда! Того и гляди, останешься без гроша...

- Вот избаловался-то человек: с квартиры тяжело съехать! - с удивлением произнес Штолец. - Кстати о деньгах: много их у тебя? Дай мне рублей пятьсот: надо сейчас послать; завтра из нашей конторы возьму...

- Постой! Дай вспомнить... Недавно из деревни прислали тысячу, а теперь осталось... вот, погоди...

- А давеча Михею Андреичу какие деньги отдавали? - напомнил Захар.

- Ах, да, вот Тарантьев взял еще десять рублей, - живо обратился Обломов к Штольцу, - я и забыл.

- Зачем ты пускаешь к себе это животное? - заметил Штолец.

- Чего пускать! - вмешался Захар. - Придет словно в свой дом или в трактир. Рубашку и жилет барские взял, да и поминай как звали! Давеча за фраком пожаловал: «дай надеть!» Хоть бы вы, батюшка, Андрей Иванович, уняли его...

- Не твое дело, Захар. Подь к себе! - строго заметил Обломов...

- Что это с тобой? - с иронией возразил Штолец. - А собираешься дело делать, план пишешь. Скажи, пожалуйста, ходишь ли ты куда-нибудь, где бываешь? С кем видишься?»

(Гончаров И. А. «Обломов»).

После 10-минутного прочтения данной главы каждый должен был назвать количество выявленных им проблем. Затем ребята были объединены в несколько групп по количеству выдвинутых проблем. Каждая группа обязана была в ходе общей беседы определить наиболее важные проблемы и каждой из них дать полную аргументацию. После данного этапа группы должны были выступить с коммен-

тированием своих позиций. При этом из группы выдвигался кто-то один с подготовленной речью, над которой работали все. Остальные учащиеся должны были дополнять речь товарища, отвечать на вопросы, возникшие в ходе доклада. Дискуссия переросла в урок-спор, где каждая сторона отстаивала свои проблемы, приводя доводы из текста. Было выявлено не меньше 10 важных вопросов жизни, как проблема лени, бездействия, удовлетворенности самим собой, боязнь появления ненужных хлопот или непредвиденного случая, страх перед новыми делами, зарождением нового уклада жизни, другие.

Следующим этапом стал опрос на тему «Какой бы ты хотел видеть свою жизнь?». После того как учащиеся ответили на вопрос, им было дано задание по тексту: на основе своего плана жизни, собственных целей, подумать, почему жизнь Обломова именно такая, какая она есть, и удовлетворен ли герой таким образом жизни. Ответ учащиеся должны были записать, составив из собственных рассуждений мини-сочинение с опорой на текст. Домашнее задание призвано закреплять полученные навыки, умения, знания. Для этого ребятам было предложено составить презентацию, снять репортаж о герое, его образе жизни.

В ходе данного урока отрабатывались приемы, которые способствовали развитию коммуникативной компетенции. Учащиеся выполняли такие УУДы (универсально-учебные действия), которые связаны были непосредственно с процессом активизации читательской деятельности. При этом формировались следующие черты активного читателя, как собственно смысловое чтение, зоркость (читательская), внимательность, формулировка мысли, письменное изложение суждения, умение оппонировать, работать в группе, паре, отрицать, доказывать свою точку зрения, другие.

Владение подобными умениями и компетенциями является доказательством читательского роста учащихся. Не секрет, что многие выпускники недостаточно владеют навыками «вдумчивого» чтения, испытывают затруднения при анализе произведений, составлении собственного текста сочинения. Отсюда главная задача современного учителя заключается в развитии читательской активности ученика. На помощь в этом случае могут прийти интерактивные формы уроков, способствующие более успешному освоению учебного материала, глубокой проработке текста, его анализу, формированию коммуникативных компетенций в целом.

Литература

1. Федеральный государственный стандарт основного общего образования. М., 2010
2. Светловская Н. Н. Методика внеклассного чтения. 2-е изд. перераб. М., 1991
3. Исследовательская и проектная работа школьников 5-11 классы / Под ред. А. В. Леонтовича. М., 2014.

SOME METHODS OF ACTIVATING STUDENTS AS READERS IN AN EDUCATIONAL PROCESS (on the example of a literature lesson at school)

Maria D. Danchinova

Candidate of Science in Philology, A/Professor
Buryat State University
6 Ranzhurova st., Ulan-Ude, 670000 Russia

Nowadays in a modern educational process (secondary general school level) we can observe a drop in the students' reading activity. It is considered with the development of society. First of all the visual and audio perception of the world dominate in the human thinking processes. Thus a type of a completely new reader is formed, for which communication with a book has ceased to be a norm. New progressive technologies have led not only to a certain lack of demand for a book, but to its denial in general. That is why some requirements of a new generation of Federal State Educational Standard for Literature classes are primarily related to the formation of readers' activity. A modern student as a reader is obliged to know not only material of a Literature course he/she studies, but also to has an ability to correctly choose this or that artistic aspect of the vision of the world in order to confirm his/her thoughts. Therefore, the education of a student as a thoughtful reader is one of a main purpose of a modern lesson of Literature. It is necessary to use some methods for activating students' reading activity.

Key words: Federal State Educational Standard, a reader, activity, practical educational actions, possess, interactivity, lesson.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ СО СПОСОБАМИ ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛА В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ (к проблеме лингвометодических приемов в преподавании неродного языка)

© Егодурова Виктория Макаровна

доктор филологических наук, доцент
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: egodurova52@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению категории рода в русском языке в сопоставлении со способами выражения различий по полу в бурятском языке. Сопоставление показывает наличие типологически характеризующей грамматической категории рода в русском языке и отсутствие морфологически выраженной категории рода в бурятском языке. Обнаруживаются общие черты в лексическом выражении различий по полу у одушевленных существительных в русском и бурятском языках. Поэтому изучение категории рода существительных в русском языке в бурятских группах студентов предлагается предварять сопоставительным изучением категории одушевленности-неодушевленности. Подчеркивается, что сопоставительно-типологические исследования являются научной опорой методики преподавания неродного/инострannого языка, а также полезны для привития студентам навыков сопоставления языков для осознанного усвоения категорий неродного языка.

Ключевые слова: сопоставительно-типологическая лингвистика, методика преподавания русского языка, согласование в роде, способы обозначения людей по половой принадлежности, одушевленные-неодушевленные существительные, живые существа, неживые предметы.

Сопоставление языков для целей обучения – одна из основных прикладных задач, решаемых современной сопоставительно-типологической лингвистикой. Зарождение сопоставительных исследований русского и бурятского языков как направления было вызвано практической потребностью обучения русскому языку бурятских учащихся. Поэтому лингвометодические работы предшествовали появлению контрастивных исследований [1].

В настоящей работе рассмотрим лексико-грамматическую категорию рода русского языка в сопоставлении со способами выражения пола живых существ в бурятском языке. Задача нашего исследования: провести сопоставительно-типологическое исследование семантики грамматической категории рода русского и бурятского языков как лингвистической основы для методики обучения грамматическим категориям русского языка бурятоязычных/монголызычных студентов с учетом типологических особенностей родного и изучаемого языков, а также привития им навыков сопоставления фактов родного и изучаемого языка для осознанного усвоения неродного языка.

Известно, что лексико-грамматическая категория рода, определяющая существительное как особую часть речи, относится к одной из важных типологических характеристик русского языка. В русском языке категория рода относится к важнейшим классификационным категориям, она пронизывает систему языка, базируясь на имени существительном. Отраженно категория рода выражается формами почти всех знаменательных частей речи: прилагательных, порядковых числительных, некоторых разрядов местоимений, причастий, глаголов прошедшего времени и сослагательного наклонения. Представлена категория рода также путем замены существительных местоимениями: *завод - он, фабрика - она, поле - оно*.

Категория рода определяет парадигму падежей имен существительных в единственном и множественном числах и парадигмы согласуемых с ними перечисленных частей речи. Причем универсальным средством выражения различий в роде существительного является синтаксический, путем согласования названных выше частей речи.

В бурятском языке морфологически выраженная категория рода отсутствует. Однако, как справедливо отметил Ж.С. Сажин, в бурятском языке имеются различные способы обозначения людей и некоторых животных по половой принадлежности [2]. Автор называет следующие способы:

1) лексические параллели, обозначающие живые существа по принадлежности к определенному полу: *хүбүүн (мальчик) – басаган (девочка), үбгэн (муж) – һамган (жена), буха (бык) – үнеэн (корова)* и т.п.;

2) слова-определители: *эрэ тахья (петух) – эмэ тахья (курица), буха буруун (бычок) – үнеэн буруун (телочка); аша хүбүүн (внук) – аша басаган (внучка)* и т.п.;

3) некоторые суффиксы, выражающие пол животных: *харагшан (чернуха), улаагшан (краснуха); гунжан (трехгодовалая телка); дүнжэн (четырёхгодовалая телка)* и т.д.;

4) собственные имена мужчин и женщин, образующие соотносительные пары: *Лубсан – Лубсама, Дугар – Дугарма* и т.п.;

5) прибавление окончания **-а, -на** по русскому образцу к фамилиям и именам женского пола: *Туяна Гармаева; Чимид Гомбоев – Чимита Гомбоева, Эржен Батуев – Эржена Батуева* и т.д.;

6) маркированные формы слов, заимствованные бурятским языком из русского, обозначающие лиц женского пола с указанием на их профессию, род занятий, принадлежность к общественным организациям: *тракторист – трактористка, дояр – доярка* и т.д. [2, с.8].

В бурятском языке нет согласования как способа связи слов. Отсутствие согласования между определением и определяемым словом в бурятском языке оказывает сильное интерферирующее влияние на правильное согласование в роде прилагательных, порядковых числительных, некоторых рядов местоимений, причастий, глаголов прошедшего времени и сослагательного наклонения с русскими существительными.

При сопоставительном рассмотрении категории рода необходимо внести следующее уточнение. В русском языке имеется морфологически выраженная категория одушевленности-неодушевленности. У одушевленных существительных, обозначающих лицо, значение рода заложено в семантике слова. Формы мужского и женского рода связаны с выражением значения мужского и женского биологического пола. Различаются родовые пары супплетивные: *мужчина – женщина, дедушка – бабушка, отец – мать, дядя – тетя, мальчик – девочка*, словообразовательные: *студент – студентка*, флективные: *супруг – супруга*. У неодушевленных существительных род выражается формально (морфологические признаки), так как обозначаемые ими предметы половых признаков не имеют. Нет никаких логических объяснений, почему *крыша, тень, кость, рожь, ночь* – женского рода; *день, гость, картофель, нож, шалаш, хлебушко, домище* – мужского рода, *окно, море, кресло* – среднего рода. Значит, при изучении категории рода в русском языке следует различать не три, а шесть грамматически существенных родовых делений существительных: три одушевленных и три неодушевленных. Каждый из шести родовых подклассов выделяется своим особым формальным признаком.

В бурятском языке, как показывают наблюдения, нет грамматически оформленных категории рода и категории одушевленности-неодушевленности. Традиционно существительные делятся по семантике на обозначающие живые существа: наименования человека, некоторых животных и обозначающие неживые (наименования) предметные понятия, как конкретные, так и абстрактные. Это разделение выражается в постановке вопроса. К существительным, обозначающим человека, ставится вопрос *хэн?* (кто?), ко всем другим существительным, в том числе обозначающим животных, птиц, рыб, ставится вопрос *юун?* (что?).

Номинации человека, а также некоторых животных и птиц в бурятском языке по половой принадлежности подразделяются на имена мужские и имена женские. Номинации предметов неживой природы, в том числе многих животных и птиц, не выражают половых различий. Следовательно, в бурятском языке понятие рода связано с выражением пола у живых существ (лиц) или отсутствием обозначения пола у неживых предметов. Значение пола заложено в семантике существительного. (См. примеры выше).

Нарушения грамматической правильности русской речи, связанные с отсутствием в бурятском языке оформленной грамматической категории рода, по нашим наблюдениям, относятся к типичным интерферентным ошибкам в русской речи бурятских (отметим, и иностранных) учащихся. Для успешного овладения русским языком как неродным важное значение имеют данные сопоставительной лингвистики.

Как показывает рассмотренный нами материал, обнаруживаются общие черты в лексическом выражении различий по полу лиц как в русском, так и в бурятском языках. В русском языке основу родового деления существительных по семантике составляет категория одушевленности-неодушевленности. В бурятском языке существительные, обозначающие живые существа, тоже делятся на существительные, обозначающие принадлежность либо к мужскому, либо к женскому полу.

Поэтому, на наш взгляд, для лучшего усвоения темы учащимися следует опереться на общность в делении предметного мира на живое и неживое в природе при их обозначении существительными. Изучение темы «Категория рода существительных в русском языке» в бурятской школе необходимо предварять рассмотрением в сопоставительном плане категории одушевленности-неодушевленности в русском языке с существительными, обозначающими живые существа и неживые предметы в бурятском языке. Следует объяснить семантико-грамматические критерии деления русских существительных на одушевленные и неодушевленные. Отметить, что семантический критерий является определяющим, и русские одушевленные существительные соотносительны с бурятскими, обозначающими живые существа. Далее легко объяснимо, что большинство одушевленных существительных в русском языке относятся либо к мужскому, либо к женскому роду.

При объяснении вопроса об определении рода неодушевленных существительных необходимо обратить внимание на морфологические показатели: флексии, суффиксы, парадигмы. Необходимо

дать правила - инструкции по определению рода. Такое изучение темы позволит бурятоязычным учащимся глубже усвоить материал.

При выполнении тренировочных упражнений необходимо начать с заданий определить род существительного в готовых речевых образцах. Затем полезны упражнения с заданиями самостоятельно согласовать в роде причастия, прилагательные и другие согласуемые с существительными части речи, т.е. на правильное употребление, функционирование категории рода.

Итак, модель обучения грамматической категории рода может быть традиционной: 1) объяснение темы «Категория одушевленности-неодушевленности» в русском языке в сопоставлении с существительными, обозначающими живые существа и неживые предметы в бурятском языке. На лекции дать студентам четкую, полную систему ориентиров для распознавания родовой принадлежности как одушевленных, так и неодушевленных существительных с учетом особенностей русского языка по сравнению с родным; 2) упражнения на усвоение теории, формирование коммуникативно-речевых умений.

Интерферентные ошибки, допускаемые студентами национальных групп при изучении русского языка, являются ценным материалом для методики преподавания русского языка. Их исследование полезно для теории и практики обучения языкам. То, что составляет трудности в изучении, обучении русскому языку должно быть предметом научного описания.

Анализ категории рода русских существительных в сопоставительно-типологическом аспекте со способами выражения пола живых существ в бурятском языке позволил увидеть как общность, так и различия в семантике и способах выражения этой категории. Рассмотренный в работе материал позволяет сделать следующие выводы. Сопоставительно-типологические исследования семантики грамматических категорий русского и бурятского языков могут быть полезны для разработки проблем методики обучения грамматическим категориям русского языка бурятоязычных/монголызычных студентов с учетом типологических особенностей родного и изучаемого языков, а также привития им навыков сопоставления фактов родного и изучаемого языка для осознанного усвоения категорий неродного/иностранного языка.

Литература

1. Егодурова В. М. История сопоставительного изучения русского и бурятского языков // Актуальные проблемы языкознания и методики преподавания языков. Материалы региональной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2013. С. 21 – 26

2. Сажинов Ж. С. Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков (Морфология). Улан-Удэ, 1984. 144 с.

TYPOLICAL FEATURES CATEGORY OF GENDER IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN COMPARISON WITH THE METHODS EXPRESSIONS OF SEX IN THE BURYAT LANGUAGE (to the problem of linguistic methods in teaching non-native language)

Victoriya M. Egodurova

Doctor of Sciences in Philology, A/Professor

Buryat State University

24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to consideration of the category of gender in Russian language in comparison with the ways of expression differences by gender in the Buryat language. The mapping shows the presence of typologically characterizing grammatical gender in the Russian language and the absence of morphologically expressed categories of the kind in the Buryat language. Found common features in the lexical expression differences by gender have animate nouns in Russian and Buryat language. Therefore, the study of the category of gender of nouns in the Russian language in the Buryat groups of students is preceded by a comparative study of the category of animacy. It is emphasized that comparative-typological studies are the scientific backbone of the methodology of teaching non-native/foreign language, as well as useful for instilling students skills of mapping languages for conscious assimilation of non-native language categories.

Key words: Comparative-typological linguistics, methods of teaching the Russian language, coordination of in kind ways to refer to people by gender, animate-inanimate nouns, living things, inanimate objects.

МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

© Ершова Наталья Валентиновна

учитель русского языка и литературы первой категории

МАОУ «Мысовская СОШ № 56»

Россия, 671230, г. Бабушкин, ул.3-го Интернационала, д. 35

E-mail: natalya-ershova-71@mail.ru

В статье говорится о важности развития у школьников коммуникативных навыков на уроках литературы. Общение школьника с произведениями искусства слова – это не только приобщение к общечеловеческим ценностям бытия, но и необходимый опыт коммуникации, своеобразный диалог с писателями. Также в статье рассматриваются эффективные методы активного обучения: дискуссия, деловая и ролевая игра. Формирование коммуникативной компетенции на уроках литературы помогает школьникам свободно говорить на разные темы, грамотно и культурно отстаивать свою точку зрения, находить пути решения проблемы, а не ждать готовых ответов.

Ключевые слова: коммуникативные навыки, дискуссия, деловая игра, ролевая игра, диалог.

Литературу не случайно сопоставляют с философией, историей, психологией, «учебником жизни» [1, с 61]. Изучение искусства слова – особый способ познания жизни, один из основных источников обогащения речи учащихся. Формирование их речевой культуры и коммуникативных навыков связано с осмысленным восприятием и интерпретацией текстов разных жанров, созданием самостоятельных творческих работ на литературные темы. Кроме того, общение школьника с произведениями искусства слова – это не только факт знакомства с подлинно художественными ценностями, но и необходимый опыт коммуникации, диалог с писателями: русскими и зарубежными, нашими современниками и представителями другой эпохи.

Традиционные методы изучения классики в школе – лекция, просмотр учебных фильмов, самостоятельная работа с учебными текстами, письменные задания – дают учащимся возможность ознакомиться с образцами монологической и диалогической речи, позволяют развивать языковую культуру читателей и слушателей. Однако для развития коммуникативной компетенции более эффективны «методы активного обучения» [4, с.104] – дискуссионные и игровые.

Дискуссии позволяют учиться слушать, задавать вопросы, участвовать в активном обсуждении проблем и принятии решений. Благодаря механизму дискуссии со сверстниками, ребенок учится прислушиваться к мнению других людей. Подготовка к групповой дискуссии повышает мотивацию к изучению произведений. Кроме того, обсуждаемая проблема дает толчок к последующей поисковой активности участников, что в свою очередь реализуется в их конкретных действиях. В качестве объекта дискуссионного обсуждения на уроке литературы могут выступать не только специально сформулированные проблемы, как, например, «Любовь: счастье или проклятие?» (по произведению А. Куприна «Гранатовый браслет»), но и личностное отношение учеников к тому, или иному литературному герою. Тема дискуссии может, например, звучать так: «Святой» или «лжец» Лука из пьесы М. Горького «На дне»? Метод группового обсуждения способствует уяснению каждым участником своей собственной точки зрения, а также развивает коммуникативные качества и умения.

Необходимость применения игровых методов на уроке связана, прежде всего, с тем, что в «10-11 лет наступает пик интереса ребенка к окружающему миру. И если этот интерес не будет удовлетворен, то он может угаснуть» [2, с. 40]. Игровые методы обучения помогают вывести ученика из позиции наблюдателя, развивают инициативу. Обычно они подразделяются на деловые и ролевые. Деловые игры имеют сценарий, в который заложен алгоритм «правильности» и «неправильности» принимаемого решения. Участники игры сразу видят результаты своих ответов. «Во время деловой игры часто применяется исследовательский подход к темам литературных произведений, который помогает рассматривать жизнь литературного героя как учебное исследование» [5, с.11]. В процессе игры школьники обращают внимание на те детали, которые при обычном изучении литературного произведения проходят мимо их внимания.

В структуре учебного процесса на основе игры можно выделить четыре этапа. Это ориентация (учитель представляет изучаемую тему, знакомит с основными представлениями, которые в ней используются, дает характеристику игровых правил и обзор будущего хода игры), следующий шаг –

знакомство со сценарием. Третий этап – проведение игры, во время которой фиксируются следствия игровых действий. Затем проходит обсуждение игры, во время которого учитель обращает внимание на восприятие учащихся и возникшие трудности. «Деловые игры применяются как средство обучения школьников и формирование их личностных и деловых качеств» [5, с.14]. Еще больший интерес для школьников представляют ролевые игры. В условиях ролевой игры ученики могут выступить в роли экскурсоводов по произведению, литературных критиков, авторов сценария к фильму по мотивам повести или рассказа. Тогда создаются условия для формирования новых коммуникативных навыков.

Каждый из рассмотренных методов обучения имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при их применении. Для развития коммуникативной компетенции учащихся наиболее приемлемым и рациональным является «интегрированный подход, то есть, комбинация методов обучения» [5, с.15]. Например, элементы ролевой игры можно применить для доказательства своих мыслей в дискуссии.

Приведу фрагмент урока-дискуссии по рассказу И. А. Бунина «Холодная осень» – «Судьба России и рассказ И. А. Бунина «Холодная осень». Ведущий приветствует участников дискуссии, напоминает правила поведения на дискуссионной площадке, объявляет тему дискуссии: «В рассказе Ивана Алексеевича Бунина повествование ведется от лица главной героини. Почти без эмоций, очень спокойно она излагает свою историю. Перед нами своеобразная исповедь пожилой, много испытавшей женщины, которая считает, что в ее жизни был только один холодный осенний вечер, все остальное – «неужный сон» [3, с. 24]. Права ли героиня в своем отношении к жизни?»

Во время дискуссии предусмотрено выступление «историков», один из которых расскажет о русской усадьбе как особом культурном пространстве. В усадебную культуру входят парки, сады, аллеи, беседки и все, что составляет романтический колорит: луна, звезды, сумерки, тени. Все здесь создано для любовных признаний. Другой «историк» обратит внимание оппонентов на события первой мировой войны, последовавшую за ними революцию, послереволюционные годы и эмиграцию части населения России. Прекрасные дамы превратились в «баб в лаптях» [3, с. 24], а «люди редкой, прекрасной души» – в людей без Родины. «Актеры» продемонстрируют отрывок из произведения – диалог влюбленных перед разлукой. Их задача – передать в замечаниях о погоде, об осени второй смысл – невысказанную боль. «Психологи» проанализируют поведение при прощании героини, в душе которой нарастает тревога, и героя, тоскующего о мирном времени, когда можно «надеть ...шаль и капот» [3, с. 24] и спокойно прогуляться по парку. Чувствуя, что эта жизнь рушится, герой отчаянно пытается удержать хотя бы впечатление, память о ней, цитируя Фета. Чем тяжелее на сердце, тем безразличнее становятся герои внешне. И только роковые слова героя: «Если меня убьют...»- заставляют героиню проявить свои истинные чувства. «Холодная осень» – это не только отрезок времени, самого важного в жизни двух влюбленных, это состояние души.

«Биограф» писателя сравнит его судьбу с судьбой героини. В их жизни многое совпадает: и на его долю выпала революция, которую он не смог принять, и Ницца, которая не смогла заменить Родину. «Литературовед» обратит внимание на кольцевую композицию рассказа. Он начинается описанием осеннего вечера, заканчивается воспоминанием о нем же. Рефреном звучит грустная фраза: «Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне...» [3, с.24]. И становится понятно, почему так равнодушно героиня относится к своей жизни. Настоящая любовь, по Бунину, неповторимое мгновение – торжествует и в «Холодной осени». Обстоятельства вмешиваются в судьбы героев не случайно – они не дают прекрасному чувству погибнуть под тяжестью житейских невзгод.

Вывод, как правило, неоднозначен: кто-то согласен с нравственным выбором героини, не позволяющей себе быть счастливой без любимого и Родины, кто-то считает, что она не выполнила последнюю просьбу героя: («Ты поживи, порадуйся на свете...»). А кто-то утверждает, что память о прекрасных мгновениях молодости помогла героине сохранить чистоту души. Главным является то, что рассказ не оставил участников дискуссии равнодушными, заставил задуматься о смысле жизни.

Таким образом, диалогичность урока, обсуждения разных взглядов героев, сопоставление разных точек зрения, спор, дискуссия ведут класс не только к более глубокому восприятию произведения, но и помогают вырабатывать коммуникативные навыки выступающих.

Формирование коммуникативной компетенции – процесс длительный и достаточно сложный. Главное в этой работе – создать условия, чтобы школьники учились свободно говорить на разные темы, грамотно и культурно отстаивать свою точку зрения, искали пути решения проблем, а не ждали готовых ответов.

Литература

1.Баженова И. Н. Педагогический поиск. М.: Педагогика, 1989.

- 2.Бодалев А.А. Личность и общение. М., 1995.
- 3.Бунин И. А. Собр. соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 2.
- 4.Езова С. А. Коммуникативная компетенция // Научные и технические библиотеки. 2008. № 4.
- 5.Санжадаева Г. С. Методика изучения прозы XX в бурятской школе. Улан-Удэ: Бэлиг, 2005.

METHODS AND TECHNIQUES DEVELOPMENT OF COMMUNICATION SKILLS AT THE LESSONS OF LITERATURE

Natalya V. Ershova

Teacher of Russian language and literature the first category

MAEI «Mysovskaya secondary school № 56»

35 Third International St., Babushkin, 671230 Russia

The article talks about the importance of developing pupils' communication skills in literature classes. Communication student works of art is not only an introduction to the universal values of being, but also the necessary experience of communication, a kind of dialogue with the writers. Also the article deals with effective methods of active learning: discussions, business and role-playing. Formation of communicative competence at the lessons of literature helps students to speak freely on various topics, competent and culturally to defend their point of view, finding solutions for problems, and not wait for ready answers.

Keywords: communication skills, discussion, business game, role play, dialogue.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В КУРСЕ «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ»

© **Затеева Татьяна Владимировна**

доктор филологических наук, профессор
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: vlatat1954@yandex.ru

В статье исследуется комплекс мировоззренческих вопросов, актуализированных в курсе «История русской литературной критики». В курсе литературная критика определяется не только как совокупность критических суждений о том или ином литературном явлении, но как наука о литературе. В силу этого обстоятельства по своему характеру определяется как теоретический, способствующий формированию научного мышления студентов, их сознательное осмысление историко-литературного процесса. На материале основных периодов в русской литературной критике XVIII-XIX вв. рассматриваются основные мировоззренческие вопросы: вопрос о взаимодействии писателя, критика и читателя, вопрос о русской культуре как неотъемлемой части европейской культуры, вопрос о национальной самобытности и народности русской литературы, вопрос о художественности, вопрос о месте и значении мирозерцания в творчестве писателя, вопрос о соотношении научности и художественности в критике. Утверждаемый в статье тезис о философском характере русской литературной критике основан на обращении к основным положениям критиков XIX в. – В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, П. В. Анненкова, Н. А. Добролюбова.

Ключевые слова: история русской литературной критики, писатель, литература, читатель, мировоззренческие вопросы, национальная самобытность, народность, художественность.

В становлении филолога-русиста, преподавателя литературы курс «История русской литературной критики» выполняет значительное число функций, важнейшей из которых, безусловно, является мировоззренческая функция. Курс призван не только представить атмосферу той или иной литературной эпохи в разносторонних, порой диаметрально противоположных мнениях, напряженных диалогах, оживленной полемике по поводу того или иного литературного явления, получившего широкий общественный резонанс, но так же, как и курс «Теория литературы», способствует образованию в сознании студента целостных представлений о литературе вообще, ее онтологии, характере отношений литературы к обществу, о генезисе литературы и логике ее развития, об исторически предопределенных закономерностях литературного процесса, о становлении литературоведческих категорий и понятий, большинством из которых оперирует современная отечественная филологическая наука.

Десятилетия, прошедшие со времени появления этой учебной дисциплины в системе высшего филологического образования, подтвердили его жизненность и важность, поскольку в ней заложены широкие возможности активного воздействия на научное мышление студентов, их творчески сознательное осмысление все периодов истории русской литературы. В контексте филологических дисциплин «История русской литературной критики» выступает как итоговый теоретический курс, позволяющий рассматривать историю русской литературы как единое целое в аспекте мировоззренческих, нравственно-этических проблем развития общества. Без изучения литературной критики сама история литературы предстает неполной и обедненной.

В истории русской литературной критики особое место занимает XVIII век, который вошел в нее под знаком борьбы за национальную культуру и формирование русского литературного языка. Эти задачи обусловили грамматико-стилистический характер и ярко выраженный патриотический пафос критики этого периода, о чем свидетельствуют высказывания М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, А. Н. Радищева.

В работах этих критиков начала свою историю важная и в настоящее время проблема «читатель – критик». Авторы рассуждений, писем активно моделировали читательскую реакцию на свои суждения, различали неоднотипные характеры читателей, которых они приобщали к литературно-художественным проблемам, объясняли цель и назначение критики. Заметим, что литературная критика как теоретическое самосознание литературы в XVIII веке только формировалась, круг ее интересов оставался далеким от окончательной определенности. Однако именно на этом этапе развития критики была осмыслена еще одна ее важнейшая проблема – формирование русской культуры как неотъемлемой части европейской культуры. Первые русские критики были воспитаны на художе-

ственных образцах эпохи античности и Возрождения, произведениях западноевропейских классицистов, и этот факт позволяет студентам соотносить достижения русской критической мысли с мировыми образцами, а также определять их оригинальный вклад в развитие национальной культуры.

Следующий этап в изучении критики связан с историей русской литературы XIX века. Ход историко-литературного развития подвел критику к постановке и решению проблем, связанных с необходимостью осмысления исторического места, состояния и эволюции художественных направлений, с которыми критика была связана идейно-эстетическими отношениями. Характерной чертой литературной критики этого периода стало появление в ней профессиональных критиков, в своих суждениях уже не опирающихся, в отличие от предшественников, на собственный писательский опыт.

В первые десятилетия XIX века начинают публиковаться первые годовые обзоры русской литературы, авторами которых стали критики-романтики А. А. Бестужев (Марлинский), К. Ф. Рылеев. В них нашли отражение умонастроение и мировоззрение декабристов, ориентирующихся в своих суждениях на высокие образцы русской литературы прошлых эпох, а также на достижения западноевропейских поэтов-романтиков. Внутренний пафос выступлений критиков-декабристов впоследствии был усвоен В. Г. Белинским, в литературной критике которого отчетливо прослеживается его демократическое мировоззрение.

Этап за этапом, начиная с первых десятилетий XIX столетия, критика решала по существу мировоззренческие (а не просто специальные) вопросы: о национальной самобытности и народности русской литературы; о художественности и ее критериях и историзме; о художественных методах и направлениях – классицизме, сентиментализме, романтизме и реализме; о периодизации литературы и ее основных жанрах. Непосредственное обращение к работам литературных критиков убеждает студентов в том, что эти и другие вопросы часто выходили за рамки литературной проблематики и связывались с вопросами социально-общественной значимости.

История данного периода литературной критики предоставляет широкие возможности для установления ее очевидной связи с различными областями духовной жизни общества. Разносторонность интересов критиков, их вовлеченность в различные сферы русской жизни, активная журналистская деятельность – все это способствовало укреплению критики как сложного синтетического явления, в котором вопросы философии, истории, эстетики рассматривались в тесной связи с вопросами литературной жизни. Философские идеи придали литературной критике XIX века подлинно научный характер, более того, обусловили становление такого оригинального периода в ее истории, как философская критика. Философско-эстетическая составляющая работ критиков И. В. Киреевского, В. Ф. Одоевского, Н. И. Надеждина, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, П. В. Анненкова, Н. А. Добролюбова и др. способствовала фундаментализации русской литературной критики, придавала рецензиям и статьям о современной литературе характер теоретических изысканий.

Полемика в декабристской критике вокруг проблемы народности русской литературы выявила не только оригинальность высказываемых суждений, но стимулировала развитие этой основополагающей для национальной литературы категории. Студенты имеют возможность на богатом материале статей критиков первой половины XIX в. проследить эволюцию категории народности, убедиться, что под пером критиков одного направления трактовка данной категории приобретала различные оттенки и имела ярко выраженный мировоззренческий характер. Так, уже в трактате «О романтической поэзии» О. М. Сомова требование народности и самобытности литературы утверждается как неперемное условие ее влияния на широкие читательские круги: «Словесность народа есть говорящая картина его нравов, обычаев и образа жизни <...> Народу русскому <...> необходимо иметь свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чуждых <...> пусть же певцы русские станут на чреде великих певцов древности <...> Пусть в их песнях <...> отсвечиваются <...> дух народа и свойства языка богатого и великолепного...» [4, с. 372, 376]. Таким образом, народная поэзия, по Сомову, – национальная, отличительные черты которой заключаются «в духе языка, в способе выражения, в свежести мыслей, в нравах, наклонностях и обычаях народа. Эта же мысль близка его современнику В. К. Кюхельбекеру: Но не довольно присвоить себе сокровища иноплеменников: да возрадятся для славы России поэзия истинно русская... Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные – лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности» [2, с. 348].

Новый этап в осмыслении проблемы народности связан с именем А. С. Пушкина как создателя оригинальной формулы народности: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [3, с. 39-40]. Таким образом, уже в 1820-е годы становление народности как важнейшей мировоззренческой категории заключалось в движении от требования национальной самобытности к

требованию верно отображать дух своего народа не только в показе жизни своего, но и чужого народа. Такое понимание народности позднее будут утверждать Н. В. Гоголь и В. Г. Белинский, по мысли которого, «народность – вот альфа и омега нового периода <...> Что такое народность в литературе? Отпечаток народной физиономии, тип народного духа и народной жизни» [1, т. I, с. 91-92].

Изучение литературной критики во второй половине XIX в. способствует углублению представлений у студентов об особенностях развития русской литературы, основных представителях этого периода, их творчестве. Наполнение новым смыслом в этот период таких эстетических категорий, как народность, национальная самобытность, историзм, типизация, было тесно связано с утверждением реалистического метода в литературе. Критика XIX в., развивавшаяся как философская, не была в то же время рецептурной, дидактической, для обсуждения ее авторы избирали «примечательные» (Добролюбов) в общественном смысле произведения. Демократизация русской жизни этого времени, реформирование многих ее основ обусловили демократическую направленность критики, сосредоточившейся на требованиях выражения в литературе общенародных интересов. Только в течение 1850-1860-х гг. русская критика обогащается новыми критическими системами – «исторической» критикой, «эстетической» критикой, критикой «официальной народности», «реальной» критикой, «органической» критикой, каждая из которых так или иначе связана с идеями В. Г. Белинского, среди которых главными по-прежнему являются вопросы народности, художественности.

Формула народности, к которой приходит Белинский, размышлявший над повестями Н. В. Гоголя, гласит: «народность есть не достоинство, а необходимое условие истинно художественного произведения, если под народностью должно разуметь верность изображения нравов, обычаев и характера того или другого народа, той или другой страны. Жизнь всякого народа проявляется в своих, ей одной свойственных, форумах, следовательно, если изображение жизни верно, то и народно. Народность, чтобы отразиться в поэтическом произведении, не требует такого глубокого изучения со стороны художника, как обыкновенно думают. Поэту стоит только мимоходом взглянуть на ту или другую жизнь, и она уже усвоена им» [1, т. I, с. 295]. Анализ размышлений критика о народности приводит студентов к выводу о том, что для него народность заключалась, прежде всего, в правдивом изображении национальной жизни во всех ее противоречиях, а также выражении специфики психического склада народа. Формированию понимания демократической направленности трактовки народности Белинского способствует обращение к его взглядам на задачи, стоящие перед современной ему литературой. Критик считал великим достоинством современной беллетристики обращение к народной жизни: это, по его мнению, свидетельствовало о том, что литература не только находится на уровне эпохи, но именно ей принадлежит честь возбуждения в обществе этого «нового общественного движения».

История становления категории художественности в трактовке В. Г. Белинского – одна из ярких страниц в литературной критике рубежа 1830-1840-х гг. Развивая ряд положений критики Н. И. Надеждина о художественности, в пору так называемого «примирения» он представляет ее качеством не только самоценным, но и самодовлеющим. Белинский полагает, что подлинно то художественное произведение, которое чуждо каким бы то ни было моральным и социальным потребностям и не имеет цели вне себя. В это время критик формулирует основные признаки художественности: объективность автора, полнота созерцания (охвата) им действительности и беспристрастность. Отсюда и известное противопоставление Белинским писателям-художникам – писателей-нехудожников, творчество которых исполнено активным и субъективно-личностным отношением к жизни; и исключение из сферы подлинного искусства сатиры. Спустя несколько лет, пройдя школу гегелевской философии и философской критики, Белинский, толкуя нормы художественности теперь не отвлеченно, а как изменяющиеся вместе с эпохой и развитием искусства, обогащает учение о художественности новыми идеями. Главной для критика становится мысль о глубоком единстве художественного произведения, естественности его развития и связи частей с целым, гарантом которых является поэтическая идея, пронизывающая все стороны художественного явления: «Теперь требуют от критики, чтоб, не увлекаясь частностями, она оценила целое художественное произведение, раскрыв его идею и показав, в каком отношении находится эта идея к своему выражению и в какой степени изящество формы оправдывает верность идеи, а верность идеи способствует изяществу формы» [1, т. VI, с. 465].

С опорой на идеи В. Г. Белинского концепцию художественности на рубеже 1850-1860-х гг. развивают представители трех направлений в русской критике – «эстетической», «реальной», «органической» – П. В. Анненков, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. П. Григорьев, внесшие в ее разработку важные, часто взаимоисключающие положения. Рассмотрение принципов «чистой художественности» Анненкова, трактовок художественности Чернышевским и Добролюбовым позволяет

формировать у студентов представление о сложном, полемическом характере становления этой основополагающей мировоззренческой проблемы в русской литературной критике второй половины XIX в.

Особое место в критике Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева занимает еще одна мировоззренческая проблема – о месте и значении мирозерцания в творчестве писателя. В своеобразном понимании Добролюбовым и Писаревым задач «реальной» критики нетрудно видеть постановку новых социальных задач, стоящих перед критикой. Не менее важным достижением этих критиков явилось выдвижение новых методологических принципов: конкретного историзма, объективного подхода в рассмотрении образно-содержательной сущности художественного произведения, умения анализировать факты искусства в единстве содержания и формы.

Знакомясь с положениями «реальной» критики, основными этапами в ее развитии, выработанными ею эстетическими категориями, студенты одновременно постигают связь критики XIX столетия с идеологическими движениями того времени. Знакомство с работами критиков других направлений позволяет им выявить сложность и противоречивость развития критики, утверждающей себя в многочисленных дискуссиях и полемике.

Одним из вопросов литературной критики XIX в. является вопрос о ее научности и художественности. В связи с этим методологически и методически оправданной представляется дискуссия в студенческой аудитории по вопросам: критика как наука, критика как литература, критика как синтез научности и художественности, критика как вид публицистики. Эти вопросы целесообразно рассматривать в связи с разговором о формирующем влиянии критики на читательскую аудиторию.

Многоаспектность литературной критики позволяет ей оказывать влияние не только на вкус читателя-студента, но на становление его научных, идеологических, философско-эстетических, нравственных взглядов и убеждений – его мировоззрения. Критика вносит гармонию в противоречивые представления о литературе, является важным стимулом в обращении к художественному миру русских писателей. Поэтому курс «История русской литературной критики» представляется необходимым и значительным этапом в становлении студента-филолога, в формировании его мировоззренческих установок, необходимым условием его настоящей и будущей деятельности.

Литература

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953-1959.
2. Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Якушин Н.И., Овчинникова Л. В. Русская литературная критика. М.: Камерон, 2005.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т.7. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
4. Сомов О. М. О романтической поэзии. Статья III // Якушин Н. И., Овчинникова Л. В. Русская литературная критика. М.: Камерон, 2005.

PERCEPTION QUESTIONS IN THE COURSE «THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERATURE CRITICS»

Tatyana V. Zateeva

Doctor of Sciences in Philology, Professor
Buryat State University
24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

In the article the complex of world perception questions, actualized in the course «The history of the Russian literature critics» is under study. In the course literature critics is defined not only as the complex of critical opinions about this or that phenomenon, but as a science about literature. Due to this circumstance, it is defined as theoretical, enabling to form critical thinking of students, their conscious understanding of the historic-literature process. Based on the material of the main periods in the Russian literature critics of XVIII-XIX centuries world perception questions are studied: a question of interaction between a writer, a critic and a reader, a question about Russian culture as the integral part of the European culture, a question of national identity and ethnicity of Russian literature, a question of artistry, a question about the place and the meaning of world-outlook in works of a writer, a question of the interaction between scientific nature and artistry in critics. The thesis stated in the article about a philosophical character of the Russian literature critics is based on addressing the principal postulates of critics of XIX century - V. G. Belinskiy, N. G. Chernyshevskiy, P. V. Annenkov, N. A. Dobrolubov.

Key words: the history of the Russian literature critics, writer, literature, reader, world perception questions, national identity, ethnicity, artistry.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 5 КЛАССЕ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА

© **Малыгина Татьяна Викторовна**

учитель русского языка и литературы

МАОУ «СОШ №37» г. Улан-Удэ

670018, г. Улан-Удэ, п. Аэропорт, 3

В статье раскрыты практические наработки учителя русского языка и литературы, касающиеся особенностей организации проектной деятельности в 5 классе средней школы. Рассмотрены две группы проблем, возникающие при организации проектной деятельности по русскому языку и литературе: первая связана с возрастными и индивидуальными особенностями обучающихся, вторая – с общим регламентированием проектной деятельности. Для решения проблем первой группы в статье предложены такие пути решения как постановка практикоориентированной задачи проекта (исследовательской, информационной, практической); постепенный переход от творческих и информационных проектов к исследовательским. В рамках решения проблем, связанных с организацией проектной деятельности в 5 классе, в статье предлагается составление «банка заданий»; подготовка для каждого типа проектов «карты проекта» и инструкции по его выполнению.

Ключевые слова: среднее общее образование, проектная деятельность, методика преподавания русского языка и литературы.

Федеральным государственным стандартами основного общего образования (в частности, п. 18.2.1) устанавливается, что «программа развития универсальных учебных действий (программа формирования общеучебных умений и навыков) при получении основного общего образования должна быть, в том числе, направлена на:

- повышение эффективности усвоения обучающимися знаний и учебных действий, формирования компетенций и компетентностей в предметных областях, учебно-исследовательской и проектной деятельности;

- формирование навыков участия в различных формах организации учебно-исследовательской и проектной деятельности (творческие конкурсы, олимпиады, научные общества, научно-практические конференции, олимпиады, национальные образовательные программы и т. д.);

- овладение приемами учебного сотрудничества и социального взаимодействия со сверстниками, старшими школьниками и взрослыми в совместной учебно-исследовательской и проектной деятельности;

- формирование и развитие компетенции обучающихся в области использования информационно-коммуникационных технологий на уровне общего пользования, включая владение информационно-коммуникационными технологиями, поиском, построением и передачей информации, презентацией выполненных работ, основами информационной безопасности, умением безопасного использования средств информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и сети Интернет» [3].

Для реализации указанных положений в образовательном учреждении МАОУ «СОШ № 37» было принято «Положение о проектной деятельности обучающихся в рамках реализации основной общеобразовательной программы основного общего образования» (далее – Положение), в котором устанавливаются цели и задачи проектной деятельности, особенности проекта как формы промежуточной аттестации обучающихся на уровне основного общего образования, требования к организации работы над индивидуальным проектом, к его содержанию, направленности и оформлению.

В соответствии с п. 4.7 Положения обучающиеся самостоятельно выбирают предметную область (в рамках одного или нескольких учебных предметов (интегрированный проект)), выполнение проекта является обязательным для каждого обучающегося, Проект является обязательным (п. 3.7), экспертиза проекта осуществляется комиссией методического совета посредством анализа проектного продукта (п. 4.9), сроки публичной защиты проектов устанавливаются приказом директора образовательного учреждения (п. 4.10).

В ходе работы по организации проектной деятельности в 5-х классах возникали некоторые сложности, опыт преодоления которых мы попытались обобщить в данной работе. Условно их можно разделить на две группы. К первой группе отнесем проблемы, обусловленные возрастными и индивиду-

альными особенностями обучающихся, ко второй группе относятся вопросы, связанные с регламентированием проектной деятельности в целом.

Начальный этап проектной деятельности связан с выбором предмета и темы проекта. По сложившейся практике тему проекта обучающиеся выбирают по одному предмету ближе к срокам защиты проекта, а не в процессе ознакомления с учебным материалом, что в некоторых случаях существенно снижает мотивацию проектной деятельности и ограничивает выбор (например, в процессе реализации творческих проектов, таких как спектакль, инсценировка и т.д.). В связи с этим видится полезным создание своего рода «банка проектных тем и заданий», который представляет собой наиболее общее описание вида задания и его особенностей. Здесь следует помнить, что «проектные умения школьников – это последовательность практических действий по планированию, организации, созданию и презентации субъективно нового продукта» [1, с. 56]. То есть, используя формулировку И. С. Сергеева, «необходимо наличие социально значимой задачи (проблемы) – исследовательской, инновационной, практической» [2, с. 15], а работа над проектом, таким образом, должна представлять собой решение данной проблемы.

Например, при прохождении раздела «Лексика» можно предложить отдельным учащимся информационный проект по русскому языку «Параграф «Веселого учебника». При желании обучающихся участвовать в творческих проектах, например, по литературе, можно в начале учебного года предложить годовой план школьных мероприятий, юбилейных дат писателей и прочих событий, к которым можно тематически приурочить спектакль, литературную инсценировку, литературную гостиную и прочие творческие проекты, предполагающие показ в социальных учреждениях.

Также следует отметить, что в силу возрастных и индивидуальных особенностей пятиклассникам следует рекомендовать информационные и/или творческие проекты, а в шестом классе эта же тема может быть реализована обучающимся в виде исследования. Таким образом, для поэтапного формирования компетенций и компетентностей в области проектной деятельности, выбор темы творческих проектов (и соответственно, ознакомление с «банком проектных заданий») целесообразно предъявлять в начале учебного года. Темы исследовательских проектов оптимально будет предъявить в процессе изучения учебного материала в течение года, а также можно предлагать учащимся продолжать работу над защищенной темой в рамках другого типа проекта. Этап организации работы над проектом является наиболее трудоемким, в силу возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся и требует от всех участников проекта дополнительных усилий.

Самым сложным этапом для пятиклассников является определение понятийного аппарата, а именно – формулировка целей и задач проекта. Здесь необходимо придерживаться общей методики научного исследования, где тема определяет цель проекта в зависимости от типа проекта и вида конечного продукта (что должно получиться в результате проекта), а задачи – это этапы работы над темой (проектом). Одним из путей оптимизации работы над проектом может стать разработка «Карты проекта», где в доступной для обучающихся и родителей форме будет указан конечный продукт, его характеристики, требования к продукту (как критерии его оценивания) и т. д. Например, пятикласснику будет легче работать над темой информационного проекта «Омонимы», если он будет знать, что конечным продуктом станет одноименный параграф из «Веселого учебника», предполагающий наличие теории о типах омонимов, иллюстрирование материала, оформление страниц «Веселого учебника» в виде презентации для защиты и т. д.

Карта проекта

Продукт	Технические Характеристики	Чему должны обучиться (критерии оценки)	Дополнительное требование	Примеч.
Параграф «Омонимы» для «Веселого учебника»	Страницы учебника в виде презентации Microsoft Power Point	Собирать дополнительную информацию о типах омонимов; подбирать примеры; оформлять материал в виде схемы или таблицы; задавать вопросы по новому материалу или составлять задания	Найти или нарисовать иллюстрации; придумать 1-2 задания после параграфа на узнавание или распознавание омонимов, омографов или омофонов	

Второй по сложности момент работы над проектом – сбор информации. Работу в данном направлении необходимо осуществлять в нескольких направлениях: во-первых, учить формулировать поисковый запрос в сети интернет; во-вторых, формировать умение отделять главную информацию от

второстепенной (например, с помощью кластера или схемы); в-третьих, учить оформлять полученные результаты. В этих целях видится необходимым создание краткой пошаговой инструкции в доступной для родителей и детей форме «Как работать над проектом». Кроме того, сбор информации, связанный с определенной тематикой (например, литературное краеведение), ставит перед учащимися проблему отсутствия и/или недостаточного объема материала по теме в сети Интернет, и здесь перед учащимися возникает необходимость поиска источников в библиотеке, что способствует формированию информационной культуры.

Немаловажным условием успешного выполнения проекта является привлечение родителей к совместному участию в проекте. Для исследовательского проекта и информационных проектов может помочь «Карта проекта», в которой должны быть прописаны «роли» родителей и ученика. Например, родителям пятиклассников можно поручить создание макета презентации или оказание помощи на этапе сбора информации («найти в сети Интернет 2-3 источника по теме проекта, написанных доступным для ученика языком»).

Заключительный этап работы над проектом связан с презентацией его результатов. При условии обязательной публичной защиты проектов в рамках текущей аттестации, возникает закономерный временной разрыв между датой проведения проекта (например, литературная инсценировка к Пушкинскому празднику в октябре и защита этого проекта в виде презентации во время текущей аттестации в мае), и это обстоятельство необходимо обязательно учитывать при планировании и организации проектной деятельности.

Таким образом, в проектной деятельности при обучении русскому языку и литературе учитель должен ориентировать обучающихся на социально-значимый продукт, в связи с чем от учителя требуется серьезная методическая подготовка. Организация проектной деятельности должна регламентироваться локальной нормативной документацией образовательного учреждения.

Литература

1. Макарова Д. В. Развитие проектных умений учащихся на занятиях по физике: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005. 218 с.
2. Сергеев И. С. Как организовать проектную деятельность учащихся: Практическое пособие для работников общеобразовательных учреждений. 2-е изд., испр. и доп. М.: АРКТИ, 2005. 80 с.
3. Федеральный государственный стандарт основного общего образования. URL: http://window.edu.ru/resource/768/72768/files/FGOS_OO.pdf (дата обращения: 09.09.17).

PROJECT-BASED ACTIVITIES IN THE 5th GRADE: WORK EXPERIENCE OF RUSSIAN LANGUAGE TEACHER

Tatyana V. Malygina

Teacher of Russian Language and Literature

MAOU "Secondary Comprehensive School # 37", Ulan-Ude

670018, Ulan-Ude, p. Airport, 3

The article discusses the teaching techniques used to realize project-based learning at the classes of the Russian language and literature in the fifth grade in a secondary school. The author analyzes two issues arising when a teacher is organizing project-based activities at Russian language and literature classes: the first one is related to the kids' age and their individual characteristics; the second one is related to the overall requirements for the project-based activity. To solve the first issue, the author suggests setting up practice-oriented tasks for the project (research, informative, practical tasks); to gradually go from creative and informative projects to research ones. To solve the second issue related to the organization of project-based activities in the 5th grade, the author suggests that a "task bank" should be compiled, a "project map" and instructions for it should be prepared for each type of the project.

Key words: secondary general education, project-based activity, Russian language and literature teaching methodology.

СТИЛЕВОЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

© **Маркова Татьяна Николаевна**

доктор филологических наук, профессор

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

454080, Челябинск, ул. К. Цеткин, 24

E-mail: makavelli@hotmail.ru

Автор статьи делится опытом работы семинара по стилевому анализу современной прозы на филологическом факультете. Задача семинара – показать, как стилевой инвариант преломляется на разных уровнях поэтики. Сжатый, спрессованный в стилевом законе, художественный смысл рассредоточивается и обогащается в различных сторонах произведения. В статье последовательно обозначаются «шаги» анализа по всем уровням поэтики с учетом их изоморфности.

Ключевые слова: стиль, поэтика, анализ, современная проза, художественный смысл.

В современной гуманитарной науке значительное внимание уделяется проблеме индивидуального стиля художника... В чем его «зерно», его сущность? Как ее открыть и определить? Интуитивное ощущение стиля как особенного лица узнаваемого нами автора возникает в каждом читателе, но как перевести это восприятие художественного стиля в его определение, в навыки стилевого анализа? Трудности перевода связаны со способностью стиля быть рассредоточенным во всех гранях образной формы и одновременно – выполнять роль закономерности, управляющей структурой литературного произведения целиком.

В отечественной науке о литературе безусловный приоритет в изучении стиля принадлежит эстетическому подходу, согласно которому стиль реализуется не только в области языка, но и в других гранях и уровнях художественной структуры. «Стиль и стилистика, – читаем в «Задачах поэтики» В. Жирмунского, – это разные понятия. Стилистика – учение о поэтическом языке. Стиль связан не только с поэтическим языком, но со всеми сторонами поэтического произведения» [2, с. 31].

Авторы учебника «Теория литературы» Н. Тмарченко, С. Бройтман и В. Тюпа предлагают двойное определение этой категории. С одной стороны, стиль определяется ими как «узнаваемый тип упорядоченности фонетических, лексико-синтаксических и т. п. особенностей всех высказываний речевых субъектов», а с другой – как «общий регулятивный принцип такого рода особенностей высказываний и их композиционных форм» [7, с. 456].

Каждый элемент художественной формы, «каждая текстовая “точка”» несет на себе отличительные свойства («отпечаток») стиля. В этом плане Ю. Б. Борев уподобляет стиль «генному набору», «единой порождающей программе» художественного целого: «стиль – это единая порождающая программа, которая лежит в каждой клеточке художественного организма и определяет структуру каждой клеточки и закон их сопряжения в целое» [1, с. 224]. Благодаря подобной организации стилевых элементов стиль художника становится опознаваемым по отдельному фрагменту его произведения. Читателю порой достаточно прочесть небольшой отрывок, чтобы назвать автора. Все это определяет значимость для нас концепции В. В. Эйдиновой, согласно которой стиль является диалектическим единством внутреннего, структурного, и внешнего, «материального», начал, т. е. явлением «структурно-пластическим» [8, с. 14-15].

Стиль как эстетическое явление есть прежде всего подчиненность всех его элементов некоторому художественному закону, который их объединяет. Поэтому стилевой анализ литературного произведения отнюдь не сводится к его стилистическому анализу. Он требует от исследователя осмысления художественной формы как художественно-значимой формы, как выражения активного ценностного отношения автора-творца.

Компонентами художественной формы или носителями стиля являются ритм, язык, интонация, образная система, субъектная организация, композиция и хронотоп художественного произведения.

Обобщая опыт предшественников, уральский литературовед Н. Л. Лейдерман в книге «Стиль литературного произведения» предлагает свою классификацию стилевых факторов. Ученый выделяет внешние («сверхэстетические») и внутренние («внутрихудожественные») факторы. В числе первых называется прежде всего объективный фактор – культурно-исторические обстоятельства, в которых формируется художник. Так, вызванные предвосхищением новых революций апокалипсические умонастроения в обществе и искусстве рубежа XIX–XX веков вылились в мистико-эсхатологические стилевые тенденции в литературе этого периода.

В числе внешних стилеобразующих сил Лейдерман указывает субъективный фактор – «общий душевный строй художника – то мироотношение, та интуитивная философия жизни, которая может и не осознаваться рационально, но которая оформилась в его темпераменте, психическом складе характера, управляющих его эмоциональными реакциями» [4, с. 27].

В качестве внутрихудожественных факторов стиля Лейдерман последовательно рассматривает творческий метод и жанр. Однако в XX столетии с усилением и утверждением индивидуального творческого сознания главной движущей силой литературного процесса становятся индивидуальные авторские стили, о чем свидетельствуют работы С. Аверинцева, Д. Лихачева и ряда современных авторов. В настоящее время уже не жанр, но автор выступает как доминантный фактор стилеобразования.

Сжатый, спрессованный в стилевом законе художественный смысл рассредоточивается в разных сторонах и элементах поэтики произведения. В каждой талантливой вещи складывается особый способ связи: в строении метафоры, символа, ритма, синтаксиса, персонажа, сюжета и т.п. Основное правило (принцип, закон) порождает цепь частных правил и закономерностей, образуя сложное единство между ними.

Как стилевой инвариант преломляется в поэтике, на разных ее уровнях? Обозначим «шаги» анализа по уровням поэтики, сразу оговорив их непрременную взаимосвязь и взаимопроницаемость (изоморфность).

Чем обусловлен отбор материала? Это избирательность, сознательная авторская установка (А. Солженицын) или нонселекция, изображение потока жизни, неиерархизированного (Л. Петрушевская). Работа ведется с непосредственно жизненным (В. Распутин) или литературно обработанным материалом (Вяч. Пьецух). Ситуация может быть бытовой, житейской, экстремальной, пограничной, моделируемой, условной, экзистенциальной, эмблематичной, знаковой и т.п. Иначе говоря – принцип отбора материала оказывается эстетически значим. (Например, условность, экзотичность, исключительность – в романтическом искусстве, физиологичность – в «натуральной школе»).

1. Словесные формы организации повествования. Именно здесь работает стилистический анализ. В какой пропорции и почему употребляется общеупотребительная, разговорно-просторечная, книжная, литературная, поэтическая, профессиональная, бюрократическая, канцелярская, жаргонная, брутальная, обценная лексика, авторские неологизмы, собственные имена, топонимы, мифологические имена. Полисемия нередко оборачивается потерей предметности; теряя предметность, слово становится знаком. (А далее, возможно, означаящим без означаемого). Обращаем внимание на тропы, метафоры, метонимию, слова-лейтмотивы (подкоп, лаз, пещера – у В. Маканина, круг, лабиринт, западня – у Л. Петрушевской, пионерлагерь, камера, Сеть – у В. Пелевина) [5].

Наблюдение над синтаксисом предполагает уяснение его специфики и функции. Автор предпочитает сложные конструкции или разговорную фрагментарность, паратаксис или парцелляцию; как строит фразу, выделяет абзацы. Какие способы передачи диалогической речи изобретает, какие типы коммуникации использует.

2. Обращаем внимание на структуру повествования, взаимоотношения речи повествователя и чужой речи: субъективное (от 1 лица), объективное (от 3 лица), отстранённое (от лица животного), условное повествование. Варьирование разных типов повествования. Чья и какая оценка (словесная позиция) явлена в тексте? Какова степень близости автора и повествователя: индентификация, маска? Авторская оценка: приговор или авторское вопрошание. "Ускользание" автора. Отказ от универсальных систем, отказ от канонов, метанарративов.

3. Пространственно-временные (хронотопические) формы организации повествования. Здесь важна «оптическая» позиция автора, точка обзора в изображении внешнего мира. Открытое или закрытое пространство. Как выстраивается геометрия пространства? Здесь важную роль играют образы-символы, слова-лейтмотивы (лабиринт, круг, воронка, кольцо, лаз). Каково соотношение временных пластов (и глагольных форм времени). Время в произведении календарное, историческое, психологическое, условное и т.д. Изображение пространства и времени субъективное (от 1 лица) или объективное (от 3 лица). Обращаем внимание на своеобразие пейзажа, интерьера, портретов персонажей.

4. Сюжет – фабула – композиция. Бессюжетность и бесфабульность. Замена фабульного движения развитием тем и мотивов. Приемы монтажа. Кинематографические приемы: общий и крупный план, наплыв камеры, сценарность, сценографичность. Компьютерные приемы. Сопоставление композиции с музыкальным произведением (симфонией, сонатой, рондо) или лирическим стихотворением. Циклизация малых форм прозы.

5. Формы и способы изображения человека. Позиция повествователя в описании внутреннего мира персонажей (субъективная или объективная – через чужое восприятие). Психологизм в прежнем классическом выражении уступает место новым формам. В отличие от аналитического, каузального, объясняющего, новейший психологизм носит скрытый, нерасчлененный, синкретический характер. В

отсутствии развернутого авторского психологического дискурса, диалектики души, потока сознания первостепенное значение приобретают иные, внесубъективные формы, в психологической роли выступают разные структурные элементы произведения, как-то: характер повествования, ритм, интонация, антитеза, вещь, пространство, время. Иными словами, план психологии выражается фразеологическими, ритмико-интонационными, композиционными, хронотопическими, символическими, мифологическими средствами [6, с.91].

Авторская концепция человека. Классический или романтический тип (по Бахтину). Человек – тип (социальный), человек – архетип, человек – стереотип, человек – индивидуальность (значительная, незаурядная), человек – ноумен, «вещь в себе», включённая в случайный поток бытия, человек метафизический, человек переключаемый, бессубъектное состояние, виртуальный субъект, дистанционно управляемый великим Никем.

Имя персонажа. Отношение персонажа с именем, этимологические и интертекстуальные, могут проявляться в широком семантическом диапазоне: тождества, контрастности, парадоксального сближения, усиления, ослабления и т.д. (Например, операции, проделываемые Петрушевской с именами, принадлежат к наиболее ярким свидетельствам мифопоэтической техники в индивидуальном художественном творчестве).

6. Тип сознания и картина мира в художественном произведении. Экзистенциальное или мифологическое сознание. Мифологическое – конкретно, нерасчленено, образно, гармонично, синкретично. Экзистенциальное – абстрактно, расщеплено, конфликтно, отчужденно, катастрофично, дегероизирующе, деперсонализирующе. Рубежное сознание включает обострение предчувствий, интуиций, метафизическое ощущение катастрофы, порожденной эсхатологическими идеями в русской культуре. Виртуальное сознание предполагает одновременное существование в нескольких мирах, метаморфозы, перетекания, балансирование на границе, в непрерывном, по-сталкерски, скрытном ее переходе.

В работе семинара «Стилевой анализ современной прозы» на филологическом факультете ЮУрГГПУ используется учебное пособие, написанное бурятскими учеными-филологами С. С. Имixelовой и О. А. Колмаковой [3]. В нем анализируются произведения, весьма репрезентативные для наблюдения над жанрово-стилевыми тенденциями новейшего периода развития русской прозы.

Литература

1. Борев Ю. Б. Художественный стиль // Ю. Б. Борев. Эстетика. М., 1988. 495 с.
2. Жирмунский В. М. Задачи поэтики // В. М. Жирмунский. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 407 с.
3. Имixelова С. С., Колмакова О. А. Современная русская проза. Улан-Удэ, 2016. 182 с.
4. Лейдерман Н. Л. Стиль литературного произведения / Н. Л. Лейдерман, О. А. Скрипова. Екатеринбург, 2004. 182 с.
5. Маркова Т. Н. Ключевые слова и лейтмотивы в повестях В. Маканина // Русская речь. 2006. №2. С.17-29.
6. Маркова Т. Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин) // Т. Н. Маркова. Дисс. д-ра филол. наук. Екатеринбург. 2003. 320 с.
7. Теория литературы: В 2-х т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Высшая школа, 2004. Т. 1. 512 с.
8. Эйдинова В. В. Стиль художника: Концепции стиля в литературной критике 20-х годов // В. В. Эйдинова. М.: Худож. лит., 1991. 285 с.

STYLE'S ANALYSES of CONTEMPORARY PROSE ON the PHILOLOGICAL FACULTY

Tatyana N. Markova

Doctor of Sciences in Philology, Professor
Chelyabinsk State Pedagogical University
24 K. TSetkin st., Chelyabinsk, 454080 Russia

The author of the article shares the experience of the seminar on the style analysis of modern prose at the philological faculty. The task of the seminar is to show how the style invariant is refracted at different levels of poetics. Compressed, compressed in style law, artistic meaning is dispersed and enriched in different aspects of the work. The article successively denotes the "steps" of analysis on all levels of poetics, taking into account their isomorphism.

Key words: style, poetics, analysis, contemporary prose, artistic sense.

РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЖИВЫЕ УРОКИ» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

© **Мельникова Наталья Леонидовна**

учитель русского языка и литературы

МАОУ «СОШ № 35» г. Улан-Удэ

Россия, 670031, г. Улан-Удэ, бульвар Карла Маркса, 15

E-mail: natdvz@mail.ru

В 2012 году появилась идея проведения «Московских уроков», в этом же году на его основе был запущен федеральный проект «Живые уроки». В 2016 году к этому проекту присоединилась и Республика Бурятия. Проект должен обеспечить интеллектуальное, духовное, творческое развитие, а также патриотическое воспитание подрастающего поколения. Проект нацелен на внедрение туристско-экскурсионных мероприятий в образовательные программы общего образования. «Живые уроки» предусматривают систему образовательных экскурсий, они рассчитаны на учащихся определенных классов с учетом изучаемых в школе предметов, соответствуют конкретной теме урока, т.е. имеют четко выраженную образовательную направленность. Ученики приобретают навыки наблюдений, записи, фотографирования, анализа, обобщения, что способствует качественному усвоению теоретического материала, расширению представлений о тех или иных науках. Школьники по завершению экскурсий должны предоставить результат – образовательный продукт как коллективный, так и индивидуальный. В статье рассматривается реализация данного федерального проекта непосредственно на уроках литературы в школе.

Ключевые слова: федеральный проект, «Живые уроки», уроки литературы.

В 2012 году появилась идея проведения «Московских уроков», в этом же году на его основе был запущен федеральный проект «Живые уроки», который является одним из пунктов плана мероприятий по реализации Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года. Проект «Живые уроки» должен обеспечить интеллектуальное, духовное, творческое развитие, а также патриотическое воспитание подрастающего поколения. Проект нацелен на внедрение туристско-экскурсионных мероприятий в образовательные программы общего образования.

В апреле 2016 года в Министерстве экономики прошло первое обсуждение проекта с участием Министерства образования и науки РБ и туроператоров республики, после чего Правительство Бурятии подписало соглашение о взаимодействии с Российским Союзом Туриндустрии. В настоящее время участниками общероссийского проекта «Живые уроки» являются 25 регионов.

Безусловно, любая из школ может сказать, что она тоже совершает различные экскурсии, посещает памятные места, достопримечательности, узнает и познает новое, например, культуру, историю, природные богатства родного края. Однако здесь стоит разграничивать стандартные экскурсии и «живые уроки».

Так что же такое «Живые уроки»? Чем они отличаются от обычных экскурсий? Что они дают школьникам и учителям?

Традиционные учебные экскурсии чаще всего имеют «точечный» характер. В большинстве своем они не структурированы и не привязаны к конкретной школьной программе, к конкретным предметам, к конкретным темам урока. В основном эти экскурсии, в отличие от «Живых уроков», не имеют оформленного конечного образовательного продукта.

В отличие от традиционных экскурсий, проект «Живые уроки» предусматривает систему образовательных экскурсий, которые рассчитаны на учащихся определенных классов с учетом изучаемых в школе предметов, соответствуют конкретной теме урока, то есть имеют четко выраженную образовательную направленность. Ребята приобретают навыки наблюдений, записи, фотографирования, анализа, обобщения, что способствует качественному усвоению теоретического материала, расширению представлений о тех или иных науках. И, конечно, самое главное, школьники по завершению экскурсий должны предоставить результат, продукт (коллективный и/или индивидуальный, выступить с сообщением или сделать презентацию, написать сочинение или сделать фотоколлаж.

Конечно, участие в проекте «Живые уроки» требует от учителя большой подготовительной работы: необходимо соотнести темы отдельных уроков с программой образовательных экскурсий, определить требования к материалу экскурсии, чтобы получить нужные результаты, скорректировать рабочую программу и КТП, продумать все этапы:

- начало экскурсии – необходимо, чтобы школьники сами поставили цель, сами решили, к какому результату и с чем они должны подойти, каковы критерии оценивания;

- непосредственно экскурсия – разработка маршрута по содержанию, его наполнение, а также расширение учебного материала, за счет, например, музейных экспонатов или исторических справок и т. д.; заранее стоит решить, какая помощь экскурсовода нужна: будет ли задействован путевой экскурсовод (владеющий дополнительным материалом), или только экскурсовод в музее или представитель на производстве;

- завершение экскурсии – презентация материала, ознакомление с результатами, со способами достижения цели, оценивание работ школьников. Но в любом случае «живая» визуализация учебной программы приносит свои плоды и результаты.

Однако здесь возникает определенная проблема. Когда школьники едут на какую-либо образовательную экскурсию, то встречающие преподносят тот материал, который у них есть, нимало не задумываясь о возрастных особенностях детей, о связи с учебной программой и проч. Подготовительная, программная работа, должна быть, скорее всего, проведена экскурсоводом (это может быть и учитель) в путевой экскурсии, так как необходимо затронуть и элементы географии (место, куда едут – район, ландшафт, климат и т. д.), истории (церковная реформа, возникновение и распространение буддизма и пр.), литературы (народное творчество, фольклор и проч.), архитектуры, изобразительного искусства и т.д. Следовательно, для оптимальной сформированности экскурсионного материала необходим единый каталог. Поэтому в проекте задействованы три стороны: школа (заказчик), реализаторы – туроператоры (технические организаторы экскурсии (автобус, согласование с встречающей стороной, путевой экскурсовод, с предваряющим материалом)) и объекты посещения со своими сотрудниками (музеи, заповедники, храмы, предприятия).

В настоящее время в рамках проекта «Живые уроки» Министерством экономики РБ, Министерством образования и науки РБ, Министерством промышленности и торговли РБ, Министерством сельского хозяйства и продовольствия РБ, заповедниками, национальными парками, туроператорами совместно с педагогическим коллективом школы № 35 разрабатывается для школьников «Каталог образовательных экскурсий Республики Бурятия», в котором нашли свое место круглогодичные образовательные экскурсии в музеи, заповедники и другие туристические объекты, где школьники узнают о культуре, национальном наследии и природных ресурсах республики, на предприятия, в больницы, на фермы с целью предпрофильной и профильной подготовки учащихся. Каталог будет представлять собой справочный материал, оформленный в красочной художественной форме с обозначенными предметами, темами уроков и достопримечательностей нашей малой Родины.

При разработке программ и обращении к фактическому материалу мы активно пользуемся ресурсами сети Интернет, работами известных историков и краеведов (Элиасова Л. Е., Тиваненко А. В., Болонева Ф. Ф., Демина Э. В., Гирченко В. П. и др.), а также сборником «Экскурсионные маршруты Республики Бурятия», изданным в 2011 году к 350-летию юбилею Бурятии республиканским агентством по туризму и ФГОУ ВПО «ВСГАКИ». Конечно, большинство маршрутов, включенных в Сборник (например, «Путь Аввакума», «Дацаны в долине Селенги», «В страну Баргуджин Тукум» и т. д.) рассчитано, в первую очередь, на взрослых, в том числе иностранных туристов, а по времени, порой занимает несколько дней, поэтому использовать их напрямую для школьных туров затруднительно. Программы обзорных экскурсий «Чтобы помнили... (Улан-Удэ в годы Великой Отечественной войны)», посвященная 70-летию Великой Победы и «Верхнеудинск – Улан-Удэ: 350 лет истории» нам пришлось написать самим, так как готовых маршрутов не разработано. В апреле-мае 2015 и 2016 года на этих обзорных автобусных экскурсиях побывало более 1200 учащихся всех возрастных групп нашей школы. Эти программы вызвали интерес в школах города: они приняли в них активное участие.

Работа в проекте «Живые уроки» способствует более глубокому усвоению учебных дисциплин, расширению общего кругозора и получению практических навыков учащимися. Также образовательные экскурсии «Живые уроки» представляет собой оригинальную форму внеклассной работы и в этом качестве полностью удовлетворяет требованиям ФГОС.

Особое место «живые уроки» занимают при изучении литературы. Так при изучении малых жанров фольклора наши школьники традиционно посещают не только Тарбагатай и Десятниково, но и совершают пеший переход вдоль реки Кика до реки Прорва; по пути ребята знакомятся с местными легендами и сказаниями, связанными прежде всего с топонимами (например, Хаим).

В 7 классе при изучении повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» возможны 2 варианта изучения культуры казаков. Первый – образовательные экскурсии в «казачью избу» с. Заиграево. Второй – более «бюджетный», но при этом не менее интересный – приглашение на уроки представителей казачьей общины, которые не только рассказывают об истории казачества, но и демонстрируют казачий

костюм, возможен вариант, когда приходит и священник, рассказывающий об основах веры казаков. Все это, безусловно, делает текст Гоголя ближе детям, лексику повести намного понятнее.

Для воплощения в школьную программу регионального компонента нами был разработан образовательно-экскурсионный маршрут в Шаралдай на родину писателя И. К. Калашникова. Таким образом, актуальность и значимость проекта «Живые уроки» в деле обучения и воспитания современных школьников важна и велика. Одним из главных трендов в туризме, особенно в детском, признана «живая» визуализация учебным программ. Свою работу хотелось бы закончить стихотворением, написанным нашей ученицей:

Нам открыты все пути-дороги,
Так ребята наши говорят
Курс берем от школьного порога
На Москву, Ростов, Калининград.
Самолетом, поездом, вприпрыжку,
Где пешком, а где-то и ползком.
Но совсем-совсем не понаслышке
Мир мы наш огромный познаем.
И не только по архивным спискам
И по школьной карте на стене
В Питере, в Берлине, в Бресте, в Минске
Разговор вели мы о войне.
Знаем мы о гуннах и меркитах
Не по книжкам, принесенным в класс,
Мы читали подписи на плитах,
Ведь бывали сами там не раз.
Отправлялись мы не раз в поход,
Горы мы потрогали руками,
Реки мы переходили вброд.
Русло рек, истоки и притоки
Очень интересно изучать
На «живых» практических уроках
В нашей школе № 35.

Литература

1. Федеральный проект «Живые уроки»: официальный сайт. URL: <http://www.zhivye-uroki.ru/> (дата обращения: 10.10.17).

«THE LIVING LESSONS» FEDERAL PROJECT'S REALIZATION DURING LITERATURE LESSONS

Natalya L. Melnikova

Russian language and literature teacher

Municipal Autonomous Secondary School № 35 of Ulan-Ude

15, Karl Marx Boulevard, Ulan-Ude, 670031 Russia

In 2012 the idea of "Moscow lessons" appeared, the same year the "Living lessons" Federal project based on it was launched. In 2016 the Republic of Buryatia joined the project. The said project must provide the intellectual, inner, creative development as well as patriotic upbringing of the younger generation. The project aims to introduce tourist activities during the secondary school's educational programs. Live lessons provide the system of educational tours, they are intended to students of a certain grade according to studied school subjects and correspond a particular topic, it means that they have an explicit educational focus. Students learn skills of observation, recording, photographing, analysis, synthesis, which facilitate the high quality learning of theoretical material, development of views about certain science. Of course, most important is that the students should provide results – educational product - both collective and individual at the project's end. The article discusses the realization of the Federal project during the literature lessons at school.

Key words: Federal project, live lessons, literature lessons.

УДК 811.161.1

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

© Мунхбаатар Борын

преподаватель Монгольского государственного университета науки и технологии
Монголия, 8-р хороо, Бага тойруу, район Сухбаатар
e-mail: skeet_him128@yahoo.com

Работа посвящена проблеме обучения русского языка как иностранного в вузе. В статье отмечается, что русский язык по праву считается международным. Прописывается основная цель обучения русскому языку в рамках учебного курса «Введение в иностранный язык специальности», таковой является предоставление учащимся возможности действовать на языке специальности. Соответственно, выделяются задачи обучения русскому языку, при этом определяется одна из основных задач – совершенствование изучения иностранных языков, в частности, русского языка как иностранного. Подчеркивается, что эта задача особенно важна в отсутствие языковой среды. Ставится еще одна немаловажная задача - разработка научно-методической и психолого-педагогической основы организации учебного процесса. На основе опыта работы в вузе в статье описываются основные методы обучения русскому языку в рамках учебного курса «Введение в иностранный язык специальности».

Ключевые слова: русский язык, обучение, методика обучения.

Последние годы характеризуются возрастающим интересом к русскому языку в Монголии, который в начале 2000-х годов испытывал некий спад, так как роль русского языка исключительно велика и важна среди мировых языков в качестве средства международного общения. Невиданные темпы развития современной науки также сыграли свою особую роль, ведь велика роль русского языка для обмена научной информацией.

Известно, что основной целью обучения языку специальности является предоставление учащимся возможности действовать на языке специальности: получать необходимую информацию по специальности из прочитанного (прослушанного) текста, адекватно использовать профессиональные знания в процессе общения на русском языке, совершенствовать свою предметную компетенцию [1]. Из этого следует, что в процессе обучения языку специальности в качестве основной выдвигается задача формирования у студентов речевых умений и навыков в тех видах и формах речевого общения, на которых базируется учебная деятельность обучаемых при овладении специальными научными дисциплинами [2].

К сожалению, не все студенты высших учебных заведений могут похвастаться знанием русского языка, связано это с утратой статуса обязательного предмета «Русский язык» в школьной программе. В связи с таким положением в стране у студентов вузов невысокий вербальный интеллект, эрудиция, небольшой словарный запас русского языка. Нельзя не отметить и следующий факт: у некоторых монгольских студентов наблюдается негативное отношение к русскому языку, поскольку предпочтение отдаётся английскому, китайскому, японскому, корейскому и др.

Вопреки традициям преподавания русского языка прошлых лет, когда эта дисциплина была обязательной в монгольской средней школе, в этом году от русского языка отказались некоторые частные средние школы, обучавшие школьников русскому языку по углублённой программе. В монгольских школах с прошлого года решением Минобразования страны принято решение ввести русский язык в старших классах только как факультативное занятие. Следует отметить, что и оно перетерпевает свои проблемы: нет учебных стандартов, чувствуется нехватка учителей русского языка.

С другой стороны, параллельно процессу отказа от предмета «Русский язык» в некоторых средних школах Монголии, а именно, в филиале Академии им.Плеханова, школе «Кириллица», совместной школе № 3 и др. вводится обучение по углублённой программе или же по российской учебной программе.

За годы обучения русскому языку в Монголии разработана методика преподавания русского языка монголам. К сожалению, годы спада интереса к русскому языку дают свои результаты. Сегодня мы имеем студентов, большая часть которых не изучала в школе русский язык.

В нашем вузе введен предмет «Введение в иностранный язык специальности» в связи с необходимостью использовать язык специальности в работе. Студенты понимают, что этот предмет им необходим для будущей карьеры, такая мотивация, возникающая благодаря аспекту использования, применения, способствует успешному проведению занятий.

Для желающих изучить русский язык в соответствии с программой сообщение знаний предполагает наглядное представление материала и имеет практические формы.

Большую роль играет чтение текстов по специальности, как средство познания и общения. Этим в значительной степени определяется важность задачи обучения чтению в процессе преподавания русского языка.

Немаловажно обучение пониманию устных и письменных текстов, но ещё важнее овладеть навыками выражения своих мыслей на языке специальности. Для стиля языка специальности характерны: точность, однозначность, дифференцированность, экономичность, плотность, экспрессивная нейтральность [2].

Именно поэтому, преподавателя русского языка ставит основную цель – научить первокурсников правильно читать. А умение читать складывается из техники чтения. Известно, что техника чтения складывается из правильного озвучивания слов, правильного и чёткого произношения слов и правильное толкования новых слов, их выражений, значений и, конечно же, понимания прочитанного.

Мы все знаем, что хорошо читающий человек, хорошо и правильно пишет, и даже хорошо говорит на изучаемом языке. Также известно, что без умения читать применение любого языка, в частности русского языка, вне языковой среды очень ограничено, а навыки говорения, которые поддерживаются чтением, распадаются. Просто уметь читать – это еще ничего не значит, главное – это что читать и понимать читаемое.

При чтении особое значение имеет техника чтения. Студент должен овладеть техникой чтения, которая предполагает правильное речевое дыхание, постановку голоса, дикцию, интонацию / темп, тон голоса, расстановку ударений, пауз и др./.

Фонетическая система монгольского языка схожа с фонетической русского языка, за исключением ы, у, й, в, л, ж, к, н, п, р, ф, щ, да и графически они изображаются одинаково. Поэтому при обучении чтению больше внимания необходимо уделять не постановке звуков, а ударения, потому что русское ударение отличается подчинением себе тех фонетических явлений, которых нет в монгольском языке. Монгольский ударный слог – это не русский ударный слог, фактически монгольское слово не имеет ударения в том смысле, который вкладывается в понятие «ударение». В связи с чем, одной из самых трудных является обучение постановке ударения

Монголы при чтении испытывают затруднения в произношении звуков [Ж,З, С-Ш, СЧ, Ч] и в смягчении согласных звуков. В последнее время в наблюдается путаница в произношении согласного [Р] с английским [R]. И это явный признак фонетической интерференции.

При чтении студенты слова произносят нечётко, концы слов и особенно фраз проглатывает. Не делают паузы, где нужно. Ассимиляция на стыке предлога и последующего слова в русском языке более заметна в таких примерах: «с железом», «без шлаков», «от дерева». Нужно отметить и то, что в монгольском языке отсутствуют начальные консонантные звукосочетания. В результате в начале слова перед сочетанием согласных звуков монголами обычно вставляют протетические гласные (например, серебро = [и] серебро, сера - [и]сера, - [и]до свидания, кого -[у]кого и т.д).

При чтении происходит непроизвольное запоминание, оно более естественно. Поэтому тексты для чтения при изучении русского языка составляются с учётом многократной повторяемости языковых единиц.

Следовательно при организации процесса обучения чтению, при отборе текстовых источников важно учитывать факторы, которые могут либо способствовать пониманию информации, либо существенно тормозить его.

Понимание текста может характеризоваться различными уровнями проникновения в смысловое содержание текста. Это может быть связано как с личностью читающего, так и с некоторыми параметрами самого текста. Помимо этого необходимо учитывать и то, что расхождение в объёмах значения слов в русском языке и монгольском языке становится причиной многих лексических ошибок типа: заказать журнал (в значении подписаться) и является препятствием для адекватного восприятия содержания прочитанного.

При отборе лексического материала следует обязательно производить сопоставительный анализ лексики русского и монгольского языков. Также при отборе наиболее трудных для студентов лексических групп по специальности целесообразнее опираться на родной язык.

В процессе обучения наблюдаются, что на понимание текста сильно влияют уровень языковой подготовки и речевого опыта наших студентов, то есть степень владения навыками чтения. А также понимание текста зависит их индивидуальных особенностей обучающегося, таких как внимание, память, степень развитости мыслительных операций, возраст, темперамент, психология и другие факторы.

Для студентов потребность в чтении будет обеспечена только тогда, когда предложенные для чтения тексты будут соответствовать их познавательным и эмоциональным запросам, уровню их интеллектуального развития. В связи с этим преподаватели кафедры разработали для студентов технического вуза учебник «Научный стиль», который включает разнообразные тексты по жанрам и тематике, а также по специализации, что, естественно, пробуждает в студентах интерес к языку.

Для овладения умением выделять главное содержание в тексте рекомендуется проводить различные упражнения. Суть таких упражнений – помочь учащимся осознать текст как единое смысловое целое. Например, для решения этой задачи в обучении чтению используем задания типа:

1. Разбейте текст на части;
2. Озаглавьте каждую часть;
3. Определите части текста в соответствии с планом;
4. Найдите в тексте факты, подтверждающие ...;
5. Прочитайте предложения, несущие основную информацию текста и т. д.

Здесь важно умение осмысливать информацию текста. Согласно вышесказанному, осмысление текста связано, с одной стороны, с пониманием мотива и цели автора текста, а с другой – с реализацией собственной мотивации чтения текста.

Мы уже знаем, что осмысление информации текста происходит не после завершения чтения, а по мере поступления информации в ходе чтения, поэтому установка на смысловую переработку должна даваться до чтения текста. Здесь огромна роль предтекстовых заданий и знакомство с новой лексикой до чтения текста. Студентам предлагается дома с помощью словаря найти перевод новых слов в словаре, а на занятии придумать с ними возможные словосочетания до чтения текста.

По степени участия родного языка в понимании прочитанного различают беспереводное и переводное чтение. Понять текст и перевести текст – задачи разного уровня. Ученые предлагают использовать в неязыковом вузе беспереводное чтение. Но в наших условиях, где нет языковой среды, мы не можем противостоять стремлению учащихся переводить каждое слово, каждую фразу текста. Хотя считаем, что перевод как форма контроля понимания текста мало оправдан.

В процессе обучения на занятиях русского языка мы стремимся к тому, чтобы студентам давать новые слова и выражения, встречающиеся в тексте, без перевода, а с помощью толкования. Но это не всегда даёт позитивные результаты. И поскольку на занятиях изучаются грамматические конструкции, то особое предпочтение отдаётся переводу текстов с помощью выделения конструкций, а потом нахождение их распространения в тексте.

Основным направлением в изучении иностранных языков в неязыковом вузе следует считать формирование навыков чтения специальной литературы и беседы по специальности. А в процессе обучения каждому студенту приходится отвечать на уроках, готовить самостоятельно сообщения на конференциях, готовить доклады по специфике специальности, наконец просто вести беседу по изучаемым темам. Но студенту для этого необходимо иметь достаточный запас слов, чтобы выражать свои мысли чётко и ясно. Так что преподавателю необходимо заботиться о расширении лексического запаса студентов. Для этого необходимо учить студентов не только запоминанию новых слов, но и их правильному произношению. Поскольку неправильно выученные слова затрудняют правильное говорение, появившиеся ошибки трудно исправлять, вообще, на это уходит много времени.

На занятиях мы используем различные приёмы перехода диалогической речи в монологическую. Один из таких приёмов - вопросно-ответный ход. Он превращает монологическую речь в диалог, делают студентов собеседниками, активизирует их внимание т.е. умело и интересно поставленные вопросы привлекают внимание аудитории. Проверка понимания текста проводится в соответствии с правильностью и полнотой ответов на вопросы. Поэтому вопросно-ответный ход является основой наших учебников.

Таким образом, обучение нефилологов русскому языку в вузе строится на формировании и развитии познавательного интереса, активности и самостоятельности студентов. Этапы достижения этой стратегической цели заключаются в следующем: от обиходного языка через профессионально ориентированные темы – к языку инженерной специальности.

В настоящее время овладение русским языком в процессе профессионального обучения играет большую роль. Данная проблема остается актуальной и ныне. В последнее время всё большее число выпускников неязыковых вузов Монголии, в процессе своей деятельности общаются на иностранном языке, сотрудничают с зарубежными компаниями и предприятиями. Это касается и русского языка. Отмена визы при поездке в Россию стала одной из значимых факторов роста интереса монгольских граждан и монгольской молодёжи знать и изучать русский язык, поехать в вузы России за знаниями.

И это явление мы называем «всплеском» интереса монголов к изучению данного языка, а значит и интереса к России.

Литература

1. Иванова Г. В., Широкова М. В. Обучение языку специальности // Язык медицины: Всероссийский межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Самара, 2004.
2. Борисова Л. Н. Актуальные проблемы обучения студентов-нефилологов иноязычному общению: мат-лы науч.-практ конф. (Белгород, 27 мая 1997 г.). Белгород, 1998.

TO THE PROBLEM OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE STUDENTS OF NON-PHILOLOGICAL SPECIALTIES

Munkhbaatar Boryn

Lecturer of the Mongolian State University of Science and Technology
Sukhbaatar, 34 Baga toyruu St., Ulaanbaatar, 14191 Mongolia

The work is devoted to the problem of teaching Russian as a foreign language in an institution of higher learning. The article notes that the Russian language is considered to be international. The main purpose of teaching the Russian language in the framework of the training course "Introduction to a foreign language specialty" is prescribed, this is to enable students to act on the language of the specialty. The work is devoted to the problem of teaching Russian as a foreign language in an institution of higher learning. The article notes that the Russian language is considered to be international. The main purpose of teaching the Russian language in the framework of the training course "Introduction to a foreign language specialty" is prescribed, this is to enable students to act on the language of the specialty. Another important task is to develop a scientific-methodological and psychological-pedagogical basis for organizing the educational process. On the basis of work experience in the university, the article describes the main methods of teaching the Russian language in the framework of the training course "Introduction to a Foreign Language Specialty."

Key words: Russian language, teaching, teaching methods.

ИНТЕГРАЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И МУЗЫКИ КАК ФОРМЫ ЭСТЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ (на материале поэзии Н. А. Некрасова)

© **Новокрещенных Елена Георгиевна**

кандидат филологических наук
преподаватель ГАПОУ РБ «Колледж искусств им. П.И. Чайковского»
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, пр. Победы, 17
E-mail: ya.elenanov01@yandex.ru

© **Абашеева Людмила Ивановна**

преподаватель ГАПОУ РБ «Колледж искусств им. П.И. Чайковского»
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, пр. Победы, 17
E-mail: ya.elenanov01@yandex.ru

В рамках художественной реальности XX-XXI вв. особое место занимает возникновение синтезирующих способов мышления, основанных на интеграции видов искусств. Одним из главных направлений современного творчества стала установка на художественный синтез. Синтез живописи, истории, литературы, театра с музыкой показан в контексте разных культур. Симбиоз поэзии и музыки занимает особое место в учебно-творческом процессе обучении музыкантов. В сопряжении этих двух видов искусств, неделимых изначально, изучается музыкальная литература, отечественная и зарубежная литература разных эпох и направлений, как на познавательном, так и на интерпретационно-исполнительском уровне.

Ключевые слова: интеграция, духовно-нравственное воспитание, Н. А. Некрасов, поэтический голос.

Идеологемой современного образовательного процесса является духовно-нравственное воспитание, которое реализуется в большей степени через внеклассную деятельность. Основой реализации данной концепции в нашем учебном заведении является интеграция общеобразовательных предметов и музыкального искусства, в частности, литературы и музыки. Проблему научного понимания интеграции в образовании исследуют учёные и практики в различных областях знаний. По мнению одного из ведущих методистов, занимающегося данной проблемой, Л. И. Гриценко, процессы интеграции в образовании отражают тенденции современной социокультурной ситуации. В связи с этим сегодня особое внимание необходимо обратить на культивирование духовных ценностей, на развитие целостной личности в единстве ее специальных и общечеловеческих компетентностей. Интегративное обучение предполагает реализацию интегративного подхода, который представляет собой разработку методов деятельности, конструирование сложных развивающих объектов и процесс его исследования на основе объединения в единое целое различных свойств, моделей, концепций.

Актуальность данного направления работы определена необходимостью развития и совершенствования художественного восприятия искусства у учащихся колледжа. Именно в классических музыкальных произведениях, созданных композиторами под впечатлением шедевров русской и мировой литературы, заключен богатейший потенциал духовно-нравственного воспитания личности. Постигание литературных произведений во взаимосвязи с музыкой найдёт отражение и при дальнейшем изучении музыкальных произведений на уроках музыкальной литературы, истории мировой культуры и других дисциплинах.

Следует сказать, что к Н. А. Некрасову никогда не было однозначного отношения. Его называли «странным поэтом». Поэт, который писал о народе, но никогда с ним не общался, был аристократом, элитой, любил играть в карты, проигрывал и выигрывал огромные суммы. И. С. Тургенев писал, что испытывает положительное отвращение к его стихам. Критик и поэт Аполлон Григорьев называл творчество Некрасова «больничными стихами». Критик Михаил Антонович утверждал, что Некрасов не был лириком. Предметом нашего исследования явилась особая певучесть, музыкальность стихов поэта, их органичное родство с песенными жанрами, фольклором. Не случайно, первая книга стихов Некрасова, изданная в 1840 г., когда ему было 19 лет, была названа «Мечты и звуки».

Со школьной скамьи мы знаем стихи поэта, наполненные яркой образностью, легко запоминающейся поэтической рифмой, ставшие знаковыми, сразу узнаваемыми. Каждый образ у Некрасова словно списан из самой жизни, имеет свой голос, характер, речь, особенности говора, жеста. Будь то крестьянин-пахарь – великий труженик, «хранитель земли русской» или простая русская баба, с ее тяжелой долей. Вспомним строки: «Доля ты!- русская долюшка женская! Вряд ли труднее сыскать». Или коробейник – мелкий странствующий торговец, добрый молодец, полюбивший красную девицу,

заною сердечную. Стихотворение «Коробейники» – одно из первых было положено на музыку. Оно так и просилось в мир музыки, благодаря своему плясовому ритму, задорному характеру.

Исследователь проблемы «Поэзия и музыка» музыковед В. А. Васина-Гроссман отмечает особую музыкальность стихов Некрасова, «искуснейшего мастера поэтической формы». Сам Некрасов часто давал своим стихам и поэмам определение «песня»: «Песня о труде», «Песня Еремушки», «Колыбельная песня», «Песня преступников»; циклы «Песни» и «Песни о свободном слове». Корней Иванович Чуковский называл стих Некрасова «могучим, плавным, широким пением. Исследователь отмечал, что Некрасов больше любит «петь», нежели рассказывать. Николай Некрасов принадлежал к новому демократическому направлению в русской литературе – «натуральной школе», задачей которой являлось раскрытие правды жизни без прикрас, без «сусального», как скажет потом Модест Петрович Мусоргский, создавая свои песни на стихи поэта «Калистрат», «Крестьянский сын», «Колыбельная Еремушке».

К лирике поэта обращались многие русские композиторы: знаменитое стихотворение «панаевского цикла» «Прости» (посвященное возлюбленной поэта – Авдотье Яковлевне Панаевой – одной из красивейших женщин Петербурга) более 40 раз положено на музыку. Стихотворение характерно предельным сосредоточением лирических чувств, напоминая образный строй бытового романса:

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

В музыкальных кругах широко известен романс С. Танеева «Бьется сердце беспокойное», С. Рахманинов под впечатлением «Зеленого шума» Некрасова написал свою знаменитую кантату «Весна», которая впервые прозвучала с участием Ф. Шаляпина 8 января 1905 г. в Петербурге.

Сердце Некрасова целиком и полностью было отдано своей Родине, которую он любил беззаветно. Образ бессильной и могучей Руси из поэмы «Кому на Руси жить хорошо?» вдохновил Георгия Свиридова на создание хорового цикла на стихи Некрасова. Величественным хоровым финалом завершается это сочинение:

Ты и убогая
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка – Русь!

В лирических стихах поэта ощущаются уже не песенные, а романсные интонации, близкие жанру романса-монолога. Например, стихотворение «панаевского цикла» «Мы с тобой бестолковые люди»:

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово...

Горькую долю русской крестьянки показал нам поэт в поэме «Мороз-Красный нос», перекликающейся с русской народной сказкой «Морозко». Именно в этой поэме прозвучали строки, ставшие знаковыми в русской поэзии: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Есть у Некрасова и женские образы, наполненные житейским юмором, который помогает выстоять в нелегкой судьбе. Одним из типичных стал образ девушки, отданной замуж за нелюбимого, старого, например в стихотворении «Катерина»:

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.
Пьяный все колотит, трезвый все ворчит,
Сам что ни попало из дому тащит!

Это стихотворение очень близко по характеру песне в народном духе А. Даргомыжского «Лихорадушка». Известно, что композитор общался с поэтом, посещая литературно-музыкальные вечера «Некрасовские субботы».

Образ зимней дороги, тройки-птицы – символа Руси, летящей навстречу судьбе, вошел в литературу вместе с Гоголем. У Некрасова – ямщик, его песня под звон бубенцов – часто встречающийся персонаж. И, конечно, та же несущаяся по зимней дороге тройка:

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Говоря о музыкальности и композиционной стройности произведений поэта, хочется затронуть и неотъемлемую для его поэзии в народном духе долю звучания фольклорных мотивов. Мы уже отмечали роль жанров песни, романса, вокального монолога, плясовой. Но и в самих текстах часто встречается герои, которые поют, или сказывают текст, как например, в стихотворении «Орина, мать солдатская»:

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,
«Не белы снежки», закашлялся,
Задышался – пал на полосу!

А также песня, известная своей обличительной силой – «Дубинушка» или лирическая крестьянская «Лучина».

Интеллект и эстетический фундамент личности в России всегда создавался литературой. Исследователь Б. М. Гаспаров в своей работе «Пять опер и симфония: слово и музыка в русской культуре» пишет: поиски писателей и поэтов, а вслед за ними русских композиторов, опирающихся на родной язык, приводили к формированию русской идеи как мессии, нашедшей воплощение в высочайшей духовности, глубокой нравственной силе русского искусства [2, с. 9]. Поэтический голос Н. А. Некрасова звучит в полную силу и сегодня, рождая многоголосную партитуру песни о русском народе и его силе.

Литература

1. Васина-Гроссман В. А. Музыка и поэтическое слово. М.: Музыка, 1972. 149 с.
2. Гаспаров Б. М. Пять опер и симфония: слово и музыка в русской культуре. М.: Классика–XXI, 2009. 320 с.
3. Гриценко Л. И. Теория и практика обучения: интегративный подход. М.: Академия, 2008. 240 с.
4. Созвучия души: интеграция литературы и музыки как форм эстетического развития студентов / Авт.-сост. Абашеева Л. И., Новокрещенных Е. Г. Улан-Удэ: ИП Бальжинимаев А. Б., 2014. 64 с.
5. Чуковский К. И. Мастерство Н. А. Некрасова. М.: Худож. лит., 1971. 125 с.

LITERATURE AND MUSIC INTEGRATION AS A FORM OF AESTHETIC DEVELOPMENT OF THE STUDENTS (a case study of N. A. Nekrasov's poetry)

Elena G. Novokreschennykh

Candidate of Science in Philology

Lecturer of "College of Arts P. I. Tchaikovsky", Ulan-Ude

17 Pobedy Av., Ulan-Ude, 670000 Russia

Lyudmila I. Abasheeva

Lecturer of "College of Arts P. I. Tchaikovsky" Ulan-Ude

17 Pobedy Av., Ulan-Ude, 670000 Russia

Within the art reality of the XX-XXI centuries integrative thinking based on art forms integration stands out. One of the main areas of modern art is a synthesis of arts. A synthesis of painting, history, literature, theatre and music is presented in different cultures. Poetry and music symbiosis has a special place in study and creative process of education of musicians. Along with these two integral art forms musical literature, national and foreign literature of different centuries and directions on cognitive and interpretative level are also studied.

Key words: integration, moral and spiritual education, N. A. Nekrasov, poetic voice.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ (при изучении пословиц и поговорок)

© **Олзобоева Валентина Казановна**

учитель русского языка и литературы

Республиканский бурятский национальный лицей-интернат №1

670009, г. Улан-Удэ, ул. Вечерняя, 17

E-mail: olzoboeva.valia2016@yandex.ru

В статье рассматривается проблема формирования этнокультурной компетенции учащихся на уроках литературы (при изучении пословиц и поговорок). Концептуальные положения Федерального государственного образовательного стандарта ориентированы на формирование у учащихся основ российской гражданской идентичности, этнической и национальной принадлежности и уважительного отношения к истории и культуре других народов. Формирование этнокультурной компетенции учащихся возможно при особой роли образовательного учреждения, где закладываются основы культурного развития, моральных качеств и установок, а также развивается способность к межкультурному конструктивному диалогу и партнерству.

Ключевые слова: этнокультурное образование, этнокультурная компетенция, пословицы и поговорки, бурятский народ, русский народ, этническая идентичность.

Россия – многонациональное государство, где проживают представители разных этнокультурных групп, имеющих уникальные культурные традиции. Новая концепция образования, современные требования к преподаванию литературы ставят перед учителем задачу формирования духовно богатой, нравственно ориентированной личности, человека, любящего свой народ и свою культуру [1].

Родной язык, имеющий многовековую историю, составляет предмет гордости его носителя. Поэтому в современных условиях особое внимание уделяется проблеме формирования этнокультурной компетенции учащихся на уроках литературы, которая является важнейшим средством развития духовно-ориентационной культуры, языковой личности. Использовать элементы народной культуры в обучении – древняя традиция. Она актуальна и в современном социуме, когда состояние нестабильности вызывает потребность в проверенных веками народных традициях, которые содержат гуманистические основы [3].

Этнокультурная компетентность как объективно-субъективное явление включает в себя готовность школьника изучать различные культуры на уроках литературы с целью комфортного существования в полиэтнической среде, преодоления узости кругозора, постижения взаимовлияния народов.

Пословицы и поговорки как носители культуры изучаемого языка, являются эффективным средством формирования культурной и языковой компетенции учащихся. Благодаря сжатости, эмоциональности, специфической ритмической структуре пословицы вызывают интерес у учеников и способствуют усвоению материала.

Традиции русского и бурятского народов развивались на протяжении веков. Глубокие по содержанию, они представляют ценный результат развития русского и бурятского народов и служат связующим звеном прошлого и настоящего. Буряты называют пословицы «цветом языка», «ненанизанными жемчужинами»; русские – «речью умной», здравой, сказанной не даром. В. И. Даль писал: «Пословицы – коротенькая притча; суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности» [4]. Вот как об этом говорит народная мудрость: «Пословицы и поговорки правдивы, слова народов точны» - Оньһон угэ оносогой, олоной угэ тудасатай» [3].

Нами разработана экспериментальная программа развития ГБОУ «РБНЛИ №1» «Этническая социализация учащихся в условиях поликультурной среды». Под этнической социализацией понимаем:

- процесс приобщения учащихся к нормам, ценностям своей этнической культуры, то есть бурятской культуры;

- процесс становления личности ребенка как представителя своей этнической группы, процесс поддержки ученика в осознании им себя в качестве части полиэтнического российского общества.

Разрабатывая программу развития школы, мы исходили из следующих теоретических положений:

- в процессе этнической социализации формируется этническая идентичность, этнокультурная компетентность, предполагающая этноинтеграцию в полиэтнические сообщества и адаптацию к эффективному межкультурному взаимодействию;

- управление процессом этнической социализации предполагает включение ребенка, его «я» в культуру своего этноса и одновременно в социально-иерархическую структуру современного общества.

Реализация данной программы позволила нашим ученикам приобрести бесценные навыки общения с полиэтничным окружением, расширить кругозор, совместно с педагогами прийти к выводу, что традиции и обычаи окружающих народов разнообразны, но имеют одно общее начало – воспитание нравственности у молодого поколения, независимо от национальности.

На уроке литературы, при изучении темы «Фольклор» в 6 классе, мы считаем нужным соотносить пословицы и поговорки двух народов (русского и бурятского). Именно в них отражены национальные черты характера: спокойный нрав, вежливость в обращении с людьми, уважение к старшим, наблюдательность, смекалка, ум, находчивость.

В качестве примера приведем разработку урока «Конкурс бурятских и русских пословиц» в 6 классе.

Цели: показать глубину мыслей, содержащихся в русских и бурятских пословицах; сформировать культуроведческую компетенцию; развивать речь, творческие способности, память, логическое мышление; способствовать гражданскому воспитанию, формированию нравственных убеждений, уважительного отношения к другим народам.

Класс делится на две команды. Каждая команда придумывает название, девиз, приветствие. Члены команды рисуют эмблему, готовят пословицы различных тематических групп: «О матери», «Про дружбу», «О добре», «О родине». Жюри – учителя русского языка и литературы. Конкурс оценивается по 5-балльной системе. Ход конкурса:

Вступительное слово учителя (*звучит веселая и задорная игровая музыка*):

Внимание, внимание! Начинается наше соревнование! Сегодня мы приглашаем вас, дорогие шестиклассники, принять участие в конкурсе бурятских и русских пословиц. Побывав на этом конкурсе, вы вспомните, что такое пословица, узнаете, кто придумывает их, как и где они используются в нашей жизни.

I Конкурс: «Приветствие».

Команды представляют друг другу (название, девиз, эмблема, капитан).

II Конкурс: «Домашнее задание».

К русской пословице надо подобрать бурятскую и объяснить значение.

- Учение – свет, а неучение – тьма. – *хураһан далай, хураагуй – балай* (в этой пословице учение, знания сравниваются со светом, а неучение, безграмотность – с тьмой);

- Не имей сто рублей, а имей сто друзей. – *Зуун түхэригтэй ябанхаар, зуун нүүхэдтэй яба* (говорится про дружбу, про друзей);

- Куда иголка, туда и нитка. – *Ехэ нохойн хусахада, бага нохой хусаха* (человек следует чаще всему чьему-то примеру);

- Нет дыма без огня. – *Гал угы газарһаа утаан гарахагуй* (есть повод для того, чтобы предположить что-либо);

- Коль дают, так бери; коль бьют, то беги. – *Угэбэл – абагты; улдэбэл – гарагты* (если дают – берите, если выгоняют – выходите);

- Будет голова – шапка найдется. – *Толгой байбал, малгай олдохо*. (нужно понимать, что для человека важнее: лишь бы голова была цела, а шапку – добудем);

- Плохой человек славу людей портит, сорная трава урожаем портит. – *Муу хун зонние бузарлаха, муу үбгэн таряа бузарлаха* (от одного плохого поступка или слова портится общее впечатление);

- Учи дитя, пока поперек лавки лежит. – *Хун болохо багаһа, хулэг болохо унаганһаа* (хорошее воспитание человека начинается с детства).

III конкурс: «Узнай пословицу».

Конкурс проходит в жанре пантомимы: участники «показывают» пословицу, а команда-соперница должна отгадать ее:

- За двумя зайцами погонишься - ни одного не поймаешь;

- На чужой каравай рот не разевай;

- Дүрбэн зүг найман тээшээ арилха;

- Зоболон үзөөгүй хүн жаргал гээшые мэдэхэгуй.

IV: Найди пару.

Пословицы даны под номерами. Нужно указать номера пословиц, которые имеют сходный смысл.

А

1. У доброго коня хозяев много, а у хорошего человека друзей. – *Найн мориндо эзэн олон, һайн хундэ нүхэр олон*.

2. У лжи короткие ноги. – Худал мухор хултэй юм.
 3. Упустишь коня – поймаешь, а слово обронишь – не поймаешь. Агта алдабал – баригдаха, ама алдабал – баригдахагүй.
 4. Ближний бык лучше далекой лодки. – Холын онгосоһоо, ойрын буха дээрэ.
 5. Лай старого пса – вплоть до утра, а слово, сказанное стариком – на всю жизнь. – Хүгшэн нохойн хусаһан – үүр сайха, үбгэн хүнэй хэлэһэн үе дууһаса.
 6. Старого волка не обманешь. – Хүгшэн шоно мэхэдэ орохогүй.
- (ответ: 5 и 6, так как в обеих пословицах – об опыте жизни, которые приобретаются с возрастом).

Б.

1. Стремись к хорошей жизни – учишь смолоду, ждешь удоя – с зимы, откармливай корову. – найжархы хүсэбэл, залууһаа эрдэм һура; хаали хулэбэл, үбэлһөө үнээгээ таргалуула.
 2. Пугливая лошадь и от своей тени шарахается. – Хортогой морин һүүдэрһөө ургэдэг.
 3. Сила слова стоит воиска, а сила рук равна силе одного человека. – Сээжын бүхэ сэрэг хүтэ, гарай бүхэ ганса хүтэ.
 4. Трус десять раз умирает. – Аймхай хүн арба үхэдэг.
 5. Только не умный человек сам себя хвалит. – Адаг тэнэг бээ магтаха.
- (ответ: 2 и 3, так как пословицы – о трусости как отрицательной черте характера человека).

Подведение итогов конкурса.

Отмечаются самые удачные моменты; проигравших нет. Все – победители, так как хорошо владеют русской и бурятской речью и умеют пользоваться в своей речи пословицами и поговорками.

Итак, правильное и уместное использование пословиц и поговорок придает речи своеобразную окраску, выразительность и неповторимость. Речь современного школьника обедняется, поскольку в ней отсутствуют пословицы и поговорки. Ребятам необходимо научиться употреблять их, чтобы сохранить удивительный по своей красоте и выразительности язык для будущих поколений.

Литература

1. Афанасьева, А. Б. Этнокультурное образование: сущность, структура содержания, проблемы совершенствования // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3.
2. Будаев Ц. Онһон үгэ оншотой. Пословица не мимо молвится. Словарь бурятско-русских адекватных пословиц и поговорок. Бурятские загадки. Улан-Удэ, 1988.
3. Вавилин В. Ф. Оценка факторов и условий функционирования компонента этнической культуры // Социологические исследования. 2003. № 1.
4. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание. М., 2015.
5. Ширипова Т. В. Этническая социализация учащихся в условиях поликультурной среды // Вестник БГУ. Сер. Педагогика. 2010. № 15.

FORMATION OF ETHNO-CULTURAL COMPETENCE OF STUDENTS ON LESSONS OF LITERATURE (in the study of proverbs and sayings)

Valentina K. Olzoboeva

Russian language and literature teacher

Republican Buryat National Lyceum-Boarding School No. 1

17 Vechernyaya st., Ulan-Ude, Russia 670009

The article deals with the problem of the formation of the ethno-cultural competence of student in literature lessons (while studying the proverbs and sayings). The conceptual provisions of the Federal State Educational Standart are focused on the formation of the fundamentals of the Russian civil identity of ethnic and national identity among students and respect for the history and culture of other peoples. Formation of the ethno-cultural competence of students is possible with the special role of the educational institution where the foundations for the cultural development of moral qualities and attitudes are laid, and the ability intercultural and constructive.

Keywords: ethno-cultural education, ethno-cultural competence, proverbs and sayings, Buryat people, Russian people, ethnic identity.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ПАРОНИМЫ В АСПЕКТЕ РКИ

© Сарантуяа Ишбалжирын

преподаватель Монгольского государственного университета науки и технологии

Монголия, г. Улан-Батор, район Сухбаатар 8-р хороо, Бага тойруу

E-mail: iba_saraa@yahoo.com

В статье рассматриваются фразеологические паронимы, которые понимаются как устойчивые образования, которые имеют одинаковый набор лексических компонентов, но различаются по значению. Трудности при усвоении фразеологических паронимов тесно связано с общей основной сложностью, возникающей при обучении русской фразеологии. Суть её заключается, в том, что фразеологические единицы, функционирующие в языке как отдельно оформленные образования, целостны по значению, устойчивы в своём составе. Учащиеся, не достаточно хорошо знающие механизм построения фразеологических единиц, воспринимают их как свободные словосочетания. Необходимо, чтобы студенты знали эту языковую специфику фразеологических единиц, умели применять свои знания на практике: воспринимать и употреблять фразеологизм как единое структурно-семантическое целое. Учащиеся, которые реже смешивают фразеологические паронимы, говорят, что они запоминают и употребляют фразеологические единицы как одно слово.

Ключевые слова: фразеологические паронимы, релевантность, фразеологические единицы, антонимия, омонимия, синонимия, тавтология.

Одной из важных проблем при обучении русскому языку как иностранному является вопрос различения фразеологических паронимов. Положение усугубляется еще и тем фактом, что в исследованиях по русской фразеологии почти не упоминается о фразеологической паронимии. Как отмечает О.В.Вишнякова, что среди «фразеологизмов русского языка наряду с фразеологическими синонимами, фразеологическими антонимами и фразеологическими омонимами имеют свое место и фразеологические паронимы» [2, с. 77].

Под фразеологическими паронимами называются такие устойчивые сочетания, которые имеют приблизительно одинаковый набор лексических компонентов, но различаются по значению. В связи с этим, необходимо проводить работу именно в этом направлении – работать над значением таких фразеологизмов (далее, ФЕ). Фразеологические паронимы предполагают соотносительность двух единиц. Соотносительные паронимичные пары фразеологизмов можно разделить на две группы [1] (перевод с монгольского наш. – И. С.).

А. Лексически тождественные ФЕ - паронимы:

1. ФЕ, различающиеся падежными формами существительного: *в глаза – нүдэнд тусах, в глазах – төсөөлөх, в голос – нэгэн дуугаар, нэгэн зэрэг, в голосе – дуу дуулах чадвартай.*

2. ФЕ, различающиеся формами числа существительного: *в лице – тодорхой хүний тухай, в лицах – нүдэнд үзэгдэм, уран дүрслэх, хэл ярианы онцлог, злой язык – хурц хэл, злые языки – муугаар ярих, по душе – чин сэтгэлийн яриа, по душам – чин сэтгэлээсээ ярилцахи т.п.*

3. ФЕ, различающиеся порядком следования лексических единиц: *а то и – а и то – тэгвэл, ингэвэл, вот и – и вот, вот так- так вот – за ингээд, слуга покорный – үэнч туслах, ваш покорный слуга – таны үнэнч туслах* и т.п.

4. ФЕ нерегулярных типов: *нечего сказать – хэлэх юм алга, нечего говорить – ярих юм даанч алга, язык проглотить – язык проглотийш – хэлээ залгимаар* и т.п.

Б. Лексически не одинаковые ФЕ - паронимы:

1. ФЕ, компонентно различающиеся глаголами: *девать некуда – деваться некуда – орох нуугдах газаргүй, знать, где раки зимуют – узнать, где раки зимуют – хүнд хэцүү гэдгийг мэдэх, ашигтай, боломжтой байдлаар юмын шийдэх, поднять на ноги – поставить на ноги – хөл дээр нь босгох* и т.п.

2. ФЕ, компонентно различающиеся именными частями речи: *больное место – эмзэг газар, слабое место – сул тал, во всяком случае – хэрэг болж магадгүй, в крайнем случае – ядахдаа, на мою голову – миний толгой дээр, на свою голову – өөрийн толгой дээр* и т.п.

3. ФЕ, компонентно различающиеся служебными словами и формами слов: *во всяком случае – на всякий случай – юу боловч, в самом деле – на самом деле – үнэн хэрэгтээ, в уме – на уме – ухаандаа, цээжиндээ* и т.п.

4. ФЕ, компонентно различающиеся количеством лексем: *в голос – чанга дуугаар, в один голос – нэг дуугаар, на месте – байрандаа, на своем месте – өөрийн байрандаа, руками и ногами – гараараа хөлөөрөө, с руками и ногами – нартайгаа хэлтэйгээ и т.п.*

5. ФЕ, представляющие собой тавтологические сочетания с разными предлогами: *год от года – жил тутам, из года в год – жилээс жилд, изо дня в день – өдөр бүр, со дня на день – ойрын хугацанд, лицом к лицу – маш ойрхон, лицо в лицо – нүүр нүрээ харан, нүүр тулан и т.п.*

Усвоение ФЕ – паронимов, безусловно, вызывает трудности у монгольской аудитории, которые сводятся к неразличению фразеологических паронимов. Основной причиной смешения фразеологических паронимов являются сходная структура, которые, ассоциируясь друг с другом, не всегда четко разделяются в сознании говорящего, в результате – происходит смешение фразеологических паронимов. Допустим, перед нами два фразеологизма *Ни за грош* и *Ни гроша*. Для носителя русского языка, безусловно, это два разных паронима, для иностранца же различить их – неразрешимая проблема, ведь внешне они одинаковы. В связи с этим, работа над умением различать паронимы должна строиться на различии значений внешне одинаковых ФЕ. Поэтому с обучающимися необходимо проводить работу в два этапа: 1. Находить *общее*; 2. Находить *различие*.

Итак, фразеологизмы *ни за грош* и *ни гроша*.

Для обучающихся первый этап не представляет никакой трудности, так как он связан с внешней одинаковостью, которую они находят сразу же.

Второй же этап посложнее, он состоит из нескольких ступеней, условно пронумеруем их как А.Б.В.

1. Работа над значением ФЕ. Обращаем внимание обучающихся на семантику обоих фразеологизмов.

Ни за грош.

А) *Ни за грош* имеет значение «совершенно зря, напрасно (пропадать, погибать, убить и т.п.)», в переводе на монгольский язык «хий дэмий, хоосон, талаар (хөнөөх, үхүүлэх, үрэгдэх г.м)».

Б) Предлагаем ФЕ в тексте для подтверждения этого значения, то есть покажем ФЕ в тексте. Обучающиеся должны обратить внимание на то, как фразеологизм работает, в каком значении функционирует. *Эх, Гришка, Гришка! .. жаль мне тебя ! ... так, ни за что, ни за грош погубил ты свою молодость!* (Шолохов “Тихий Дон”). Перевод: *Гришка минь дээ! Чи хий дэмий залуу насаа үрэв дэ ..би чамаайг өрөвдөж байна!*

В) С этой же целью можно проводить и работу по *подбору синонимов*. Даем возможность обучающимся заменить изучаемый фразеологизм синонимами: *совершенно зря, напрасно, ни за что* и т.д.

Ту же работу проводим с ФЕ *ни гроша*

Ни гроша.

А) *Ни гроша* имеет значение «совсем нет денег», в монг. «ямар ч мөнгө байхгүй».

Б) *Он ещё не просил согласия тётки, у него ни гроша денег нет, и он не знает, когда будут, не знает даже, сколько он получит дохода от деревни в нынешнем году* (Гончаров «Обломов»). Перевод: *Тэр нагац эгчээсээ зөвшөөрөл авсангүй. Түүнд ямарч мөнгө байхгүй. Энэ жил тосгоны орлогоос хэдийг авах, хэзээ мөнгөтэй болохоо мэдэхгүй байв.*

В) Синонимы: *ни копейки, совсем нет денег* и др.

2. Находим внешнее различие. Обращаем внимание обучающихся на наличие сходного компонентного состава. Первый ФЕ *Ни за грош* – с предлогом *за*, а второй *ни гроша* – без предлога. Итак, в данной паре фразеологизмов оба компонента состоят из одинаковых существительных и усилительной частицы *ни*.

3. Работа по замене ФЕ. Особенными признаками фразеологических паронимов являются невозможность замены их в речи. Возвращаемся к предложениям с исследуемыми ФЕ и просим обучающихся поменять их местами. Понятно, что такая замена невозможна, что и следовало доказать. Это разные ФЕ, внешне сходные, они имеют совершенно разные значения.

Таковую же работу можно провести с разными парами паронимов. Например, *Один к одному* и *Один на один*.

Один к одному – ‘совершенно одинаковы (по величине, качеству и т.п. Обычно с одобрением о ком-либо или о чём-либо)’ – ‘адилхан, ижилхэн (хэмжээгээрээ, чанараараа)’ – *Про всю свою бригаду – один к одному подобрался.* – *Өөрийн бүх бригадаа адилхан тойрч явав* (Герман “Мой друг”).

Один на один – ‘наедине, без свидетелей, без посторонних’ – ‘хоёр биеэрээ, гэрчгүйгээр, хөндлөнгийн гадны хүнгүйгээр’. – *Несмотря на то, что он не переставал караулить её, ему ни разу не удалось один на один встретить её в этот день.* – *Тэр түүнийг байнга харуулдаж байсан боловч тэр өдөр хоёр биеэрээ уулзаж чадсангүй* (Л.Толстой “Воскресенье”).

Вывод: Оба фразеологизма характеризуются одинаковым лексическим составом, но в разных падежных формах: первый – в дательном падеже, а другой – в винительном падеже. Эти фразеологические единицы имеют разный смысл и поэтому замена их в выше приведенных примерах абсолютно невозможна.

Еще одна пара: *Изо дня в день* и *Со дня на день*.

По тому же алгоритму проводим работу по сравнению ФЕ этой пары и приходим к выводу, что фразеологические паронимы представляют собой разные сочетания с разными предлогами, требующие одни и те же падежные формы существительного *день*. Взаимозамена фразеологических паронимов в речи опять-таки невозможна, так как *изо дня в день* в значении «постоянно, каждый день, ежедневно», пер. на монг. ‘байнга, өдөр бүр’. В тексте: *Опять с раннего утра, опять с книгой в руках! И так изо дня в день с раннего детства!* – *Ингээд л багаасаа өдөр болгон хар өглөөгүүр гартаа ном бариастай!* (И.Бунин). ФЕ *Со дня на день* имеет значение «в самое ближайшее время, в ближайшие дни», в переводе на монг. ‘ойрын хугацаанд, ойрын өдрүүдэд’. Текст: *Она знала, что старуху ждут со дня на день* (Л.Толстой «Анна Каренина»). На монгольском «*Эмгэнийг ойрын өдрүүдэд ирнэ гэдгийг тэр мэдэж байв*»

Итак, трудности при усвоении фразеологизмов - паронимов тесно связаны с неразработанностью рассматриваемой проблемы в русистике. Считаем, что предлагаемый алгоритм работы по различению ФЕ – паронимов, поможет преподавателю в работе по изучению русских ФЕ. Данный алгоритм основан на выявлении значений ФЕ, то есть в данном случае необходимо использовать не только метод сравнения, но и применять функционально-семантический подход.

Литература

1. Багатурова Е.А. Паронимия в сфере фразеологии. Новгород, 1971.
2. Вишнякова О.В. Фразеологические паронимы. М., 1985.

PHRASEOLOGICAL PARONYMS IN ASPECT OF STUDYING OF RAF

Sarantuya Ishbaljir

Teacher of the Mongolian State University of Science and Technology
8th khoroo, 34 Baga toiruu, Sukhbaatar district Ulaanbaatar, 14191 Mongolia

Phraseological paronyms are such stable formations that have the same set of lexical components, but differ in significance. The difficulties in mastering phraseological paronyms are closely related to the general basic complexity that arises in the training of Russian phraseology.

Key words: phraseological paronyms, relevance, phraseological units, antonymy, homonymy, synonymy, tautology.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ© **Серебрякова Зоя Александровна**

доктор филологических наук, доцент

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1

E-mail: serebryakovaza@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые вопросы преподавания истории литературы в вузе культуры. Большинство проблем преподавания литературы связано с изменением текстов и характера их восприятия. Молодежь читает художественную литературу мало или поверхностно. Это препятствует целостному восприятию произведения. Миссия преподавателей литературы – приобщить к классике будущих гуманитариев. С учетом глобализационных процессов целесообразно изучать русскую литературу в контексте мировой. История литературы должна быть одной из ведущих учебных дисциплин при подготовке специалистов для профессионального искусства и художественного образования, выступая и как часть художественного процесса, и как уникальный вид художественного творчества. При изучении русской литературы XX в. целесообразна актуализация педагогом гражданских чувств обучающихся.

Ключевые слова: литература, восприятие, преподавание, литературное произведение, классика, художественное образование.

Проблемы преподавания литературы в основном связаны с изменением текстов и характера их восприятия. По разным причинам и под влиянием многих факторов, которые требуют отдельного обсуждения, трансформировались сами тексты, скорость и качество их восприятия и др. Обилие информации заставляет аудиторию прагматично выбирать для более подробного ознакомления то, что действительно необходимо и жизненно важно. В результате этого выбора меньшее время и место отводится хобби и досугу, и в эту область часто оттесняется художественная литература.

Большая часть молодежи почти не читает полные тексты художественных произведений. Ю. П. Мелентьева пишет, что «серьезная художественная литература теряет былую интеллектуальную роль в российском обществе, что заставляет многих исследователей говорить о «примитивизации» чтения, о возникновении «нечитающего» поколения. Особую тревогу российских специалистов, так же как и специалистов других стран, вызывает чтение подростков и молодежи» [3, с. 53]. Многие молодые читатели предпочитают краткие пересказы или электронные версии произведений как более доступные, на поиск которых требуется меньше времени. Они и выглядят иначе, чем бумажный вариант в хорошем издании, не как нечто ценное, профессионально оформленное, а лишь как капля в гигантском потоке разнообразной информации.

Это затрудняет целостное восприятие литературного произведения, предполагающее последовательность, умение помнить ранее прочитанное, связывать одно с другим, проникать вглубь смысла, в подтекст. Молодому реципиенту трудно читать вдумчиво, становясь как бы соавтором писателя. Основания проблем изучения литературы лежат в ценностных ориентациях подрастающего поколения, а, следовательно, и российского общества в целом, уровне его духовной культуры, отношении к человеку, принципиальных подходах к экзистенциальным аспектам бытия.

Миссия преподавателей литературы сегодня заключается в том, чтобы приобщить к художественной классике, и, тем самым, к настоящим ценностям хотя бы ту часть молодежи, которая выбрала в качестве будущей профессии интеллектуальный труд, социально-гуманитарные науки, сферу культуры, тех, для кого литература является учебной дисциплиной. Она призвана способствовать воспитанию эстетического и художественного вкуса, возвышению потребностей, творческому освоению мира.

В преподавании отечественных литератур актуален глобализационный аспект, поскольку большая часть современной российской молодежи ощущает себя в той или иной мере гражданами мира и личностями, ориентированными на глобальную цивилизацию.

Литературы народов России в Восточно-Сибирском государственном институте культуры (ВСГИК) изучаются только в виде регионального варианта – бурятской литературы – студентами отделения народного творчества и будущими переводчиками. Между тем трудно переоценить такую общекультурную функцию национальной литературы, как сохранение и развитие национальных традиций: не ограничиваясь собственно литературными традициями, она воспроизводит и тем самым

способствует сохранению и развитию многих традиционных компонентов культуры народа в целом. Национальная литература является художественной памятью народа, летописью важнейших событий его истории. С этим связана популярность исторических жанров в современной прозе, поэзии, драме народов России. В своих высших достижениях национальная литература выражает национальную идею, является концептуальным осмыслением бытия и судьбы конкретного этноса.

Русская литература относится к тем национальным литературам, которые, благодаря высшим достижениям последних столетий, давно обрели глобальный масштаб, они общепризнанны и стали частью всемирного культурного достояния. Поэтому изучение русской литературы XX и особенно XIX вв. вполне вписывается в глобализационный тренд и может в глазах обучающихся выступать как нечто значимое, общепризнанное, то, чем можно гордиться. Изменившийся социокультурный контекст образовательного процесса обуславливает соответствующие акценты: русская литература должна рассматриваться как часть мировой; наряду с национальной спецификой и уникальностью персоналий, нужно также обращать внимание студентов и на общность смыслов и ценностей, схожесть проблематики русской и зарубежной литературы.

В том ограниченном объеме, который отведен литературе в учебных планах обучающихся во ВСГИК на направлениях информационного (в прошлом – библиотечное дело) и культурологического профиля (культурологи, специалисты музейного дела, искусствоведы), а также дизайнеров, включение истории русской и зарубежной литературы в мировой контекст позволяет актуализировать ее преподавание и мотивировать обучающихся к чтению произведений.

История литературы должна быть одной из ведущих дисциплин в системе подготовки специалистов для профессионального искусства, а также будущих педагогов музыкальных школ, школ искусств и т.д., которые должны осваивать историю литературы в двух направлениях. Прежде всего, она должна выступать как элемент их художественного, т.е. профессионального образования. В этом своем проявлении история литературы – один из ведущих видов искусства, что предполагает анализ ее образной природы, взаимодействия с другими компонентами художественной культуры (сценическая жизнь драматургии, экранизация литературных произведений, связь поэзии с музыкой и т.п.), постижение их содержания и осознание значимости произведения или творчества писателя, их места в художественном процессе. При этом история литературы соотносится с такими специальными учебными дисциплинами, как история и теория соответствующего вида искусства, «Раздельное изучение разных областей искусства, – утверждает А. А. Бурцев, – к тому же отдельно от литературы, таит опасность искаженного и даже ошибочного представления о целостном художественном процессе. Именно на материале истории мировой литературы прежде всего проясняется общая логика художественного развития» [2, с. 196]. Во-вторых, история литературы дает возможность обучающимся приобщиться собственно к литературе как к уникальному по философичности, интеллектуальному богатству, силе эмоционального воздействия, в единстве с убедительностью логической аргументации, достоверностью, полнотой и глубиной психологического анализа, наглядностью описаний и т. д., виду художественного творчества. В данном проявлении ее преподавание должно быть нацелено на выявление специфики литературной образности, анализ структуры текста, поэтику и т.д.

Наибольшую потребность в освоении истории литературы объективно должны испытывать будущие режиссеры и актеры, т.к. имеют дело с разными жанрами драмы, нередко обращаются к прозе и поэзии, учатся писать рецензии и сценарии и т.д. Однако все это, а также школьное изучение литературы может привести к тому, что у некоторых из них складывается ложное представление, что они изучают уже пройденное. Поэтому требуется показать разницу в статусе и уровне освоения истории русской и зарубежной литературы в вузе, убедить обучающихся в профессиональной направленности их литературной подготовки.

Отсутствие в учебных планах основ теории литературы, минимум семинарских занятий по истории русской и зарубежной литературы дают мало возможностей для работы с этими студентами над художественным текстом, не говоря уже об овладении ими понятийным аппаратом литературоведения.

Будущие деятели профессионального искусства и художественного образования должны рассматривать литературу как часть культуры каждого народа, взаимодействующую с другими видами искусства, и как уникальный вид художественного творчества.

Если речь идет не о тех великих русских писателях, чья слава давно перешагнула границы Отечества, а о тех, чье творчество – тоже часть классики, то в преподавании целесообразно исходить из посыла, что классика является прочным основанием настоящего, его корневой системой. Подчеркивая роль исконных корней национального самосознания в эпоху тотальной глобализации, В. А. Балханов и С. С. Имихелова пишут: «Можно этот процесс сравнить с ростом дерева. Пока дерево растет вверх, его корни уходят все глубже и глубже. Существует равновесие: чем выше растет дерево, тем

крепче становятся корни. Не бывает пятидесятиметрового дерева с маленькими корнями, которые не способны служить опорой огромному дереву. В жизни взросление означает рост в глубину себя самого, обретение того, что можно назвать своими корнями» [1, с. 106]. При такой интерпретации русская литература, как и каждая из зарубежных литератур, предстает в глазах аудитории и как достижение конкретной нации, и как вклад этой нации в мировую литературу. Более глубокий интерес к русской литературе XX в. может быть связан и с актуализацией педагогом гражданских чувств обучающихся, благодаря обращению к ним как к представителям своей семьи, чья история – тоже часть истории страны.

Существуют и другие способы актуализации проблематики русской литературы, раскодировки ее глубины и богатства обучающимися в вузе культуры. Если рассматривать высшее гуманитарное образование не только как процесс достижения требований госстандарта, не только как подготовку исполнителя тех или иных задач, поставленных руководством, не только как обучение будущего грамотного потребителя товаров и услуг, не только как оказание образовательных услуг обучающимся, но и как «реализацию экзистенциальной сущности homo sapiens, сформулированной как состояние полного, осуществившего все свои возможности духовного развития человека, ставшего человеком в полном смысле» [1, с. 106].

В достижение этой масштабной цели свой вклад должно внести и изучение в вузе истории отечественной и зарубежной литературы.

Литература

1. Балханов В. А., Имихелова С. С. Методологические аспекты национально-образовательной парадигмы в эпоху глобализации // ЭТНО: литературоведение, литературное образование, культура: межвуз. науч.-метод. сб. Улан-Удэ: Изд-во ГУП ИД «Буряад унэн», 2009. С.103-110.

2. Бурцев А. А. Роль и место мировой литературы в художественном образовании // Художественное образование и духовное развитие личности: Рос. науч.-практ. конф. 22-24 октября 2002 г.: Тез. докл. и сообщ. / М-во культуры Рос. Федерации. М-во культуры и духов. развития. Аркт. гос. ин-т культуры и искусств. Якутск, 2002. С. 195-196.

3. Мелентьева Ю. П. Чтение: явление, процесс, деятельность. М.: Наука, 2010. 182 с.

ACTUAL ISSUES OF TEACHING HISTORY OF LITERATURE IN THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION OF CULTURE

Zoya A. Serebryakova

Doctor of Sciences in Philology, A/Professor
Earst-Siberian State Institute of Culture
1 Tereshkovoj St., Ulan- Ude, 670031 Russia

The article considers some issues of teaching History of Literature in the higher educational institution of culture. Most of the problems of teaching Literature are connected with the change of texts and character of their perception. Young people read fiction a little or superficially. This prevents them from understanding a literary work fully. The mission of literature teachers is to make future humanitarians adhere to the classics. Taking into account globalization processes it is necessary to study Russian literature in the context of the world literature. History of Literature must be one of the leading disciplines in training specialists for professional art and artistic education being a part of the artistic process as well as a unique kind of artistic creativity. Studying the Russian literature of the XXth century it is important to appeal to the learners' patriotic feelings.

Keywords: literature, perception, teaching, literary work, classics, artistic education.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВНО-ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

© Сидорова Лариса Николаевна

учитель русского языка и литературы

МБОУ «Кижингинская средняя общеобразовательная школа имени Х. Намсараева»

Россия, 671450, с. Кижинга, ул. Коммунистическая, 3

E-mail: larisasidorova72@mail.ru

В статье рассматривается использование технологии опережающего обучения на уроках русского языка, создающее условие бесконфликтного, делового, дружеского общения как основу уверенности детей в своих способностях преодолеть трудности. Доказывается эффективность опережающего обучения, так как данная технология подразумевает развитие мышления учащихся, опережающее их возрастные возможности. В представленной статье содержатся разработки по проблемам опережающего обучения посредством метода крупноблочного введения теоретических знаний: опорных схем, алгоритмов, обобщающих таблиц. Данная методика позволяет учащимся увидеть правило в полном объеме, лучше осмыслить изложенный материал, осознать логические взаимосвязи, систематизировать и упорядочить свои знания. Обосновываются преимущества технологии для подготовки школьников к итоговой аттестации.

Ключевые слова: опережающее обучение, блоковая подача материала, опорные конспекты, алгоритмы, обобщающие таблицы.

Современное общество выдвигает серьезные требования к формированию грамотной личности. Свободное владение своим родным языком становится надежной базой каждого индивида, необходимой в профессии, творческой деятельности и жизни в целом. Однако одной из основных проблем, стоящих перед современным учителем русского языка и литературы остается проблема снижения общего уровня орфографической, пунктуационной и речевой грамотности учащихся. Разрешению этого противоречия поможет, на наш взгляд, применение на уроках русского языка и литературы технологии перспективно-опережающего обучения, разработанной С. Н. Лысенковой [1].

Согласно данной методике, преподавание предмета должно включать следующие компоненты:

1. Подачу материала отдельными блоками с использованием опорных сигналов;
2. Актуализацию опорных знаний, умений и навыков, используемых при изучении учебного материала;
3. Сдачу зачета по теории в конце изучения каждого блока;
4. Закрепление и отработку практических умений и навыков на уроках – работа индивидуальная, в парах или коллективная.
5. Оценочный контроль (в баллах): рубежный контроль по четвертям, переводные экзамены, тестовые задания по блокам, контрольные работы.

Эта методика представляется очень интересной, поскольку позволяет сэкономить время на объяснении нового материала и уделить больше внимания практическому закреплению, что особенно актуально при обучении русскому языку. Очевидно, что в класс не приходят дети с одинаковыми данными и уровнем развития. Есть такие, которые «схватывают все на лету», а есть и те, которым необходимо время для прочного и глубокого усвоения знаний и умений. С ними нужно работать дольше и глубже прорабатывать каждую тему.

Опережающее обучение – это вид обучения, при котором краткие основы темы даются преподавателем до того, как начнется изучение ее по программе. Краткие основы могут даваться как в форме тезисов при рассмотрении смежных тем, так и представлять собой ненавязчивые упоминания или примеры. Предполагается, что опережающее обучение эффективно при изучении темы, достаточно трудной для восприятия. Опережающее обучение подразумевает развитие мышления учащихся, форсирующее их возрастные возможности. Схемы-опоры на уроках станут необходимыми помощниками ученикам, поскольку обеспечат более высокую работоспособность, а так же динамичный темп урока. Необходимые для выполнения задания правила обучающимся не нужно будет вспоминать, теряя на это время урока: они прочтут их на схемах. Читают сегодня, завтра, а через неделю уже усвоят, обретут сознательный навык работы в соответствии с данным правилом. А еще через две недели схема снимается, поскольку в ней уже не будет необходимости. Очень важное условие в работе со схемами-опорами следующее: они должны постоянно подключаться к работе по ходу урока.

Чем быстрее ученик практически закрепит знания, тем скорее научится писать грамотно. Кроме того, такая перспективная подготовка позволяет предупреждать многие другие ошибки, так как не-

возможно подобрать текст, в котором был бы только один вид орфограмм. Чтобы добиться ожидаемых результатов, необходимо применять данную технологию во всех сферах деятельности учащихся. На уроках можно использовать метод крупноблочного введения теоретических знаний в виде опорных схем и обобщающих таблиц, дающих возможность ученикам лучше осмыслить изложенный материал и систематизировать полученные знания. Такая блочно-модульная система обучения подробно описана в работе В. В. Гузеева «Модульно-блочные и цельноблочные системы обучения» [2].

Существуют разные варианты подачи материала на уроке в виде блоков. В одних случаях ознакомление с блоком происходит сразу же в рамках одного урока. Затем материал рассматривается более углубленно, и так до полного усвоения. Или же возможно «продвижение» по этапам, от одного частного блока к другому в течение нескольких часов. Все определяется объемом темы, задачами учителя, подготовленностью класса и методикой обучения.

Изучение некоторых тем по русскому языку во многих классах предполагает знакомство с дополнительным материалом, который обозначен в тестах ЕГЭ, но не представлен в рамках правил учебника. Используя данную технологию, можно не просто знакомить учащихся с новым материалом, но и вводить его как обязательную информацию для заучивания и применения на практике. Урок, построенный на опережающей основе, включает как изучаемый и пройденный, так и будущий материал. Так, например, в 5 – 6 классах изучаем тему «Чередование гласных в корнях слов». В учебниках под редакцией Т. Н. Ладыженской некоторые корни (-мак-, -мок-, -твар-, -твор-, -равн-, -ровн- и др.) не описаны, но можно знакомить учеников и с этими видами корней и включать в практические задания слова с подобными корнями. В программу каждого класса включается дополнительный материал, который обеспечивает преемственность между предыдущим и последующим годами обучения.

В сложившейся практике школьного преподавания любой темы, даже очень сходные, изучаются, чаще всего, отдельно. Однако исследования показали, что способ одновременного и опережающего изучения некоторых смежных тем дает значительные преимущества по сравнению с их последовательным изучением. Цель технологии опережающего обучения состоит в сохранении связей, придающих комплексность процессу запоминания учебного материала. Так, тема «Буквы О - Е после шипящих» в 5 классе делится на две подтемы: «Буквы О-Е после шипящих в корне» и «Правописание О-Е после шипящих и Ц в окончаниях существительных». То есть одно правило дробится на несколько частей. Считаем, что целесообразнее это правило изучить в полном объеме в виде опорного конспекта. Затем в течение нескольких уроков практически его закреплять, используя для этого различные формы и методы. Материал данной темы можно дополнить словами *шоры, трущоба, жор, шотландец* и др. Этот материал, конечно, усложняется в последующих классах, но уже в 5 классе дети знакомятся с более сложными вариантами и справляются с орфограммой на практике.

При изучении темы «Правописание приставки *пре-* и *при-*» целесообразно познакомить с трудными случаями написания данных приставок, которые записываются в специальный словарь для заучивания. Правописания *НЕ* с различными частями речи логично изучить, объединив части речи группами, исходя из их опознавательных признаков. Например, 1 группа: имя существительное, имя прилагательное, наречие; 2 группа: глагол и деепричастие; 3 группа: причастие. Точно также можно работать по теме «Мягкий знак после шипящих», которая разбита на 8 правил. Данную тему представляем в виде опорного конспекта. Создаем таблицу, в которой объединяем правило по всем частям речи с примерами:

Б пишется	Б не пишется
1. Существительное женского рода (речь)	1. Существительные мужского рода (врач)
2. Наречия (сплошь, настезь)	2. Существительные мн. числа (задач, луж)
3. Глагольные формы: а) начальная форма (беречь) б) 2 л. ед. ч. (смотришь) в) повелительное накл. (отрежь(те))	3. Наречия – исключения (уж, замуж, невтерпеж)
4. Частицы (лишь)	4. Краткие прилагательные (могуч, хорош)

Для таких опорных схем учащиеся заводят отдельные тетради, которые являются первыми помощниками при подготовке к экзамену. При изучении сложной темы «Сложные предложения» в пятом классе материал дается как ознакомительный – с делением сложных предложений на три вида: бессоюзные сложные, сложносочиненные и сложноподчиненные. Здесь с учащимися можно отработать и виды придаточных предложений, и схемы их составления. При этом, выделяя бессоюзные сложные предложения, дети учатся определять отношения между простыми предложениями в составе бессоюзных сложных. Еще пример: изучая в шестом классе тему «Относительные местоимения»,

материал также можно дать с опережением. Можно познакомить учащихся с понятием «союзное слово», с терминами «придаточное изъяснительное», «придаточное определительное». В седьмом классе при изучении причастий и деепричастий можно дать определение понятия «обособление». В восьмом классе по теме «Односоставные предложения» учащиеся знакомятся со сложными предложениями, в состав которых входят определенно-личные, безличные предложения.

Как известно, в старших классах особую важность приобретает работа с целым текстом. Базовые знания о фонетике и лексике, грамматическом строе языка, типах и стилях речи и правилах построения текста становятся фундаментом для глубокого понимания художественного содержания и особенностей стиля литературного произведения. Очевидно, что единый экзамен по русскому языку охватывает не только школьный материал, но значительно расширяет и углубляет его. Поэтому технология опережающего обучения очень эффективна в обучающем процессе. Опираясь на ее основные элементы, можно проводить уроки изучения новой темы с помощью заранее подготовленных «консультантов» или индивидуально-групповой формы работы. Такая практика применяется в разных возрастных категориях. Например, при изучении темы «Стили речи» в шестом классе ребята распределяются на несколько групп. У каждой – свое опережающее задание. Консультанты групп распределяют полученные задания между учащимися, которые самостоятельно находят материал к уроку, изучают его, готовят сообщения и задания для участников других групп.

Школьники лучше запоминают правила, представленные в виде схем и таблиц, поэтому на уроках детям очень помогут пособия Е. П. Алексеевой «Русский язык в схемах и таблицах» и В. Н. Александрова, О. И. Александровой, Т. В. Соловьевой «ЕГЭ. Русский язык: Справочные материалы». Эти книги объясняют все темы по русскому языку, а правила в них распределены по блокам. В каждом блоке рассматриваются задания экзамена, указаны типичные ошибки, которые совершают учащиеся при ответах на вопросы, а также даются ключи-примеры для их решения. Начиная с седьмого класса, каждый ученик заводит папку или тетрадь, в которую до девятого класса включительно собирает весь теоретический материал, необходимый для сдачи ОГЭ и ЕГЭ в виде схем, таблиц, алгоритмов, моделей, блоков, правил. На этой стадии подготовки к экзамену используется методика структурирования учебного материала, ориентированная на укрупнение дидактической единицы учебной информации, сведение ее к единым логическим и дидактическим основаниям.

Анализ современной психолого-педагогической литературы показал, что при опережающем обучении определяющим и ведущим участником учебно-познавательного процесса выступает не только учитель, но и сам ученик. При системной организации опережения в учебном процессе изменяется сама структура учебного процесса, предусматривающая теперь приобщение обучающихся к перспективной деятельности, а значит формирующая его будущую социальную активность. Опережающее обучение предполагает формирование учебной деятельности, как способа активного добывания знаний, что становится ключевым направлением развития личности школьника.

Литература

1. Гузеев В. В. Современные образовательные технологии. М., 2009.
2. Лысенкова С. Н. Когда легко учиться. М., 2005.

USING PROSPECTIVE AND OUTFRUNNING TEACHING AT RUSSIAN AND LITERATURE CLASSES AS A CONDITION FOR MODERN QUALITY OF EDUCATION

Larisa N. Sidorova

The teacher of Russian and Literature

Kizhinginskaya Secondary school by Kh. Namsaraeva

Russia, 671450, Kizhinginskaya district, Kizhinga, Kommunisticheskaya st. 3

The article describes use of method of outrunning teaching in Russian classes that creates the condition for nonconflict, business and friendly communication as basis of confidence of children to be able to overcome difficulties. It is provided that the outrunning teaching is efficient because the method implies brain building of student outrunning their achievement age. The presented paper contains fragments of applying the outrunning teaching by giving theoretical material in large block: support schemes, algorithms and bridging tables. The given method makes it possible to see a rule entirely, to comprehend the material better, to sense logical connections, to structure and align the knowledge. The advantage of the method of preparing students for final examination are substantiated here as well.

Key words: outrunning teaching, giving material in blocks, support notes, algorithms, bridging tables.

**РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ
МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НАУКИ
И ТЕХНОЛОГИИ /МГУНТ/**

© **Томтогтох Гомбо**

кандидат филологических наук
Монгольский государственный университет науки и технологии
Монголия, 8-р хороо, Бага тойруу, район Сухбаатар
E-mail: tomoo@mail.ru

© **Туяа Готов**

кандидат филологических наук
Монгольский государственный университет науки и технологии
Монголия, 8-р хороо, Бага тойруу, район Сухбаатар
E-mail: tuyag@mail.ru

В данной статье поднимаются проблемы преподавания русского языка в вузе на опыте высшего учебного заведения Монголии, рассматривается русский язык как учебная дисциплина на примере учебной системы Монгольского Государственного университета науки и технологии. При этом затронуты некоторые этапы процесса преподавания русского языка и виды деятельности русистов университета. В частности, подробно описывается работа кафедры Европеистики (ранее – кафедра Руссиеведения) с Русским Центром, открытым под эгидой фонда «Русский мир». Раскрывается история взаимовыгодного сотрудничества с филологическим факультетом Бурятского государственного университета. Авторы статьи обращают внимание на то, что ранее зафиксированный Монголии «спад» интереса к русскому языку сменился в последний год «вплеском». Подчеркивается, что в новых социально-экономических условиях в Монголии возобновляется интерес к русскому языку на основе добровольности и профессиональной необходимости. Авторы работы выражают надежду, что МГУНТ возродит свои традиции по обучению и изучению русского языка.

Ключевые слова: учебный план, язык науки и технологии, традиция преподавания, учебный материал.

Как утверждает известный монгольский русист С. Эрдэнэмаам, «в Монголии, в профессиональной среде, одно время было модно говорить о резком спаде интереса к изучению русского языка. Однако, мы против таких высказываний. На самом деле, ничего не прошло даром» [3, с. 5]. По меткому выражению академика В. Г. Костомарова, который выступал на Международной конференции русистов 2002 года в г. Улан-Баторе, «русский язык занял свое естественное место, иное, нежели раньше, но вполне достойное» [2, с. 5], среди других изучаемых у нас в стране языков.

Если в Монголии и был «спад» интереса к русскому языку, то нельзя не заметить в последний год и «вплеск». В новых социально-экономических условиях в Монголии возобновляется интерес к русскому языку на основе добровольности и профессиональной необходимости. И поэтому у сегодняшнего русиста, по нашему мнению, должны измениться методы, формы и подходы к преподаванию русского языка.

Это можно показать на примере Монгольского государственного университета науки и технологии (МГУНТ).

До 90-ых годов в нашем университете русский язык изучали по единой программе для всех неязыковых вузов, разработанной в Министерстве образования. Согласно данной программе студент должен был изучать русский язык в объеме 360 учебных часов, что достаточно на наш взгляд для овладения им как средством получения высшего образования.

В связи с реформой университетского образования в 90-ые годы остро встала проблема о статусе и месте русского языка в системе высшего образования: сократилось количество часов, отводимых на русский язык, почти все вузы сняли данную дисциплину с учебной программы.

К счастью, благодаря правильному пониманию руководством положений дел и усилию русистов университета до 2014 - 2015 учебного года МГУНТ оставался единственным государственным вузом, где русский язык продолжал вестись на бакалаврском, магистерском и докторском уровнях обучения как один из обязательных дисциплин, соответственно, часы, отводимые на русский язык, были сохранены почти полностью.

Такое решение было принято из соображений того, что студенты университета должны знать язык науки. Ведь Россия – страна, имеющая огромный научный потенциал, страна, являющаяся кузницей высококвалифицированных кадров разных специальностей для Монголии, Россия – самый близкий партнер по сотрудничеству в области науки, техники и технологии и большая часть учебной литературы университета издана на русском языке. Кроме того кафедра русского языка нашего вуза считалась одной из сильнейших, коллектив которой состоял из известных ученых-русистов, методистов и опытных преподавателей русского языка.

Помимо этого в 90-ые годы МГУНТ одним из первых начал внедрять кредитную систему, где осуществлялась многоступенчатая подготовка специалистов-бакалавров, магистров, докторов Ph.D. Для всех ступеней обучения коллективом кафедры были разработаны программы по русскому языку в соответствии с Государственным образовательным стандартом по русскому языку как иностранному. Согласно указанной программе обучение русскому языку осуществлялся по 5 уровням.

Учебные дисциплины “Русский язык” в МГУНТ и их соответствия уровням ТРКИ:

Уровни	Учебная дисциплина	Соответствие ТРКИ
I уровень	Русский язык 1 /общенаучный стиль речи/	I уровень ТРКИ
II уровень	Русский язык 2 /Деловой русский язык/	Профессиональный модуль I уровня ТРКИ
III уровень	Русский язык 3 /Язык специальности/	Естественно-технический профиль II уровня ТРКИ
IV уровень	Русский язык 4 /Научный стиль речи, язык специальности –углубленное изучение	Модуль 2 II уровня ТРКИ
V уровень	Русский язык 5 /Устная и письменная речь, Язык научных документаций	III уровень ТРКИ /общее владение/

Надо отметить, что первые три уровня обеспечивали знания на бакалавриате, а дисциплины IV, V уровней были рассчитаны на студентов-магистрантов и докторантов [1; с.16-17].

Согласно разработанной нами учебной программе по русскому языку накоплен богатый фонд проверочных материалов, составлены учебники, учебные пособия, словари, помогающие студентам инженерных профилей, инженер-переводчикам, студентам отделения менеджмента и т. д. В разные годы издавалась серия учебных пособий «Русский язык и моя специальность» для студентов-геологов, горняков, энергетиков, строителей, механиков, технологов (посл. издание в 2010 г.), появились учебники «Русский язык для студентов технических вузов» (2000 г.), «Деловой стиль речи» (2000 г.), «Синтаксис русского языка» (2004 г.), "Пособие по русскому языку (2006 г.), и др. Составлялись учебные словари и лексические минимумы по различным профилям.

Когда в Монголии начали активно развиваться дистанционные технологии обучения, которые должны обеспечивать каждому учащемуся возможность обучения по оптимальной, индивидуальной программе, оптимизировать содержание учебной дисциплины, соотношение практических и теоретических знаний и умений, интенсифицировать процесс обучения, обеспечивать всестороннюю информационную поддержку обучения, наши преподаватели разработали и внедрили в учебный процесс с 2007 года Онлайн-обучение для студентов магистерского уровня филологических и филологических специальностей, в 2010 году была разработана и внедрена программа тестирования по русскому языку в форме Он-лайн на бакалаврском уровне обучения, а в 2013 году ввели дисциплину “Современный русский язык” для докторантов.

К сожалению, в 2014 году в учебной Программе МГУНТ произошли изменения в плане содержания. Эти преобразования заметно сказались на часах русского языка, точнее, он стал факультативной дисциплиной. Безусловно, это негативно сказалось и на нагрузке русистов. Появились вопросы, связанные со штатом. Многие наши русисты ушли на заслуженный отдых. Тем не менее, несмотря на такие неожиданные обстоятельства русисты и учёные – исследователи нашего Института «не падают духом» и наряду с другими языками продолжают вносить свой вклад в дело подготовки и формирования специалистов - будущих инженеров страны.

Ныне кафедра Россияведения переименована в кафедру Европеистики. На сегодня русский язык на инженерных отделениях бакалаврского уровня изучается около 400 студентами. 2 года у нас не было набора на переводческое отделение. Но с прошлым году к нам поступили 15 студентов на англо-русское отделение переводчиков, в этом году их число достигло 25 (сказывается «всплеск»).

Жаль, что в учебных программах магистратуры и докторантуры русский язык исключён полностью хотя раньше цифра достигала 120 студентов – докторантов и 60 студентов – магистрантов. Но вступительный экзамен и госэкзамен по русскому языку мы принимаем, так как студенты имеют право выбирать один из языков.

Хотя часов у нас очень мало, мы продолжаем обучать русскому языку. Большим подспорьем для нас стало открытие в 2009 году Русского Центра фонда «Русский мир», а также открытие кабинетов русского языка в филиалах г. Эрдэнэт и г. Дархан. Они стали для студентов не только обучающими центрами, где можно изучать язык, но и информационными, научно-исследовательскими центрами, где можно получить достоверные сведения о России и о россиянах, о достижениях науки, культуры, истории и образования, и на их основе проводить научные исследования.

Русский центр большое внимание уделял и уделяет изучению и распространению русского языка не только в рамках университета. Нами разработаны учебные программы для курсов русского языка 3 уровней: начальный, базовый и для студентов желающих уехать учиться в Россию. В последние годы количество желающих обучаться на наших курсах увеличивается. К нам приходят не только наши студенты, но и из других вузов, средних школ. Приходят не только бакалавры, но и аспиранты и магистранты, желающие уехать в Россию на бюджетные места, желающие освоить передовой опыт россиян через русский язык. За последние 5 лет более 60 студентов этих курсов уехали в Россию для обучения в вузах по квотам РФ.

В прошлом году курсы русского языка проведены по заказу одной из совместных компаний. С 2014 года мы стали обучать русскому языку студентов подготовительных факультетов Института информационной технологии и промышленной технологии, готовящихся учиться по Программе 2*2. В прошлом учебном году мы обучили по магистерской Программе 1+1 16 студентов, которые, успешно сдав вступительные экзамены, уехали учиться в УрФУ / тепловики, строители и металлурги/ на бюджетные места.

Но все же нельзя не сказать о том, что всё труднее вести какие-либо мероприятия, направленные на популяризацию русской культуры и русского языка. Хотя именно это направление остается одним из важнейших направлений деятельности кафедры: с 2000 года были и продолжают проводиться традиционные декады русского языка МГУНТ, в рамках которых организуются олимпиады русского языка, научные конференции среди студентов, конкурс на лучшего исполнителя русских песен, на лучшего чтеца стихов русских поэтов, фотовыставки и кинопросмотры. В последние 3 года проводится конкурс макетов архитектуры и скульптур России. В этом году в связи с объявлением в России Года экологии нами уже объявлен конкурс постер-докладов и конкурс художественных рисунков. Все мероприятия проводятся с целью формирования благоприятного и правдивого представления о России среди молодёжи. Такие мероприятия несомненно повлияют на повышение интереса у студентов к русскому языку. Наши преподаватели продолжают готовить своих студентов для участия во всероссийских конкурсах, например, студентка Хишиг-Урнух стала лауреатом 5 онлайн-фестиваля дружбы «В мире русской литературы».

В 2006г. по инициативе самих студентов создан клуб «Звёздочка», деятельность которого состоит в оказании помощи студентам в изучении русского языка, объединении студентов, интересующихся жизнью и бытом русского народа, России.

Надо отметить немаловажную роль РЦНК в обучении русского языка наших студентов и учащих-ся лица, так как большинство мероприятий и праздников, знакомящих с жизнью россиян и прививающих интерес к изучению русского языка, проводился нами при поддержке, а также совместно с этой организацией. При поддержке РЦНК и совместно с вузами России: МПГУ, УрФУ, СПбГУ были организованы мероприятия для преподавателей.

Не забыты нами и совместная деятельность с БГУ, между двумя вузами был подписан долгосрочный договор. Мы помним организованные вместе с филологическим факультетом БГУ плодотворные научно-практические конференции «Евразийский фронт». В прошлом году совместно с ИФМК был организован фестиваль-викторина «Мое русское кино» под эгидой Фонда Русский Мир, который также пройдёт под названием «Мой Пушкин» в ноябре этого года.

Немаловажное значение имеют для нас курсы повышения квалификации. И в ноябре совместно с ИФМК запланирован 3-дневный методический семинар. Такие мероприятия несомненно нужны учителям русского языка средних школ Монголии.

Сегодня как говорится другие времена, другие нравы. Нельзя отрицать тот факт, что в наши дни весь мир находится под влиянием английского языка и американской культуры. Роль, которую в течение тысячелетия выполняла латынь, а именно роль посредника между образовательными слоями всех наций, теперь выполняет английский язык. Возможно, с позиции интеграционных процессов, знание английского - необходимое условие.

Но тем не менее, несмотря ни на какие геополитические перемены, никто не сможет отрицать то, что русский язык и доля «русскости» в какой-то мере всё ещё «проблёскивают» в монгольском менталитете.

Сегодня на административном уровне МГУНТ продолжает укреплять сотрудничество с Российскими вузами. Постоянно мы принимаем делегации вузов, подписываются Договора и Протоколы дальнейшего сотрудничества. Кафедра Европеистики разрабатывает совместно с ними учебные планы по русскому языку для специалистов. И мы рады тому, что руководство нашего Института иностранных языков сегодня подписало Договор с вашими кафедрами. Это будет возрождением наших отношений на будущее.

Очень надеемся, что МГУНТ возродит свои традиции по обучению и изучению русского языка. Это объясняется прежде всего тем, что русский как и раньше, остается ключом к знаниям всех отраслей науки и техники. Россия была и остается самым близким партнером по сотрудничеству в области науки и технологии.

Литература

1. Батбаяр Т., Томтогтох Г. Обучение русскому языку студентов в МГУНТ /на монгольском языке/. Материалы научно-методической конференции преподавателей русского языка вузов Монголии «Преподавание русского языка студентам-нерусистам Монголии: современное состояние и перспективы». Улан-Батор. 2006.

2. Костомаров В. Г. Роль русского языка в международной коммуникации. Материалы международной конференции русистов «Русский язык и литература как средство межкультурного диалога», Улан-Батор. 2002.

3. Эрдэнэмаам С. Русский язык и образ России в современном монгольском обществе. Сборник научно методической конференции «Русский язык и культура в системе образования Монголии». Улан-Батор. 2006.

RUSSIAN LANGUAGE IN THE TRAINING SYSTEM OF THE MONGOLIAN UNIVERSITY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY / MUST /

Tomtoghkh Gombo

Candidate of Sciences in Philology

Mongolian State University of Science and Technology

Sukhbaatar, 34 Baga toyruu St., Ulaanbaatar, 14191 Mongolia

Tuya Gotov

Candidate of Sciences in Philology

Mongolian State University of Science and Technology

Sukhbaatar, 34 Baga toyruu St., Ulaanbaatar, 14191 Mongolia

This article raises the problems of teaching Russian in a university on the experience of a higher educational institution in Mongolia, examines the Russian language as an academic discipline on the example of the training system of the Mongolian State University of Science and Technology. At the same time, some stages of the teaching process of the Russian language and the types of activity of the university's Russian specialists are touched upon. In particular, the work of the Department of European Studies (formerly the Chair of Russian Studies) is described in detail with the Russian Center, opened under the auspices of the Russkiy Mir Foundation. The history of mutually beneficial cooperation with the philological faculty of the Buryat State University is disclosed. The authors of the article draw attention to the fact that Mongolia's earlier "decline" of interest in the Russian language has been replaced in the last year by a "splash". It is emphasized that in the new socio-economic conditions in Mongolia interest in the Russian language is renewed on the basis of voluntariness and professional necessity. The authors of the work express the hope that the MGUTT will revive its traditions in the teaching and learning of the Russian language.

Key words: curriculum, language of science and technology, teaching tradition, teaching material.

ДУХОВНОЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ УЧЕНИКА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

© Тулубаева Марина Михайловна

учитель русского языка и литературы

МАОУ СОШ № 35 г. Улан-Удэ

Россия, 670031, г. Улан-Удэ, бульвар К. Маркса, 15

E-mail: tulumarina@rambler.ru

В статье исследуется аспект духовного и интеллектуального становления личности ученика на уроках по изучению поэзии Серебряного века. Творчество поэтов конца XIX – начала XX века восхитительно; оно обращено к внутреннему миру человека, к состоянию его души; призывает задуматься о месте человека в этом мире. Детальное рассмотрение особенностей лирики, творческая самопрезентация на занятиях по этой теме – это некий рост, прогресс, качественное изменение в самом человеке, проявляющееся в самосовершенствовании, самореализации и самопознании. Восприятие поэзии сквозь призму пассионарной теории этногенеза Льва Гумилева заставит задуматься учеников о смысле бытия. Задания различного характера, проектная деятельность способствуют формированию навыков исследовательской деятельности.

Ключевые слова: духовное и интеллектуальное развитие личности, Серебряный век, теория пассионарного этногенеза, проект, «звездная вспышка», символизм, акмеизм, футуризм.

В рамках концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России мы говорим о воспитательном идеале, предполагающем установку «становиться лучше» творить и совершенствоваться [3]. А целеполагание, планирование ресурсов и построение стратегии достижения цели способствует осуществлению поиска правильных решений в современном быстро меняющемся, сложном мире.

Духовное и интеллектуальное развитие осуществляется эволюционным путем, представляющим собой поднятие личности на более высокий уровень сознания, ведущее к преобразению человека в целом. Личностное развитие в этих двух аспектах представляет собой некий рост, прогресс, качественное изменение в самом человеке, проявляющееся в самосовершенствовании, самореализации и самопознании. Формирование перечисленных качеств личности у школьника в полной мере происходит на уроках литературы и, в частности, при изучении поэзии Серебряного века.

У 11-классников в силу особенностей их психологического развития найдет широкий отклик внимание Серебряного века к внутреннему миру человека, к состоянию его души. В новом, неожиданном для них свете предстают в этой поэзии эмоциональная сфера человека, его место в обществе и культурной жизни эпохи, философские и нравственные основы бытия в целом. Сложный и противоречивый XX век заставил человека задуматься о главных вопросах, искать пути решения насущных проблем.

Вообще изучение поэтического произведения представляет немалые сложности для учителя-словесника (сложное соединение непосредственного эмоционального восприятия с углубленным разбором «форм» – композиционных частей, отдельных строк, сохранение живого эстетического впечатления). Уроки по теме «Серебряный век русской поэзии» способствуют формированию художественного вкуса, творческих способностей. Разговор о плеяде поэтов конца XIX-XX века – это знакомство «с мыслями о человеке и мире, с подлинной культурой, высокой художественностью поэзии начала века – источником ее непреходящего обаяния для нас» [1, с. 6].

В качестве итогового занятия можно предложить проект «Звездная вспышка», основанный на «пассионарной теории этногенеза» Л. Н. Гумилева, историка-этнолога, археолога, востоковеда, писателя, сына двух великих людей – Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Суть этой теории в том, что поверхность нашей планеты несколько раз за тысячелетие подвергается определенному типу космического излучения, которое вызывает пассионарный толчок. Происходит накопление энергии, в результате которого рано или поздно случится взрыв. Согласно этой теории, Серебряный век считается временем пассионарного напряжения, временем звездных имен, поэтических шедевров. Одним словом, Серебряный век – это настоящая звездная вспышка.

Пассионарность поэтов серебряного века – это непреодолимое внутреннее стремление к деятельности, их способность к сверхусилиям, сверхнапряжению. Отметим, что выпускникам, стремящимся найти свое место в жизни, будут близки «сверхпоиски» великих поэтов начала XX века.

Группы учащихся занимаются исследовательской деятельностью на основе сбора материала о литературных течениях периода Серебряного века, анализа стихотворений для того, чтобы дать аргументированный ответ на вопрос: «В чем особенности творчества современников Серебряного века? Почему их поэзию можно назвать «звездной вспышкой»?

Сопоставляя смежные виды искусства – живопись и музыку с поэзией, учащиеся наблюдают эстетическое сходство в восприятии мира, времени, в которое жили поэты, художники, композиторы, певцы – эпохи Серебряного века.

Эпиграфом к уроку могут послужить строки И. Ф. Анненского:

О, дай мне только миг, но в жизни, не во сне,
Чтоб мог я стать огнем или сгореть в огне!
(«Мучительный сонет»).

Цели урока:

1. Обобщение представлений учащихся о своеобразии поэзии Серебряного века.
2. Формирование альтруистических (способности к сопереживанию) и эстетических (понимание прекрасного) чувств и эмоций.
3. Через чтение и анализ стихотворений приобщить ребят к духовным ценностям, обозначаемых понятиями «Жизнь», «Любовь», «Добро», «Человек».

I. Слово учителя.

Поэзия «серебряного века» – уникальное явление отечественной литературы конца XIX и первых двух десятилетий XX века.

Своим истоком это явление имеет XIX столетие и корнями уходит в «век золотой», в творчество А. С. Пушкина, в наследие пушкинской плеяды, в тютчевскую философичность, в импрессионистическую лирику А. А. Фета, в некрасовские прозаизмы.

Проецирование на экране:

- схемы литературных направлений
- модернизм и его течения

II. Проверка домашнего задания.

Почувствовали ли вы отличия поэтов друг от друга, особенности стихотворений каждого из них? Расскажите о специфике каждого поэтического направления. (Три группы учащихся характеризуют основные направления поэзии серебряного века по схеме: 1 группа – символистов, 2 группа – акмеистов, 3 группа – футуристов).

Ребята рассказывают о поэтических гениях и лирических шедеврах Серебряного века.

Далее учитель обобщает доклады учащихся, акцентируя внимание на специфических особенностях литературных течений – символизма, акмеизма, футуризма.

III. Слово учителя о теории пассионарного напряжения.

IV. Презентация проекта.

Творческий продукт каждой группы включает следующие виды деятельности:

1. Теория вопроса. Поэты-основоположники литературного течения (символизма, акмеизма, футуризма)
2. Анализ стихотворений
3. Выразительное чтение стихов
4. Соотнесение лирических произведений со смежными видами искусств.

Защита проекта происходит в форме презентации или видефильма.

Учащимся предлагаются «Маршрутные листы» для исследования каждого направления. «Маршрутный лист для исследователей творчества символистов» включает в себя следующие пункты:

1. Поэты-основоположники символизма.
2. Анализ стихотворений В. Я. Брюсова «Где вы, грядущие гунны?», К. Д. Бальмонта «Камыши».
3. Выразительное чтение стихов Ф. Сологуба «О смерть! Я твой...», В. Я. Брюсова «Тень несозданных созданий...»
4. Соотнесение со смежными видами искусства (музыкой, живописью).

Соответственно, «Маршрутный лист для исследователей творчества акмеистов» выглядит следующим образом:

1. Поэты-основоположники акмеизма.
2. Анализ стихотворения Н. С. Гумилева «Жираф», А. А. Ахматовой «Песня последней встречи».
3. Выразительное чтение стихов О. Э. Мандельштама «Невыразимая печаль», А. А. Ахматовой «Я научилась просто, мудро жить...»

4. Соотнесение со смежными видами искусств.

«Маршрутный лист для исследователей творчества футуристов»:

1. Поэты-основоположники футуризма.
2. Анализ стихотворений В. В. Маяковского «Утро» и В. Хлебникова «Там, где жили свиристели».
3. Выразительное чтение стихов И. Северянина «Кензель», «Я, гений Игорь Северянин».
4. Соотнесение со смежными видами искусств.

V. Творческая работа.

Учитель предлагает ребятам, представляющим поэтические группировки Серебряного века изменить «свои» поэтические убеждения: футуристы станут символистами, символисты – акмеистами, а акмеисты – футуристами.

Дается задание: «Сочинить стихотворение в духе символизма – «бывшим футуристам», акмеизма – «бывшим символистам», футуризма – «бывшим акмеистам».

В это время звучит классическая музыка.

Итог. Каждая группа читает получившиеся стихотворения.

VI. Заключительное слово учителя: «Итак, мы завершили изучение Серебряного века русской поэзии.

Хотелось бы узнать ваше личное отношение

- 1) к Серебряному веку
- 2) к итоговому уроку в целом
- 3) к групповой форме работы».

Ученики обмениваются мнениями.

Выясняется, что занятие в подобной нетрадиционной форме очень понравилось ребятам, затронуло струны их душ и никого не оставило равнодушным.

Литература

1. Барковская Н. В. Поэзия серебряного века. М.: АООТ «Полиграфист», 1997.
2. Гоголев А. К. Теория пассионарности Л. Н. Гумилева. С некоторыми изменениями и дополнениями. URL: <http://www.lifeofpeople.info/applications/> (дата обращения: 10.09.17).
3. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Стандарты второго поколения. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Москва: Просвещение, 2009.

INNER AND INTELLECTUAL FORMATION OF THE PUPIL'S PERSONALITY AT THE LESSONS DEVOTED TO STUDY OF THE SILVER AGE POETRY

Marina M. Tulubaeva

Teacher of Russian language and literature

Municipal comprehensive school № 35, Ulan-Ude

15, Karl Marx Boulevard, Ulan-Ude, 670031 Russia

The article explores the aspect of inner and intellectual formation of the pupil's personality at the lessons devoted to the poetry. The works of poets of the late 19th and early 20th century is delightful; it is addressed to the inner world of man, to the state of his soul; it encourages to think about the man's place in this world. A detailed examination of the said poetry characteristics, creative self-presentation at the lessons on this topic - is a growth, a progress, a qualitative change in man appearing in self-improvement, self-realization and self-knowledge. The perception of poetry through the prism of passionary theory of Gumilev's ethnogenesis makes the pupils think about the meaning of life. Different tasks, project activities promote skills of research activities.

Keywords: inner, intellectual and personality development, the Silver Age, the theory of passionary ethnogenesis, project, «stellar flare», symbolism, acmeism, futurism.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

© Цэцэгмаа Цэрэндоржийн

кандидат филологических наук

Монгольский государственный университет науки и технологии

Монголия, 8-р хороо, Бага тойруу, район Сухбаатар

E-mail: tsetsegmaa_ts@yahoo.com

Данная статья посвящена проблеме формирования коммуникативной, в том числе лексикографической компетенции у иностранных студентов вузов. В работе рассматривается вопрос ценности компетентностного подхода в образовании, ориентированного на формирование личностного опыта социально-профессиональной деятельности человека, на базе которого он будет способен использовать компетенции, сформированные в процессе обучения. В статье указывается значимость коммуникативной компетенции в профессиональной подготовке студентов вузов, которая необходима каждому человеку независимо от сферы профессиональной деятельности. Автор даёт обобщённое определение понятия лексикографической компетенции, выделяет показатели сформированной коммуникативной компетенции у студентов вузов. Данное направление дополняется также представлением о типологии словарей, назначении и специфике словарей разных типов, а также способе подачи информации в них.

Ключевые слова: компетентностный подход, лексикография, словарь, словарная статья, типология словарей.

Стремительное обновление информации является характерной чертой современности и инициирует использование разного рода информационно-справочной литературы, и в том числе словарей, а работа такого рода связана с умением самостоятельно добывать знания. Эффективность любой информационно-справочной литературы определяется умением пользователя находить необходимую информацию и использовать её для своих целей. Поэтому одной из задач обучения русскому языку является выработка у обучающихся умения пользоваться словарями, в связи с этим, лексикографическая компетенция относится к одной из важных формируемых компетенций.

По мнению А. А. Хуснутдинова, лексикографическая компетенция – «совокупность знаний и навыков, которая позволяет пользователю, во-первых, правильно выбрать из всего массива лексикографических изданий именно тот словарь, который может дать необходимую справку, и, во-вторых, находить и максимально полно использовать содержащуюся в нём информацию» [3].

Обучение русскому языку в вузе предполагает овладение нормами литературного языка, научным стилем речи, с этой целью на занятиях используются различные словари. В словарях обучающийся находит и затем максимально полно использует содержащуюся в нём информацию.

Но для максимального использования информации обучающийся должен уметь получить истинную информацию, а не ложную. Получение истинной информации предполагает знания о типологии словарей, их назначении, специфике и, конечно, способе подачи информации в них.

В процессе обучения учащиеся овладевают знаниями структуры и содержания словаря, его составных элементов, таких как предисловие, назначения каждого из элементов, их места в словаре, способов расположения единиц, описываемых в словаре и т.д. Эффективное использование словаря предполагает выработку понятия о словарной статье, структуре и содержании словарных статей в словарях различных типов, параметров описания единиц, способов подачи информации о той или иной стороне языковой единицы, системе помет, сокращений и т.д.

Работа со словарями разных типов даёт возможность ознакомиться с особенностями словарей различных типов, их назначением, возможностями использования. Цель такой работы состоит в выработке практических навыков пользования словарями, потребности обращаться к ним.

Монгольские студенты, изучающие русский язык, в качестве образца, безусловно, всегда берут монгольские словари или хорошо им знакомые монголо-русские словари. Необходимо оговориться, что такое положение негативно влияет на выработку лингвистической компетенции. Например, в русских и монгольских словарях разная подача словарной формы слова.

Словарная форма слова – это одна из словоформ, традиционно избираемая в качестве представителя данной лексемы в словаре [1, с. 420]. Следовательно, все другие формы являются несловарными формами. Относительно словарной формы как представителя всей совокупности форм В. П. Берков замечает: «Теоретически возможен, конечно, словарь, где были бы приведены в качестве вокабул все словоформы. Практические сложности издания такого словаря для многих языков и пользования им

очевидны. Не исключено, с другой стороны, что для автоматического перевода такая подача материала может – при соответствующем уровне вычислительной техники – оказаться целесообразной» [2, с. 27].

Так вот, для монгольских языков, как и для русского, словарными формами имен существительных является форма им.п. ед. ч., а также супплетивные формы множественности, например, *зон* `люди. Но что касается подачи глаголов, то здесь наблюдается совершенно другая картина.

В монгольских словарях глаголы даются в словаре в форме причастия будущего времени на *-х* и переводятся на русский язык глаголами неопределенного наклонения преимущественно несовершенного вида. Так, в словарной статье *абах* даны переводы `брать, набирать, забирать и т.д.` , а значение «взять» употреблено в иллюстративных примерах. В русских же словарях глаголы даются в неопределенной форме, например, глагол *дать* дается в этой же форме «*дать* – н.ф.». Вполне возможно, что стойкое неразличение русских причастий, деепричастий и русских глаголов у монгольских обучающихся усугубляется и этим фактом – разной подачей слов одной части речи.

Или же, в монгольских словарях даются в качестве словарной формы собственно послелого, например, *монг. дэргэд* `около; возле; при, у; к; рядом; вблизи; подле и т.д.` , в русском же словаре ни один предлог не дается отдельной словарной формой, так как предлоги относятся к служебным частям речи и образуют предложно-падежную форму.

В монгольских словарях отдельной словарной формой представлены сложные послелого, напр.: *монг. турш* <...> `2. *дагавар*. в течение; на протяжении, на расстоянии чего-л. (о времени); за, на и т.д., в русском языке сложные предлоги также никогда не даются в толковых словарях отдельной словарной статьей.

Следует отметить, что в монгольском словаре с соответствующими пометами даются все разряды местоимений: личные, притяжательные, указательные, неопределенные, вопросительные, определительные и возвратные. Супплетивные формы личных местоимений даются по алфавиту отдельными словарными статьями со ссылкой на форму именительного падежа, что также не наблюдается в русских словарях.

Обучающийся должен уметь читать словарную статью и извлекать необходимую информацию из словарной статьи. Для этого необходимо вооружить его этими знаниями. Такую работу, безусловно, необходимо проводить на основе сравнения словарных форм – слов одной и той же части речи.

Учащимся необходимо иметь представление о типологии словарей, назначении и специфике словарей разных типов, способе подачи информации в них. Все словари делятся на два основных типа: энциклопедические и лингвистические (филологические).

Энциклопедические словари содержат экстралингвистическую информацию об описываемых языковых единицах, сведения о научных понятиях, явлениях, терминах и т.п., в них нет грамматических сведений о слове, а дается информация о предмете, обозначаемом словом. Энциклопедические словари делятся на:

- универсальные (общие) (например, “Большой энциклопедический словарь”);
- отраслевые (специальные) (например, энциклопедия “Русский язык”, “Детская энциклопедия”, энциклопедия “Всемирная история”, энциклопедический словарь “Языкознание”);
- терминологические словари, содержащие толкование терминов какой-либо области знаний (многоотраслевые: “Политехнический словарь”; отраслевые: “Химический энциклопедический словарь” И.Л.Кнунянца; узкоотраслевые: “Англо-русский словарь по химии и технологии силикатов” С.Г.Ковчура; словари терминов: “Словарь лингвистических терминов” О.С.Ахмановой).

Лингвистические (филологические) словари содержат толкования слов (указываются основные значения, прямые и переносные), грамматические, стилистические и прочие пометы. Лингвистические словари подразделяются на:

- неодноязычные (многоязычные) – переводные словари, в которых значения слов одного языка объясняются через сопоставление со словами другого языка;
- одноязычные, в которых слова толкуются посредством слов того же языка. Одноязычные словари бывают комплексными или аспектными.

Комплексными являются толковые словари, в которых приводятся сведения, необходимые для понимания слова, его употребления в речи (например, “Толковый словарь русского языка” С.И.Ожегова, “Толковый словарь живого великорусского языка” В.И.Даля, “Толковый словарь русского языка” под ред. Д.Н.Ушакова).

Аспектные словари отражают тот или иной аспект языка, к ним относятся:

- словари иностранных слов (например, “Толковый словарь иноязычных слов” Л.П. Крыкина, “Словарь иностранных слов современного русского языка” Т.В. Егоровой);

- фразеологические словари, содержащие толкование фразеологизмов (например, “Фразеологический словарь русского языка” А.И. Молоткова, “Фразеологический словарь русского литературного языка” А.И. Фёдорова, “Большой толково-фразеологический словарь” М.И. Михельсона);
- орфографические словари, в которых указывается правильное (т.е. отвечающее принятой норме) написание слов и их форм (например, “Орфографический словарь” Д.Н. Ушакова, “Орфографический словарь русского языка” С.Г. Бархударова, “Русский орфографический словарь” под ред. В.В. Лопатина);
- орфоэпические словари, в которых указывается «правильное» (т.е. отвечающее принятой норме) произношение (например, “Русское литературное произношение и ударение” под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова, “Орфоэпический словарь русского языка” под ред. Р.И. Аванесова);
- словари синонимов, в которых описываются слова, разные по звучанию и написанию, но тождественные или близкие по значению (например, “Словарь синонимов русского языка” З.Е. Александрова, “Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений” Н.М. Абрамова);
- словари антонимов, в которых описываются слова разные по значению (например, “Словарь антонимов русского языка” М.Р. Львова, “Учебный словарь антонимов русского языка” Л.А. Введенской);
- словари омонимов содержат пары или группы слов, совпадающие по звучанию, но разные по значению (например, “Словарь омонимов русского языка” О.С. Ахмановой, “Словарь омонимов русского языка” Н.П. Колесникова);
- словари паронимов, в которых описывается различие слов, схожих по звучанию и написанию (например, “Словарь паронимов современного русского языка” Ю.А. Бельчикова и др., “Учебный словарь паронимов русского языка” Л.А. Введенской и др.);
- обратные словари, в которых дается расположение слов в алфавитном порядке с учётом обратного чтения (например, “Обратный словарь русского языка” под ред. М. Фасмера);
- словари сокращений, содержащие сложносокращённые слова, образованные от составных наименований (например, “Новый словарь сокращений русского языка” под ред. Е.Г. Коваленко, “Словарь сокращений современного русского языка” Г.Н. Складневской);
- этимологические словари, которые содержат сведения о происхождении слов (например, “Этимологический словарь русского языка” под ред. Н.М. Шанского, “Этимологический словарь русского языка” А.В. Семенова) и др.

Таким образом, под лексикографической компетентностью может пониматься осознание потребности обращаться к словарю, умение выбрать нужный для решения конкретной задачи словарь, умение прочитать словарную статью и извлечь необходимую информацию, умение использовать в практической деятельности лексикографические издания любых типов, а также сформированные навыки самостоятельной научно-исследовательской работы в области лексикографии.

Литература

- 1 Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
- 2 Берков В. П. Слово в двуязычном словаре. Таллин: Валгус, 1977. 192 с.
- 3 Хуснутдинов А. А. О содержании понятия “лексикографическая грамотность” // Традиционные и новые формы обучения и контроля в практике преподавания русского языка в школе и вузе. Иваново, 2001.

THE FORMATION OF UNIVERSITY STUDENTS' LEXICOGRAPHIC COMPETENCE

Tsetsegmaa Tserendorj

Candidate of Sciences in Philology

Mongolian University of Science and Technology

Sukhbaatar, 34 Baga toyruu St., Ulaanbaatar, 14191 Mongolia

This article deals with the problem of foreign students' communicative, especially lexicographic competence formation. This paper considers the issue of the value of competency-based approach in education, focused on the formation of personal experience of social and professional activities on the basis of which he will be able to use the competence formed in the process of learning. The importance of communicative competence in professional training of university students, which is necessary to every person regardless of their sphere of professional activity is specified. The author gives a generalized definition of the concept of lexicographic competence, highlights the indicators of the communicative competence of university students. This issue is also complemented with the understanding of the typology of dictionaries, the purpose and nature of the different types of dictionaries and the way of presenting the information in them.

Key words: competency-based approach, dictionary, dictionary entry, lexicography, typology of dictionaries

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

© Шобоева Татьяна Анатольевна

учитель русского языка и литературы

ГБОУ «РБНЛ №1»

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Чертенкова, 30

E-mail: shoboevat@mail.ru

В статье описывается опыт работы учителя – организация проектной и исследовательской деятельности учащихся, использование национально-регионального компонента в урочной и внеурочной деятельности учителя-словесника. Описание практического опыта результатов сотрудничества ученика и учителя на примере исследовательской работы «Алмазная чаша», реализованных проектов «Земля Гэсэра», «Волшебное ожерелье» –показатель высокого уровня сформированности ключевых образовательных компетенций, этнокультурной компетентности, социально-значимых качеств (инициативности, способности к самостоятельному выбору) учащихся. Автор статьи приходит к выводу о том, что проектная и исследовательская деятельность – наиболее эффективный способ помочь подросткам освоить универсальные способы деятельности, при этом учитель опирается на этнокультурное содержание, что помогает решать задачи нравственного воспитания ребенка.

Ключевые слова: проект, исследование, сотрудничество ученика и учителя, образовательная и этнокультурная компетентность.

Нить времен сказителями ткется.
И мгновений суть – не суета –
Лишь в душе поэта отзовется
Иль не отзовется никогда.

Б. Дугаров.

Человеку свойственно обращаться к своему внутреннему потаенному «я». В будничной суете важно не упустить, не пройти мимо того, что поэт назвал «сутрой мгновений»: «у каждого живущего на земле она своя, зыбкая и неповторимая. И мгновения, запечатленные в слове, это уже не «утраченное время», а нечто иное, осязаемое сквозь дымку вечности» [1, с. 8].

Какова же в этой связи миссия современного учителя-словесника? Природа живого слова, природа текста таинственна, интересна и сложна. Благородна задача учителя – помочь ребенку понять, всмотреться и вслушаться в гениальные строки писателя, научить вести диалог с автором, заботиться о том, обретут ли его ученики культуру чувств, культуру языка. Каковы же пути решения данной задачи? Какие качества необходимо развивать в наших детях? Вот круг вопросов, которые предполагается осветить в данной статье.

Проектная и исследовательская деятельность решает задачи формирования у ребенка системы универсальных учебных действий, предполагающих «обучение через делание». В этом случае учащийся включен в активный познавательный процесс, самостоятельно формулирует учебную проблему и осуществляет сбор необходимой информации, а также планирует варианты решения проблемы, самостоятельно делает выводы и анализирует свою деятельность, приобретая тем самым новый учебный жизненный опыт.

На уроках проектирование и исследование обеспечивает сочетание различных видов познавательной деятельности школьника. Учащиеся приобретают навыки самостоятельной работы и сотрудничества в коллективе (например, на уроке-исследовании, уроке «Удивительное рядом», уроке-защите каких-либо проектов). Цели и задачи этих видов деятельности определяются как личностными, так и социальными мотивами поведения ребенка, что является одним из условий повышения мотивации детей к учебе.

Во внеурочное время учителем проводится индивидуальная работа по подготовке лицеистов к НПК, конкурсам. Учебные достижения лицеистов во многом определяются тем, что педагог активно включает учащихся в творческую поисково-исследовательскую деятельность. Дети активно участвуют в научно-практических конференциях, олимпиадах, конкурсах различного уровня (регионального, российского).

Необходимо отметить, что педагогическая деятельность учителя выстраивается, исходя из задач развития учебного заведения, в котором он работает, в частности, экспериментальной программы РБНЛ-И №1 «Этническая социализация учащихся в условиях поликультурной среды». Ее целью является создание условий для этнической социализации учащихся в поликультурной среде; выстраивание индивидуальной траектории развития каждого ребенка... в обучении и воспитании через разработку индивидуальных образовательных программ, в том числе для одаренных детей.

З. П. Морохоева в своей монографии «Личность в культурах Востока и Запада» отмечала важность осознания места народа Бурятии в пространстве между Востоком и Западом [4, с. 8]. Действительно, Республика Бурятия уникальна тем, что здесь сосуществуют и взаимообогащаются восточная и западная культуры.

Показателями высокого уровня сформированности ключевых образовательных компетенций, этнокультурной компетентности, социально-значимых качеств (инициативности, способности к самостоятельному выбору) лицеистов, обучающихся в учебном заведении для одаренных детей, является результативность сотрудничества ученика и учителя.

Один из фрагментов включения НРК в содержание обучения по русскому языку – проект-разработка учебного пособия для 7 класса «Земля Гэсэра». Это пособие – совместный труд учителя и учащихся. Учителю данная работа позволила конструировать учебный процесс как поисковую, исследовательскую деятельность, использование же метода «учебники пишем сами» дало подросткам опыт информационной переработки текста.

Работа над учебным проектом включала в себя следующие этапы: выбор темы, составление плана, изучение литературы, сбор материала участниками проекта (это учащиеся 9 класса), анализ полученной информации, ее преобразование с учетом поставленных задач, защита.

Целью создания учебного пособия «Земля Гэсэра» явилось приобщение учащихся к культуре родного народа через знакомство с фольклорными текстами, произведениями писателей, поэтов Бурятии на уроках русского языка. Отобранные тексты и составленные задания к ним по разделам русского языка на этнокультурном материале позволяют сформировать не только комплекс необходимых знаний, но и культурологическую компетентность школьников. К текстам ребята подобрали яркие иллюстрации.

Также задания к текстам направлены на развитие исследовательских умений. Например, подготовить доклад на тему «Жанры средневековой монгольской поэзии» (магталы – оды, гэмшил – элегия, лирические стихотворения), исследовать этимологию слова «обоо», аршан, написать небольшое исследование «Сходство и различие «Легенды об Ангаре» и поэмы Н. Дамдинова об Ангаре».

Таким образом, данная работа позволила учителю решать такие задачи обучения, как формирование у учащихся способов деятельности, применяемых как в учебной деятельности, так и при решении проблем в реальной жизни: умение вести поиск информации, овладение приемами отбора и систематизации материала на определенную тему; умение сопоставлять, сравнивать тексты с точки зрения их содержания, стилистических особенностей и использования языковых средств; объяснять языковые явления, связи и отношения, выявляемые в ходе исследования.

В качестве яркого примера реализации нашей методики приведем описание еще одного проекта – «Волшебное ожерелье». Данный проект был реализован в 2012-2013 уч. году в выпускном классе и предполагал составление родословной – нелегкий, длительный, требующий терпения процесс. Однако вместе с тем – это интересный, увлекательный вид творчества. Замысел и осуществление проекта «Волшебное ожерелье» были продиктованы потребностью старшеклассников знать историю своей семьи, восстановить память о прародителях, их делах, поступках.

Состав 11 «А» класса (выпуск 2013 г.) был многонационален: буряты, русские, монгол, татарин, китаец. Изучение и составление родословных учащихся класса – потомков булагатов, эхирит, хоринцев, хонгодоров – это и стало воплощением метафоры «нанизывания бусин на волшебное ожерелье». Ведь каждый человек уникален – происходит из древнего рода. Такая работа дала возможность ребятам ощутить себя частицей огромного сообщества и проникнуться идеей сопричастности к общей ответственности и общей судьбы.

Содержание проекта состояло из 2 частей: теоретической (исследование по теме «Родоплеменные и этнотерриториальные группы бурят в XVII – XIX вв.») и практической (изучение и составление родословных учащихся 11 «а» класса). Результатом работы стало проведение учащимися мастер-классов по обучению одноклассников составлению родословной и создание буклета «Волшебное ожерелье» с рубриками: «Моя родословная», «Вклад моей семьи в победу», «Знаменитые люди моего рода».

Таким образом, в результате реализации данного проекта ребята пришли к выводу о том, что для того, чтобы современное поколение людей стало носителем, творческим продолжателем этнокультурных традиций своего народа, необходимо изучать историю своего рода, приобщаться к традициям, обычаям, вырабатывать привычку следовать им.

Дари Шоёнова, участница проекта, стала победительницей в городском конкурсе социально-образовательных проектов учащихся «Цвети, моя Бурятия», посвященном Семье и семейным ценностям (2013 г.), получив диплом I степени в номинации «Прошлое России в истории моей семьи».

Третьим проектом, реализуемым в нашем лицее, стала исследовательская работа «Алмазная чаша», представляющая собой сбор и обработку легенд и преданий как источника информации о распространении и развитии буддизма в Бурятии. Темой исследования явился фольклорный материал. Ученица сформулировала актуальность работы: несмотря на большое количество исследований в области буддологии, все еще мало изученными остаются вопросы конкретной истории буддизма в Бурятии. Бурятские легенды и предания, отражающие факт распространения буддизма в Бурятии, в плане определения общего и отличительного в сюжетах, образах, символике еще не становились объектом специального исследования.

В результате исследования – изучения, анализа, классификации собранного материала были выведены закономерности: с точки зрения изучения содержательной сущности бурятских легенд и преданий выделяется пять основных тематических групп; легенда конструирует действительность, выполняет кроме информативной воспитывающую функцию; в преданиях фигурируют образы реальных исторических деятелей (Екатерина II, Дамба-Даржа Заяев). Ценность историко-познавательной стороны легенд и преданий возрастает по мере удаления событий в прошлое. В них содержатся отзвук прошлых событий, социальные мотивы, нравственные и эстетические воззрения творцов фольклора. Легенды и предания отражают события, имевшие большую общественную значимость.

Цыденова Анжела, ученица 10 класса, с данной исследовательской работой была удостоена Диплома I степени на VI Республиканском туре Всероссийского конкурса достижений талантливой молодежи «Национальное Достояние России» (2015 г.) и Диплома I степени на Девятом Всероссийском конкурсе «Национальное достояние России» (г. Москва, март 2015 г.).

Таким образом, проектная и исследовательская деятельность школьников является наиболее эффективным способом помочь подросткам освоить универсальные способы деятельности (познавательные, регулятивные, личностные и коммуникативные), так как помимо направленности проекта на конкретную задачу в рамках его реализации осуществляются межпредметные связи, происходит соединение теории и практики, учащиеся получают важный навык самоорганизации. Научить ребенка учиться, направить его, одухотворив его приобщением к культуре родного народа, - вот задача учителя.

Литература

1. Дугаров Б. С. Сутра мгновений. Улан-Удэ: Изд-во: ОАО «Республиканская типография», 2011. 440 с.
2. Морохоева З. П. Личность в культурах Запада и Востока. Новосибирск: ВО «Наука», 1994. 206 с.

ORGANIZATION OF PROJECT AND EXPLORATORY ACTIVITIES OF PUPILS IN POLYETHNIC ENVIRON

Tatyana A. Shoboeva

Teacher of Russian language and literature
Republican of Burayt national boarding Lyceum №1
30 Chertenkova St., Ulan-Ude, 670034 Russia

The article describes the experience of teacher's works - organization of project and exploratory activities of students using the national component in the lesson and off-hours activities. Describing of the practical experience as results of the cooperation of the student and the teacher by the example of exploratory work "The Diamond bowl", has realized projects "The land of Geser", "The Magic necklace". It's significative of high level of key educational competences, entocultural competence, social qualities (initiative, ability to independently choice) of students. The author of the article comes to conclusion that project and exploratory activity- It's effective way to help teens subdue ways of activity meanwhile the teacher relies on ethnocultural content that helping to solves problems of moral education of student.

Key words: project, exploration, cooperation between the pupils and the teacher, educational and ethnocultural competence.

ДУХОВНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

© Санжаева Римма Дугаровна

доктор психологических наук, профессор
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: rimmasan24@mail.ru

© Монсонова Арюна Раднанимаевна

кандидат психологических наук, доцент
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: kafedra.vpp@mail.ru

© Базарова Долгор Раднанимаевна

кандидат психологических наук
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: spf.bsu@gmail.com

Согласно «Атласа религий и национальностей», во всех странах мира становится все больше становится верующих без религии: они не связывают себя ни с какой религией, не ходят в храмы, не считают себя атеистами, так называемые «люди нет», «никакие». В России таких 25%, т.е. четверть населения, и по их количеству мы занимаем 5-ое место в мире после Китая, Японии, США, Вьетнама. Костяк «никаких» в развитых странах составляет определенное поколение – люди, рожденные между 1966 и 1975 годами, после них идет молодежь 1990-х годов, у которой слабо выражена конфессиональная идентификация, их принцип: «Бог един». Основные их ценности – это духовные ценности, которые для всех религий, в основном, едины, являются базовыми для человека, нормами его поведения, жизни, ценностно-смысловыми ориентациями. Эти поколения «никаких» сейчас находятся и входят в период политической и экономической зрелости. Данная реальность как один из глобальных вызовов современности требует внимания и изучения. Актуальность проблемы духовности диктуется и образовательными приоритетами в российском обществе: введение в 4–5-х классах учебного предмета «Основы религиозных культур и светской этики», необходимостью его психолого-педагогического сопровождения, проблемы преподавания теологии в университетах и т. д.

Ключевые слова: этнос, конфессия, ценности, духовность, студенты, молодежь, зрелость.

Представления и образные переживания, касающиеся высших духовно-нравственных и религиозных смыслов зрелой личности, какой является современный студент, практически не изучены в психологии. В особенности, актуальна проблема изучения того, как духовное начало, мир идеальных объектов и духовных смыслов и сама духовность, отражается в образной сфере на разных стадиях становления зрелой личности [3]. В этом плане представления о духовности ценны, т.к. в них содержится самое главное, ценное, «священное» с точки зрения становления человека как личности, ее представлений о духовности на различных возрастных этапах онтогенеза. Личность уже на ранних стадиях своего становления (18-20 лет, вступление во взрослость) уже имеет представления вершинного, духовного уровня смысловой сферы как некий предельный прообраз будущего достижения (высшее «акмэ»).

Методологическими основами исследования являются подходы к психологии духовности (Братусь Б. С., Гостев А. А., Кольцова В. А., Собчик Л. Н., Воловикова М. И., Леонтьев Д. А., Марьясова Н. В., Слободчиков В. И., Шадриков В. Д., Франкл В., Яссман Л. В. и др.). Методики исследования: Самоактуализационный тест (САТ) Э. Шостром (адаптация Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозман и др.); методика «Свободный выбор ценностей» (Е. Б. Фанталова); Тест ценностей Р. Инглхарта – М. С. Яницкого; методики «Заповеди блаженства» (Г. А. Аминев, Э. Г. Аминев, «Духовный дифференциал» (Г. А. и Р. И. Аминевы, Э. Г. Аминев 1994), ассоциативный эксперимент на стимул «духовность», авторский этноконфессиональный опросник. Исследование проведено в Бурятском университете среди

студентов 3 групп: младших и старших курсов, заочного отделения разных факультетов по 60 респондентов в каждой группе.

Методика «Свободный выбор ценностей» Е. Б. Фанталовой выявляет «ценностное ядро» (10 доминантных ценностей), ценностно-смысловые конфликты (внутренние конфликты), ценности, усиливающие социальную адаптивность участников групп. На статистически достоверном уровне (при $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$; крит. F угл. преобр. Фишера) определено, что возрастной группе 17-19 лет (1 группа) присущ широкий спектр ценностей, от стремления заявить о себе и самоутвердиться в глазах общества, до увлечения спортом, музыкой, общением. В возрасте 20-25 лет (2 группа) приоритетны ценности, повышающие качество межличностной коммуникации (вежливость, сочувствие, понимание других, уважение и т.д.). Для возраста 25-30 лет (3 группа) на первый план выходят ценности семьи, ее благополучия, актуальны ценности религиозные, морально-нравственные (вера в Бога, порядочность, доброта, честность, любовь к детям и т.д.).

Корреляционные связи (по Спирмену) позволили определить ценности-регулятивы, повышающие социальную адаптивность и стрессоустойчивость участников групп. На статистически достоверном уровне ($p \leq 0,05$) определено, что в первой группе - это самокритичность (рефлексия), во второй - взаимопонимание, сочувствие, в третьей - любовь к природе, религиозность. Корреляционный анализ позволил прийти к выводу, что ответственные отношения в возрасте 17-19 лет регламентируются в основе светскими принципами. Чем старше, тем сильнее включаются духовные принципы, в особенности религиозные мотивы (положительная корреляция при $< 0,01$ ценности «вера в Бога»; группы 2, 3). Как видно, с возрастом, по мере становления личности, «вера в Бога» становится доминантной инстанцией, на подобии «Сверх-Я» (по Фрейдю) при установлении социально ответственных отношений.

Результаты «Самоактуализационного теста» выявили по 8 шкалам из 14-ти значимые различия (t -тест Стьюдента, $p < 0,01$). В период с 17 до 25 лет преобладает параметр «самоуважения» (Sg), как проявление способности положительно относиться к себе, своим достоинствам и качествам характера, то есть принимать себя таким, каков есть. Начиная после 25 лет доминирует «представление о природе человека» (N), показывая склонность положительно принимать других людей по принципу: «люди скорее добры». Данная тенденция может подкреплять гипотезу о повышении духовной зрелости с возрастом [5, с.82].

Методика «Заповеди блаженства» предназначена к стимулированию активного использования духовных понятий, проработку семантики, содержит 10 шкал: «Нищие духом, скромность» (Нд), «Плачущие, сочувствие, эмпатия» (Пл), «Кроткие, смиренные» (Кр), «Алчущие правды. Правдивость» (Пр), «Милостивые» (Мл), «Чистосердечные» (Чс), «Миротворцы, миролюбие» (Мт), «Страдалец, борец за права человека» (Ст), «Гонимые» (Гн), «Радость подвижничества» (Рп). Статистический анализ обнаружил, что показатели 3-ей возрастной группы доминируют по 9 шкалам из 10-ти (Чс, Мт, Пл, Пв, Мл, Нд, Рп, Ст, Гн), что свидетельствует о значимых отличиях в уровне духовной зрелости (при $p \leq 0,01$). Респондентам этой группы характерна устойчивая направленность на развитие духовных способностей, готовность к проявлению добродетели в поступке. Достоверные различия между 1 и 2-ой определены по двум шкалам (Кр, Мт), а между 1 и 3-ей - по одной шкале (Мл). Анализ значимых корреляций («Заповеди блаженства», «Свободный выбор ценностей», «САТ») показал выраженные отличия (при $< 0,01$; Спирмен) по большинству шкал у крайних по возрасту групп: 1-ой и 3-ей, 2-ой и 3-ей. На этом основании группы можно разделить на три уровня (низкий, промежуточный, высокий), исходя из их психологической готовности к осознанной духовной жизни [6, с.180].

Тест «Духовный дифференциал» позволил определить духовный потенциал личности в трех его показателях: духовная активность (ДА), духовная сила (ДС), духовная красота (ДК). Из представленных шкал нас интересовала шкала «духовная активность», которая даёт возможность увидеть принципиальное отличие между респондентами, которые лишь исповедуют духовность и которые реально реализуют духовные принципы на практике. По шкале «духовная активность» (ДА) выявлено повышение показателей со 1-ой по 3-ю группу (1,96; 2,28; 2,65). Высокий показатель «ДА» старшей возрастной группы свидетельствует о том, что её участники в большей мере претворяют духовные (ценности) в поведении, в отношениях с людьми и миром. Корреляционные связи «ДА» с параметрами «САТ» 2-ой и 3-ей групп показали ($< 0,05$; Спирмен), что положительная самооценка и самовосприятие оказывают преобладающее влияние на повышение духовной активности 2 группы, а в 3-ей группе положительное влияние оказывает способность быть «самим собой», вести себя раскованно, естественно выражать свои чувства и эмоции. Это можно проинтерпретировать как тенденцию возраста-

ния духовной зрелости, от 1-ой группы к 3 - ей. Низкие показатели «ДА» второй группы вполне объяснимы возрастом [2, с.102].

Обработка ассоциаций на стимул «духовность» осуществлялась посредством метода универсалий (Серкин В.П., 2004). По итогам метода универсалий определено общее семантическое ядро стимула «духовность», это категории: «любовь», «вера», «добро (доброта)», «религия», «душа», «поиск». В плане частных отличий определено, что у 1-ой группы (17-19 лет) противоречивые, неопределенные духовные ориентации, одновременно актуальны разные сферы жизни («друзья», «уважение», «семья», «работа», «жизнь»). Категории «путь», «познание», «понимание» отличают более конкретно духовный поиск участников 2-ой группы (20-25 лет), что нами проинтерпретировано как стремление духовно самоопределиться при выборе «путей» духовного развития. В спектр духовного поиска 3 группы (25-30 лет) попали категории «церковь», «терпимость», свидетельствуя о растущем осознанном интересе к религиозной стороне жизни, внутреннему миру, к религиозным аспектам бытия человека (Бог, молитва), «знаниям о жизни после смерти», «о устройстве мироздания» (в том числе потустороннего), о «мировом духовном опыте» [2, с.115].

Этноконфессиональный опросник [5] выявил эмоциональное отношение к этноконфессиональным ценностям в значении «духовные переживания». При первичной обработке результаты группировались по уровням развитости эмоциональных проявлений. В результате выявлено 16 типов переживаний. К общим особенностям духовных переживаний следует отнести «кризисные (депрессивные)» и «гностические (интеллектуальные)» переживания, показатель которых по значимости, в каждой группе, оказался на первых двух позициях (при $\varphi \leq 0,01$). В частности, в 1 группе преобладают «агрессивные», «аскетические», «тревожно-фобические» и «эгоцентрические» переживания, во 2 группе - «аскетические» и переживания о состоянии здоровья. В 3-ей группе преобладают «аскетические», «альтруистические» и «религиозные» переживания.

Проективные рисуночные исследования «Мой мир», «Мой образ жизни» [2, с.124] показали, что образы духовности оказывают существенное влияние на поведение и отношения личности, стимулируют развитие способностей и умений в профессиональной деятельности, пробуждают духовную активность. Действительно, оказывается духовность может быть «мало развитой», быть «в зачаточном состоянии» (Н. Бердяев, И. Ильин и другие). Образы высшего уровня духовности отражают общую идею завершенности, целостности и интегративности (солнце, круг, колесо), что является подтверждением на эмпирическом уровне сущностных интегративных оснований духовности. В целом, данным образом характерна композиционно открытость, активность, направленность вверх. На уровне ощущений смысла образы высокого уровня духовности воспринимаются как динамичные, нестабильные, абстрактные и открытые. Каждая из указанных характеристик, с возрастом имеют свойство менять свои функции, с отрицательных на положительные, такая тенденция свидетельствует о происходящих во внутреннем мире «смысловых метаморфозах» (В. И. Слободчиков), о конструктивных изменениях в личностных смыслах, в ценностно-смысловых ориентациях и детерминантах развития личности студента (А. В. Серый, М. С. Яницкий). Можно сделать вывод, что на разных стадиях становления личности представления о духовности меняются качественно и могут быть раскрыты через анализ ценностных ориентаций [8, с. 202].

Для периода ранней юности (17-19 лет) характерно стремление заявить о себе, самоутвердиться в глазах общества (спорт, музыка, общение). Духовность трактуется как состояние внутренней устремленности в будущее. Для возраста 20-25 лет приоритетны ценности, повышающие качество межличностной коммуникации (вежливость, сочувствие, понимание других, уважение и т.д.). Духовность ассоциируется с развитием личностных качеств.

Для возраста 25-30 лет на первый план выходят ценности семейного благополучия (наличие детей и семьи, отдых, домашний уют и т.д.), более актуализируются религиозные ценности и ценности самоактуализации (вера в Бога, познание, саморегуляция, мудрость и т.д.). Духовность толкуется в контексте развития внутреннего мира, понимается в религиозном смысле, как общение с Богом, как исполнение традиций и способность служить людям.

Выявлено, что в ходе становления личности повышается готовность жить духовной жизнью, духовными ценностями и принципами жизни, значительно усиливается духовная активность. Субъект духовного поиска качественно меняет характеристики: от объективных (предметных, внешних) - к субъективным (психическим, внутренним); от рациональных (оценка и понимание законов внешнего мира) – к иррациональным (понимание законов внутреннего, духовного, трансцендентного мира); от светских представлений – к религиозным; от эгоистичных целей – к альтруистичным.

Изменение представлений о духовности влечет изменение смыслов жизни, отношений, поступков, поведения, и это влияние взаимнообратное. Следовательно, представления о духовности могут рассматриваться как критерии становления зрелой личности, ее движения к «акмэ».

Литература

1. Актуальные проблемы психологии Байкальской Азии в условиях трансграничья: колл. монография / науч. ред. Р. Д. Санжаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. 304 с.
2. Базарова Д. Р. Ценностно-смысловые детерминанты структурно-содержательных характеристик образа мира молодежи в контексте психосемантического подхода: дисс. канд. псих. н. Улан-Удэ, 2011. 164 с.
3. Гостев А. А. Образная сфера человека в познании и переживании духовных смыслов. М.: Наука, 2001. 268 с.
4. Грановская Р. М. Психология веры. СПб.: Речь, 2004. 576 с.
5. Монсонова А. Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций молодежи (Байкальский регион). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. 128 с.
6. Санжаева Р. Д. Готовность и психологические механизмы ее формирования. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2017. 264 с.
7. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. - Кемерово: Кузбасвуиздат, 2004. 272 с.
8. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания. - Новосибирск: Изд-во СО РАН «Наука», 2012. 314 с.

SPIRITUALITY IN THE SYSTEM OF ETHNOCONFESSIONAL VALUES OF CONTEMPORARY YOUTH

Rimma D. Sanzhaeva

Doctor of Science in Psychology, Professor
Buryat State University
24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Aryuna R. Monsonova

Candidate of Science in Psychology
Buryat State University
24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Dolgor R. Bazarova

Candidate of Science in Psychology
Buryat State University
24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

According to the Atlas of Religions and Nationalities, in all countries of the world it becomes increasingly believers without religion: they do not associate themselves with any religion, do not go to temples, do not consider themselves atheists, so-called "people are not", "no." In Russia, such 25%, i.e. a quarter of the population, and by their number we occupy the 5th place in the world after China, Japan, USA, Vietnam. The backbone of "no" in developed countries is a certain generation - people born between 1966 and 1975, after them comes the youth of the 1990s, which has a poorly expressed confessional identification, their principle: "God is one." Their main values are spiritual values, which are basically the same for all religions, they are basic for the person, norms of his behavior, life, values and semantic orientations. These generations "no" are now and are entering a period of political and economic maturity. This reality as one of the global challenges of our time requires attention and study. The urgency of the problem of spirituality is also dictated by educational priorities in Russian society: introduction of the academic subject "Fundamentals of religious cultures and secular ethics" in 4-5 classes, the need for its psychological and pedagogical support, the problems of teaching theology in universities,

Key words: ethnos, confession, values, spirituality, students, youth, maturity.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА-БИЛИНГВА БАИРА ДУГАРОВА (К 70-ЛЕТИЮ НАРОДНОГО ПОЭТА БУРЯТИИ, ПЕРЕВОДЧИКА, ЭПОСОВЕДА)

УДК 80.Б12

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОЭЗИИ БАИРА ДУГАРОВА

© **Бабкинова Лидия Валерьевна**

кандидат филологических наук, доцент

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

E-mail: babkinova@mail.ru

В статье прослеживается типологический характер использования мифологических образов и мотивов в поэзии Баира Дугарова, рассмотрены традиционные, тесно связанные с мифом, ритуалом и религией, семантические поля художественных образов, пространственные и временные ориентиры, закономерность их коннотации; в сравнительном плане с привлечением этнографических и исторических материалов выявлены скрытые (латентные) фольклоризмы; исследована генеалогически «отфольклорная» традиция. В выборе художественных средств Баира Дугаров опирается на народно-поэтическую и религиозно-мифологическую символику. Мифологический архетип мирового дерева, рассмотренный как традиционный художественный образ, в целом выражает устойчивость национальной модели. Мифологические символы и архетипы, как образное постижение мира, создают своеобразие внутреннего мира лирического героя и культурно-этнографический фон поэтического текста.

Ключевые слова: архетип «мирового дерева», этиологические образы, микрокосм и макрокосм.

Обращение поэта к архетипу «мирового дерева» отражает масштабность мифологического мышления. Через концепцию «мирового дерева» автору удалось раскрыть свое поэтическое видение и понимание данной проблемы.

Баир Дугаров отождествляет временную сферу прошлого с образом древности. Так, актуальный смысл прошлого, предков как образа «древности», «разложения», «умирания» выражен языковыми единицами, находящимися в семантической гармонии со словом «прошлое». Это слова тематических групп «древность», «разложение», «умирание», такие как «лохмотья» (прохлады), «жгучего» (дня), на «расплющенной» (кроне), на «шершавой» (коре), «морщин бредовая вязь», «полуржавые ветви» (веков коновязь). Все они относятся к дереву, как символу древности мира, давности его происхождения. В то же время это древо бессмертно, как и сам мир, и только о прожитых веках и перенесенных им страданиях свидетельствуют его морщины и расплющенная крона. У бурят особо почитались деревья, которые имели какие-либо индивидуальные особенности, например, одиноко стояли в степи, имели причудливую крону или изогнутый ствол. Особо такие деревья почитались шаманистами, так как их считали священными.

Будущее имеет тесную связь с предками, корнями: «Только воздух под кроной как будто просторней и сквозь весь материк, извиваясь, проходят корни. И бессмертье, не в этом ли цепком единстве с землей, пусть неласковой трижды, но все же, родной?» Воздух под кроной символизирует будущее, которое берет истоки в родовом: корнях, прошлом, земле, предках. Смысл приведенных данных в поэзии Дугарова достаточно прозрачен, что позволяет отождествить образ одинокого дерева с образом мирового древа.

Образ «древа жизни» в поэзии Дугарова символизирует продолжение жизни, рода и выражен следующими значениями:

- мужское начало, дающее жизнь: «Не ради нас ли из огня и влаги взметнуло древо жизни свой фонтан...» [2, с. 59].

- продолжение рода: «И с ее шагами снова продолжались в мире предки. / Дерево жизни обновлялось, ввысь тянулись ветки» [2, с. 72].

- гибель одной из веток рода: «Что-то во Вселенной изменилось, С древа рода ветка обломилась. / И, оплакивая гибель ветки, сорок девять дней стонали предки» [2, с.42].

В поэзии Баира Дугарова Сагаан Убугун выполняет функцию антропоморфной космической модели. Вспомогательным элементом выражения этих образов, как космической модели служит у поэтов маркер центра – «мировая гора». Лирический герой Дугарова отождествляет себя с Сагаан Убугуном – божеством, почитавшимся шаманистами и ламаистами Монголии, Бурятии, Калмыкии. Автор обращается к известным поэтическим образам кузнечиков, цветов, коней в стихотворении «Край, подаривший утро...». Они помогают поэту точно выразить мысль, которую несет сам образ Сагаан Убугуна: Люди, кузнечики, кони дружат в моей душе. / Каждый стебель на склоне дорог мне, как женьшень.

Возвращаясь к образу Сагаан Убугуна, как к образу космической модели, отметим, что кони и люди являются представителями среднего мира. На наш взгляд, Дугаров не случайно вводит мифологический образ женьшеня, тем самым он подводит нас к эпосу о Гэсэре: «Младшего из последышей, который скрывался под землей, Гэсэр нашел и тростью смахнул и вздернул заклинанием: «Ты, который под тремя слоями почвы укрывается, отныне и навечно стань ростком волшебным, избавляющим от всех болезней!» – и подземный невидимка стал всеисцеляющим женьшенем, но все также под землей таится и с большим трудом дается людям» [1].

Если до нас не дошел в чистом виде древний бурятский миф о культурном герое, создателе или первооткрывателе различных элементов культуры, то отдельные черты этого образа нашли свое отражение в облике разных героев-баторов героического эпоса. Так, Абай Гэсэр укротил четырех противников, называемых в тексте «чудесными последышами мира»: водную стихию, низвергающуюся с вершины, собаку с серебряными клыками, собаку с золотыми клыками и подземное чудовище и превратил их соответственно в целебный источник аршан, в серебро, в золото, в женьшень.

У Дугарова женьшень не столько исцеляет от физических недугов, сколько приносит духовное исцеление:

Люди, кузнечики, кони
дружат в моей душе.
Каждый стебель на склоне
Дорог мне, как женьшень [2, с. 11].

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что лирический герой Дугарова выступает медиатором между природой и человеком, космосом и социумом. Обращение поэта к архетипу «мирового дерева» отражает масштабность мифологического мышления, самобытность авторского видения.

Выделенные нами мифологемы, мифологические символы и архетип не существуют отдельно друг от друга, они неразрывны, питают друг друга. Мифологизм автора выступает как дополнение историзма, раскрывает сложную судьбу народа и личности, его пребывание во времени и пространстве, и главным образом, выражает устойчивость национальной модели.

Интересно представлены в творчестве Дугарова этиологические образы. Мифологическое мироощущение характеризуется всепроникающей космологичностью. Любой элемент соотносится с космосом и может быть выведен из него. Макрокосм и микрокосм (природа и человек) оказываются изоморфными друг другу, и человеческое тело выступает в роли идеальной модели структурирования пространственных форм (от космического до бытового пространства).

Рассмотрим некоторые из традиционных отождествлений элементов микрокосма и макрокосма, такие как волосы, кожа – растения, деревья; жилы – реки, зренья (глаза) – солнце, огонь.

У Баира Дугарова лирический герой мечтает о девушке, на степь похожей:

Сливаясь с небом голубым вдали,
как будто волосы, струились стебли.
И показалось мне – в не тот ли час, –
что волны трав тебя мне навевали,
и линии холмов, вблизи лучась,
овал лица родной обрисовали [2, с.55].

Девушка – степь, волосы – стебли, овал лица ее – линии холмов. Поэт выходит за границы известных соотношений микро и макрокосмоса. Он создает свои соотношения, которые помогают ему выразить красоту любимой.

В стихотворении Б. Дугарова «Ладони» соотношения микрокосма и макрокосма восходят к эпическим сравнениям. Употребление гипербол, к которым обращается поэт для представления макрокосма в терминах микрокосма, доказывает мифологическую природу стихотворения.

Предки нам добра желали,
уходя в земной простор.
И долинами меж гор
их ладони проступали.
И по следу гибких линий
тропы шли через века,
и живучей жилкой синей
по камням текла река.
И земля скупая эта
потому и мне как дом,
что она давно согрета
дедовским теплом [2, с.13].

Интерес для нашей темы представляет следующая версия об образовании горы Таряата, приведенная М. И. Тулохоновым: «Пятиглавая гора Таряата (Таряатын табан хушуун) образовалась будто бы после посещения этих мест мангадхаем, который, по улигеру, убегая от Гэсэра, поскользнулся и рукой коснулся земли. Земля под его пальцами получила форму пяти вытянутых в одну сторону гор, воспроизводящих как бы ладонь человека фантастических размеров» [3, с. 115].

В связи с вышеизложенным, отождествление макрокосма и микрокосма в стихотворении Б. Дугарова и в приведенной улигерной версии восходят к этиологическим мифам бурят. Предки уходят в «земной простор», их ладони превращаются в долины, жилы – в реки. Они оберегают потомков, живущих на этой земле, поэтому ладони предков ассоциируются с родительским теплом. Семантика ладони тождественна фразеологизму: «Альган дээрэ абаад ехэ болгоо» – «Вырастили, держа на ладони, т.е. оберегая от всего». Отождествление макрокосма и микрокосма в поэзии Б. Дугарова свидетельствует о мифологическом мышлении, древняя мифология является одним из главных источников поэтической образности, национального мировосприятия.

Литература

1. Великий Гэсэр / сост., худ. перевод, вступ. ст. А. В. Преловского. М.: Моск. писатель, 1999. 167 с.
2. Дугаров Б. С. Лунная лань: Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1989. 176 с.
3. Тулохонов М. И. К характеристике эпического мира улигеров // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: сб. ст. М.: Наука, 1980. С. 114-118.

MITHOLOGICAL TRADITIONS IN BAIR DUGAROV'S POETRY

Lidia V. Babkinova

Candidate of Philology, A/Professor

Irkutsk National Research Technical University

83 a Lermontov St., Irkutsk, 664074 Russia

The article deals with the mythological images and motives in Bair Dugarov's poetry and traces their typhological character. The paper considers traditional semantic fields of artistic images with close connections to myth, ritual and religion; spatial and temporal frames, their connotation patterns. Some masked (latent) folklorisms were revealed with the help of ethnographical and historical material; genealogically starting from folklore tradition was researched. In selecting his artistic forms Bair Dugarov relies on people's poetic and religiomythological symbolism. Mythological archetype of the World tree, conceived as traditional artistic form, generally expresses the sustainability of the national model. Mythological symbols and archetypes, as a romantic way of understanding of the world, create distinctive features of lyrical hero's inner space and poetic text's cultural and ethnographic background.

Key words: the archetype of the World tree, etiological images, macrocosm and microcosm.

КРАТКОСТИШИЯ В ЛИРИКЕ Б. ДУГАРОВА

© Булгутова Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
 Бурятский государственный университет
 Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
 E-mail: irabulgutova@mail.ru

В статье исследуется поэтика краткостишия в лирике Б. Дугарова, выявляется их художественное своеобразие. В функционировании малых жанров – четверостишия, пятистишия, трехстишия усматривается обращение к восточной художественной традиции, которая трансформируется в творчестве русскоязычного поэта. С одной стороны, в краткостишиях поэта на содержательном, образном уровне идет отсылка к бурятской национальной культуре, поэтическая эмоция получает своеобразное кодирование, прослеживаются моменты субъектно-объектного неразличения. С другой стороны, происходит трансформация традиции, это прослеживается выявляется в четкой оформленности лирического героя, в появлении рефлексивного начала. Таким образом, краткостишия поэта-билингва Б. Дугарова отражают диалог различных поэтических традиций, который осуществляется на русском языке.

Ключевые слова: лирика, жанры, традиция, краткостишия, лирический герой, рефлексия.

Картина взаимодействия жанровых традиций в лирике Б. Дугарова сложна и многоаспектна, в качестве полюсов в ней можно обозначить, с одной стороны, сонет - классический жанр западноевропейской лирики, с другой, краткостишия, генетически восходящие к восточной поэзии. Исследователи и критики не раз отмечали, что в творчестве Б. Дугарова «органично сливаются две традиции: русской философской лирики и поэзии Востока, ориентированной на идейно-художественные ценности старомонгольской, тибетской и индийской культуры» [1, с.142]

Предметом исследования в статье являются краткостишия в лирике Б. Дугарова; пятистишия, четырехстишия, трехстишия и двустишия нельзя назвать высокочастотными в лирике Б. Дугарова, но они репрезентативны для обозначения восточной поэтики в его творчестве.

Цикл краткостишия поэта «Сюита мгновений» вошел в сборник «Всадник», изданный в издательстве «Современник» в 1989 году, в него входят подциклы «Лани», «Брызги», «Лепесток», «Стрижи», «Трава», «Синева», позднее в сборнике «Звезда кочевника» эти подциклы были дополнены. Само название цикла указывает на обращение к жанровым традициям Востока, мысль о фиксации мгновения спрятана в названиях всех подциклов, которые соотносимы с природными образами: бега лани, полета стрижей, малого объема воды в брызгах, части целого в лепестках и т. д. Объяснить название подциклов «Трава» и «Синева» можно в контексте следующего стихотворения Б. Дугарова:

На севере моей души
 В нелюдимой глуши
 Дикая растет трава –
 Первые мои слова
 Первые мои слова –
 Искренняя синева.
 Духи могучих гор
 Их сторожат до сих пор [1, с. 90].

Природные образы травы и неба в обоих четверостишиях становятся образом первых слов, которые соотносимы, в одном случае, с идеями бренности и преходящести – трава, в другом, с идеей вечности - синева, которая в традиционной монгольской культуре связана с образом Вечного Синего неба. Мгновенья, таким образом, становятся проявлением вечности, и то, и другое воплощено в слове. Смысл многих краткостишия Б. Дугарова наиболее полно раскрывается именно в контексте национальной культуры. Следующее стихотворение есть отражение игры слов на стыке русского и бурятского языков в сознании поэта-билингва:

Лежать на зеленой траве.
 Глядеть в небеса.

На зеленой траве.
На зеленой.
Траве [2, с. 226].

В бурятском языке и трава, и зеленый цвет обозначаются одним словом «ногоон», сказать на бурятском языке «зеленая трава» невозможно, получается повтор одного слова, который и воплотился в данном стихотворении на русском языке. В основе стихотворения – момент «встречи» языков в поэтическом сознании, момент осмысления, который реализуется в словесной игре.

В следующем пятистишии предстает мифотворчество поэта, вырастающее на основе осознания образного названия моросящего дождя в бурятском языке «гуран шээрэн», буквально означающего процесс мочеиспускания у косули. Этот образ переосмысливается поэтом как плач самой природы.

Вернулся охотник с добычей.
Тихий дождик прошел
По пустынным распадкам.
Это природа оплакала
Гибель косули [2, с. 227].

В рамках буддийской идеи реинкарнации раскрывается стихотворение- размышление о новорожденном:

Новорожденный
вдохнул тяжело
и заплакал во сне.
Неужели приснилась ему
Предыдущая жизнь? [2, с. 215].

Если в классической структуре японского танка «три первые строчки...представляют собой описательную картину природного явления, которой соплагается явление из мира человека и его чувств» [3, с. 178], то здесь сохраняется общий принцип, в начале дается внешняя ситуация, не обязательно из природной жизни, а затем их оценка или восприятие, субъективное начало в данном случае в самой постановке знака вопроса. В первых трех строках пятистиший Б. Дугарова повествование о какой-либо ситуации как внешнего, так и внутреннего мира, затем рассуждение или оценка.

Постаревшие
Идут мои родители по улице.
Гляжу им вслед,
И слезы
Вдруг подступают к горлу [2, с. 225].

Более традиционной представляется структура, где лирическое «я» не получает своего обозначения, а сама поэтическая эмоция спрятана, как в следующем случае, когда раскрывается символика буддийского летоисчисления:

Космонавт
Впервые Землю облетел
За 108 минут.
Ровно столько сандаловых бус
На буддийских четках [2, с. 242].

Здесь возникает многозначный подтекст, который может быть воссоздан и дополнен в поэтике творчества читателя и автора, что и предполагается в жанровой традиции краткостишаний.

В лирике Б. Дугарова всегда четко выражено лирическое «я» поэта, предстает сам процесс размышления, поэтической рефлексии, в чем можно усмотреть традиции русской поэзии. Особенно четко это выявляется именно в краткостишиях поэта, которые отличаются от жанров восточной лирики именно проявленностью лирического героя, в то время как в жанровой традиции Востока взгляд сосредоточен на внешнем мире, в котором «я» поэта растворено. В пятистишии Б. Дугарова о событии прихода человека в этот мир говорится через призму этнопоэтических констант, так, время обозначено по восточному календарю, по временным признакам природной жизни, даны символические обра-

зы национальной культуры - сагаан-дали и кукушки, воссоздается структура бурятского предложения, в котором обстоятельство всегда стоит впереди сказуемого-предиката.

В год Кабана,
В месяц цветения саган-дали,
В день солнечного ливня,
В час кукованья кукушки
Я родился на свет [2, с. 217].

Воссоздается здесь и «орнаментальность», любовь к торжественной и украшенной речи, свойственная бурятской жанровой традиции воспевания.

В жанре краткостиший особую ценность имеет само восприятие и воспроизведение момента, важно сохранить в самой структуре произведения целостность мгновенья. У Б. Дугарова в пределах одного краткостишия происходит фиксация звука или картины, которые находят поэтическое осознание:

О, как отчаянно звенел
будильник в это утро!
Казалось мне,
что мир
раскалывается надвое [2, с. 214].

Эмоциональность восприятия резкого звука не спрятана, а четко выражена в слове «отчаянно», далее разворачивается проецирование своего состояния на внешний мир. Поэтический взгляд в предметах внешнего мира замечает себя и узнает приметы своей внутренней жизни:

Через сплетенье
Высоковольтных проводов,
Как сквозь тюремную решетку,
Луна с тоскою заключенного
Глядит на землю [2, с. 215].

Растворенность в окружающем мире, отсутствие субъектно-объектных отношений, свойственные восточной традиции, получает свое преломление и трансформацию в интеллектуализации акта восприятия:

Третий день
Цветы не поливаю
На запыленном подоконнике.
Таким стал невнимательным
К себе [2, с. 229].

Хотя речь идет о приметах внешнего мира: засыхающих цветах, пыли, лирический герой делает вывод прежде всего о себе. Есть и обратная интенция, движение от внутреннего мира к внешнему, когда взгляд лирического героя растворяется в предметах, получающих символический смысл:

Целый день я ждал
От тебя телеграммы.
Желтый листок,
Поднятый ветром,
Долго кружился в окне [2, с. 221].

Повествование о себе, завершающееся обобщающим философским выводом предстает в следующем пятистишии:

Я заглянул в витрину,
Как будто зеркало
Садового кольца.
Мир – это поиск
Своего лица [2, с. 232].

Краткостишия Б. Дугарова можно рассмотреть в контексте художественных исканий другого бурятского русскоязычного поэта Намжила Нимбуева, для которого принципиальным было отсутствие рифмы в пятистишиях: «В пяти строках запечатлеть кусок жизни, ее мощный сигнал, и когда создашь пятистишие, рифмовка - самое губительное. Зарифмовать пятистишие – значит убить его» [4, с. 6]. Краткостишия Б. Дугарова в целом написаны без рифм, хотя в других стихотворных формах поэта рифма представлена широко и разнообразно.

Художественные поиски ведут Б. Дугарова и к созданию краткостиший с «начальной рифмой», так, в цикл «Блики мгновений» в сборнике «Степная лира» (2015) включены двустишия, трехстишия, пятистишия, написанные анафорическим стихом, который обозначил тяготение поэта к художественной традиции бурятской поэзии. Свободный порядок слов в русском языке позволяет реализовать «начальную рифму», и в данном случае краткостишия становятся полем для поэтических экспериментов поэта:

От поцелуя солнца рожденный
Оду поет золотую
Одуванчик в зеленой траве [5, с. 280].

Вопрос о возможности в русском стихе с помощью анафоры активизировать в сознании читателя широкие ассоциативные ряды остается открытым.

В двустишии «Иноходец» можно проследить символическое обозначение разных художественных традиций, так очевидно контекстуальное противопоставление ямба и анафоры как образов русского и бурятского стиха, и их место в художественном сознании русскоязычного поэта:

Ямб коронован. Анафора бродит в тени.
Я иноходец в пространстве, где правит галоп [5, с. 275].

Иноходец становится своеобразным образом-кодом, содержащим отсылку к бурятской национальной культуре.

Таким образом, в краткостишиях поэта-билингва Б. Дугарова отражается определенная жанровая тенденция, восходящая к восточным художественным традициям как творческим истокам, в то же время они отражают сложность динамики жанров и диалектику изменения художественных традиций, определяемых языком творчества.

Литература

1. Дугаров Б. Всадник. М.: Современник, 1989. 142 с.
2. Дугаров Б. Звезда кочевника. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. – 256 с.
3. Ермакова Л. М. Синтоистский образ мира и вопросы поэтики классической японской поэзии // Восточная поэтика. Специфика художественного образа. М.: ГРВЛ "Наука", 1983. С. 157-185
4. Нимбуев Н. Стреноженные молнии. Стихи. Переводы. Проза. М.: Галерея «Ханхалаев», 2003. 308 с.
5. Дугаров Б. Степная лира: Стихотворения. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. 304 с.

SHORT POEMS IN B. DUGAROV'S POETRY

Irina V. Bulgutova

Candidate of Sciences in Philology, A/Professor
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article explores the poetics of short verses by the Russian-speaking poet B. Dugarov (Buryat by nationality) and their artistic originality. By using small genres (quatrains, pentastichs, tercets and couplets), the poet turns to the Eastern poetic tradition, which transforms in the works of the Russian-speaking poet. On the one hand, Dugarov's short poems express Buryat national culture on the level of their meaning and the imagery used in them, his poetic emotions are originally encoded, a subject and an object cannot be distinguished. On the other hand, the tradition is changing, and it is revealed by a clear-cut figure of the speaker and in the fact that the reflection principle begins to be realized. Thus, the short poems by the bilingual poet B. Dugarov reflect the dialogue between different poetic traditions; they embody the process of Eastern poetics transformation, determined by the linguistic features of his creative activity.

Key words: poetry, genres, tradition, short verses, speaker, reflection, bilingualism, cultural dialogue, билингвизм, диалог культур.

ПРИНЦИПЫ АНАФОРИЧЕСКОГО СТИХА ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ В ЛИРИКЕ Б. ДУГАРОВА И СТИХОТВОРЕНИЯХ ТУВИНСКИХ ПОЭТОВ

© **Донгак Уран Алдын-ооловна**

заведующий сектором литературы Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
Россия, 667000, г. Кызыл, ул. Кочетова, 2
E-mail: uranda@yandex.ru

В статье на примере анафорических стихов Б. Дугарова исследуется проблема воплощения принципов тюрко-монгольской рифменной культуры, в частности тувинской поэзии, в русском силлабо-тоническом стихе. Стихи из поэтического сборника «Азийский аллюр», отмеченные анафорой, на формальном уровне приближают стих к национальному самовыражению, к мелодичности, благозвучности бурятской речи, иногда – к эмоциональной мягкости и всегда – к восточной созерцательности и задумчивости. В поэзии Б. Дугарова в связи с введением принципов тюрко-монгольской рифменной культуры полифония звуков расширяет возможности русского стиха, раскрывает потенциал тюркско-монгольского стиха, обнаруживая на художественном уровне общность исторических судеб народов России и стран Востока и Запада.

Ключевые слова: Б. С. Дугаров, «Азийский аллюр», современная русскоязычная национальная поэзия, анафорический стих, принципы тюрко-монгольской рифменной культуры.

Поэзия Баира Дугарова в разных аспектах художественного творчества вызывает широкий интерес у российских литературоведов. Русскоязычная национальная поэзия, культурный диалог Востока и Запада, традиции восточного гуманизма, полифония евразийского пространства, исповедальность поэтического слова, введение анафорического стиха в арсенал русского стихосложения отмечаются в исследованиях с 1997 года по настоящее время [1, с. 15; 6, с. 75-76; 7, с. 48; 9]. Особенно широко обсуждается вопрос о евразийском мировидении поэта, о выражении национального мироощущения в стилистике русского стиха. Новаторское стихосложение Б. Дугарова, «использование национальной фольклорной ритмики и всей структуры древнего и современного монгольского стихосложения», синтез национальной стиховой традиции с русской версификацией исследованы Л. С. Дампиловой [2, с. 76].

Выбор стихотворного приема является одним из наглядных средств поэтического самовыражения автора. Поэтический сборник Б. Дугарова «Азийский аллюр», собравший анафорические стихи поэта, стал одним из ярких событий современного литературного процесса многонациональной России.

В данной статье нами рассматривается проблема воплощения принципов тюрко-монгольской рифменной культуры, в частности тувинской поэзии, в русском силлабо-тоническом стихе.

Термины анафора, аллитерация, начальная аллитерация в тувинском стиховедении также используются для выражения начальной рифмы (тув.: аяннажылга, эге аяннажылга, эге рифма) [8; 3]. Начальная рифма, будучи главным средством организации звуковой стороны тувинского стиха, канонизировавшем изосиллабизм и начальную рифму, сигнализирует и подчеркивает начало и конец стихотворной строки. Особенно становится важным выделение границ стихотворной строки, когда основной принцип тувинского стиха – силлабический ослабляет свои позиции, т.е. в неравнословном стихе, который составляет менее 1% всех исследованных нами стихотворных строк, и часто в верлибре.

Анафора в свободном стихе делает верлибр «неправильным» [10, с. 20], со звуковыми повторами. У Б. Дугарова примером такого «неправильного верлибра» можно назвать «Шаг, еще шаг...», «Вика», «Остров любви», «Пери периферии», «Дискуссия о мифе» и др. [4] Например, строфы из «Лао-цзы»:

Лучшие свои путешествия
Лао-цзы совершал, не выходя из дома.
Из дождевых капель, стучавших по крыше,
Истина дао рождалась.
Волны реки вселенной
Возвращали человека к истокам [4, с. 71].

Анафора, как любой звуковой повтор, выделяет семантическое ядро стихотворного текста. В дисметрическом рифменном верлибре «Шын кандыг чүвөл?» («Какая же (она) истина?») Р. Лудупа обращение к начальному созвучию также обусловлено выделением семантического ядра: шын чырыткылыг – чанывыста – чанымда (истина – несущая свет – рядом). Здесь же основная мысль данного стихотворения все же выделена отсутствием начального созвучия строк: бис – мөңгеде. Но автор вновь обращается к созвучию внутреннему, гармонии гласных: хөлегезинде - мөңгеде - хөлегези (в тени – на вечные времена – тень). Лексический повтор выделяет доминирующее слово, несущее микробраз: хөлегезинде (в тени) [12].

Строфическая начальная рифма в тувинской поэзии выбирается поэтом для усиления экспрессии чувств. Например, Сергей Пюрбю в своих авторских народных песнях использовал строфическую рифму. В песне «Аксын берген карам херек» («Нужна единственная моя, давшая мне свое слово»), состоящей из 4-х четверостиший, все строфы подчинены начальной рифме [13, с. 153]. Стихи из поэтического сборника Б. Дугарова «Азийский аллюр», отмеченные анафорой, на формальном уровне приближают стих к национальному самовыражению, к мелодичности, благозвучности бурятской речи, иногда – к эмоциональной мягкости и всегда – к восточной созерцательности и задумчивости («Родине»).

Закон гармонии гласных в тюркском стихе придает благозвучность и певучесть стихотворной речи. Именно благодаря закону сингармонизма гласных (уподоблению гласных в суффиксах гласной корня) рифменное созвучие закрепилось в тюркском и монгольском стихе на начале стихотворных строк. На основе закона сингармонизма гласных в тувинском стихе нами выделяется глубокая начальная рифма, где созвучие распространяется на всю стихотворную строку (или внутренняя рифма). Начальная рифма задает «тон» всей строке, здесь рифмуются не только отдельные слова, но и все гласные подчинены закону единообразия. Это один из основных средств звуковой организации тувинского стиха, который был отмечен поэтом А. Даржаем как «ажык үннерниң чаңгыс аайлашкаа» – единообразие гласных [11].

Созвучие согласных в тувинском стихе определяется как «бедная рифма». Она почти неприметна в таких стихах и встречается крайне редко в тувинской поэзии, чаще всего в эпической поэзии. Анафора в поэзии русскоязычного автора Б. Дугарова также подчинена закону гармонии гласных, хотя просодика русского языка мало располагает к этому. Например, в стихотворении «Троя»: Троя – тога – трон, тридцать – трижды, тени – трепетно. Гармония гласных не только в анафоре, но и в внутри слова удивительна в стихотворении «Лебедь». По нашим подсчетам, в процесс созвучия, «единообразия» включены 26 слов из 57 слов всего текста (без предлогов).

Анафора в стихотворениях Б. Дугарова также взаимосвязана с другими стихотворными средствами, например, с рифмой в конце строки (традиционной рифмой в русском стихе). Книга стихов «Азийский аллюр» содержит немало стихотворений с рифмой, т.е. где анафора соседствует с рифмой. В современном тувинском стихе поэтические эксперименты с введением начальной и конечной рифм одновременно проделаны были талантливым поэтом В.С. Серен-оолом. Этот опыт остался на уровне экспериментальной поэзии, но, без сомнения, новаторской, так как поэт, рано ушедший из жизни, не успел реализовать свою творческую программу, заявленную им в книге стихов «Белдир» («Перекресток»).

Неграмматическая рифма, или конечная рифма, в современной тувинской поэзии слаба, нерегулярна. Мнения исследователей тюркского и монгольского стиха об актуализации конечной рифмы и «деканонизации» начальной – разделились [10, с. 6; 5, с. 138]. В тувинском стихе, как правило, ее появление не распространяется на все строфы, она единична. В тех случаях, часто в поэзии В. Серен-оола, она не так заметна в силу начального рифменного ожидания. И только регулярное, широкое использование конечной неграмматической рифмы может показать, как это повлияет на активность и функции начальной рифмы.

В поэзии Б. Дугарова во многих стихах классическая и грамматическая рифма соседствуют с начальным созвучием. В стихотворении «Воспоминание о Самарканде» поэт рифмует стихотворные строки, как в рубаи, параллельно вводя анафору по тем же позициям. Еще один пример художественного воплощения творческого замысла по нескольким уровням: семантическом, лексическом, формальном, звуковом, интонационном [4, с. 115].

В поэзии Б. Дугарова в связи с введением принципов тюрко-монгольской рифменной культуры полифония звуков расширяет возможности русского стиха, раскрывает потенциал тюрко-монгольского стиха, обнаруживая на художественном уровне общность исторических судеб народов России и стран Востока и Запада.

Литература

1. Дампилова Л. С. Восточные художественные традиции в современной бурятской поэзии: Автореф... дис. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1997. 17 с.
2. Дампилова Л. С. Особенности стихосложения в русскоязычной бурятской поэзии // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 69-77.
3. Донгак У. А. Тувинское стихосложение. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2006. 149 с.
4. Дугаров Б. С. Азийский аллюр. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2013. 208 с.
5. Дьячковская М. Н. Аллитерация и рифма в якутской поэзии: проблемы эволюции и классификации. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения, 1998. 153 с.
6. Имихелова С.С. О диалоге культур Востока и Запада в творчестве русскоязычных национальных писателей // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика: Материалы международной научной конференции посвященной 20-летию Бурятского государственного университета. 2015. С. 75-77.
7. Имихелова С. С. Поэт в контексте эпохи: о первом опыте литературной биографии Баира Дугарова // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. №3. С. 45-51.
8. Кенин-Лопсан М. Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1987. 162 с.
9. Орлицкий Ю. Б. Кто и зачем соединяет головы (русскоязычная бурятская анафорическая поэзия) // Арион , 2017. – № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2017/1/kto-i-zachem-soedinyayet-golovu-pr.html> (дата обращения: 04.10.2017).
10. Хамраев А. Т. Рифма звуковая организация уйгурского стиха (в сопоставительном плане с русским): Автореф... дис. канд. филол. наук. Алматы, 1994. 24 с.
11. Даржай А. А. Дүлгээзинниг аян. Шүлүкчүнүң демдеглелдеринден // Улуг-Хе. Кызыл. 1992. № 1. А. 127-137.
12. Лудуп Р. «Шын кайда чувел...». URL: <http://lrd63.narod.ru/index/0-13> (дата обращения: 05.10.2017).
13. Пюрбю С. Б. Өшпес одум: шүлүктөр. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1982. 188 а.

THE PRINCIPLES OF THE ANAPHORIC VERSE OF TURKIC-MONGOLIAN POETRY IN LIRICS OF B. DUGAROV AND IN THE POEMS OF TUVAN POETS

Uran A. Dongak

Head of Literature Department of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social-Economic Researches
4, Kochetova Str., Kyzyl, 667000 Russia

In the article, for example of an anaphoric poems by B. Dugarov explored the problem of the embodiment of the principles of the Turkic-Mongolian rhyme culture, in particular Tuvan poetry, in the Russian syllabotonic verse. Verses from the poetic book "The Asian Pace", marked by anaphora, at the formal level bring the verse closer to national expression, to melodiousness, euphony of Buryat speech, sometimes to emotional softness and always to oriental contemplation and thoughtfulness. In the poetry of B. Dugarov, in connection with the introduction of the principles of the Turkic-Mongolian rhyme culture, the polyphony of sounds expands the possibilities of Russian verse, reveals the potential of the Turkic-Mongolian verse, revealing at the artistic level the common destiny of the peoples of Russia and East and West.

Key words: B. S. Dugarov, "Asian Pace", modern Russian-language national poetry, anaphoric verse, the principles of the Turkic-Mongolian rhyme culture.

**«ВРЕМЕНА В МГНОВЕНИИ СОШЛИСЬ»:
КОНЦЕПЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Б. ДУГАРОВА**

© **Имихелова Светлана Степановна**
доктор филологических наук, профессор
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: 223015@mail.ru

В статье выделена ключевая черта поэзии народного поэта Бурятии Б. Дугарова – гармоничное единство прошлого и настоящего, продиктованное концепцией художественного времени. Особый душевный контакт с природой и культурой, историей и современностью закономерно приводит поэта к созданию облика лирического героя, живущего одновременно в своем времени и вечности. Такая концепция проявилась уже в раннем творчестве, а в более зрелой поэзии она стала определяющей. Особенно отчетливо эта черта проявилась в новом цикле «Песнь мерцающих мгновений» (2016), опубликованном в журнале «Байкал», где причудливо соединены пространства далекого исторического прошлого и сегодняшнего местонахождения лирического субъекта. В названиях и содержании стихотворения «От Орды до Ордынки», небольшого лирического цикла «Золотоордынские напевы» можно обнаружить героя и на берегу древней Волги, и в степи современной Монголии, в стихотворениях «Пеший всадник» и «Манхэттен» он может оказаться одновременно в «одеждах» скачущего средневекового кочевника и туриста, гуляющего по улице американской столицы. Образ героя-поэта, преодолевающего временные, пространственные, национальные границы, обладающего чутким ухом, объемным взором и всеядной душой придает цельность разнообразию красок, звуков, запахов в поэзии Б. Дугарова.

Ключевые слова: поэзия, Б. Дугаров, цикл, пространство-время, настоящее и прошлое, лирический герой.

Одна из особенностей поэзии Баира Дугарова, народного поэта Бурятии (род. в 1947 г.), – необычайное единство сиюминутности, истории и вечности. Пространство-время в его стихах неизменно сближает эпохи и континенты, времена и страны. Как это происходит, можно увидеть, например, в стихотворении «От Орды до Ордынки» (2011–2016). Разговор лирического героя с московским археологом – специалистом по Золотой Орде в кафе на улице, которая «несет в своем имени быль о веках», вдруг обернется активной работой воображения. И не без подсказки родословной предков герой увидит себя, азиата, и собеседника, степняка-кипчака, сквозь толщу веков – и оживет картина: «Наши кони и степи друг с другом в пространстве братались <...> Дни заката клубились, как пыль из-под конских копыт...» [4, с. 10–11]. Б. Дугаров задолго опередил ту тенденцию всплеска национального самосознания в конце 20-го столетия, которая выразилась в обостренном стремлении общества обратиться к тому духовному наследию, которое отложилось в исторической памяти народа. В стихотворении самого первого поэтического сборника «Золотое седло» (1975) молодой поэт вопрошал:

Разве эти вечерние дали
чингсхановых орд не видали?
Разве эти колючие ели
на степные дворцы не глядели?
Разве здесь не пылали костры
караванов цветной Бухары?
Разве здесь не бывало красавиц,
что из пены байкальской рождались?

И уверенно заявлял:

Знать хочу я все давние были,
о которых и старцы забыли.
Мой исток – из глубины столетий.
Потому-то на белом свете
интересно мне нынче жить –
прах минувших времен ворошить [3, с. 19].

В конце 1990-х гг., когда процесс этнической идентификации как обостренное возвращение к истории своего рода, к собственным истокам достиг своего пика, он выразил общее настроение свое и своих земляков в лирической мысли стихотворения «На исходе тысячелетья»: «Крутые волны бытия / Смели с планеты след монгольского коня. / Но предков дух возвысить до вселенной / Сумела Степь в свой звездный час. / И песнь ее сказаньем сокровенным / Сквозь времена во мне отозвалась» [1, с. 97].

В недавнем цикле «Золотоордынские напевы» (2016) Дугаров воссоздает облик персонифицированного лирического героя – воина и поэта, сына и возлюбленного, тоскующего по оставленной родине, по родной степи. Стилизация под «золотоордынскую рукопись на бересте» 14-го века, найденной в 1930-е годы в Поволжье, вроде бы повторяет наивный слог древнемонгольского поэта, наполненный песенным параллелизмом и анафорической рифмой. Но постепенно сознание золотоордынского поэта уступает место всё тому же лирическому герою Дугарова с его неизменной личной темой и приверженностью национальной форме. Органичное переплетение/соединение двух поэтических сознаний соответствует всё тому же хронотопу, объединяющему две эпохи и два пространства – историческое и современное:

Слово на берёсте оживает.
Снова чувствую дыхание стиха.
Словно с неба по перу стекают
Буквы вертикального письма.

На берёсте строки проступают,
Наполняются дыханием стиха.
Не от неба ли берет начало
Вязь монгольского письма [4, с. 9].

Своему поэтическому принципу «Времена в мгновении сошлись» (ср. пастернаковское «И дольше века длится день») Б. Дугаров верен и сегодня. Его цикл «Песнь мерцающих мгновений» (2016) очень близок лирической мысли стихотворения «Пеший всадник» из сборника «Звезда кочевника» (1994). Так же, как и в лирическом герое стихотворения, объединившего в себе «последнего кочевника» и всадника мифологического коня Пегаса, герой цикла вновь в мгновении, совершающемся «здесь» и «сейчас», соединяет пространства и времена, исторически отдаленные и совсем недавние, ему подвластны просторы древности и зов столетий, причудливо соединяются в сознании просторы монгольской степи и огни небоскребов. Происходит это благодаря силе поэтической памяти и воображения.

В своем необычном путешествии по странам и весям лирический герой Дугарова может оказаться на берегу древней Волги или современного Керулена, может так же привычно гулять кочевником по степи и «пешим всадником» в гостях у американского друга среди небоскребов на Мэдисон авеню, потому что обладает одним и тем же желанием: «...чтоб в кочевье моем / огонек светофора с Арбата / продолжался звездой / в багдадских ночных небесах» [2, с. 245]. Вслед за золотоордынским древнемонгольским поэтом в его сознании оживает душа другого поэта – Уитмена, поэзия которого отличается от наивного песнопения степняка. И когда герой характеризует свое отношение к поэту – «отцу верлибра» в прозапоэтическом стихотворении «Манхэттен»: он «наполняет свои поэтические словоизлияния космизмом, планетарным чувством любви и сопереживания <...> обладает даром перевоплощения, даром лепить из будничных мгновений вселенную человеческой души» [4, с. 25], – возникает образ Поэта вообще, не знающего никаких границ – временных, пространственных, национальных, обладающего чутким ухом, объемным взором и всеядной душой. Так продолжает развиваться единый образ героя Б. Дугарова, придающий цельность многоцветной палитре образов мира, многоголосой музыке языков и речений, разнообразию форм, красок и линий.

И неслучайным выглядит вдруг возникающий в воображении героя образ корабля в урбанистическом мире, ведь индейское слово Манхэттен способно причудливо перерасти в сложную метафору: «...словно сумасшедший фрегат, обгоняющий время, плывет, подняв каменные паруса небоскребов и нанизывая на мачты поднебесных высоток перистые облака, которые распускаются веером в подоблачной синеве подобно перьям орлиным на головных уборах индейских вождей» [4, с. 24].

В «Тэнгрианском акростихе», открывающем цикл «Песнь мерцающих мгновений», начальные буквы каждой строки выводят анафорическую фразу-лейтмотив: «Вечное Синее Небо Вечная Вера Моя». В разнообразных повторах одной и той же темы: всё находится во власти Вечного Синего неба, происходит с благословения Тэнгри – слышится вечный шум реки жизни, плеск накатывающих морских волн и неотрывный шум прибоя, которые «перекатываются из континента в континент». Это ощущение музыки набегающей волны создает рефрен «Время – дым из трубки Тэнгри, а родина вечна» в стихотворении «На берегу Керулена». Об этом лейтмотиве может напомнить любой образ, воз-

никающий иногда неожиданно, например, в видении жаворонка, который «взлетает в синеву / И машет / Крылышками, / Как будто протирает заново / Окно мое, / Затерянное / В небесах» [4, с. 16]. И тогда стихия неба с его сакральным смыслом не отменяет, а лишь подчеркивает личную причастность героя Вечному Синему небу.

К цвету Вечного Синего неба и звукам, земным и небесным, добавлен запах – это «запах тысячелетий», особенно осязаемый в сновидениях лирического героя Дугарова, которые прозревают истину «через толщу времен» и выводят к философской мысли о вечности, мерцающей в мгновениях человеческой жизни. Эта мысль придает стихотворению, даже небольшому, вид поэмы. А в пространный анафорический лироэпос «Сны о Гоби» (2016) поэт помещает, рядом с анафорической длинной-предлинной строфой-верлибром, своего рода «текст в тексте» в виде рифмованного европейского стиха или бурятско-монгольской триады. И завершается стихотворение-поэма идеей приятия философской диалектики вечности и мгновения, горечи забвения и радости бытия. Как видим, философия эта обеспечена возможностями поэтического искусства: только творческая энергия поэзии (и индивидуальность поэта) может соединить, сблизить пространства и времена, сблизить их так, что невольно воскликнешь вместе с поэтом: да, печально, что «быстрее стрелы беспощадное время летит», но, к счастью, «не все в этом мире подвержено тлену и праху».

После выхода книг «Сутра мгновений» и «Азийский аллюр» мною было отмечено музыкальное ощущение мира, пронизывающее все творчество их автора и проявившее себя со всей силой в анафоричности звукового строя стиха, выразительности интонации национальной стихии – самобытных улигеров, поэтического «Сокровенного сказания монголов», протяжной народной песни. «Такое своеобразие звучания объясняется особенным душевным контактом автора с природой, культурой, историей, особым положением настоящего поэта – заложника вечности, находящегося в плену у своего времени» [5, с. 110].

Возникает вопрос: у какого же времени в плену поэт Баир Дугаров? Оно у него, оказывается, приближено к Вечному Синему небу так, что можно одновременно обнимать эпохи и страны, беседовать с небожителями, слышать гул копыт и звон летящих стрел под звуки морин-хура, бубна или барабана, одновременно вглядываться в мерцающую бездну современных небоскребов. И тогда «столетья сшибаются» и «континенты глядят друг на друга».

Литература

1. Дугаров Б. Азийский аллюр. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2013. 208 с.
2. Дугаров Б. Звезда кочевника. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 256 с.
3. Дугаров Б. Золотое седло. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. 23 с.
4. Дугаров Б. Песнь мерцающих мгновений // Байкал. 2017. № 3. С. 5–44.
5. Имихелова С. С. Скрипичный звук придать струне волосояной»: музыка анафоры в книге Б. Дугарова «Азийский Аллюр» // Байкал. 2015. № 6. С. 104–110.

«TIMES IN A MOMENT CAME TOGETHER...»: THE CONCEPT OF ARTISTIC TIME IN THE POETRY BY B. DUGAROV

Svetlana S. Imikhelova

Doctor of Sciences in Philology, Professor

Buryat State University

24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article highlights a key feature of the poetry of the people's poet of Buryatia B. Dugarov - a harmonious unity of the past and present, dictated by the concept of artistic time. A special spiritual contact with nature and culture, history and modernity naturally leads the poet to create the appearance of a lyrical hero who lives simultaneously in his time and eternity. This concept manifested itself already in the early works, and in more mature poetry it became decisive. This feature was especially pronounced in the new cycle "The Song of Shimmering Moments" (2016), published in the magazine "Baikal", where the spaces of the distant historical past and today's location of the lyric subject are whimsically connected. In the titles and contents of the poem "From the Horde to the Ordynka", a small lyrical cycle "Golden Horde chants" one can find a hero on the shore of the ancient Volga, and in the poems "Foot Horseman" and "Manhattan" in the steppes of modern Mongolia, he can appear simultaneously in the "clothes" of a jumping medieval nomad and a tourist walking along the street of the American capital. The image of the hero-poet overcoming the temporal, spatial, national boundaries, possessing a sensitive ear, a voluminous gaze and an omnivorous soul gives integrity to the variety of colors, sounds, smells in B. Dugarov's poetry.

Key words: poetry, B. Dugarov, cycle, space-time, present and past, lyrical hero.

БАИР ДУГАРОВ: МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ© **Петрова Мария Павловна**

кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: mariap2001@mail.ru

Евразийство как философское течение сегодня пользуется большой популярностью. В его основе лежит концепция о промежуточном – между Европой и Азией, а шире – между Западом и Востоком – геополитическом положении России. «Россия-Евразия» в первую очередь является продолжательницей культурных традиций Византии. Заметный след в ней оставила также восточная волна, накатившаяся на Русь из монгольских степей в XIII в. На границе Западного и Восточного пространств находится и такой феномен современной культуры, как творчество бурятского поэта Баира Дугарова. Будучи сам двуязычным и великолепно владея родным бурятским языком, Б. Дугаров не случайно в основном пишет по-русски. Это, безусловно, не только многократное расширение читательской аудитории, но и способ существования в поле русской литературной культуры.

Ключевые слова: Б. Дугаров, евразийство, анафорический стих, Центральная Азия, Бурятия, поэзия.

Сегодня много говорят о евразийстве. В основе этого философского течения лежит концепция о промежуточном – между Европой и Азией, а шире – между Западом и Востоком – геополитическом положении России. Наша культура также занимает это промежуточное положение. Основные идеи евразийства были сформулированы еще в XIX в. К. Н. Леонтьевым и Н. Я. Данилевским. «Евразийцами» стали называть себя молодые философы, историки, лингвисты, публицисты, эмигрировавшие из России в 20-х годах XX в. Интеллектуальными вождями этого движения стали филолог и лингвист князь Н. С. Трубецкой, музыковед и публицист П. П. Сувчинский, историки М. В. Шахматов, Г. В. Вернадский, Г. В. Флоровский. Позже в 50-80-х гг. XX в. некоторые воззрения евразийцев отразил в своих трудах Л. Н. Гумилев.

Основы культурного единства Евразии лежат в ее географической целостности. «Россия-Евразия» в первую очередь является продолжательницей культурных традиций Византии. Однако византизм – не единственный элемент евразийской культуры: заметный след в ней оставила также восточная волна, накатившаяся на Русь из монгольских степей в XIII в. ...Дух степи и этническая динамика затмевают в концепции собственно славянскую традицию, перемены и историческое движение превалируют над стабильностью», - пишет современный исследователь евразийства И. А. Исаев. [7, с. 45-46].

На границе Западного и Восточного пространств находится и такой феномен современной культуры, как творчество бурятского поэта Баира Дугарова. К исследованию поэзии Б. С. Дугарова обращались литературоведы Л. С. Дампилова и В. Н. Яранцев, философ А. Е. Рыбас, литературный критик А. П. Хузангай и другие. «Народ интересен своими мыслителями, поэтами, которые сумели обозначить те символы, которые воплощают идеи нации. Параллельно осмысливая два языковых мира, Б. Дугаров наиболее полно сумел выразить на русском языке свою ментальную сущность. Богатство «концептосферы» его лирики тесно связано с богатством культуры бурятской нации и с русским языком, основным выразителем евразийского пространства», - пишет доктор филологических наук Л. С. Дампилова [4, с. 3].

Будучи сам двуязычным и великолепно владея родным бурятским языком, Б. Дугаров не случайно в основном пишет по-русски. Это, безусловно, не только многократное расширение читательской аудитории, но и способ существования в поле русской литературной культуры. «Для Дугарова (как, впрочем, и для многих других двуязычных поэтов) в нашем обыденном языке открываются подчас подлинно бездны новых звучаний, идей и смыслов», - замечает философ А. Е. Рыбас [8, с. 6]. Для кочевника это один из инструментов пути «от юрты к космосу»: «От крика к голосу, // От сабли к колосу, // От мифа к логосу, // От бубна к лотосу, // От чия к полюсу, От юрты к космосу» [6, с. 66].

Другим, не менее важным инструментом создания поэтических произведений является метрика стиха или стихосложение. Здесь Дугаров обращается уже к богатейшей восточной традиции. Монгольское стихосложение имеет особую ритмическую организацию, восходящую к историко-литературному памятнику XIII в. «Сокровенное сказание монголов» (1240 г.). Исследователь монгольского стихосложения Л. К. Герасимович отмечает следующие особенности метрической органи-

зации монгольского стиха: аллитерация, смысловый и ритмико-синтаксический параллелизм, изохронность (равная длина) строк, строфичность. Вслед за такими учеными как Ц. Дамдинсурэн и М. Гаадамба, Л. К. Герасимович говорит о том, что эти особенности обусловлены такими фонетическими категориями монгольского языка как долгие и краткие гласные, сингармонизм, динамический характер ударения [3].

Анафора или начальная аллитерация известна и русскому стихосложению. Анафорические стихи создавали Ф. И. Тютчев и М. Ю. Лермонтов. Однако эти поэтические опыты не получили широкого распространения. Баир Дугаров пришел к своему творческому эксперименту через переводы произведений бурятских авторов, а также образцов бурятского фольклора на русский язык. Примером может служить сборник «Алтаргана» [1], где приводятся параллельные тексты на бурятском языке и их переводы на язык русский.

И знак анафоры отсвечивает бронзой,
И знает лишь рапсод, как просто и непросто –
Скрипичный звук придать струне волосяной [6, с.122].

«Б. Дугаров, обратившись к анафоре в авторском творчестве, параллельно переводил поэзию монгольских народов, используя начальную рифму. Знание особенностей жанров и опыт работы по переводу фольклорных текстов, несомненно, сыграли свою роль при поиске соответствующей формы для медитативного восточного мышления в переводе, ибо фольклорное стихосложение стояло у истоков национальной поэзии», - замечает Л. С. Дампилова [5, с. 69].

Свой новаторский опыт в области евразийского стихосложения Баир Дугаров воплотил в поэтическом сборнике «Азийский аллюр» [6], где представлены только анафорические стихи. Стихотворные циклы сборника охватывают ментальные сферы пространства и времени кочевника. Лирический герой поэта оказывается то в Трое или Грузии, то в Париже или Кельне, то в Индии или Америке. Однако...

Иссиня-светлые дали опять оживают в дымке сигареты.
И продолжается путь от Байкала и снова к Байкалу.
Утренний гул двадцать первого века встречаю в дороге.
Угол пространства меняю на круг вековечный кочевий [6, с.18].

Время – это и времена года, и двенадцатилетний цикл восточного календаря. Как известно, нет ни одного монгольязычного поэта, не затронувшего в своем творчестве тему времен года. Это и монгольский лама, просветитель и поэт XIX в. Д. Равжа (1803-1856), кстати, большинство своих произведений создавший на тибетском языке, и основоположник современной монгольской литературы Д. Нацагдорж (1906-1937), и эпатажный поэт наших дней Б. Галсансукх (род. 1972), выпустивший в свет сборник «Постмодерн и четыре времени года» [2]. Цикл «Мелодии времен года» Баира Дугарова – сложный комплекс европейских по форме (прелюдия, рапсодия, адажио, элегия), анафорических по метрике стихов с образной системой, рожденной евразийским сознанием. Зимой, например,

Януарий, сверкая алмазами царской короны,
Ярлыки раздаст на правленьи сибирским буранам.
Янычары зимы – в серебристых доспехах морозы,
Ятаган полумесяца в небе сияет хрустальном [6, с. 32].

Весной

Амазонка степная приходит в мои сновиденья,
Ароматом любви обдавая меня и печали.
Аргамаком проносятся лунного света мгновенья,
Аманатом меня унося в евразийские дали [6, с.33].

Летом

Небеса надо мною вздымаются синеею юртой.
Не беда, что приходит анафора в час неурочный.

Несравненные феи бредут по траве изумрудной.
Недопетые саги звучат в тишине неумолчной [6, с. 34].

Осенью

Оттого, может быть, я под яростный гул автострады,
Отрешаясь от будней, шепчу стародавнюю сагу.
Осенья пространство и время, мерцают Плеяды.
Осень знак подает, и ложатся стихи на бумагу [6, с. 35].

Прибегает автор и к своеобразному графическому оформлению некоторых своих произведений. Это цикл «Вертикальные стихи», строки которых написаны в традиционной манере старой монгольской графики – сверху вниз, слева направо. Это очередной творческий эксперимент поэта.

Философская концепция Б. Дугарова выражена предельно кратко и прицельно точно в циклах его краткостишй. Предназначение поэта в том, чтобы «... в смертельной тоске одиночества/ в свет трансформировать боль» [6, с.190]. Евразийское культурное сознание автора в состоянии вместить, осмыслить и воплотить в художественное творчество казалось бы далекие друг от друга явления.

Набокова читаю на рассвета,
На миг забыв о смутных временах.
Но сколько тихой вечности в строках:
«Нагорный снег, мерцающий в Тибете...» [6, с. 190].

Представляется необходимым сказать несколько слов об исполнительской манере поэта Баира Дугарова. Во-первых, все свои стихи он читает наизусть, не подглядывая в текст, а, порой и не имея вообще никакого текста перед глазами. При декламации автор чётко демонстрирует ритмико-фонетический рисунок каждой строки, строфы своих стихотворений, интонационно выделяя и усиливая последние строки. Так внимание слушательской аудитории акцентируется на смыслообразующей концовке того или иного стихотворения. Подобная манера восходит к древним степным сказителям Центральной Азии, владевшим мастерством исполнения эпических произведений.

Как повествует из вечности эпос азийский,
Вместе с героем рождается конь богатырский.
Так по согласию тайному жизни и света
Вместе с поэтом рождается флейта поэта [6, с.193].

Всем произведениям Баира Дугарова свойственно высокое духовное настроение. Эстетический уровень его поэтических текстов связывает его творчество с русской классической литературой, с одной стороны и с фольклором и литературой Центральной Азии, с другой. Евразийский менталитет находит здесь свое художественное воплощение.

Литература

1. Алтаргана. Сборник бурятской народной поэзии / Сост. и пер. Б. Дугарова. Улан-Удэ, 1998.
2. Галсансүх Б. Постмодерн дөрвөн улирал. Улан-Баатор, 2005.
3. Герасимович Л. К. Монгольское стихосложение. Л., 1975.
4. Дампилова Л. С. Когда мне не хватает неба // Дугаров Б. С. Струна Земли и неба. Улан-Удэ, 2008.
5. Дампилова Л. С. Особенности стихосложения в русскоязычной бурятской поэзии // Новый филологический вестник. 2017. № 2(41). С. 69-77.
6. Дугаров Б. С. Азийский аллюр. Улан-Удэ, 2013.
7. Исаев И. А. Евразийство: идеология государственности // Общественные науки и современность. 1994. №5. С.42-55 // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/718/894/1217/005_Isaev.pdf (дата обращения 12.10.2017).
8. Рыбас А. Е. Песни степного Гесиода // Дугаров Б. С. Степная лира. Предисловие. СПб., 2015. С. 3-17.

BAIR DUGAROV: BETWEEN EAST AND WEST

Maria P. Petrova

Candidate of Science in Philology, A/Professor

Saint-Petersburg State University

7/9 Universitetskaya emb., St.-Petersburg, 199034 Russia

Eurasianism as a philosophical current is very popular today. It is based on the concept of an intermediate - between Europe and Asia, and wider - between the West and the East - the geopolitical position of Russia. "Russia-Eurasia" is primarily a continuer of Byzantium cultural traditions. A noticeable trail in it was also left by the eastern wave, which flowed to Russia from the Mongolian steppes in the 13th century. On the border of the Western and Eastern spaces there is also such a phenomenon of modern culture as the creativity of the Buryat poet Bair Dugarov. Being bilingual himself and having a great command of native Buryat language, B. Dugarov does not accidentally write mostly in Russian. This, of course, is not only a multiple expansion of the readership, but also a way of existence in the field of Russian literary culture.

Keywords: B. Dugarov, Eurasianism, anaphoric verse, Central Asia, Buryatia, poetry.

ФИЛОСОФИЯ СТЕПНОЙ ЛИРЫ

© Рыбас Александр Евгеньевич

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: alexirspb@mail.ru

В статье анализируются идейно-философские ресурсы анафоры, как ее понимает и использует в своем поэтическом творчестве Баир Дугаров. Показывается, что отождествление «анафоры» с начальной рифмой и аллитерацией не является корректным, так как в данном случае решающим оказывается связанное с ней культурно-мировоззренческое содержание. Исследуются истоки и идеологический контекст противопоставления конечной (европейской) и начальной (характерной для тюрко-монгольской поэзии) рифм, а также попытки их творческого синтеза для создания объемного звучания поэтической речи. Раскрывается суть основных моментов, определяющих философское содержание лирики Баира Дугарова. Делается вывод, что несмотря на сознательные поиски вдохновения в традициях кочевой культуры, Баир Дугаров представил в своих произведениях художественные рецепции актуальных проблем современности, а также личный опыт философского осмысления жизни. **Ключевые слова:** Баир Дугаров, анафора, начальная рифма, конечная рифма, философия поэзии.

Анализируя поэтическое творчество Баира Дугарова, нельзя не заметить, какое большое внимание он уделяет анафоре. Закономерно возникает вопрос, почему же выделяется именно эта стилистическая фигура, в чем ее преимущество и особенности.

Уже в 1982 году в своих дневниковых записях Баир Дугаров отмечает как особое достоинство переводчика понимание важности анафоры и стремление сохранить ее в переводе: «А.П. чуток к бурятскому улигерному стиху, к поэтике оригинала. Старается передать анафоричную рифмовку – когда рифмуются начальные слоги, а не конечные, как в русском стихосложении» [4, с. 148]. В других местах анафора также определяется как «начальная рифма», иногда эти понятия отождествляются и используются как синонимы.

Однако, просмотрев примеры того, как используется «анафоричная рифмовка» в стихотворениях Баира Дугарова, нетрудно убедиться, что она очень отличается от начальной рифмы. Действительно, начальной рифмой принято называть созвучие, находящееся в начале стиха, причем это созвучие может относиться к *любой* части первого слова или даже к нескольким словам в начале стиха. Чаще всего при этом рифмуются последние слоги первых слов симметричных строк. В таком виде начальная рифма нашла применение, например, в русской поэзии Серебряного века, прежде всего в символизме (З. Гиппиус, Ф. Сологуб), футуризме (Д. Бурлюк) и имажинизме (В. Шершеневич), когда восставшие против традиционной «пошлости» поэты отвергли «тривиальные» конечные рифмы, считая их препятствиями на пути творческого самовыражения и свободного стихосложения.

Баир Дугаров понимает «начальную рифму», если можно так выразиться, предельно строго, требуя, чтобы рифмовались исключительно *первые* слоги первых слов, на которые, к тому же, должно падать ударение. Очевидно, что в данном случае «анафора» – это начальная рифма в весьма усеченном виде. Однако дело не только в этом. Важнее то, что отождествление «анафорической» и начальной рифм привело бы к потере главного – того, что и создает специфику «улигерного стиха». А ведь именно эту специфику и призвана выразить, по мысли Баира Дугарова, анафорическая рифма. В дневниковых записях 1982 года читаем далее: «В европейском классическом стихе, в частности русском, тон задает ее величество рифма, как правило, конечная. В бурятской, в целом в тюрко-монгольской поэзии, анафора, или начальная аллитерация, правит ритмической организацией стиха» [4, с. 347].

Как видно отсюда (а подобных высказываний можно найти в сочинениях Баира Дугарова много), анафора противопоставляется рифме европейской, причем так, чтобы подчеркнуть гетерогенность тюрко-монгольской и европейской поэтических традиций. Может показаться на первый взгляд, что речь идет здесь только о различных способах «организации стиха». К такому выводу побуждает склониться уточнение, приставленное к анафоре при помощи союза «или»: анафора определяется как начальная аллитерация, в результате чего она представляется прежде всего как *технический* прием стихосложения. Между тем, анафора, как ее понимает и использует Баир Дугаров, в содержательно-

смысловом отношении гораздо шире аллитерации. Начальная аллитерация – это повторение сродных звуков, преимущественно согласных, с целью акцентирования отдельных содержательных моментов стихотворения или создания особой мелодики стиха. На этом ее функции и заканчиваются. Более того, начальная аллитерация – это вовсе не рифма, а значит, она случайна и необязательна. И было бы, как минимум, странным полагать, будто такая начальная аллитерация могла бы «править ритмической организацией стиха».

Итак, анафора, как ее понимает Баир Дугаров, не может быть названа ни начальной рифмой, ни тем более не может она отождествляться с начальной аллитерацией. В разведении этих понятий: «анафоры», с одной стороны, и начальной рифмы и аллитерации, с другой, заключается *первое условие* правильного подхода к пониманию творчества поэта. В «Сутре мгновений» имеется и такая запись, позволяющая нам судить о том, что понятие «анафора» изначально и сознательно наделялось особым содержанием, препятствующим тому, чтобы считать ее простым художественным приемом: «О бурятском стихосложении. Конский аллюр не отражается ли в исходных ритмах монгольского стиха: рысь – *хатар* как хорей, галоп – *оодор* как ямб, а иноходь – *жороо* как амфибрахий. Анафора у сказителя-улигершина – набираешь дыхание и слог тянется на всю долготу выдоха. Чем глубже вдох – погружение в традицию, тем сильнее выдох – на всю Степь. Так рождалось – на фольклорных истоках – “Сокровенное сказание”» [4, с. 426]. Эта мысль – принципиальная для Баира Дугарова – повторяется и позже, в «Азийском аллюре»: «Сказитель, прежде чем начать свой эпический речитатив, набирал дыханье, и стих лился на всю долготу выдоха. Чем глубже вдох – погружение в традицию, тем сильнее выдох – на весь простор. Так обретал крылья – на фольклорных истоках – тюрко-монгольский эпос, развертывая в тексте широкий свиток образцов анафорического стиха» [1, с. 3].

Понятно, в частности, почему «анафора» – это рифма и почему такое большое внимание уделяется повторению *гласных* звуков в начале стиха: они позволяют поэтической мысли «выдохнуться», обрести самостояние и затем разлиться «на весь простор». Это было бы воистину невозможно, если бы анафора была начальной аллитерацией, с ее навязчивым повторением согласных звуков – своего рода затворов мысли, мешающих ее открытому звучанию в слове. Понятно также, что долгота анафорического звучания имеет вертикально-историческое измерение, поскольку доносится к нам из глубин седой древности, актуализируя вневременное содержание традиции. Именно традиция предстает в данном случае как бесценный дар безмерной Степи, определяющий музыкальность и важность поэтического слова. Вот наиболее демонстративное высказывание Баира Дугарова на этот счет: «Анафора, или начальная рифма, присущая поэзии степного Востока, несет в себе не только самобытный принцип звуковой организации стиха, но и этнокультурное духовное кредо кочевников Центральной Азии» [1, с. 4]. Таким образом, истолковывая «начальную рифму» не как «словесную прихоть», а как «знак поэтической традиции», указывающий прежде всего на особое «духовное кредо» кочевых народов, Баир Дугаров дает понять, что он, как поэт, призван «протянуть струну» между ушедшим в прошлое непреходящим и современностью, оторвавшейся на время от своих корней. Анафорическая рифма в этой связи выступает одновременно и маркером подлинности в культуре и жизни, и своеобразным ключом к истолкованию сакральных смыслов, позволяющим продолжить исполнять «недопетые саги»: анафорическую рифму по праву можно назвать «звуком путеводным», ведущим к фундаментальным принципам бытия кочевника.

Посмотрим, однако, действительно ли это так. Рефлектирующее сомнение, образующее *второе условие* правильного подхода к пониманию творчества Баира Дугарова, в данном случае продиктовано исключительно стремлением прояснить статус традиции, апелляция к которой дает поэту возможность и основание быть тем, кем он является, или, по крайней мере, желает быть – самозабвенным певцом Степи, более того – ее настоящим голосом. Ведь иначе вряд ли можно было бы ответственно сказать о себе следующее:

Эра могучих сказаний зачем мою песню тревожит?

Эхо анафор степных ощущаю дыханьем своим.

Лад стихотворный – от родины. Горы – как вечный треножник.

Ланью промчались столетья. Небес можжевеловый дым [2, с. 100].

Вообще «нимб старины» – это неперменный атрибут художественного языка Баира Дугарова. «Завещанные мантры» настолько сильно руководят его поэтическим вдохновением, что невольно создается впечатление, будто поэт, который «настроен на седую старину», видит в ней не только исток мудрости, но и абсолютно истинное содержание. Вопиющий разрыв между тем, что есть, и тем, что когда-то было и должно быть всегда, задает символику поэтических образов и вызывает у сочув-

ствующего читателя ностальгию, в результате чего активно стимулируются процессы культурно-национальной самоидентификации. Кроме того, противопоставление по вертикальной линии «прошлое/настоящее» усиливается акцентированием контраста в горизонтальном отношении «Восток/Запад». Вот, например, характерное высказывание Баира Дугарова: «Степной анафорический аллюр и пушкинская традиция русского стиха являют собой два притягательных магических полюса в поэтическом пространстве Евразии» [1, с. 4]. И если, исходя из этой цитаты, можно было бы подумать, что речь идет не столько о противопоставлении, сколько о констатации наличия двух поэтических традиций, хотя они и названы здесь «полюсами», т. е. диаметрально противоположными явлениями, то в других местах мы находим более четкое разграничение муз Востока и Запада, например:

А в Азии не принято писать сонеты,
Анафора конечной рифме не чета [2, с. 163].

При этом подчеркивается, как правило, «подчиненное» положение степной лиры, даже ее подавленность канонами европейского стихосложения, а сам поэт мыслит себя заступником анафоры, что предполагает необходимость *бунта* против господствующих представлений о существе и технике поэтического творчества:

Ямб коронован, анафора бродит в тени.
Я иноходец в пространстве, где правит галоп [2, с. 275].

Следует заметить также, что двойное противопоставление, обуславливающее содержательную специфику лирики Баира Дугарова, имплицитно демонстрирует читателю идейную близость прошлого и музыки Востока, с одной стороны, и настоящего и музыки Запада, с другой. Струна, которую нужно еще натянуть, чтобы она зазвучала и передала первозданную мелодию, едва сохраненную для нас традицией, и ритмически выверенный, но лишенный мелодичности «гул двадцать первого века» [2, с. 116] – вот те два «магических полюса» поэтического пространства, причем не только Евразии, которые определяют судьбу и деятельность поэта. Таким образом, в принципиальном различии анафорической и конечной рифм кроется фундаментальное различие мировоззрений и – шире – философских позиций. По крайней мере, именно это и имеет в виду Баир Дугаров.

Какая же связь может быть обнаружена между рифмой и мировоззрением? Вопрос этот, как ни странно, вполне законен – и в этом убеждают нас не только поэтическое чутье Баира Дугарова, но и некоторые факты из истории стихосложения. Известно, что в европейской поэзии рифма – довольно позднее изобретение. В античной Греции не было рифмы, и все великие поэтические творения – от эпических поэм Гомера и Гесиода, трагедий Эсхила, Софокла, Еврипида и до поэм о природе древнегреческих философов – были свободны от рифм, что отнюдь не делало – и не делает – их менее совершенными. В Древнем Риме расцвет поэзии имел место тогда, когда рифма еще не была принята в качестве обязательного атрибута стихосложения. Так, у Овидия, Вергилия и Горация рифмы иногда встречаются, но они, как правило, являются случайными или не играют в произведении особой роли. Весьма вероятно, что классики древнеримской поэзии, хотя и знали рифму, но относились к ней с пренебрежением, считая ее, скорее, помехой для художественного выражения мысли. По мере деградации древнеримской культуры, что было связано не в последнюю очередь с распространением христианства и провозглашением его в качестве государственной религии Римской империи, рифму начинают активно использовать второстепенные поэты-эпигоны, которые, будучи не в состоянии развивать идейное содержание поэтических произведений, стали обращать исключительное внимание на их форму. Наличие рифмы, с одной стороны, позволяло скрыть отсутствие собственно поэтического в стихотворении, а с другой, упрощало трансляцию сказанного. И то и другое обстоятельства как нельзя лучше способствовали развитию *христианской* поэзии, и именно христианские поэты добились всеобщего признания рифмы. С тех пор, оказавшись в контексте христианского стихотворчества, рифма перестала быть простым художественным приемом и стала нести на себе определенную идеологическую нагрузку.

Первым поэтом, создавшим полностью рифмованные произведения, был Коммодиан Газский, живший в III веке. Показательным является тот факт, что Коммодиан обратился к поэзии только после того, как отказался от язычества и принял христианство, а расцвет его поэтического творчества совпадает с занятием должности епископа в Северной Африке. До нас дошли два сочинения Коммо-

диана: «Christiani instructiones adversus gentium deos pro Christiana disciplina»⁸ и «Carmen apologeticum adversus judaeos et gentes»⁹, в которых в стихотворной форме излагаются основы христианского верования, доказываемся его превосходство над язычеством, в том числе иудаизмом, обосновывается необходимость обращения в христианство, особенно в преддверии конца света. Как видно, содержание произведений Коммодиана вряд ли можно назвать поэтическим, но именно поэтому в них такое большое значение придается рифме. Впрочем, рифма была не единственным средством воздействия на читателя: христианский проповедник использовал и другие приемы, упрощая гекзаметр и прибегая к таким способам артикуляции сакрального, как акростих.

В дальнейшем идеологический потенциал конечной рифмы был замечен и другими христианическими поэтами, среди которых следует назвать прежде всего Амвросия Медиоланского (340–397) – миланского епископа, обратившего в христианство Аврелия Августина, и Аврелия Пруденция Клемента (348–405), прозванного «христианским Горацием». В V веке рифма становится регулярной, и ее статус как необходимого формального условия поэтического творчества закрепляется в европейской культуре благодаря священнику-поэту Целию Седулию. Главное сочинение Целия «Carmen paschale»¹⁰, стяжавшее ему славу «христианского Вергилия», представляло собой прославление христианства и подробное изложение священной истории и евангельских сюжетов, а также опровержение ересей. Известны также гимны Христу, написанные Целием; в них последовательно проведена рифма. Эти сочинения получили широкое распространение и оказали большое влияние на всю средневековую латинскую церковную поэзию. Начиная с IX века рифма становится обязательной и из церковной поэзии переходит в поэзию светскую сначала романских, а затем и германских народов.

Итак, конечная рифма утверждается в качестве нормы в европейском стихосложении вследствие того, что она оказалась весьма удобной для художественного выражения идейного содержания христианства. Действительно, важнейшей особенностью христианского мирозерцания является *эсхатологизм*, т. е. такое отношение к миру, которое обуславливается представлениями о наличии конечных целей мироздания, исторического процесса и человеческой жизни. Эсхатологическое мышление характеризуется постоянным сосредоточением внимания на конце, поскольку этот «конец» знаменует собой завершение времени – бренности человеческого существования и возврат в вечность – царство Истины. С этой точки зрения, только конец является самым важным, это «цель», в то время как то, что ведет к нему, – всего лишь «средства». Если учесть все вышесказанное, то обращение христианических поэтов-проповедников к конечной рифме выглядит неслучайным. Именно конечная рифма превращает стих в своего рода эсхатологическое высказывание, которое по форме соответствует христианскому мышлению. Ведь не зря в европейских поэтиках проводится мысль о том, что рифмоваться должны ключевые слова в стихотворении, выражающие основную мысль автора: в конце *должно* говориться самое главное, ибо это – цель, а все остальное – лишь то, что ведет к ней.

Таким образом, конечная рифма исторически и логически связана с христианским мировоззрением. Распространение и признание конечной рифмы в европейском стихосложении обусловлено христианизацией культуры, а также той ролью, которую играла церковь в общественной жизни. С определенной долей уверенности можно сказать, что пока европейская культура не освободится от культуры, а мышление – от эсхатологизма, конечная рифма будет занимать господствующее положение в ритмической и смысловой организации стиха.

Как же обстоит дело с «анафорической» рифмой, за восстановление в правах которой выступает Баир Дугаров? Очевидно, что здесь акцент ставится на начале, а не на конце. Причем начало, артикулированное гласными, звучит, как струна, и долгота звучания определяет длину стиха. Главное, существенное выговаривается сразу, здесь и теперь, к тому же максимально громко и открыто, а по мере продвижения к концу стиха оно затихает, теряясь в бесконечных просторах степи. С технической точки зрения, такое понимание «анафоры» ближе всего к ассонансу, или, точнее, к ассонансной начальной рифме. Но за своеобразной техникой стихосложения необходимо рассмотреть соответствующую философскую позицию, которую Баир Дугаров старается отождествить с «духовным credo» кочевых народов. В чем же суть этой позиции? Ассонансная рифма позволяет иначе, не по-европейски взглянуть и на человека, его деятельность и смысл жизни, и на мир в целом. Становится ясно,

Что правит вечностью не бог –
Его величество Мгновенье [4, с. 429].

⁸ «Наставления христианам против языческих богов для христианского обучения» (лат.)

⁹ «Апологетическая песнь против иудеев и язычников» (лат.)

¹⁰ «Пасхальная песнь» (лат.)

На первом плане оказывается настоящее – единственная реальность, в которой человек живет и которую ценит, однако эта реальность постоянно ускользает от него, будучи неуловимой для мысли. Прозрачная черта между тем, чего уже нет, и тем, чего еще нет, – вот та единственная определенность, которую поэт стремится выразить в слове. Трудность, связанная с этим, сводится к тому, что слово так или иначе сковывает реальность в понятии, в результате чего актуальное переживание жизни подменяется ее рациональной конструкцией. С одной стороны, сказанное о настоящем тотчас же становится прошедшим, а значит, всегда уже не тем, что следовало бы сказать, а с другой, само высказывание предполагает редукцию чувства к мысли.

Думается, что обращение Баира Дугарова к «анафоре» – это ни что иное, как попытка преодолеть указанную трудность. Чтобы убедиться в этом, достаточно *услышать*, как сам автор читает свои стихи. Глубокий вдох – протяжное и громкое звучание первых гласных – ускорение речи по мере проговаривания стиха – последние слова еле слышны – пауза. Затем – новый стих, в том же режиме. Нельзя не заметить, что главное здесь не то, что говорится, а то, что *звучит*. Слова, хотя и они «к месту», вовсе не выражают того, о чем идет речь в стихотворении; они и подбираются таким образом, чтобы *не мешать* звучанию начальной рифмы. А звучит в этой рифме *непосредственное переживание текущего мгновения* – то, что невозможно схватить в понятии, потому что содержание этого переживания постоянно меняется. Наверное, не будет натяжкой сравнить анафорические стихи Б. Дугарова с симфоническими музыкальными произведениями: самое важное передается здесь без слов, потому что слова, даже самые красивые, коверкают язык музыки. Вот пример «музыкального» стихосложения из «Протяжных гимнов»:

Топот оседланных бурь пронесился по желтым степям от Саян до Дуная.
Ток бесконечных племен, утвердивших Евразию как праединство народов.
«Тангра ведет мое сердце и племя мое от полыни к бессмертью», –
Так начинал Аспарух свое слово, на пыльных путях обретая отчизну [2, с. 101].

Ассонансная рифма, акцентируя внимание на настоящем, предполагает неопределенность и вариативность будущего. Нет единой и необходимой для всех цели, как нет универсального смысла жизни или творчества. Реальность настоящего сохраняет открытость пути, и каждому человеку придется самостоятельно решать, какой из них выбрать. Все пути одинаково приемлемы и равноценны, потому что важно откуда, а не куда. В отличие от европейского эсхатологически упорядоченного культурного пространства, в котором так много внимания уделяют дорогам, стараясь понять, какова же из них ведет к конечной цели, в степи вообще не бывает дорог, потому что сама степь – дорога. И если в Европе поэт – это тот, кто знает ответ, то атрибутом анафорической поэзии является наличие *вопросов*.

Как поэт «анафоры», Баир Дугаров, хотя и слышит в себе «голос неба», который, заполнив душу, «разрывает при пенье певца» [4, с. 227], категорически отказывается от поэты «пророка» или «учителя» – вообще от всякого привилегированного статуса, так или иначе выделяющего поэта из «толпы» и наделяющего его «двойным зрением», чтобы постигать «тайны бытия» и при помощи «прикровенной» речи приобщать читателя к заповедному миру «таинственно-волшебных дум». Сила поэтического слова Б. Дугарова заключается не в том, что оно сообщает человеку те или иные ответы на смысловые вопросы, а в том, что оно позволяет ему осознать и, осознав, пережить принципиальное отсутствие каких бы то ни было ответов. Именно вопрос, который «вечен», а не ответ, который каждый раз может быть иным и никогда не бывает адекватным, является важным для человека.

Кто запомнил уроки мыслителей,
Что молчаньем ответить смогли?
И качается знак вопросительный,
Опираясь на точку Земли [3, с. 150].

Умение задавать вопросы – или, точнее, обнажать скрывающиеся за ними неразрешимые проблемы – вот главная задача поэта. Не случайно в стихотворениях Б. Дугарова так много вопросов и вообще нет ответов: вопрос самоценен и самодостаточен, он свидетельствует о понимании жизни, в то время как ответ легковесен, ибо он создает иллюзию того, что жизнь действительно понята.

У вечной звезды я спросил на рассвете:
«Что значит мой свет, если нету бессмертья?»

Что значит мой голос на этой Земле,
Такой незаметной в космической мгле?»

Звезда не ответила, тая в тумане.
Неужто в безмолвии суть мироздания?
И солнце дрожало на капельках рос.
Был смертен мой голос, но вечен вопрос [3, с. 93].

Остановимся несколько подробнее на характеристике ключевых моментов, задающих доминантную мелодию поэзии Баира Дугарова, чтобы понять, действительно ли достоинства и специфика его произведений обусловлены исключительно апелляцией к традиции – древней культуре тюрко-монгольских народов, или его муза вдохновлялась иными мотивами – быть может, поиском философских решений актуальных проблем современности. В последнем случае сам факт обращения к традиции будет указывать не на ее возрождение, а, скорее, на творческое моделирование, представляющее собой известный эффект историко-культурной ретроспективы.

Важнейшими маркерами, задающими пространство разворачивания поэтической мысли Баира Дугарова, можно назвать образ «космического мрака», с одной стороны, и образ человека, пытающегося пробиться к «свету», с другой. Следует подчеркнуть, что «мрак» и «свет», выступая в качестве контрастных смысловых определенностей, не превращаются от этого в ценностно окрашенные понятия с строго фиксированным содержанием. Скорее, они должны быть поняты как существенные моменты поэтического творчества, диалектически дополняющие друг друга:

Чем острее человеческий взгляд,
Тем плотнее космический мрак [2, с. 58].

Противопоставление «света» и «мрака» нацелено на достижение максимально возможной полноты выражения смысла. Поскольку «постигается свет через мрак»

И истины вечной свет
Струится сквозь «нет» [2, с. 35],

то задача поэта, согласно Б. Дугарову, состоит в том, чтобы, погружаясь и погружая читателя в «мрак», извлекать из него «свет».

Категории «свет» и «мрак» образуют вереницы зависимых от них смыслов, получающих образное выражение и тоже, в свою очередь, дающих начало другим смыслам. Так, «мрак» уводит читателя в «бездну мироздания», но не для того, чтобы он затерялся в ней, разуверившись в своих силах, а для того, чтобы в свете звезд Медведицы он смог увидеть «большой вопросительный знак» и «спиной почувствовать дом», возвратиться к «свету очага», а возвратившись, опять ощутить себя кочевником и снова по звездам отправиться в путь.

Посредством творческого сочетания «мрака» и «света» представлено у Баира Дугарова и существо человека.

Кто ты, человек:
Пришедший из тьмы во тьму,
Пришедший от света к тьме,
Пришедший из тьмы к свету,
Пришедший от света к тьме,
Пришедший от света к свету?.. [4, с. 191]

Более важная, фундаментальная сторона человека – мрачная, именно здесь следует искать глубинную суть человеческого бытия: не случайно «на фоне вечности гор замирает в изумлении смертное “я”» [4, с. 409]. Космическая природа человека надындивидуальна, стихийна, она позволяет каждому из нас ощутить свое подлинное родство со всем сущим. Поэт стремится осветить словом «на шершавом листе бытия» прежде всего «мрак» человеческой жизни, подчеркивая ее скоротечность и безысходность:

Отчего, человек,
Ты тоскуешь в своей человечности?
Оттого, что любви не хватает
И вечности?

В ночь уйдешь.
И окажешься вместе с планетой
По ту сторону
Жизни и света.

Но не встретишь в безмолвии звездном
Ни друга, ни бога.
Одинока родная Земля,
Одинока [2, с. 75].

Большое внимание уделяется также и «светоносной» стороне человеческого существования, и особенно потому, что человек, упиваясь своей силой и славой, забывает о бездонном «мраке» собственной жизни и начинает петь «о своем назначенье высоком». Для обозначения такого выхолощенного модуса жизни Б. Дугаров вводит понятие «неовек». Человек неовека, оторвавшись ото «всех богов, растворившихся в бездне», и возгордившись собой и своими деяниями, будет существовать, постепенно «задыхаясь от собственной песни», и в конце концов бесследно исчезнет с лица Земли. К успехам современной техногенной цивилизации, создающей условия для торжества «светоносной» эры без признания «ночной мглы» в качестве необходимого ее основания, следует поэтому относиться критически:

Все больше человека в неовеке.
Все меньше человека в человеке [2, с. 274].

Спасти человека, а вместе с ним и планету, утверждает Б. Дугаров, по силам только поэтам, которые приходят «по трещине мира» и способны «превозмочь себя словом». Лира поэта звучит «из глубины веков» – «из печали света», чтобы связать распавшуюся цепь времен:

Нить времен сказителями ткется.
И мгновений суть – не суета –
Лишь в душе поэта отзовется
Иль не отзовется никогда [3, с. 135].

Тема поэта в поэзии Баира Дугарова – это не просто дань традиции и даже не опыт саморефлексии. В образе поэта следует видеть прямое указание на то фундаментальное основание, которое и придает стихотворениям смысловое единство. Не случайно только задаваясь вопросом о том, что такое поэт, можно действительно писать стихи. И каждый раз, когда ставятся подобного рода вопросы, поэту открывается бездонный источник его вдохновений и он получает силу «в свет трансформировать боль».

Никогда не умолкнет печальная лира,
Потому что есть в черной тоске мирозданья –
Вечность.
Уходя из жестокого этого мира,
Оставляют поэты свое завещанье –
Нежность [2, с. 79].

Настоящий поэт – всегда и прежде всего философ. Несмотря на то, что «поэт в стихе – как вещь в себе», своим словом он «обнять вселенную готов» и именно это считает своим призванием.

Странная есть у поэтов привычка –
Сквозь сито своей души
Просеивать мир,
Эхо облекая в слова,
И это все называть стихами [2, с. 287].

В контексте обоснования важности дела поэта-философа следует рассматривать и попытки Баира Дугарова добиться естественного слияния в едином поэтическом пространстве двух традиций стихосложения: европейской и тюрко-монгольской. «Песнь поднебесья» пронесится над Ольхоном, Гоби, Индией – и в то же время над Парижем, Кёльном, Латвией, Грузией и даже над Америкой, оживляет мифы далекого прошлого с тем, чтобы высветить настоящее и заглянуть в будущее, выразить думы поэта о мире в целом и о человеке, вселенском кочевнике, извечно совершающем свой путь

От крика к голосу,
От сабли к колосу,
От мифа к логосу,
От бубна к лотосу,
От чия к полюсу,
От юрты к космосу [2, с. 148].

Этой цели служат и эксперименты с сочетанием «анафорической» и «эсхатологической» рифм, в результате чего создается неповторимый эффект объемности поэтического изображения. Во многом благодаря начальной рифме стихотворения становятся мелодичными, протяжными, настраивая читателя на философский лад, а концевая рифма придает стихам энергичное звучание. В итоге достигается идеал созерцательно-действенного отношения к миру, которое так необходимо в условиях современной интеркультурной жизни. Вот один из показательных примеров начально-концевой рифмы:

Подлунный мир преобразается в поэте,
Покуда из цветов изменчивых столетий
Звезде любви в стихах сплетается веночек.

Но небо тает в вихре суетных мгновений.
И не хватает грез – античных сновидений
Земле, затянутой в стальной корсет дорог [2, с. 67].

Думается, что рассмотренные нами основные мотивы поэтического творчества Баира Дугарова достаточно убедительно свидетельствуют о том, что главным источником его вдохновения были все-таки не традиции кочевой культуры, а личный опыт философского осмысления жизни. Несмотря на то, что Б. Дугаров сознательно поставил перед собой задачу восстановить «язык отцов», раскрыв глубину и особенности древнемонгольского мирозерцания, язык у него *свой*. Может быть, конечно, что, обращаясь к предкам и вступая в диалог с древней культурой, он тем самым обрел свой язык – самобытное звучание Степной Лиры. Но звучит эта Лира *сейчас* – и было бы странно, если бы ее мелодии не являлись голосом современности.

Литература

1. Дугаров Б.С. Азийский аллюр. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2013. 208 с.
2. Дугаров Б.С. Степная лира: Стихотворения. СПб.: Свое издательство, 2015. 304 с.
3. Дугаров Б.С. Струна земли и неба: Стихотворения. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. 360 с.
4. Дугаров Б.С. Сутра мгновений. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2011. 440 с.

PHILOSOPHY OF STEPPE LYRA

Aleksandr E. Rybas

Candidate of Sciences in Philosophy, A/Professor

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya emb., St.-Petersburg, 199034 Russia

The article provides an analysis of the ideological and philosophical resources of anaphora, as it is understood and used by Bair Dugarov in his poetic works. It is shown that the identification of “anaphora” with initial rhyme or alliteration is not correct because it is the cultural and ideological content related to the “anaphora” that is decisive. The author examines the origins and the ideological context of contrasting final (European) and initial (characteristic of Turko-Mongol poetry) rhymes, as well as the attempts made by Bair Dugarov to synthesize them to let the poetic speech sound volumetrically. The essence of the main points that determine the philosophical content of Bair Dugarov’s lyrics is discussed. It is concluded that despite the poet believed he was inspired in his creative activity by the traditions of nomadic culture, his poetry presented the receptions of urgent problems of the present, as well as his own personal experience of philosophical understanding of life.

Keywords: Bair Dugarov, anaphora, initial rhyme, end rhyme, philosophy of poetry.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ОБРАЗА НЕБЕСНОГО ЖАВОРОНКА В ТВОРЧЕСТВЕ Б.С. ДУГАРОВА

© Самдан Зоя Баировна

ведущий научный сотрудник сектора фольклора

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований

Россия, 670000, г. Кызыл, ул. Кочетова, 2

E-mail: samdan-sn@yandex.ru

В статье на основе анализа образа небесного жаворонка в мифоэпической интерпретации Б. С. Дугарова и синкретического типа исполнителей – шамана, сказителя, певца – в тувинско-бурятской сакральной традиции автор раскрывает полисемантическую природу этих образов, заключающуюся в общности их магической, целебной и певческой функций. Переосмысление Б. С. Дугаровым образа булжамур, основанного на религиозно-мифологических представлениях бурят, отражает своеобразие его творчества как ученого и поэта. В результате анализа образа булжамур в творчестве Б. С. Дугарова автор приходит к выводу, что феномен шаманства, сказительства и поэзии тесно связаны и восходят к общему мифологическому истоку в сакральной традиции тюрко-монгольских народов.

Ключевые слова: Б. С. Дугаров, образ небесного жаворонка, мифология, поэзия, тувинско-бурятская сакральная традиция.

Творчество народного поэта Бурятии, эпосоведа и мифолога Б. С. Дугарова представляет собой, на наш взгляд, квинтэссенцию уникального мироощущения поэта и ученого, кочевника и горожанина, азиата и европейца, в котором органически сливаются черты тончайшего поэтического восприятия мира и масштабного научного мышления. Поэт Б. Дугаров, как выразитель национального духа бурятского народа, в своих произведениях передает самую ментальную суть психологии тюрко-монгольских народов, сформировавшуюся на евразийском культурном пространстве.

Органичность поэтического самовыражения в осмыслении двух языковых миров в творчестве поэта-билингва Б. Дугарова точно охарактеризовала исследователь его творчества Л. С. Дампилова: «Параллельно осмысливая два языковых мира, Б. Дугаров наиболее полно сумел выразить на русском языке свою ментальную сущность. Богатство «концептосферы» его лирики тесно связано с богатством культуры бурятской нации и с русским языком, основным выразителем евразийского пространства» [2, с. 3].

Среди основных категорий поэтических концептов в лирике Б. С. Дугарова, как полагает литературовед И. Н. Именохоева, особое место занимают религиозно-мифологические. По ее справедливому мнению, наличие многочисленных типологически сходных мифо-поэтических художественных образов, которые свидетельствуют о синтезе регионального и общенационального в сознании поэтов, творящих в арсенале двух языковых миров, определяет своеобразие поэзии Б. Дугарова. Далее она заключает, что семантика концептов в его творчестве есть совокупность исторического, культурного, религиозного наследия нации, а также индивидуального опыта автора. Концепт – это квинтэссенция всех составляющих поэтического текста [6, с. 21].

Одним из знаковых, взаимодополняющих концептов, определяющих своеобразие научных изысканий и поэтического творчества Б. С. Дугарова, являются, на наш взгляд, архетипические образы, основанные на религиозно-мифологических представлениях тюрко-монгольских народов. Много общего, например, в тувинско-бурятских религиозно-мифологических концептах, которых еще предстоит изучать. Это божества: Мөңгө Көк Дээр – Хүхэ Мүнхэтэнгри, Курбусту-Хаан – Хан-Хормуста, Дайын-Дээр – Даян-Дэрхе; богатыри: Кезер – Гэсэр, Көгелдей-Мерген – Хүхэдей-Мерген; священные горы: Саяны – МункуСардык, Көгей – Хүхэй, Бүрүн-Хаан – Бүрэн-Хан; священные озера: Көпсе-Хөл – Хубсугул, Бай-Хөл – Байкал и т. д. В данной статье мы попытаемся выявить мифологические истоки только одного из этих концептов – образа небесного жаворонка в мифоэпической и поэтической интерпретации Б. С. Дугарова.

Семантику образа небесного жаворонка в контексте сакральной традиции бурят Б. С. Дугаров детально исследовал в монографии о небесном прологе бурятской Гэсэриады (2005 г.) [3, с. 156-183]. Древний поэтический миф бурят о небесной птице булжамуур, исцеляющей дочь Солнца, является, по мнению ученого, прелюдией ко всему прологическому действию и пониманию мифологических основ бурятской Гэсэриады [3, с. 156]. В результате анализа мифа о булжамуре в контексте эпическо-

го пролога Гэсэриады и шаманских призываний, Б. С. Дугаров заключает, что «поющий небесные гимны жаворонок содержит в своем образе элемент сакрализации поэтического слова. Его выразителями в устной традиции были рапсоды, поэты-сказители и шаманы» [3, с. 168].

Анализ образа жаворонка и образа шамана, сделанный Б. С. Дугаровым, подводит нас к мысли, что их близость, как избранников тэнгри, хранителей духа, жизненной силы, посредников между Верхним миром и людьми, заключается в общности их магической, целебной и певческой функций.

Аналогия образа небесного жаворонка с синкретическим образом шамана и сказителя, пожалуй, более всего сближает сакральную традицию бурят и тувинцев. Бытование и постепенная трансформация такого феноменального явления в исполнительской традиции тюрко-монгольских народов, как синкретический тип исполнителя, сохранялся до недавнего времени в устной традиции тувинцев [7, с. 78-93].

В давние времена, когда преобладал кочевой охотничий и скотоводческий уклад жизни, у тувинцев, также как и других народов Сибири, в том числе бурят, древний образ певца часто объединял в одном лице сказителя, шамана-прорицателя, а иногда и музыканта. Происхождение шаманов и сказителей объединяла единая мировоззренческая основа, связанная с идеей избранничества.

На основе мифологемы птицы, олицетворяющей синкретический образ певца, Б. С. Дугаров особо пристальное внимание уделил любопытной параллели между образами этой птицы и шамана. Большой интерес для нас представляет тонкое наблюдение Б. С. Дугарова, подметившего связь между тувинскими названиями шамана хам и жаворонка хамнаарак. Он приводит комментарий известного тувинского фольклориста Д. С. Куулара о том, что хамнаарак – это образное название птицы, которая напоминает своими частыми взмахами крыльев во время самозабвенного пения, камлающего, приходящего в экстаз, шамана. Исходя из этого комментария, Б.С. Дугаров заключает, что хамнаарак означает на тувинском языке «шаманствующая птица» или «птица подобная шаману» [3, с. 167]. В этом образном наречении жаворонка, на наш взгляд, отражена ментальная особенность психологии тувинцев, их природная наблюдательность и своеобразие образного мышления.

Ассоциируя порхание птицы с шаманским камланием и шаманским костюмом из птичьих перьев, а также с образом вдохновенного певца, Б. С. Дугаров выводит через концепт небесного жаворонка органическую взаимосвязь творческого начала и сакральной традиции. Он пишет: «Полисемантическая образ булжамура проявляется в его фигуральной соотнесенности с функционально-ритуальной характеристикой шамана. Певческий дар небесной птицы и ее вдохновенное пение демонстрирует еще одну грань концепта жаворонка, которая выражает сакрализацию поэтического слова и творчества, объединяющего поэта с жрецом» [3, с. 182]. Мифологические истоки и полисеманτικότητα образа небесного жаворонка, исследованные Б. С. Дугаровым, естественным образом вошли в арсенал его поэтического творчества. Образ булжамуур стал одним из излюбленных поэтических константов в лирике Дугарова.

Неприметным на первый взгляд, но закономерным переходом от стихии устной поэзии к художественной интерпретации образа певчей птицы можно считать перевод Б. С. Дугаровым с бурятского на русский язык народной песни о булжамуур, опубликованного в поэтическом сборнике «Алтаргана» (1998 г.):

Вижу, как над синими горами
в дымчатом тумане бродит солнце.
Слышу, как над тихими лугами
песня жаворонка долго льется,
и от этой песни безмятежной
замирает сердце с грустью нежной [1, с. 60-61].

Переводчик очень бережно передал, выраженное через излюбленный композиционный прием традиционного народного стиха, первозданное, наивно-прекрасное мироощущение создателей народной песни. В предисловии, к поэтическому сборнику Б. Дугарова «Струна Земли и Неба» (2007 г.) Л. С. Дампилова первая подметила и емко охарактеризовала глубокую взаимосвязь образа малой родины и образа певчей птицы, воспетых в древних бурятских мифах и Гэсэриаде и художественно переосмысленных поэтом [2, с. 4].

Я хотел бы повиснуть росой над поляной,
сумасшедшей птицей пронзая небосклон,
камнем стать и луной. Иль гореть безмянно
золотистым цветком на земле Монголжон» [4, с. 39].

Переплетение шаманистско-тэнгрианских и поэтических концептов в художественном изображении небесной птицы наиболее полно отражено в стихотворении Б. Дугарова «Жаворонок» (2009 г.):

Жаворонок каждое утро песней своей окропляет чашу вселенной.
Жар своей песни крылышками разбрызгивает по сторонам света,
Жребий такой у нее, у певчей птицы, камлать на макушке планеты,
Жреческий дар золотого священнодействия, обращенного к Тэнгри.
Жадно я вслушиваюсь в трепетный голос струны поднебесья.
Жажду свою утоляю по музыке тайны, чьи брызги разносятся в небе.
Жаль, что не слышат ее обремененные прозою жизни, земной суетою,
Жало сансары как сладкая мука, а рай – исполнение смертных желаний.
Жэрт – и от щебета пташки небесной дерев распускаются листья,
Жэрт – и от крылышек взмаха тают снега в каменных ущельях,
Жэрт – может, в это мгновенье рождаются в детях и старцах поэты,
Жэрт – и душа замирает в предчувствии песни своей недопетой.
Жизнь – это разве не праздник, и певчая птица разве не жрица?
Жилка небес, окрыленная песней, дирижерская палочка солнца.
Жест небожителей, трепет былинки, озвученный флейтой небесной,
Женщине гимн и любви, два крыла у которой – надежда и вера [5, с. 73].

Полисемантичесность образа жаворонка в данном произведении мы видим в необычайно многогранной и всеобъемлющей характеристике небесной птицы, воссозданной автором через изумительно меткие, чрезвычайно красочные и зримые поэтические определения. Проиллюстрируем эти поэтические определения в изображении жаворонка в разных его ипостасях: в шаманской – «жребий такой у нее, у певчей птицы, камлать на макушке планеты», «жреческий дар золотого священнодействия, обращенного к Тэнгри», «певчая птица разве не жрица?»; в Тэнгрианской – «Жадно я вслушиваюсь в трепетный голос струны поднебеса», «И от щебета пташки небесной дерев распускаются листья», «Жилка небес, окрыленная песней, дирижерская палочка солнца», «Жест небожителей, трепет былинки, озвученный флейтой небесной»; в певческой и поэтической – «Жажду свою утоляю по музыке тайны», «может, в это мгновенье рождаются в детях и старцах поэты», «и душа замирает в предчувствии песни своей недопетой».

Как видно из вышеизложенного анализа, данное художественное произведение демонстрирует глубину проникновения автором в осмысление образа небесного жаворонка, свидетельствующее о неисчерпаемости интерпретации архетипических образов, основанных на религиозно-мифологических представлениях бурятского народа. Это лишь один пример художественной интерпретации, который раскрывает своеобразие творчества Б. С. Дугарова как ученого и поэта.

Таким образом, осмысление бурятского мифа о небесном жаворонке, представленное Б. С. Дугаровым в мифопоэтической и поэтической интерпретации, позволяет сделать вывод о том, что феномен шаманства, эпического сказительства и поэтического творчества тесно связаны между собой и восходят к общему мифологическому истоку в сакральной традиции тюрко-монгольских народов.

Литература

1. Алтаргана: из бурятской народной поэзии / Пер. с бур. Б. Дугарова. Улан-Удэ: Нютаг, 1998.
2. Дампилова Л. С. «Когда мне не хватает неба...» // Дугаров Б. С. Струна Земли и Неба: стихотворения. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007.
3. Дугаров Б. С. Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.
4. Дугаров Б. С. Струна Земли и Неба. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007.
5. Дугаров Б. С. Азийский аллюр. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». 2013.
6. Именохоева И. Н. Концепты в поэзии Баира Дугарова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2014.
7. Самдан З. Б. Миф в фольклорной традиции тувинцев: (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск: Наука, 2016.

MYTHOLOGICAL ORIGINS OF IMAGE
HEAVENLY LARK IN CREATIVITY OF B. DUGAROV

Zoya B. Samdan

Leading Researcher of the Folklore Department

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social-Economic Researches

2, Kochetova S., Kyzyl, 667000 Russia

In the article on the basis of the analysis of the image of the heavenly lark in the mythoepic interpretation of B. S. Dugarov and the syncretic type of performers – shaman, narrator, singer – in the Tuvan-Buryat sacral tradition, the author reveals the polysemantic character of these images, consisting in the commonality of their magical, healing and singing functions. Rethinking B. S. Dugarov's image of bulzhamur, based on the religious mythological ideas of the Buryats, reflects the uniqueness of his work as a scientist and poet. As a result of the analysis of the image of bulzhamur in the works of B. S. Dugarov author comes to the conclusion that the phenomenon of shamans, narrators and poets are closely connected and go back to a common mythological source in the sacred tradition of the Turkic-Mongolian peoples.

Key words: B. S. Dugarov, the image of the heavenly lark, mythology, poetry, the Tuva-Buryat sacred tradition.

«ПОЙ, ПОЙ СТРУНА МОЯ СТЕПНАЯ...»

© **Эльдешев Эрдни Антонович**

председатель Союза писателей Республики Калмыкия, народный поэт Калмыкии
Россия, 358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 1
E-mail: eldyshev59@mail.ru.

В статье исследуется творчество Б. С. Дугарова. В ней рассматриваются вопросы личных взаимоотношений с поэтом, а также интерес поэта к евразийству. В статье особо отмечается обостренное чувство поколений в творчестве поэта, его высокая поэтическая культура, философская глубина его лирики. Отмечено использование автором метафорических средств, характерных национальному фольклору; раскрывается, как автор в художественной структуре текста соединяет лирическую публицистику с фольклорной образностью. Отмечается и богатая полифоничность, психологическая и эмоциональная многозначность творчества поэта.

Ключевые слова: поэзия, стихи, поэт, лирика, степь.

С поэтом, председателем Союза писателей Бурятии Баиром Дугаровым я познакомился в 1989 году в Элисте. Он приехал на встречу с калмыцкими писателями вместе со своим заместителем, поэтом Лопсоном Тапхаевым 7 марта, как раз накануне женского праздника. Они пришли в Союз писателей Калмыкии, когда в кабинете председателя собрались чествовать виновниц торжества, работавших в Союзе писателей и журнале «Теегин герл». Давид Кугультинов представил нам гостей – поэтов из Бурятии и обратился к женщинам с поздравлением. Потом он предоставил слово Баиру Дугарову, который рассказал о современной литературе братской республики и прочитал свои стихи, посвященные женщинам. Мы немного поговорили и условились встретиться позже в гостинице. Стояла хмурая сырая погода, кое-где ещё лежал снег. Вечером мы продолжили разговор о жизни, о литературе. Прощаясь, Баир подарил мне книгу бурятского народного эпоса «Гэсэр», на титульном листе которой написал: «Эрдни Эльдышеву – младшему наследнику-отхону в роду потомков Гэсэра и Джангара – двух великих братьев – вершин общемонгольского эпического творчества с надеждой и верой в продолжение очага на исходе XX-го столетия от соотечественников писателей из Бурятии. 7 марта 1989 г., г. Элиста» [1, с. 1].

С первых минут нашего знакомства я признал в нем родственную душу, и это радостное чувство в дальнейшем укрепилось и переросло в многолетнюю дружбу. Баир Дугаров неоднократно приезжал в Элисту: на научные конференции, на празднование 550-летия «Джангара», на юбилейные торжества к Давиду Кугультинову... В 2007 году он прибыл на 85-летие нашего знаменитого поэта и побывал на его родине. На следующий день он принес в журнал «Теегин герл» свою заметку:

«В государстве Поэзии нету границы.
Где поэты рождаются, там и столицы.

Поэтому мне, как поэту, было важно увидеть своими глазами малую родину Давида Кугультинова или «тоонто нютаг», если выразиться по-бурятски, – писал Дугаров. – Здесь, в Эсто-Алтае, частице калмыцкой степи, как бы заново перелистываешь страницы биографии Д. Кугультинова, совпавшей с эпохой, в которой он жил и которая ярко отразилась в его многогранном творчестве. Обозревая взглядом просторные апрельские степи, повторяющие ширь и глубь небосвода на земле, думаешь: не сродни ли этому простору поэзия Д. Кугультинова с ее эпическим размахом и полнотой философского чувства? Сама калмыцкая степь хранит память о своём певце в запахе полыни – бурулдае, в лепестках тюльпана – бамба цэцэг, в трелях пронзающего поднебесье жаворонка – торго, а бегущие по небу волнистые облака напоминают седые кудри ушедшего в бессмертие поэта». Это настроение отражало и стихотворение, написанное поэтом там, в Эсто-Алтае:

И пребелая лебедь – предвестница рая
Средь степей по озерной плыла синеве,
Взмахом крыльев божественных напоминая
Всем живущим о их с небесами родстве.
Я в калмыцкой степи прикоснулся к тюльпану,
Я почувствовал снова – недаром живу.
Это вечность была или миг долгожданный,
Это было со мной не во сне – наяву [2, с. 101].

Баир Сономович подарил мне свою новую книгу стихотворений «Струна земли и неба» изданную в Улан-Удэ, с трогательной надписью: «Эрдни Эльдышеву – другу моему, поэту – пусть в полифонии мира вечно звучит калмыцкая лира! Сердечно, от автора. Элиста, 7 сентября 2009 г.» [3, с.1].

Баир Дугаров родился 19 июня 1947 года в самом центре Саянских гор в селе Орлик Окинского аймака (Бурятия). Начиная свою трудовую деятельность будущий поэт сотрудничал районной газетой, затем стал собкором республиканской газеты «Правда Бурятии». Позже Б. Дугаров, окончив аспирантуру, перешел на работу в Бурятский научный центр, где защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Баир Дугаров дважды избирался Председателем правления Союза писателей Бурятии. Он был организатором и одним из руководителей проведения 1000-летнего юбилея бурятского народного эпоса «Гэсэр».

В 1970-80-е годы в советской литературе работало много замечательных мастеров слова, и воздух в литературе тех лет был чистым, прозрачным, я бы сказал даже, целебным. Именно в те годы Баир Дугаров активно пишет и занимается в семинаре выдающегося русского поэта Бориса Слуцкого.

После публикаций стихов в журналах «Дружба народов», «Москва», «Октябрь», «Смена» и газетах «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Литературная Россия», после выхода в Москве сборников «Дикая акация», «Лунная лань» и «Всадник», творчество бурятского поэта стало широко известно всесоюзному читателю. Стихи Б. Дугарова переведены на многие языки мира, в том числе на монгольский, латышский французский, болгарский, венгерский и другие. Издана его книга стихотворений и в переводе на английском в США.

Особо хочу отметить стихи поэта о любви – к девушке, матери, бабушке. Это – гимн женщине монголоязычного мира, с ее вековыми традициями и обычаями. В таких стихотворениях, как «Звезда кочевника», «Лица ее белый овал...», «Скачка», «Бабушке», «Песня старого охотника» и других, поэт выражает свой идеал монгольской женщины, и в тоже время – это гимн родине, представляющей в его лирике в женском образе.

Бабушка моя, Монголия,
очень прошу, расскажи
мне про твоё раздолье
и про твои миражи <...>
В возрасте зрелом и строгом
я поклонился тебе,
древним твоим истокам,
новой твоей судьбе [4, с.66].

«Мир поэзии Баира Дугарова, – отмечает доктор филологических наук Людмила Дампилова, – богат широкими ассоциациями со всем мировым дискурсом, наполнен голосами минувших эпох и его родного столетия» [5, с.6]. Точно подмечено. Бурятского поэта связывает тесная дружба с калмыцкими писателями и учеными. Он, автор прекрасных переводов произведений калмыцких поэтов, и сегодня продолжает своим творчеством укреплять узы дружбы между нашими братскими народами. О своей родине и о Калмыкии Б. Дугаров сказал: «Мы – два монгольских народа на территории России, как два крыла одной птицы, летящей из глубины времен. Хотя живем на большом расстоянии, друг друга мы чувствуем» [6, с. 6].

Книги поэта обращены к истокам нашей общей памяти, к мудрому многовековому Древу общемонгольского рода. Поэзия Б. С. Дугарова несет в себе сакральный смысл древних символов кочевого пространства монголоязычного мира. Выдающийся поэт современной России, он всем своим творчеством, жизнью своей доказал, что его поэтическое слово неотделимо от истории, духа и традиций наших великих предков. Главное место в поэзии Б. Дугарова занимает философская лирика, основными мотивами которой являются связь времен, поколений, а также размышления о назначении человека на земле. В его стихотворении «Степь» есть такие строки:

Знаю истину: мертвые – вечные корни живых,
Корни дальних потомков твоих и моих.
Степь, спасибо тебе за сказанья, ветра, небосклоны
И прости, что страшусь твоего материнского лона [7, с.80].

Такие стихи мог написать только поэт с евразийским, восточным мировоззрением. Где бы мы ни выступали на встречах – в Монголии, Бурятии, в Калмыкии или в Москве, он всегда остается верен своей Музе с раскосыми монгольскими глазами. Имя Баира Дугарова стало символом современной монголоязычной поэзии еще и потому, что в его творчестве переплетаются эпохи и поколения степных народов, в нем слышен гул и рокот седых времен, он не случайно признается:

Безмолвные миры ушедших поколений
травой поросли, травой забвенья.
И предков дух, восставши из могил,
мне молнии кусочек отломил.
И пальцы обжигающим пером
я понял: мать мне степь, отец мой – гром.
И я в тоске окликнул времена,
в забытые поверив письма.
И расступились облака и тени.
Тропа забрезжила в траве забвенья [8, с.15].

Пишущий на русском языке, поэт остается феноменом общемонгольским. У него есть сборник стихов «Всадник» [9, с. 142]. И автор представляется мне всадником, скачущим впереди могучей монгольской орды.

На ногах мох пыльная цепь
твоих вольных кочевий, о степь.
Но куда же на потном коне
скачет, скачет кочевник во мне? [10, с.64].

Баир Дугаров – доктор филологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Государственной премии Республики Бурятия, автор многих научных трудов по буддизму, эпосу «Гэсэр», фольклору и этнографии. Пусть оберегает поэта могучий, священный дух Саянских гор, Окинская и Тункинская земли дают ему силы, а запах калмыцких тюльпанов вдохновляет так же, как и нежный запах саган-дали.

Литература

1. Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Т.1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986.
2. Дампилова Л. С. «Когда мне не хватает неба...» // Дугаров Б. Струна земли и неба. Стихотворения. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008.
3. Дугаров Б. С. В калмыцкой степи // Теегин герл. 2007. №4.
4. Дугаров Б. С. Струна земли и неба. Стихотворения. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008.
5. Дугаров Б. С. «Бабушка моя, Монголия...» // Струна земли и неба. Стихотворения. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008.
6. Дугаров Б. С. «Мы – два крыла одной птицы» (интервью взяла Л. И. Щеглова) // Правительственная газета. 2010. № 66.
7. Дугаров Б. С. Степь // Струна земли и неба. Стихотворения. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008.
8. Дугаров Б. С. «Безмолвные миры ушедших поколений...» // Струна земли и неба. Стихотворения. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008.
9. Дугаров Б. С. Всадник: стихотворения. М.: Современник, 1989.
10. Дугаров Б. С. «Почему надо мною возник...» // Струна земли и неба. Стихотворения. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008.

«SING, SING MY STEPPE STRING...»

Erdny A. Eldyshev

Head of writers' union of Republic of Kalmykia, national poet of Kalmykia
Ilishkina St., Elista, 358000 Russia

This article explores Dugarov's work. The article deals with issues of personal relationships with the poet as well as interest with Eurasinism. The article notes an acute sense of generations in poet's work, his high poetic culture, the philosophical depth of his lyrics. This article is devoted to exploration of poet's work. It notes the author's use of metaphoric words characterizing the national's folklore. The article opens as an author in artistic structure combines lyric publicity with folkloric imagery. It notes a rich polyphony, psychologic and emotional polysemy in the poet's work.

Key words: poetry, poems, poet, poetry, steppe.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ В БУРЯТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Развивая и приумножая научные традиции: к 85-летию кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета

В октябре 2017 г. славный коллектив кафедры русского языка и общего языкознания принимал поздравления в связи с 85-летием со дня образования. За эти годы пройден значительный путь, остались позади трудности становления, спокойные советские годы и трудные постсоветские. Особую благодарность и признательность выражаем старшему поколению преподавателей, ветеранам университета за их неоценимый вклад в становление и развитие филологической науки. Они дали заряд энергии и любви к избранной профессии, привили любовь к русскому слову, научили нести добро людям.

Кафедра русского языка существует с первого дня открытия Бурятского педагогического института Д. Банзарова. Первым заведующим с 1932 по 1943 год был доцент Василий Дмитриевич Кудрявцев, который руководил кафедрой и являлся проректора БГПИ. Ему принадлежат первые исследования по проблемам преподавания русского языка в бурятской школе, многочисленные методические пособия, школьные программы и учебники по русскому языку. В 1957 году им защищена докторская диссертация и вскоре присвоено звание профессора (уже в Иркутском педагогическом институте). Так, в 1935 вышло методическое пособие В. Д. Кудрявцева «Преподавание русского языка в начальной бурятской школе», в котором автор подробно анализирует ошибки учащихся, определяет пути их устранения, объем и содержание программы по русскому языку, развивает идею о необходимости учета особенностей родного языка. В его работах, в частности в монографиях «Очерки по методике русского языка в 5-7 классах» (1948) и «Преподавание русского языка в 5-8 классах» (1965) отражен опыт учителей средних классов по методике обучения русскому языку, содержатся теоретические и практические разработки вопросов преподавания русского языка в национальной школе с опорой на достижения бурятской лингвистики того времени.

В дальнейшем научные интересы кафедры были широки и многообразны. На начальном этапе основным направлением кафедры явилось развитие педагогической науки в регионе, в частности теории и практики обучения школьников в условиях двуязычия. Преподавателями активно изучаются проблемы формирования речевой деятельности учащихся и студентов, разрабатывается методическая система. Ж. С. Сажиновым, М. Н. Мангадаевым, И. В. Баранниковым опубликованы новые учебники, научные труды, посвященные различным вопросам преподавания школьного и вузовского курсов русского языка, вопросам обучения орфографии и грамматики, истории и этнографии бурятского народа. Именно в это время вышла монография проф. Ж. С. Сажинова «Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков. Морфология» (1984), которая стала методологической основой всех последующих трудов по сопоставительной грамматике в Республике Бурятия. По программам, учебникам и другим пособиям по русскому языку, подготовленным преподавателями кафедры школы РБ работали в течение многих десятилетий. В последующие годы методическое направление научной деятельности кафедры достойно представляли доктор педагогических наук, профессор С. М. Бабушкин («Прогнозирование и исправление ошибок в беспредложном управлении имен существительных в русской речи учащихся-бурят», 1980; «История формирования и развития бурятско-русского двуязычия у учащихся средней школы», 1994), кандидаты педагогических наук, доценты Т. Ф. Долбеева («Роль изложений в обогащении речи учащихся глагольной лексикой», 1988), Л. Л. Маркова («Роль ознакомления учащихся 4-5 классов со словообразовательным значением для обогащения их словарного запаса», 1985), Судоплатова Г. А. («Методика изучения экспрессивных синтаксических конструкций в 5-8 классах (на примере однородных членов предложения, 1990). Методисты кафедры внесли большой вклад в разработку технологий аттестации учителей русского языка и литературы РБ, экспертизы качества преподавания, заложили основы развития исследовательской деятельности учащихся РБ на основе организации и проведения конференции «Шаг в будущее».

Научная деятельность кафедры прочно связана с важнейшей областью современной лингвистики – теорией текста. В языкознании Бурятии данное направление представлено работами профессора О. А. Нечаевой, доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки РБ, заслуженного учителя школы РФ, отличника просвещения РФ, Почетного гражданина РБ, заведовавшего кафедрой русского языка в течение 15 лет, и ее учеников. В монографии «Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение)» (1974) О. А. Нечаева установила логико-смысловые и структурно-функциональные типы речи, стабильные языковые формы синтаксических единств, глубинные структурно-семантические текстообразующие константы. О.А. Нечаева создала свою научную школу, дальнейшую разработку основные теоретические положения получили в исследованиях ее учеников, часть из которых ныне ведущие доценты кафедры: в 1988 г. Л. Н. Омельченко защитила кандидатскую диссертацию «Функционирование неполных двусоставных предложений с незамещен-

ной позицией подлежащего в повествовании и описании», в 1988 – М. В. Бохиева по теме «Функционирование безличных предложений в описательном типе речи», в 1999 г. – И. Ю. Хандархаева «Функционирование глаголов прошедшего времени совершенного вида в перфектном и аористическом употреблении в темпоральных типах речи (описание, повествование)», в 2003 – Е. В. Зырянова «Прагматический аспект роли говорящего в функционально-смысловых типах речи «описание» и «повествование», в 2001 – О. В. Панова «Рассуждение как тип речи в прагматическом аспекте (аргументация и объяснение), в 2002 – Ж. В. Николаева «Структурно-семантические разновидности описательного типа речи по характеру протекания ситуации (бытийно-статальные, бытийно-процессуальные, характеризующие)», в 2005 – Т. И. Мисайлова «Дейксис как актуализация компонентов речевой ситуации и денотативного содержания в повествовательном и описательном художественном текстах». Представителями научной школы выявлены структура типов речи, специфика их контаминации, основные логические модели, текстообразующие средства, что позволяет говорить о значительном вкладе в разработку проблем порождения и функционирования текста. Основные результаты исследования проблем текста как функционально-стилевой категории в структурно-семантическом, коммуникативном и дидактическом аспектах были представлены на Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию проф. О. А. Нечаевой (23-24 апреля 2004 г.), нашли отражение в коллективной монографии «Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование» (2011), были внедрены в практику преподавания специальных дисциплин и курсов по выбору. Под руководством доктора филологических наук, профессора В. М. Хамагановой защитили кандидатские диссертации Русакова Н. В. «Темпоральные (лексические) и референциальные свойства текста типа «описание» (2006), Варфоломеева Ю. Н. «Семантика глагольных предикатов как свойство структурно-семантической модели текста типа “описание”» (2008), Смирнова С. И. «Реализация иронии в констатирующих текстах “описание” и “повествование”» (2014). В рамках данного направления защищены две докторские диссертации: О. А. Нечаевой «Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение)», 1975), В. М. Хамагановой «Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа “описание” (проблемы семиотики и онтологии)» (2002).

Традиционно устойчив интерес членов кафедры к сравнительно-сопоставительным и типологическим исследованиям разноструктурных языков, позволяющим увидеть в национальном языке специфические черты, скрытые при внутреннем рассмотрении. Основные положения сопоставительного изучения языков успешно разрабатываются докторами наук: В. И. Золхоевым и И. Д. Бухаевой, рассматривавшими звуковую природу и организацию бурятского и русского слова, С. М. Бабушкиным, занимающимся изучением бурятско-русского двуязычия в историческом, дидактическом и лингвистическом аспектах, В. М. Егодуровой, в теоретически развитой форме представившей типологию глагола в русском и бурятском языках, Е. А. Бардамовой, предметом исследования которой являются пространственные и временные идеи в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах, Д. Ш. Харанутовой, описавшей основную специфику деривационных процессов в разноструктурных языках. Многостороннюю проверку и обсуждение представлений об устройстве языка, проблем закономерностей в развитии и функционировании разноструктурных языков, многообразия форм и способов отражения мира человеческим сознанием нашли на международной научной конференции «Актуальные проблемы функционирования и развития языков в условиях контактирования» (2012), региональной конференции «Актуальные проблемы языкознания и методики преподавания языков» (2013), всероссийской (с международным участием) научной конференции «Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков» (2013). В рамках данного направления защищено 7 кандидатских и 5 докторских диссертаций, так В. И. Золхоев защитил докторскую диссертацию по теме «Проблемы фонологии и морфонологии агглютинативных языков» (1987), И. Д. Бухаева в 1987 «Речевая сегментация в бурятском языке», С. М. Бабушкин в 1994 г. – «История формирования и развития бурятско-русского двуязычия у учащихся средней школы», В. М. Егодурова в 2002 – «Глагол в бурятском языке», Д. Ш. Харанутова в 2012 – «Бурятское словообразование: структурно-семантический аспект».

Для решения целей и задач другого научного направления проводится тщательное и квалифицированное исследование регионального варианта русского языка в синхроническом и диахроническом аспектах. Результаты изучения и дешифровки памятников Забайкальской деловой письменности были опубликованы в монографии «Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в.» (А. П. Майоров, С. В. Русанова, 2005); «Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII в.» (А. П. Майоров, 2006), «Словаре русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» (А. П. Майоров, 2011). Разработка принципов исследования языка памятников деловой письменности Забайкалья нашло логическое завершение в написании и защите докторской диссертации А. П. Майоровым в Институте русского языка им. В. В. Виноградова по теме «Региональный узус деловой письменности XVIII в.» в 2006 г. В 1999 г. в издательстве СО РАН был издан «Словарь говоров ста-

рообрядцев Забайкалья», в основу которого были положены материалы ежегодных диалектологических экспедиций Бурятского госуниверситета. Историко-культурная и научная ценность словаря, составителями которого выступили А. П. Майоров, Т. Б. Юмсунова, Н. А. Дарбанова, М. Б. Матанцева, И. Ж. Степанова (опубликован в Издательстве СО РАН, г. Новосибирск), состоит в выявлении уникальных и забытых пластов русской лексики, результатов ее трансформации в процессе 250-летнего межъязыкового и междиалектного контактирования. Благодаря неутомимому кропотливому труду наших диалектологов Е. И. Тынтуевой, Т. Б. Юмсуновой, Н. А. Дарбановой, Э. Д. Эрдынеевой, М. Б. Матанцевой самобытный говор старообрядцев Забайкалья получил детальное лексикографическое описание. В настоящий момент осуществляется широкий сбор образцов разговорной речи представителей разных социальных групп, очевидна актуальность прикладного и культурно-просветительского характера заявленного исследования. В рамках третьего научного направления защищены 2 докторские и 2 кандидатские диссертации; в 2013 г. была организована и проведена всероссийская (с международным участием) научная конференция «Региональные варианты национального языка»; работа в этом направлении неоднократно поддерживалась грантами РГНФ (в 2004-2005, 2007-2008 и 2011 гг.). Актуальность научных разработок в данном направлении обеспечила активное настоящее и дальнейшее перспективное сотрудничество с Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), Институтом лингвистических исследований (Санкт-Петербург), Институтом славистики Венского университета (Вена, Австрия). Кроме того, благодаря известности разработки данного научного направления, в БГУ поддерживаются интенсивные научные связи в области лингвистического источниковедения и истории русского языка с учеными Читы, Благовещенска, Хабаровска, Красноярска, Кемерово, Барнаула, Омска, Тобольска, Тюмени, Челябинска, Екатеринбурга и др.

С 2014 г. при кафедре русского языка и общего языкознания под руководством д.ф.н. А. П. Майорова создана Лаборатория эколлингвистики (в настоящий момент лабораторией руководит д.ф.н. Д. Ш. Харанутова), деятельность которой осуществляется с целью историко-лингвистического исследования современного забайкальского региолекта и его современного состояния; описания языковой картины мира Байкальского региона; прикладных разработок; культурно-просветительской деятельности. В 1991 году при кафедре плодотворно функционирует аспирантура по направлению подготовки 45.06.01 Русский язык, Теория языка. На базе ФГОУ ВПО «Бурятский государственный университет» создан и функционирует диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности 10.02.01 Русский язык, 10.02.19 Теория языка.

Члены кафедры ведут активную просветительскую работу. Были разработаны и представлены в Правительство предложения по сохранению норм русского литературного языка, повышению речевой культуры в Программе развития русского языка в РБ на 2014-2020 гг. С целью повышения профессиональной компетенции и популяризации достижений лингвистической науки были организованы межвузовские методологические семинары для студентов, преподавателей-филологов и учителей русского языка и литературы средних образовательных учреждений РБ с участием ведущих лингвистов России: В. И. Беликова, М. А. Кронгауза, Б. Ю. Нормана, Г. Е. Крейдлина, Б. И. Осипова, А. В. Кравченко, А. Д. Шмелева и др. Традиционно члены кафедры активно сотрудничает с органами образования. Следует отметить в этом отношении работу доцентов кафедры Т. Ф. Долбеевой, Л. Л. Марковой, А. Д. Болсохоевой, Г. А. Судоплатовой, И. М. Степановой и проф. С. М. Бабушкина, И. Д. Бухаевой, Д. Ш. Харанутовой, Е. А. Бардамовой, организаторов лекций для учителей, курсов повышения квалификации, курсов профессиональной переподготовки, участников методических семинаров, республиканских олимпиад школьников.

Сегодня, в эпоху кардинальных перемен и внедрения новых образовательных стандартов, обучение и повышение профессиональной компетенции выпускников имеют первостепенное значение и выходят на качественно новый уровень. Отечественное отделение Института филологии массовых коммуникаций дало «путёвку» в жизнь многим выпускникам, работающим сейчас не только в Сибири, но и во всех уголках нашей большой страны, а также за рубежом. Некоторые из них достигли высокого делового и общественного статуса, являются известными учеными и общественными деятелями, руководителями региональных организаций, преподавателями русского языка и литературы, работниками средств массовых коммуникаций. И мы все по праву гордимся ими.

Сегодня у кафедры есть все возможности для дальнейшего роста: это и накопленный за многие годы огромный научный потенциал, и высокий профессионализм педагогических кадров. Отрадно осознавать, что к своему замечательному юбилею коллектив кафедры пришел столь динамично развивающимся, успешным и в то же время сохранившим добрые традиции.

Е. А. Бардамова,
д-р филол. наук, доц. БГУ

Кафедра русской литературы БГУ как центр русистики в Байкальской Азии

В год празднования 85-летнего юбилея старейших кафедр БГУ – БГПИ – кафедры русской и зарубежной литературы и кафедры русского языка и общего языкознания – необходимо осмыслить некоторые результаты работы за эти годы. Именно эти кафедры стали центром развития русского языка и культуры в регионе, за 85 лет работы было выпущено около восьми тысяч специалистов.

Направление «русистика» возникло в Бурят-Монгольском агропединституте 10 февраля 1932 г. Были созданы кафедра литературы (зав. и. о. доц. А. М. Ремизов) и кафедра методики языка (зав. и. о. проф. В. Д. Кудрявцев). За кафедрой литературы закреплялись такие дисциплины, как русская литература XIX в., марксистская литература; за кафедрой методики языка – русский язык, методика русского языка. Ориентировочно в 1934 г. в открытом при пединституте учительском институте, который должен был готовить учителей для семилетних школ, учреждается уже отделение русского языка и литературы. Литературно-лингвистическое отделение пединститута преобразуется в литературно-лингвистический факультет (1934-1936 гг.), факультет языка и литературы (1936-1938), литературный (1938-1953), историко-филологический факультет (1953 – янв. 1988), филологический факультет (1988 – 2013), Институт филологии и массовых коммуникаций (2013)¹¹.

Большой вклад в становление кафедр и подготовку кадров учителей русского языка и литературы внесли поколения преподавателей: В. А. Абрамов, В. М. Алексеев, Б. Б. Барадин, Г. В. Баханов, Т. А. Бертагаев, В. Д. Кудрявцев, И. В. Мальцев, В. М. Никитин, А. М. Реизов, Е. К. Хабаева, И. Д. Чагин, К. М. Черемисов и др. Во 2-й пол. XX в. на кафедре литературы талантливо и добросовестно работали Е. В. Баранникова, А. А. Белоусов, С. И. Гармаева, А. К. Паликова, А. Б. Соктоев (впоследствии член-корреспондент РАН), А. К. Сокольникова, К. Б. Соктоева, А. Н. Танятова, И. З. Ярневский. В 70-е, а затем в 80-е гг. ярко заявило о себе следующее поколение преподавателей: Т. В. Затева, С. С. Имixelова, Е. И. Целикова, В. В. Башкеева. Следом за ними пришли способные выпускники БГПИ: Г. Ц. Бадуева, М. Д. Данчинова, А. Г. Игумнов, Е. В. Семенова, Б. Б. Сибиданов, Т. Г. Шеметова. После возвращения в 2003 г. РЯЛМО (специализация «Русский язык и литература в межнациональном общении») кафедры пополнились опытными преподавателями кафедры русско-бурятской филологии: С. Ц. Будаевой, С. Б. Дуриновой. Начали свою педагогическую работу молодые доктора, кандидаты наук Е. П. Березкина, И. В. Булгутова, М. Н. Жорникова, О. А. Колмакова.

После разделения в 1988 г. историко-филологического факультета на филологическом факультете существовало 3 кафедры: русского языка, литературы, бурятского языка и литературы. В 1990 г. на основе последней кафедры был создан факультет бурятской филологии, на котором по согласованию с филологическим факультетом было открыто направление РЯНШ (русский язык в национальной школе), впоследствии преобразованное в РЯЛМО. В 2003-2004 уч. г. были созданы 2 новые кафедры (общего и исторического языкознания, зарубежной литературы), реорганизованы 2 прежние кафедры (кафедра литературы стала называться кафедрой русской литературы). В 2013 г. в связи с новой реорганизацией, связанной с изменением демографического положения в стране, кафедры общего и исторического языкознания, зарубежной литературы были включены в состав исторических кафедр. На сегодняшний день существуют три кафедры: русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, молодая кафедра РКИ (русский как иностранный).

Большой исторический путь, пройденный кафедрой русской и зарубежной литературы, был насыщен созидательной работой, научным и методическим поиском, большой работой со студентами. Можно выделить этапы в развитии кафедры, достаточно продолжительные по времени. Первый этап связан с периодом становления (1932 – 1953) в очень непростой предвоенный – военный – послевоенный период. Второй с развитием в рамках БГПИ в союзе с близкой гуманитарной специальностью – историей России (1953 – 1988), это были годы весьма плодотворной, высококвалифицированной работы. Третий этап – в составе самостоятельного филологического факультета (1988 – 2013), когда результаты предшествующих этапов позволили очень существенно нарастить кадровый потенциал, усилить работу со студентами. Четвертый этап начался в 2013 г. с объединения кафедр филологического факультета с кафедрами ФИЯ. Надо отметить, что это процесс весьма непростой для развития русистики в Бурятии.

В дальнейшем буду говорить прежде всего о 3-м этапе, так как это весьма плодотворные годы в жизни кафедры и региона. На третьем этапе одна из задач, которую решала кафедра, была связана с перестройкой работы в связи с созданием в 1995 г. классического университета. Это прежде всего

¹¹ См.: Башкеева В. В. Филологический факультет на современном этапе и перспективы развития // Филологический факультет: вчера, сегодня, завтра (1932 – 2007). Сборник статей, посвященных 75-летию филологического факультета и 75-летию БГУ – БГПИ. Улан-Удэ, 2007. С. 5.

идеи фундаментального образования, фундаментальных научных исследований в связи с реалиями изменяющегося постперестроечного времени.

На филологическом факультете подготовка велась по специальности «Русский язык и литература», после образования БГУ учительская специальность в 1997 г. была преобразована на очном отделении в университетскую специальность «Филология» с квалификацией «Преподаватель русского языка и литературы». В рамках последней специальности из 6 дополнительных специализаций кафедра курировала ТИХК («Теория и история художественной культуры»), ФОЖ («Филологическое обеспечение журналистики»), РЯЛМО («Русский язык и литература в межнациональном общении»). В 2006 г. состоялся первый выпуск студентов, получивших одну из дополнительных специализаций.

В 2000 – 2015 гг. в Боханском филиале БГУ с перерывом в один год изучали русскую филологию. В 2003 – 2015 гг. на заочном отделении развивалась программа сокращенного обучения со специализацией ФОЖ. Не случайно с 2003 года увеличился набор студентов на кафедру. В целом по факультету на заочном отделении число коммерческих студентов с 91 в 2003 г. увеличилось до 193 в 2005 г.

В 2008 г. был сделан первый набор на бакалавриат по филологии на очном и заочном отделениях. 2009 год ознаменовался открытием магистратуры по русской литературе (руководитель проф. С. С. Имихелова), дистанционной формы обучения по сокращенной программе, активизацией работы с иностранными студентами в рамках бакалавриата и магистратуры.

Интересным стал 2011 год: первый выпуск магистров-литературоведов (Л. Г. Агафонова, А. В. Дергаусова, О. Б. Манжуева, О. Ю. Найданова, Е. А. Суркова, Е. В. Хаптанова), последний выпуск на заочном отделении по педагогической специальности 032900 «Русский язык и литература» (32 студента), первый выпуск бакалавров-заочников (12 чел.). Фундаментальное образование вместе с дополнительными специализациями расширяло возможности трудоустройства студентов-русистов в современном высококонкурентном обществе.

Кафедра является выпускающей. Она обеспечивает учебный процесс и в других университетских подразделениях. В 2007 г. на кафедрах работало 6 штатных докторов наук (16% преподавателей факультета): В. В. Башкеева, С. И. Гармаева, Т. В. Затеева, С. С. Имихелова, Е. В. Семенова, Е. И. Целикова. В 2017 г. также 6 докторов наук: В. В. Башкеева, И. С. Болдонова, С. И. Гармаева, Т. В. Затеева, С. С. Имихелова, О. А. Колмакова. Надо учесть, что в год создания БГУ (1995) на кафедре не было ни одного доктора наук. Ранее трудились А. А. Белоусов, М. П. Хамаганов. Урожайным в плане докторских диссертаций был 2002 год, следующий пик пришелся на 2011-2012 годы.

Организационно кафедра русской и зарубежной литературы сложилась в результате возвращения на кафедру русской литературы выделившейся в 2003 – 2013 гг. кафедры зарубежной литературы. Заведующие кафедрой русской литературы: с 2013 – кафедра русской и зарубежной литературы: д.ф.н. проф. С. С. Имихелова (до 2009), д. ф. н. проф. Т. В. Затеева (2009-2017), к.ф.н. доц. Е. П. Березкина (с 2017 г.). Направления НИР: «Русский национальный литературный текст в свете евразийской парадигмы» (В. В. Башкеева, С. С. Имихелова), «Историко-функциональное изучение литературы» (Т. В. Затеева), «Современная русская литература: основные процессы и тенденции развития» (О. А. Колмакова). Заведующие кафедрой зарубежной литературы: д. п. н. проф. Е. И. Целикова (2003-2008), д. филос. н доц. И. С. Болдонова (2009-2013). Направление НИР в последние годы: «Проблемы развития зарубежной литературы и регионального текста в мировом литературном процессе» (С. И. Гармаева, И. С. Болдонова).

С точки зрения учебно-методической работы кафедра пережила адаптацию к нескольким стандартам. Вначале это был «Стандарт первого поколения», затем с 2000 г. «Стандарт второго поколения». Надо признать, он сочетал в себе фундаментальность, создавал и поддерживал единое образовательное пространство русистики (общепрофессиональные дисциплины), и индивидуальный вузовский подход – разнообразные спецкурсы, спецсеминары, дисциплины специализации, курсы по выбору, факультативы. Так, в 2003 г. студенты-филологи имели право выбора среди 21 курсов по выбору, 8 спецсеминаров, 4 спецкурсов, 43 дисциплин специализации (в среднем по 11 по каждой дополнительной специализации). Третий стандарт – ФГОС с 2013 года, обсуждавшийся в течение нескольких лет, четвертый, введенный без общественного обсуждения, – ФГОС+. Ожидается ФГОС++. Ныне действующий стандарт ФГОС+ существенно изменил образовательное пространство страны в области русистики, ослабив общую профессиональную базу. Есть и новшества, введение коммуникативистики и некоторых других дисциплин. Все это сказывается на качестве обучения студентов.

Особое внимание преподаватели кафедры уделяют самостоятельной работе студента: анализу научной литературы, составлению карточек по научной проблеме, чтению наизусть, ведению читательских дневников, рефератам, мини-исследованиям, составлению системы вопросов по заданной теме, конспектированию, тестированию, созданию своего текста, сценария урока и его защите, защите фрагмента урока, рецензии на уроки, выходам в театр и написанию рецензий, защите собственных

версий исследования того или иного произведения и др. Начиная с 2004 г., особое место стали занимать курсовые работы.

К числу достижений кафедры в области воспитательной работы следует отнести проведение профессионально-ориентированной «Пушкинской недели», которая впервые прошла в октябре 2004 г. Проходят спектакли, конкурсы чтецов, исследовательских работ, конкурс иллюстраций к произведениям А. С. Пушкина и др. для студентов и школьников. В последние годы активно проходят конкурсы сочинений, в том числе под эгидой Министерства образования Бурятии. Кафедра идет в ногу со временем, отвечая на вызовы современности, и инициировала в 2010 году проведение конкурса студенческих проектов «Медиана», тем самым сделав акцент на развитии студенческих инициатив.

Кафедра сумела занять свое место в современном педагогическом процессе и потому, что активно развивала научную составляющую. Этапом, предшествовавшим открытию диссертационных советов, был этап открытия аспирантуры. Набор в аспирантуру осуществляется на кафедре по специальности 10.01.01 – русская литература (открыта проф. Т. В. Затеевой), часть преподавателей готовят аспирантов по специальности «Литература народов РФ».

Крупнейшим достижением явилось открытие докторского диссертационного совета по указанным специальностям. В 2003 – 2015 годах работал докторский Диссертационный совет по специальностям «Русская литература» и «Литература народов РФ: бурятская, тувинская, якутская, хакасская, алтайская», первый председатель совета – проф. С. Ж. Балданов, второй – проф. В. В. Башкеева. Среди защитившихся были не только улан-удэнцы, но и иркутяне, читинцы, якутяне, тувинцы, алтайцы, красноярцы и др.

Кроме литературоведческого совета, большим авторитетом пользуется совет по языкознанию. Ситуация с двумя филологическими советами в БГУ была в некотором роде уникальной, т. к. прецедента подобного рода в Сибирском и Дальневосточном федеральном округах не было. Долгие годы «Вестник БГУ. Филология» является изданием для публикации результатов кандидатских и докторских диссертаций. Бессменным редактором «Вестника» проф. С. С. Имихеловой подготовлено более 20 номеров.

Открытие советов при кафедрах не случайно. Бурятская русистика и филология в целом известны на региональном и российском уровне. Широко известны труды члена-корреспондента РАН А. Б. Соктоева, директора Института филологии, истории СО АН СССР. Изданы «Антология литературы Бурятии» (В. В. Башкеева, С. С. Имихелова, Г. Ц. Бадужева), коллективная монография «Концепты в литературе Бурятии транзитивного периода», монографии по проблемам типологии художественных традиций в прозе Бурятии С. И. Гармаевой, проблемы автора в литературе 2-й пол. XX века С. С. Имихеловой, народнического романа Т. В. Затеевой, изображения человека в литературе XVIII–XIX веков В. В. Башкеевой, проблем герменевтики И. С. Болдоновой, постмодернистской прозы О. А. Колмаковой. Книга «Писатели Бурятии: литературные биографии» (отв. редакторы С. С. Имихелова, В. В. Башкеева) победила в номинации «Книги для детей и юношества» на XXII Книжном салоне (2017).

Одним из показателей развития русистики в классическом университете следует считать и научно-организационную работу кафедры. Начиная с 1999 г. было проведено не менее 20 крупных региональных, всероссийских и международных конференций, филологических чтений, круглых столов. В 2002, 2005, 2008, 2011 г. прошли международные евразийские конференции в формате «Россия-Азия» (председатель программного комитета В. В. Башкеева), формате «Евразийский фронт» (председатели С. И. Гармаева, В. В. Башкеева, И. С. Болдонова). Первые филологические чтения были посвящены юбилею Ф. И. Тютчева, вторые и последующие – юбилею В. В. Виноградова, юбилею А. Б. Соктоева, И. К. Калашникова и др.

В настоящий момент кафедра русской и зарубежной литературы находится на новом этапе своего развития. Влияние как глобализационных процессов, так и напрямую экономико-демографического фактора создают не лучшую конъюнктуру для развития гуманитарной науки. Уменьшение контингента, бюджетных мест, снижение финансирования вузов, снижение реальной значимости образования в современном российском обществе, увлеченность молодежи виртуальными мирами усложняют работу вузов.

Вместе с тем появляются надежды на усиление фундаментального начала в образовании, на возвращение сочинения в среднюю школу, а значит усиления внимания к русской литературе, к проблеме чтения в современном обществе. Все это создает базу для дальнейшего развития отечественного литературоведения в Бурятии.

В. В. Башкеева,
д-р филол. наук, проф. БГУ

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

<i>Андреева С. В.</i> История формирования словообразовательной системы русского языка в дореволюционный период.....	3
<i>Афанасьева О. В.</i> Особенности русской речи жителей севера Якутии на примере чтения фонетически представительного текста.....	7
<i>Байгаль М.</i> Выражение количества как культурный компонент (на примере количественных прилагательных).....	11
<i>Балданова А. Б., Дарбанова Н. А.</i> Неофициальная региональная топонимика города Закаменска как часть региолекта.....	13
<i>Дадурова Е. А.</i> Полнознаменательные и неполнознаменательные каузативные глаголы в русском языке.....	18
<i>Дамбуев И. А.</i> Буква ё в современной топонимии России.....	21
<i>Зырянова Е. В., Люй В.</i> Ассоциативное поле концепта «Новый год» 春节 в китайском языковом сознании.....	25
<i>Косицына И. К.</i> Заимствования из японского языка в русский язык восточной эмиграции.....	30
<i>Ленхобоева Т. Р.</i> Технология создания медиатекстов в интернет-издании (на примере курса «Журналистское мастерство»).....	35
<i>Майоров А. П.</i> Региональная лингвистика в Бурятии: история, современное состояние, перспективы развития.....	38
<i>Мархеева Т. В.</i> Эргонимы в языковом пространстве города (на примере названий магазинов г. Улан-Удэ).....	42
<i>Намдакова С. С.</i> Русизмы-вкрапления в устной бурятской речи.....	45
<i>Омельченко Л. Н.</i> Коммуникативы: особенности употребления в русской разговорной речи бурят.....	48
<i>Рабданова Л. Р.</i> Эгоцентрические элементы языка в свободном косвенном дискурсе (на материале современной прозы).....	52
<i>Разумкова Н. В.</i> Художественный текст сквозь призму аксиологии (на материале лирики К. Н. Батюшкова).....	55
<i>Степанова И. Ж.</i> Русская разговорная речь Забайкалья: к вопросу словарного оформления региональной лексики.....	58
<i>Улазаева Г. В.</i> Об особенностях слов категории состояния с модальной окрашенностью (на материале русского и бурятского языков).....	62
<i>Харанутова Д. Ш.</i> Некоторые заметки по образованию регионализмов и их деривационной активности.....	62
<i>Хилханова Э. В.</i> Языковые установки и этнические стереотипы через призму национальности: по материалам психосоциолингвистического эксперимента.....	65
<i>Цыбенова Ч. С.</i> Коммуникативное пространство русского языка в Республике Тыва.....	68

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<i>Гамали О. И., Каневская О. Б.</i> Языковая репрезентация категории «время» в поэтической картине мира А. Ахматовой.....	76
<i>Жорникова М. Н.</i> Евангельские мотивы в рассказе Ю. В. Мамлеева «Вечерние думы».....	80
<i>Климова Т. Ю.</i> Топосы деревни в малой прозе З. Прилепина.....	82
<i>Колмакова О. А.</i> Онтологическая проблематика в романе Л. С. Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей».....	88
<i>Кривоус Т. В.</i> К вопросу о характере взаимоотношений «реального» и «фантастического» в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка».....	91
<i>Монгуш Е. Д.</i> Особенности мифотворчества в цикле Л. Петрушевской «Настоящие сказки».....	94

<i>Монисова И. В., Сырысева Д. Ю.</i> Пьеса Мустая Карима «Салават. Семь сновидений сквозь явь»: русские литературные влияния и связи.....	98
<i>Полева Е. А.</i> Рассказ В. Астафьева «Васюткино озеро» в контексте фольклорной и литературной традиции.....	103
<i>Рудова О. С., Башкеева В. В.</i> Идея раздробленности в романе В. В. Набокова «Приглашение на казнь».....	107
<i>Херел А. Х.</i> Особенности формирования трагических начал одноактной пьесы тувинской драматургии XX в.	111
<i>Хун Синь.</i> Мифопоэтика романа А. Белого «Петербург».....	114
<i>Шастина Т. П.</i> Горный Алтай как советская национальная окраина в очерке Р. Бикмухаметова «Глаз коня».....	117
<i>Шилицына Н. В.</i> Образ скрытого читателя и средства его моделирования в исторических повестях первой трети XIX века.....	121

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Бархас С.</i> Вопросы обучения грамматике русского языка.....	126
<i>Белозубова Н. И.</i> Методика лингвокультурологического анализа русской народной сказки в иностранной аудитории.....	130
<i>Болдонова И. С.</i> Методологические аспекты курса «Русская литература в контексте философских идей».....	133
<i>Данчинова М. Д.</i> Методика активизации читательской деятельности учащихся (на примере урока литературы в школе).....	136
<i>Егодурова В. М.</i> Типологические особенности категории рода в русском языке в сопоставлении со способами выражения пола в бурятском языке (к проблеме лингвометодических приемов в преподавании неродного языка).....	139
<i>Ершова Н. В.</i> Методы и приемы развития коммуникативных навыков на уроках литературы.....	142
<i>Затеева Т. В.</i> Мировоззренческие вопросы в курсе «История русской литературной критики».....	145
<i>Малыгина Т. В.</i> Особенности организации проектной деятельности в 5 классе: из опыта работы учителя-словесника.....	149
<i>Маркова Т. Н.</i> Стилиевой анализ современной прозы на филологическом факультете.....	152
<i>Мельникова Н. Л.</i> Реализация федерального проекта «Живые уроки» на уроках литературы.....	155
<i>Мунхбаатар Б.</i> К проблеме преподавания русского языка студентам нефилологических специальностей.....	158
<i>Новокрепленных Е. Г., Абашеева Л. И.</i> Интеграция литературы и музыки как формы эстетического развития студентов (на материале поэзии Н. А. Некрасова).....	162
<i>Олзобоева В. К.</i> Формирование этнокультурной компетенции учащихся на уроках литературы (при изучении пословиц и поговорок).....	165
<i>Сарантуяя И.</i> Фразеологизмы-паронимы в аспекте РКИ.....	168
<i>Серебрякова З. А.</i> Актуальные вопросы преподавания истории литературы в вузе культуры.....	171
<i>Сидорова Л. Н.</i> Использование перспективно-опережающего обучения на уроках русского языка как условие обеспечения современного качества образования.....	174
<i>Томтогтох Г., Туяа Г.</i> Русский язык в системе обучения монгольского государственного университета науки и технологии /МГУНТ/.....	177
<i>Тулубаева М. М.</i> Духовное и интеллектуальное становление личности ученика на занятиях по изучению поэзии Серебряного века.....	181
<i>Цэцэгмаа Ц.</i> Формирование лексикографической компетенции у студентов вузов.....	184
<i>Шобоева Т. А.</i> Организация проектной и исследовательской деятельности школьников в полиэтнической среде.....	187
<i>Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Базарова Д. Р.</i> Духовность в системе этноконфессиональных ценностей современной молодежи.....	190

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА-БИЛИНГВА БАИРА ДУГАРОВА
(К 70-ЛЕТИЮ НАРОДНОГО ПОЭТА БУРЯТИИ, ПЕРЕВОДЧИКА, ЭПОСОВЕДА)

<i>Бабкинова Л. В.</i> Мифологические традиции в поэзии Баира Дугарова.....	194
<i>Булгутова И. В.</i> Краткостишия в лирике Б. Дугарова.....	197
<i>Донгак У. А.</i> Принципы анафорического стиха тюрко-монгольской поэзии в лирике Б. Дугарова и стихотворениях тувинских поэтов.....	201
<i>Имхелова С. С.</i> «Времена в мгновении сошлись»: концепция художественного времени в поэзии Б. Дугарова.....	204
<i>Петрова М. П.</i> Баир Дугаров: между Востоком и Западом.....	207
<i>Рыбас А. Е.</i> Философия степной лиры.....	211
<i>Самдан З. Б.</i> Мифологические истоки образа небесного жаворонка в творчестве Б. С. Дугарова..	219
<i>Эльдышев Э. А.</i> «Пой, пой струна моя степная...».....	223

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ В БУРЯТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

<i>Бардамова Е. А.</i> Развивая и приумножая научные традиции: к 85-летию кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета.....	226
<i>Башкеева В. В.</i> Кафедра русской литературы БГУ как центр русистики в Байкальской Азии.....	229

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE: HISTORY AND CONTEMPORARY STATE

<i>Andreeva S. V.</i> The history of formation of the word-formation system of Russian language in pre-revolutionary period.....	3
<i>Afanasyeva O. V.</i> Peculiarities of the Russian speech of the residents of the north of Yakutia on the example of reading the phonetic representative text.....	7
<i>Baigali M.</i> Expression of quantity as a cultural component (on the example of quantitative adjectives).....	11
<i>Baldanova A. B., Darbanova N. A.</i> Non-official exploration of toponyms in town Zakamensk as part of regional dialect.....	13
<i>Dadueva E. A.</i> Full meaning and non-full meaning causative verbs in Russian and Buryat languages.....	18
<i>Dambuev I. A.</i> Letter Ė in modern toponymy of Russia.....	21
<i>Zyryanova E. V., Wenwen L.</i> Concept «New Year» 春节 associative field in lingual consciousness of Chinese.....	25
<i>Kositsyna I. K.</i> Borrowing from the Japanese language into the Russian language of the eastern emigration.....	30
<i>Lenkhoboeva T. R.</i> Technology of creation of media texts in the internet edition (on an example of a course «Journalistic skill»).....	35
<i>Mayorov A. P.</i> Regional linguistics in Buryatia: history, modern condition, prospects of development.....	38
<i>Markheeva T. V.</i> Ergonyms in the linguistic space of the city (on the material of the names of shops in Ulan-Ude).....	42
<i>Namdakova S. S.</i> Russism-inclusions in oral Buryat language.....	45
<i>Omelchenko L. N.</i> The communicatives: peculiarities of using in the Russian conversational speech of Buryatia.....	48
<i>Rabdanova L. R.</i> Egocentric elements of language in free indirect discourse (on the basis of modern prose).....	52
<i>Razumkova N. V.</i> Poetic text through the prism of axiology (on the material of K. N. Batyushkov's poems).....	55
<i>Stepanova I. Zh.</i> Russian colloquial language of Transbaikal: to the question of lexicographic composition of regional vocabulary.....	58
<i>Ulazaeva G. V.</i> About peculiarities of state category words with modality meaning (on materials of Russian and Buryat languages).....	62
<i>Kharanutova D. SH.</i> Some notes about the formation of regionalisms and their derivation activity.....	65
<i>Khilkhanova E. V.</i> Language attitudes and ethnic stereotypes through the prism of nationality: on materials of a psychosociolinguistic experiment.....	68
<i>Tsybenova Ch. S.</i> Communicating area of the Russian language in the Republic of Tyva.....	72

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS OF STUDY

<i>Hamali O. I., Kanevska O. B.</i> Language representation of the category «time» in A. Akhmatova poetical worldview.....	76
<i>Zhornikova M. N.</i> Evangelical motifs in YU. Mamleev's story «Evening thoughts».....	80
<i>Klimova T. Yu.</i> Toposes of villages in the small prose by.....	82
<i>Kolmakova O. A.</i> Ontological issues in the novel by L. S. Petrushevskaya "Number one, or In the gardens of other opportunities".....	88
<i>Krivous T. V.</i> To a question about the nature of relationships between «real» and «fantastic» in the Gogol's story «Sorochyntsy fair».....	91
<i>Mongush E. D.</i> Features of the myth in the tale stories of "True tales" by L. Petrushevskaya.....	94
<i>Monisova I. V., Syryseva D. Y.</i> The play M. Karim's "Slavat. Seven dreams through reality ": Russian literary influences and connections.....	98

<i>Poleva E. A.</i> The story by Victor Astafyev “Vasyutka’s lake” in the context of folklore and literary tradition.....	103
<i>Rudova O. S., Bashkeeva V. V.</i> The idea of fragmentation in the novel by V. V. Nabokov "Invitation to a beheading".....	107
<i>Herel A. Kh.</i> Features of formation of the tragic beginnings of the one-act play of the Tuva dramatic art of the XX century.....	111
<i>Hong Xin</i> A mytho-poetic of A. Belyiy’s novel “Petersburg”.....	114
<i>Shastina Tatyana P.</i> Mountain Altai as the soviet national territory in the essay of R. Bikmuhametov "The eye of the horse".....	117
<i>Shipitsyna N. V.</i> The image of implicit reader and the techniques for its modeling in historical novel of the first third 19th century.....	121

CURRENT ISSUES OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

<i>Barkhas S.</i> Teaching Russian grammar.....	126
<i>Belozubova N. I.</i> Methods of the Russian national fairy tale linguo-cultural analysis in a foreign audience.....	130
<i>Boldonova I. S.</i> Methodological aspects of the discipline “Russian literature in the context of philosophical ideas”.....	133
<i>Danchinova M. D.</i> Some methods of activating students as readers in an educational process (on the example of a literature lesson at school).....	136
<i>Egodurova V. M.</i> Typological features category in the Russian language in comparison with the methods expressions of the sex in the Buryat language (to the problem of linguistic methods in teaching non-native language).....	139
<i>Ershova N. V.</i> Methods and techniques development of communication skills at the lessons of literature.....	142
<i>Zateeva T. V.</i> Perception questions in the course «The history of the Russian literature critics».....	145
<i>Malygina T. V.</i> Project-based activities in the 5th grade: work experience of Russian Language teacher.....	149
<i>Markova T. N.</i> Style’s analyses of contemporary prose on the philological faculty.....	152
<i>Melnikova N. L.</i> «The living lessons» federal project’s realization during literature lessons.....	155
<i>Munkhbaatar B.</i> To the problem of teaching the Russian language students of non-philological specialties.....	158
<i>Novokreschennykh E. G., Abasheeva L. I.</i> Literature and music integration as a form of aesthetic development of the students (a case study of N. A. Nekrasov’s poetry).....	162
<i>Olzoboeva V. K.</i> Formation of ethno-cultural competence of students on lessons of literature (in the study of proverbs and sayings).....	165
<i>Sarantuya I.</i> Phraseological paronyms in aspect of studying of RAF.....	168
<i>Serebryakova Z. A.</i> Actual issues of teaching history of literature in the higher educational institution of culture.....	171
<i>Sidorova L. N.</i> Using prospective and outrunning teaching at Russian and literature classes as a condition for modern quality of education.....	174
<i>Tomtogtokh G., Tuya G.</i> Russian language in the training system of the Mongolian university of science and technology / MUST /.....	177
<i>Tulubaeva M. M.</i> Inner and intellectual formation of the pupil's personality at the lessons devoted to study of the Silver Age poetry.....	181
<i>Tsetsegmaa T.</i> The formation of university students’ lexicographic competence.....	184
<i>Shoboeva T. A.</i> Organization of project and exploratory activities of pupils in polyethnic environ.....	187
<i>Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Bazarova D. R.</i> Spirituality in the system of ethnoconfessional values of contemporary youth.....	190

BAIR DUGAROV'S ART OF A BILINGUAL POET (TO THE 70th ANNIVERSARY OF NATIONAL
POET OF BURYATIA, TRANSLATOR AND EPOS' RESEARCHER)

<i>Babkinova L. V.</i> Mythological traditions in Bair Dugarov's poetry.....	194
<i>Bulgutova I. V.</i> Short-shape in the lyric of B. Dugarov.....	197
<i>Dongak U. A.</i> The principles of the anaphoric verse of Turkic-Mongolian poetry in lyrics of B. Dugarov and in the poems of Tuvan poets.....	201
<i>Imikhelova S. S.</i> «Times in a moment came together...»: the concept of artistic time in the poetry by B. Dugarov.....	198
<i>Petrova M. P.</i> Bair Dugarov: between East and West.....	204
<i>Rybas A. E.</i> Philosophy of steppe lyra.....	207
<i>Samdan Z. B.</i> Mythological origins of image heavenly lark in creativity of B. Dugarov.....	211
<i>Eldyshev E. A.</i> «Sing, sing my steppe string...».....	219

HISTORY OF RUSSIAN PHILOLOGY IN BURYAT STATE UNIVERSITY

<i>Bardamova E. A.</i> Developing and increasing scientific traditions: to the 85th anniversary of the Department of Russian Language and General Linguistics of the Buryat State University.....	226
<i>Bashkeeva V. V.</i> Department of Russian Literature of BSU as a center of Russian philology in Baikal Asia.....	229

Научное издание

**РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
АЗИАТСКОГО РЕГИОНА**

Материалы международной научно-практической конференции,
посвященной 85-летию со дня образования кафедры русского языка
и общего языкознания, кафедры русской и зарубежной литературы
Бурятского государственного университета

г. Улан-Удэ, 13–14 октября 2017 г.

Компьютерная верстка
Ж. В. Галсановой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 15.12.17. Формат 60x84 1/8.
Уч.-изд. л. 23,53. Усл. печ. л. 27,66. Тираж 300. Заказ 265.
Цена договорная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а